

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ АГРАРНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2077-5598
№ 3, 2019

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
АГРОСИСТЕМЫ:**
экономика и социология
электронный научный журнал

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по
надзору в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)

*Свидетельство о
регистрации средства
массовой информации:*
Эл № ФС-77-34226
от 26.11.2008 г.

Журнал входит в
перечень рецензируемых
научных журналов,
зарегистрированных в
системе «Российский
индекс научного
цитирования».

№ договора E-Library:
№20-05/09-2

Учредитель:
Федеральное
государственное
бюджетное учреждение
науки Институт аграрных
проблем Российской
академии наук

*Адрес учредителя,
редакции:*
410012, г. Саратов,
ул. Московская, 94

Сайт:
[http://www.iagpran.ru/
journal.php](http://www.iagpran.ru/journal.php)
[http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras](http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras)

e-mail: iagpran@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ИНСТИТУТ АГРАРНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ НАУЧНОГО КОЛЛЕКТИВА (1980–1990 ГГ.)

Анфиногентова А.А., академик РАН, Семенов С.Н., д.э.н., ИАгП РАН
INSTITUTE OF AGRARIAN PROBLEMS OF THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES: YEARS OF THE FORMATION OF THE SCIENTIFIC
TEAM (1980–1990)
Anfinogentova A.A., academician of RAS,
Semenov S.N., doctor of economic sciences, IAgP RAS

- 7-

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ АПК

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СДВИГОВ НА РОСТ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

Яковенко Н.А., д.э.н., ИАгП РАН
INFLUENCE OF TECHNOLOGY SHIFTS ON THE COMPETITIVENESS
GROWTH OF THE AGRO-FOOD COMPLEX IN RUSSIA
Yakovenko N.A., doctor of economic sciences, IAgP RAS

-15-

ПОВЫШЕНИЕ РЕАЛЬНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДОСТУПНОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Решетникова Е.Г. д.э.н., ИАгП РАН
INCREASE OF REAL POPULATION INCOMES AS A FACTOR OF
AFFORDABILITY OF FOOD
Reshetnikova E.G., doctor of economic sciences, IAgP RAS

-22-

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ ПРОИЗВОДСТВА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Андрющенко С.А., д.э.н., ИАгП РАН
PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT OF ECONOMIC MECHANISMS OF
REALIZATION OF ECOLOGICAL PRIORITIES OF FOOD PRODUCTION
Andryshchenko S.A., doctor of economic sciences, IAgP RAS

-27-

ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ УПРАВЛЕНИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫМ КОМПЛЕКСОМ

Ермолова О.В., д.э.н., ИАгП РАН
ENSURING INTER-SECTORAL BALANCE IN THE ECONOMIC MECHANISM
OF THE AGRO-FOOD COMPLEX MANAGEMENT
Ermolova O.V., doctor of economic sciences, IAgP RAS

-34-

ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИИ

Курсанов В.В., к.э.н., ИАгП РАН
DYNAMICS AND FACTORS OF STRUCTURAL CHANGES IN AGRO-FOOD
COMPLEX IN RUSSIA
Kirsanov V.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-41-

СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ РОСТА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Потапов А.П., к.э.н., ИАгП РАН
THE BALANCED ECONOMIC MECHANISMS OF GROWTH OF EFFICIENCY
OF USING THE RESOURCE POTENTIAL OF AGRARIAN PRODUCTION
Potapov A.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-51-

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ ЖИВОТНОВОДСТВА В РОССИИ**

Иваненко И.С., к.э.н., ИАгП РАН

ECONOMIC MECHANISMS OF OVERCOMING INTERREGIONAL
DIFFERENTIATION OF THE DEVELOPMENT OF LIVESTOCK INDUSTRIES
IN RUSSIA

Ivanenko I.S., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-57-

**ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЭКСПОРТ
ПРОДУКЦИИ АПК» С УЧЕТОМ СУЩЕСТВУЮЩИХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ
ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РФ**

Трифонов Е.Н., к.э.н., ИАгП РАН

ASSESSMENT OF THE PROSPECTS FOR THE IMPLEMENTATION
OF THE FEDERAL PROJECT "THE EXPORT OF AGRICULTURAL
PRODUCTS" TAKING INTO ACCOUNT THE EXISTING TENDENCIES
OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN FOOD INDUSTRY

Trifonova E.N., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-64-

**ИНСТРУМЕНТЫ ПОДДЕРЖКИ ПРОЦЕССА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИННОВАЦИЙ
В ОТРАСЛЯХ АПК (НА ПРИМЕРЕ МОЛОЧНОГО СКОТОВОДСТВА)**

Васильченко М.Я., к.э.н., ИАгП РАН

TOOLS OF SUPPORTING THE PROCESS OF INNOVATION DISTRIBUTION
IN AGRICULTURAL INDUSTRIES (ON THE EXAMPLE OF DAIRY CATTLE
BREEDING)

Vasylichenko M.Ya., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-70-

**ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ
ПОТЕНЦИАЛОМ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА**

Дерунова Е.А., к.э.н., ИАгП РАН

FORMATION OF THE SYSTEM OF MANAGEMENT OF THE SCIENTIFIC-
INTELLECTUAL POTENTIAL OF THE AGRO-FOOD COMPLEX

Derunova E.A., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-79-

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ
АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА**

**ФАКТОРНЫЕ МОДЕЛИ ДЛЯ ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ПРИБЫЛИ
И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ
РЕГИОНОВ-СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Кутенков Р.П., д.э.н., ИАгП РАН

FACTOR MODELS FOR ASSESSING POTENTIAL PROFIT AND LABOR
PRODUCTIVITY IN AGRICULTURE OF THE REGIONS – SUBJECTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kutenkov R.P., doctor of economic sciences, IAgP RAS

-84-

**РЕСУРСНЫЕ ФАКТОРЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА В РЕГИОНАЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ**

Бондаренко Ю.П., к.э.н., ИАгП РАН

RESOURCE FACTORS AND LIMITATIONS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT
OF AGRO-FOOD COMPLEX IN THE REGIONAL SPACE OF RUSSIA

Bondarenko Yu.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-93-

**ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ
МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА**

Андреев Ю.А., к.э.н., Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина РАНХиГС

FEATURES OF DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF THE STRATEGY
OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF RURAL TERRITORIES
OF THE MUNICIPAL AREA

-107-

Andreev Yu.A., candidate of economic sciences,
Povolzhsky institute of management after P.A. Stolypin

**ВНУТРЕННИЕ ПРИЧИНЫ НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ**

Бурлаков В.Б., к.э.н., ИАгП РАН

DOMESTIC CAUSES OF DISPLEASING DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL
CONSUMER COOPERATION IN RUSSIA

-113-

Burlakov V.B., candidate of economic sciences, IAgP RAS

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

**ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА И СЕЛЬСКИХ
ТЕРРИТОРИЙ (по материалам зарубежных научных форумов 2019 года)**

Фисенко Н.А., к.э.н., ИАгП РАН

PERSPECTIVE DIRECTIONS OF RESEARCH OF THE PROBLEM OF
DEVELOPMENT OF AGRO-FOOD COMPLEX AND RURAL
TERRITORIES (based on materials from foreign scientific forums in 2019)

-121-

Fisenko N.A., candidate of economic sciences, IAgP RAS

**ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ:
ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ**

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ
КРУГЛОГОДИЧНОГО СОДЕРЖАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ РЕЧНОЙ РЫБЫ**

Руднева О.Н., к.с.-х.н., Руднев М.Ю., к.с.-х.н.,

Белоглазкин П.А., студент, ФГБОУ ВО «Саратовский ГАУ имени Н.И. Вавилова»

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC JUSTIFICATION OF YEAR-ROUND
HOUSING AND REALIZATION OF RIVER FISH

-126-

Rudneva O.N., candidate of agricultural sciences,

Rudnev M.Yu., candidate of agricultural sciences,

Beloglazkin P.A., student, Saratov state agrarian university named after N.I. Vavilov

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

**ФЕНОМЕН ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА АГРОСИСТЕМЫ:
ГЕОСИСТЕМНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ПОДХОД**

Самсонов В.Б., д.филос.н., ИАгП РАН

PHENOMENON OF AGRICULTURAL LAND MANAGEMENT:
GEOSYSTEM-HUMANITARIAN APPROACH

-130-

Samsonov V.B., doctor of philosophical sciences, IAgP RAS

**КОНЦЕНТРАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В РОССИЙСКИХ И
ЗАРУБЕЖНЫХ КРУПНЫХ КОМПАНИЯХ**

Пашков В.П., к.э.н., ИАгП РАН

CONCENTRATION OF AGRICULTURAL LANDS IN RUSSIAN AND FOREIGN
MAJOR COMPANIES

-136-

Pashkov V.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ АПК И СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ФУРЬЕ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Шабанов В.Л., д.социол.н., Кутенков Р.П., д.э.н., Блинова Т.В., д.э.н., ИАЭП РАН

USING THE FOURIER METHOD FOR FORECASTING DEMOGRAPHIC
PROCESSES

-142-

*Shabanov V.L., doctor of sociological sciences,
Kutenkov R.P., doctor of economic sciences,
Blinova T.V., doctor of economic sciences, IAgP RAS*

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОГНОЗУ ЧИСЛЕННОСТИ ТРУДОСПОСОБНОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Блинова Т.В., д.э.н., Былина С.Г., к.э.н., ИАЭП РАН

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE FORECAST OF THE NUMBER
OF EMPLOYABLE RURAL POPULATION OF RUSSIA

-150-

*Blinova T.V., doctor of economic sciences,
Bylina S.G., candidate of economic sciences, IAgP RAS*

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Русановский В. А., д.э.н., ССЭТ (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова

Вяльшина А.А., к.социол.н., Блинова Т.В., д.э.н., ИАЭП РАН

SOCIAL SENSITIVITY AND ECONOMIC SITUATION OF RURAL POPULATION:
SOCIAL AND DEMOGRAPHIC ANALYSIS

-158-

*Rusanovskiy V.A., doctor of economic sciences,
Saratov Socio-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics
Vyalshina A.A., candidate of sociological sciences,
Blinova T.V., doctor of sociological sciences, IAgP RAS*

МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УЯЗВИМОСТИ СЕЛЬСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ С ДЕТЬМИ

Вяльшина А.А., к.социол.н., ИАЭП РАН

MECHANISMS OF OVERCOMING THE ECONOMIC VULNERABILITY
OF RURAL HOUSEHOLD WITH CHILDREN

-164-

Vyalshina A.A., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА СЕЛЬСКОГО И ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Кривицкая Н.А., к.социол.н.,

Министерство занятости, труда и миграции Саратовской области

PROBLEMS OF EMPLOYMENT OF RURAL AND URBAN
POPULATION OF THE PRE-RETIREMENT AGE IN THE SARATOV REGION

-173-

*Krivitskaya N.A., candidate of sociological sciences
Ministry of Employment, Labor and Migration of the Saratov Region*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКАМ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ

Великий П.П., д.филос.н., ИАЭП РАН

SOCIAL MECHANISM: FROM THEORY TO THE PRACTICE
OF DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION

-178-

Velikiy P.P., doctor of philosophical sciences, IAgP RAS

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ
ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ПОВЫШЕНИЯ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЗДРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА СЕЛА**

Рубцова В.Н., д.э.н., ИАгП РАН

-183-

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASES OF THE DEVELOPMENT
OF ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM OF INCREASING
THE COMPETITIVENESS OF THE HEALTH PROTECTION IN THE VILLAGE

Rubtsova V.N., doctor of economic sciences, IAgP RAS

**СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РАЗРАБОТКИ МЕХАНИЗМОВ РАЗВИТИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА**

Бочарова Е.В., к.социол.н., ИАгП РАН

-191-

SOCIAL TERMS OF DEVELOPMENT OF DEVELOPMENT MECHANISMS OF
PROFESSIONAL COMPETENCES OF AGRICULTURAL WORKERS

Bocharova E.V., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

**МАЛЫЕ ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА
АГРАРНОГО СЕКТОРА**

Нечаева И.В., к.социол.н., ИАгП РАН

-199-

SMALL BUSINESS AS A STRUCTURAL ELEMENT OF THE FUNCTIONING OF SOCIAL
MECHANISM IN AGRARIAN SECTOR

Nechaeva I.V., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Ильинская Е.В., к.э.н., ИАгП РАН

-207-

INTERACTION OF RURAL POPULATION AND LOCAL GOVERNMENT BODIES:
PROBLEMS AND PROSPECTS

Ilynskaya E.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

**ИНСТИТУТ АГРАРНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК:
ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ НАУЧНОГО КОЛЛЕКТИВА (1980–1990 гг.)**

Анфиногентова А.А., академик РАН,
Семенов С.Н., д.э.н., ИАГП РАН

Статья отрывает цикл публикаций, подготовка которых приурочена к приближающемуся юбилею Российской академии наук, и содержит результаты исследования периода становления и формирования творческого коллектива Института аграрных проблем Российской академии наук. Создание Института было обусловлено необходимостью развития фундаментальных научных исследований закономерностей формирования национального агропромышленного комплекса, системного изучения экономических, социальных, экологических и правовых проблем реализации продовольственной программы страны.

В статье представлен анализ результатов научной деятельности сотрудников Института за период с 1980 г. по 1990 г., приведена оценка их значения для российской аграрной науки, показано, как укрепление международного сотрудничества позволило вывести научные исследования Института на качественно новый виток развития.

Ключевые слова: Институт аграрных проблем, Российская академия наук, годы становления, агропромышленный комплекс, фундаментальные исследования, закономерности формирования, системный подход, конечные результаты, международные связи

**INSTITUTE OF AGRARIAN PROBLEMS OF THE RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES: YEARS OF THE FORMATION OF THE SCIENTIFIC
TEAM (1980–1990)**

Anfinogentova A.A., academician of RAS,
Semenov S.N., doctor of economic sciences, IAGP RAS

The article breaks the cycle of publications, the preparation of which is timed to the approaching anniversary of the Russian Academy of Sciences, and contains the results of the study of the period of formation of the creative team of the Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences. The formation of the Institute was due to the need to develop fundamental scientific research on the formation of the national agro-industrial complex, a systematic study of the economic, social, environmental and legal problems of the implementation of the food program of the country.

The article presents an analysis of the results of the scientific activities of the Institute's staff from 1980 to 1990. It provides an assessment of their importance for Russian agricultural science, and evidences that strengthening international cooperation has allowed the Institute to conduct research on a qualitatively new level. development.

Keywords: Institute of Agrarian Problems, Russian Academy of Sciences, formative years, agro-industrial complex, basic research, formation patterns, system approach, end results, international relations

Институт аграрных проблем Российской академии наук (первое название — Институт социально-экономических проблем развития аграрно-промышленного комплекса АН СССР (ИСЭП АПК)) был создан в 1980 году в Саратове в числе четырех научных подразделений формирующегося Поволжского научного центра АН СССР. Первым директором Института был избран доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РСФСР Владимир Борисович Островский, возглавлявший Институт в течение десяти лет. В.Б. Островский очень гордился признанием его заслуг и делал все, чтобы оправдать оказанное ему доверие. Он считал, что создание на саратовской земле академического научного центра позволит расширить и углубить фундаментальные исследования в регионе, повысить их уровень и практическое значение [1, с. 8; 2].

Создание нового академического института явилось одним из важных мероприятий в комплексной программе Академии наук СССР по реализации государственных решений, связанных с разработкой Продовольственной программы страны. Государственным Комитетом по науке и технике при Совете министров СССР и Президиумом Академии Наук СССР учитывалась необходимость комплексной разработки экономических, социальных, экологических и правовых проблем агропромышленной интеграции силами единого научного коллектива. Исходя из этого, перед Институтом были поставлены задачи исследования закономерностей формирования агропромышленного комплекса (АПК) и пропорционального развития его отраслей, разработки проблем организации производства, труда и управления, определения путей интенсификации и повышения эффективности производства в отраслях комплекса, изучения социально-экономических и правовых проблем межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции. Название института и круг поставленных перед ним задач содержали в себе комплексный подход к такому новому системному образованию как агропромышленный комплекс, предполагали изучение взаимосвязей экономических, социальных, экологических и правовых проблем.

Фото - Открытие ИСЭП АПК АН СССР (январь 1981 г.)

В качестве научного полигона Института было избрано Поволжье. В этом регионе, включающем шесть областей и две автономных республики формировался и развивался сложный межотраслевой агропромышленный комплекс страны. Здесь получили широкое развитие тракторное и сельскохозяйственное машиностроение, приборостроение, автомобильная, химическая, нефтеперерабатывающая промышленность, отрасли пищевой и легкой промышленности. Осуществлялось крупномасштабное мелиоративное строительство, призванное превратить регион из зоны рискованного в зону устойчивого земледелия. Поволжье имеет высокий удельный вес в производстве зерна и других продуктов животноводства, овощных и бахчевых культур. Этот регион интересен и репрезентативен для страны, как с точки зрения его положения в многоуровневой системе социально-экономических отношений (район, область, регион, республика, страна), так и в связи с бурно протекающими здесь социально-экономическими и демографическими процессами, вызванными урбанизацией, агропромышленной интеграцией и научно-технической революцией.

Фундаментальные исследования, выполняемые на примере Поволжья, в сопоставлении с другими регионами страны позволяли выявить общие социально-экономические закономерности формирования агропромышленного комплекса страны, создать базовую модель

АПК, осуществлять научное обоснование принципов его функционирования и перспектив территориального развития страны. Пространственный фактор исследования приобретал особое значение в связи с тем, что эффективный народнохозяйственный АПК страны может сформироваться только на основе глубокого учета климатических демографических и биологических факторов, специализации сельского хозяйства и агропромышленного производства, исторических традиций, социальных, экологических и других условий.

Отмеченные обстоятельства предопределили научно-организационную и управленческую структуру нового института, междисциплинарный состав его сотрудников, единство методологических принципов, согласованность методических подходов в экономических и конкретно-социологических исследованиях единого объекта. В соответствии с тематикой было создано семь секторов: оптимального планирования, эффективности и интенсификации, хозяйственного механизма и управления, демографии и трудовых ресурсов, формирования жизненной среды, математического моделирования, информации и координации. Общее руководство их работой было возложено на Ученый совет Института. В новом Институте с первых дней его создания начал успешно работать методологический семинар, обсуждавший фундаментальные проблемы теории, методологии и методики комплексных системных исследований. В ходе коллективных обсуждений и научных консультаций определился круг первоочередных проблем, намеченных в первом плане научно-исследовательской работы коллектива.

Формирование Института происходило в ходе разработки единой концепции, основных направлений исследования и рабочих программ секторов, для выполнения которых подбирались специалисты по политической экономии, экономике промышленности и сельского хозяйства, математического моделирования и прогнозирования, социологии, демографии, занятости населения, экологии. В конце 1982 года в Институте работали 50 научных сотрудников, в том числе 4 доктора и 20 кандидатов наук. Были приглашены преподаватели вузов, сотрудники отраслевых научно-исследовательских институтов, специалисты народного хозяйства, студенты-выпускники университета, экономического и сельскохозяйственного институтов, прошедшие производственную практику в Институте. Научный коллектив Института непрерывно увеличивался. В 1985 году в его составе было уже 117 человек, в том числе 84 научных сотрудника. Была открыта аспирантура, в которой в первые годы обучались 16 аспирантов и 38 соискателей, что позволило в дальнейшем успешно решать кадровые проблемы.

Важным фактором в формировании коллектива и определении основных направлений его работы явилось установление деловых творческих контактов с родственными академическими институтами страны, где был накоплен опыт исследования ключевых проблем АПК, а именно, Институтом экономики, Центральным экономико-математическим институтом, Институтом социальных исследований, Институтом социально-экономических проблем, Институтом экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения, Институтом экономики мировой социалистической системы, институтами Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ), а также рядом вузов страны. Большую помощь в становлении Института оказывали Секция общественных наук и Бюро отделения экономики, Бюро отделения философии и права, Научный совет по экономическим, социальным и правовым проблемам агропромышленного комплекса, созданный в ноябре 1980 года при Президиуме академии. Эти контакты дали возможность Институту органично войти в состав академических коллективов, определить свое место в системе координации научных исследований проблем АПК, использовать опыт своих коллег в методологическом и методическом обеспечении фундаментальных проблем. Деловые связи, установленные с Госпланом СССР и Госпланами союзных республик, их научно-исследовательскими институтами, Центральным статистическим управлением страны придали исследованиям Института конкретный практический характер.

Учитывая сложность задач и необходимость использования научного потенциала региона, Институт выступил координатором работ, ведущихся в вузах и научно - исследова-

тельских институтах Поволжья. Был создан Региональный совет и составлен пятилетний координационный план, объединивший более тридцати организаций, в том числе, секцию социальных проблем села Саратовского филиала Поволжского отделения Советской социологической Ассоциации.

В первые годы становления научного коллектива Институт совместно с Центральным экономико-математическим институтом провел Всесоюзное координационное совещание по вопросам разработки региональных натурально-стоимостных межотраслевых балансов и системы моделей регионального планирования и прогнозирования, совместно с Московским университетом им. М.В. Ломоносова организовал в Саратове вторую Всесоюзную школу демографов, а также в сотрудничестве с Институтом экономики АН СССР и ВАСХНИЛ выступил организатором научной конференции «Программно-целевое планирование и хозяйственный механизм в системе АПК». Сотрудники Института в 1982 году впервые приняли участие в двух международных научных совещаниях, а именно, в заседании комиссии экономистов СССР и ГДР по проблемам АПК и симпозиуме ученых социалистических стран, обсудивших роль личного подсобного хозяйства в системе социалистической экономики. Творческое общение с коллегами в ходе этих конференций стало хорошей научной школой для сотрудников Института, первой пробой собственных сил.

Важное место в годы становления Института заняла организация системы научной информации, создание собственной научной библиотеки, насчитывавшей к началу 1983 года около 7 тысяч единиц хранения, формирование с использованием вычислительной техники единого банка статистической и социологической информации. Хотя региональное положение Института осложняло решение этих крайне необходимых и первоочередных задач его развития, но совместные усилия руководства и коллектива Института позволили приступить к научной разработке ключевых проблем и получить их первые результаты. Первое место в программе исследований Института занимали проблемы Продовольственной программы страны. Институт подготовил доклад «Региональные проблемы обоснования продовольственной программы», обсужденный и одобренный в декабре 1982 года Бюро отделения экономики АН СССР. Активное участие принял Институт и в научном обосновании Продовольственной программы Саратовской области. Ядро исследований Института составляли фундаментальные теоретико-методологические и методические проблемы. Так, сектор оптимального планирования подготовил методические указания для плановых органов по определению функционально-отраслевой и организационно-управленческой структуры АПК (области, края, республики), на основе которых было начато исследование структуры АПК Поволжья. При этом большое внимание было уделено разработке отчетного комбинированного натурально-стоимостного межотраслевого баланса агропромышленного комплекса Саратовской области и Поволжья. Эта трудоемкая работа позволила Институту выполнить анализ межотраслевых связей, структуры и пропорций АПК, положить начало теоретико-методологическому исследованию системы показателей конечной продукции регионального АПК, разработать методы учета и оценки продукции в межотраслевом балансе АПК региона, принципы классификации и агрегирования его продукции. Была определена типовая структура натурально-стоимостной балансовой модели для первичных звеньев АПК. Эти новаторские разработки нашли отражение в ряде публикаций в научных журналах и отчетах, представленных во ВНИТИЦентр, в том числе в «Методике построения отчетного комбинированного натурально-стоимостного межотраслевого баланса АПК области, края, автономные республики», одобренной Бюро отделения экономики АН СССР для использования в центральных и местных органах управления. Она помогла улучшить планирование развития АПК, создать предпосылки для преодоления имеющихся дисбалансов и диспропорций.

В секторе эффективности и интенсификации была создана и реализована методическая программа «Особенности измерения, факторы и пути повышения экономической эффективности производства в мясном подкомплексе». Ее апробация позволила в дальнейшем расширить исследования и подготовить вариант системы измерения социально-экономической эффективности функционирования АПК в целом, классифицировать направления, факторы и

пути ее повышения. Решение этой новой и сложной проблемы послужило основанием для улучшения использования ресурсов материально-технических и капитальных вложений в отрасли, повышения уровня хозяйствования, определения основных направлений научно-технического прогресса в агропромышленном комплексе. Эти научные результаты представляли собой самостоятельный раздел работы Института как соисполнителя комплексной целевой программы АН СССР по научно-техническому прогрессу и вошли в отчетный доклад комиссии.

Успешное функционирование АПК зависит не только от сбалансированности его отраслей и эффективности использования ресурсов. Во многом его деятельность определяется качеством хозяйственного механизма, вопросами совершенствования которого занимался соответствующий сектор Института, участвовавший во всесоюзном эксперименте, проводимом Институтом экономики АН СССР и ВАСХНИЛ в ряде республик страны, в том числе в двух районных агропромышленных объединениях Саратовской области. Его результаты позволили выявить наиболее эффективные формы взаимодействия организаций, входящих в состав этих объединений, внедрить принципы хозяйственного расчета, обеспечивать согласованность действий всех звеньев АПК на районном и областном уровнях. Сектор хозяйственного механизма разработал систему формирования резерва, подбора, аттестации и повышения квалификации руководителей колхозов и совхозов. После обсуждения на научном совете области эта система стала одним из элементов хозяйственного эксперимента в районных агропромышленных объединениях. В соответствии с решением научного Совета АН СССР и ВЦСПС сектор подготовил методическую программу и координационный план научных исследований по методологическим и методическим вопросам организации и управления социалистическим соревнованием в АПК, одобренные Всесоюзным координационным совещанием, состоявшимся в Саратове в апреле 1982 года.

Большое место в работе Института уделялось исследованию социальных проблем агропромышленной интеграции, связанных с проблемами экономическими и обеспечивающих единый подход к функционированию агропромышленного комплекса. Эти исследования были направлены на мобилизацию социальных резервов для выполнения Продовольственной программы и создания благоприятных условий формирования агропромышленного комплекса. Основной объем работ выполняли сектор жизненной среды и сектор демографии с активным участием других секторов, что обеспечивало синтез экономического и социального аспектов исследования, способствовало экономическому обоснованию мероприятий, направленных на выявление социальных резервов, а также разработке математического аппарата обработки социологической информации, обоснованию типологии сельских районов, составлению балансов трудовых ресурсов.

Основным направлением социальных исследований Института в годы его становления была разработка комплексной целевой программы «Стабилизация сельских трудовых коллективов». Цель ее состояла в изучении стабилизирующих и дестабилизирующих факторов, в определении путей и средств устранения таких негативных последствий урбанизации, агропромышленной интеграции и научно-технического прогресса, как абсолютное и относительное сокращение сельского населения, экономически неоправданная миграция из села в город, старение деревни за счет сокращения рождаемости и утечки молодежи, ухудшение профессионально-квалификационной структуры трудовых ресурсов, концентрация населения в крупных городах и быстрое сокращение числа сельских поселений. Институтом был разработан инструментарий, предусматривающий комплексное изучение демографических, экономических, организационно-хозяйственных, правовых, социально-психологических, пространственно-временных, расселенческих, бытовых, культурных, медико-биологических, экологических проблем жизни сельского трудового коллектива. К работе было привлечено более 30 организаций и учреждений Поволжья. Результаты социологических исследований были представлены в областные управленческие органы и вошли составной частью в доклад Госплану СССР и Комплексную программу научно-технического прогресса в АПК региона. Опираясь на имеющиеся материалы и учитывая возрастающую потребность новых органов

управления АПК в научных разработках, сотрудники Института подготовили к изданию «Методологические и методические вопросы социального планирования в сельском трудовом коллективе», которые в 1983 году вышли в свет в Приволжском книжном издательстве. В монографии предлагался комплекс мер по стабилизации сельских трудовых коллективов, созданию в них благоприятной обстановки для выполнения производственных задач, социальному развитию коллектива и личности. Проведенное исследование позволило изучить социальную ситуацию на селе, выяснить мнения и настроения его жителей, установить место и роль в социальном развитии села социально-экономических, экономико-географических, территориальных факторов, подойти к более глубокому их исследованию. Был выполнен анализ демографической ситуации, позволивший выйти на обоснование региональной демографической политики, впервые разработан баланс трудовых ресурсов АПК Поволжья с обоснованием комплексного использования потенциала городского и сельского населения в условиях агропромышленной интеграции. На основании этих материалов был выполнен анализ структуры и динамики развития социальной инфраструктуры Поволжья, составлены методики и соответствующий инструментарий по изучению культурных, санитарно-гигиенических и природоохранных аспектов организации среды жизнедеятельности. В соответствии с программой методологического обоснования социально-пространственных аспектов формирования регионального АПК и создания единой системы «город–село», совместно с Институтом социально-экономических проблем были подготовлены разделы доклада Госплану СССР «Городской райцентр в системе расселения», «Условия комплексного развития социальной инфраструктуры», «Формирование общей социально-пространственной и социально-культурной среды города и деревни» и разработана «Методика комплексной социально-инфраструктурной оценки территорий», позволившая оценить эффективность функционирования социальной инфраструктуры низового административного района и области, осуществлять на этой основе оперативное управление ее формированием и развитием. Под руководством сотрудников Института преподавателями общественных наук вузов Саратова было проведено исследование социальных проблем крупномасштабного мелиоративного строительства в Поволжье.

В обеспечении исследований Институт большую роль играл сектор математического моделирования, сотрудники которого подготовили алгоритмы обработки статистической балансовой информации для измерения эффективности производства в АПК, составили программы обработки материалов анкетного опроса. В процессе разработки был получен ряд новых научных результатов. Система анкетной обработки была построена с использованием принципов реляционной системы управления базой данных, что позволило обеспечить независимость данных, вытекающих из свободной компоновки вопросов и ввести легко интегрируемые типы вопросов. Была обеспечена динамическая организация новых признаков на основе ранее созданных, означающая практическое отсутствие ограничений на запись логических условий. В 1985 году при активном участии коллектива Института был сдан в эксплуатацию первый в Поволжье информационный центр, включающий автоматизированную базу результатов анкетных социологических обследований сельского населения. По материалам исследований на Всесоюзной школе-семинаре АН СССР был сделан доклад «Особенности структуры данных, ориентированной на решение задач программно-целевого планирования АПК». Все это способствовало повышению научного уровня исследований, воспитало математическую культуру мышления, объединило коллектив на общих методологических и методических подходах.

В результате исследований, выполненных всеми подразделениями Института, сложилась единая социально-экономическая модель АПК региона, позволившая установить тенденции его развития, обнаружить как общие закономерности, так и специфические особенности его формирования. Все это в итоге нашло свое отражение в монографии «Аграрно-промышленный комплекс Поволжья», в докладе Госплану СССР и Госплану РСФСР, в подготовке разделов Комплексной программы научно-технического прогресса, в докладах и материалах директивным органом, многочисленных статьях и монографиях.

Важным событием в жизни Института явилась организация Регионального координационного и научно-методического совета Академии наук СССР и Минвуза РСФСР. Решение о его создании подписали Президент АН СССР академик Александров А.П. и Министр высшего и среднего специального образования РСФСР Образцов И.Ф. Совет был предназначен для координации фундаментальных и поисковых исследований по естественным, техническим и общественным наукам, выполняемых научными учреждениями АН СССР и высшими учебными заведениями Минвуза РСФСР, расположенными в Поволжье, способствовать внедрению результатов исследований и повышению качества подготовки кадров.

Первые результаты работы Института получили высокую оценку руководства Отделения экономики и Президиума АН СССР. Вице-президент РАН академик А.Д. Некипелов подчеркивал: «В настоящее время Институт аграрных проблем является единственным учреждением в системе Российской академии наук, выполняющим фундаментальные исследования в области трансформации аграрных отношений и реформирования агропромышленного комплекса, то есть в той области, которая признана руководством нашей страны в качестве приоритетного национального проекта. Это налагает на всех нас дополнительную ответственность...» Высоко оценил результаты работы Института и Академик-секретарь ООН РАН академик В.Д. Макаров: «Проводимые Институтом исследования в области обеспечения продовольственной безопасности страны и прогнозирования продовольственного рынка, развития земельной реформы, решения проблемы комплексного развития сельских территорий и экологических проблем аграрной сферы, снискали Институту заслуженную известность не только в нашей стране, но и за рубежом. Особое значение для развития общественных наук как целостной системы имеет развиваемое Институтом новое научное направление — межотраслевая аграрная экономика». Академик-секретарь Отделения академик С.С. Шаталин отмечал: «Институт является головным по выполнению программы Президиума РАН «Возрождение и обновление России», программы Президиума и Отделения экономики РАН «Аграрная реформа в России», участвует в ряде международных научных проектов. На базе Института функционирует научный Совет РАН по социальным, экономическим и правовым проблемам АПК». Академик Э.Н. Крылатых и профессор О.Д. Проценко (Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации) отмечали, что Институт «... заложил основы фундаментальных исследований аграрных проблем в современной национальной экономике. Научная общественность высоко ценит работы Института в области межотраслевого баланса, агропромышленной интеграции, социального развития села, сельской экологии, экономико-математического моделирования и современных информационных систем. Большую практическую ценность имеют рекомендации Института по государственному регулированию агропромышленного комплекса... Ваш Институт повышает авторитет и престиж нашей страны, активно работая в международных организациях, а также в исследовательских программах с ведущими странами мира».

Институт в годы своего становления установил прочные связи в сфере международного научного сотрудничества. Эффективно осуществлялась интеграция научных усилий, развивались и крепились творческие связи, направленные на взаимообогащение научными идеями и методами проведения научно-исследовательских работ. В первое десятилетие работы Института произошли обмены визитами сотрудников Института с делегациями многих стран. В этот период на базе Института была проведена первая Международная конференция ученых-аграрников, инициатором и организатором которой был президент ВАСХНИЛ академик А.А. Никонов. Научные сотрудники уже с первых лет существования Института принимали участие в работе международных симпозиумов, конгрессов, конференций, стали членами Европейской ассоциации экономистов-аграрников и Международной Ассоциации социологов-аграрников, ими были установлены контакты с Балканской Ассоциацией социологов-аграрников.

Годы становления научного коллектива Института заложили прочный фундамент для успешного развития фундаментальных научных исследований проблем укрепления продовольственной безопасности России в годы перехода к рыночным отношениям. Научные

доклады Института по проблемам формирования ресурсов продовольствия, планового регулирования региональных продовольственных рынков, реформы ценообразования, паритета стоимости обмена между отраслями АПК страны приближали экономику комплекса к тем кардинальным преобразованиям, которые произошли в последующие годы.

Список литературы:

1. Проблемы аграрной экономики в исследованиях Института. Юбилейное издание. 1980–2015 гг. / Под ред. акад. РАН А.А. Анфиногентовой. — Саратов: Саратовский источник, 2015. — 88 с.
2. Островский В.Б. Новый научный центр по изучению агропромышленного комплекса // Общественные науки. АН СССР, 1983. - № 6.
2. Островский В.Б., Анфиногентова А.А. Социально-экономические проблемы регионального АПК. – Москва: Изд-во «Наука», 1985.
3. Анфиногентова А.А. Межотраслевой баланс агропромышленного комплекса региона // Вопросы экономики. - 1982. - № 8
4. Исследование особенностей формирования региональных межотраслевых структур АПК (на примере Поволжья): препринт доклада / ИСЭП АПК АН СССР. - Саратов, 1985
5. Совершенствование межотраслевой структуры регионального АПК: коллективная монография. - М.: Наука, 1988
6. Межотраслевое планирование АПК региона: коллективная монография. - Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1989.

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СДВИГОВ НА РОСТ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ

Яковенко Н.А., д.э.н., ИАГП РАН

Статья посвящена актуальной проблеме оценке перспектив развития агропродовольственного комплекса на инновационной основе. Расчет цепных и базисных линейных и квадратических коэффициентов абсолютных структурных сдвигов позволил выявить низкую скорость изменения воспроизводственной структуры основных отраслей агропродовольственного комплекса, осуществить сравнительный анализ структурных изменений промежуточного потребления в экономике в целом, аграрном секторе и производстве пищевых продуктов. Сделан вывод о незначительных структурных изменениях в агропродовольственном комплексе, о консервации сложившегося технологического уклада, замедление внедрения инноваций, что сдерживает инновационно-ориентированное развитие агропродовольственного комплекса. Внедрение современных инновационных технологий, цифровизация аграрного сектора возможны при осуществлении государством активной научно-технической и структурной политики.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, метод «затраты-выпуск», промежуточное потребление, структурные изменения, линейный коэффициент абсолютных структурных сдвигов, квадратический коэффициент абсолютных структурных сдвигов.

INFLUENCE OF TECHNOLOGY SHIFTS ON THE COMPETITIVENESS GROWTH OF THE AGRO-FOOD COMPLEX IN RUSSIA

Yakovenko N.A., doctor of economic sciences, IAgP RAS

The article is devoted to the actual problem of assessing the prospects for the development of the agro-food complex on an innovative basis. The calculation of the chain and basic linear and quadratic coefficients of absolute structural changes revealed a low rate of change in the reproductive structure of the main branches of the agro-food complex. It was carried out a comparative analysis of the structural changes in intermediate consumption in the economy as a whole, the agricultural sector and food production. The conclusion was made about minor structural changes in the agro-food complex, about the conservation of the existing technological structure, slowing down the introduction of innovation, which hinders the innovation-oriented development of the agro-food complex. The introduction of modern innovative technologies, digitization of the agricultural sector is possible when the state implements an active scientific, technical and structural policy.

Keywords: agro-food complex, input-output method, intermediate consumption, structural changes, linear coefficient of absolute structural changes, quadratic coefficient of absolute structural changes.

Введение.

Современный этап развития агропродовольственного комплекса России предполагает формирование новых конкурентных преимуществ, направленных на адаптацию к меняющимся формам конкурентной борьбы. В условиях усиления интенсивности международной торговли, роста спроса на продовольствие, ускорения инновационных процессов в глобальной экономике приоритетным направлением повышения конкурентоспособности агропродовольственного комплекса России на внутреннем и внешнем рынках становится переход к инновационному этапу развития, основой которого являются высокие темпы развития науки, техники и технологий, укрепление научно-технического потенциала, сокращение цикла внедрения инноваций, повышение доступности новых технологий для среднего и малого бизнеса, переход к более современным технологическим укладам. «Главным призом рыночной конкуренции становится возможность извлечения интеллектуальной ренты, получаемой за

счет технологического превосходства, защищаемого правами интеллектуальной собственности и позволяющего иметь сверхприбыль в результате достижения большей эффективности производства или более высокого качества продукции. В погоне за этим технологическим превосходством передовые фирмы постоянно производят замену множества технологий, широко варьируют производительность факторов производства, не позволяя даже теоретически определить точку равновесия. Возникающие в эволюции экономической системы аттракторы, определяемые пределами развития существующих технологий, имеют временный характер, так как исчезают и заменяются другими с появлением новых технологий» [1]. Процесс замещения технологических укладов сопровождается технологическими сдвигами в экономике, изменяющими ее структуру, состав и соотношение факторов экономического роста, существенными структурными изменениями, прежде всего отраслевой и воспроизводственной структуры, структуры производственных фондов и трудовых ресурсов.

Развитию теории структуры, исследованию структурных изменений в экономике уделялось большое внимание в работах лауреатов Нобелевской премии Л. Канторовича, С. Кузнеца, В. Леонтьева и др.

Теоретические и методологические проблемы долгосрочного прогнозирования структурных изменений, выявления взаимосвязей между отраслевыми структурными сдвигами и тенденциями развития предприятий, взаимосвязи структуры общественного воспроизводства с экономическим ростом, эквивалентности межотраслевого обмена разработаны А. Анчишкиным, К. Багриновским, С. Глазьевым, А. Гранбергом, Ф. Клоцвогом, Д. Львовым, Ю. Яременко и др. Большая роль развитию методики оценки структурных сдвигов с помощью системы обобщающих показателей принадлежит таким ученым-статистикам, как Л.С. Казинец, К. Гатев, А. Салаи и др.

Проблемам формирования эффективных пропорций в агропродовольственном комплексе, тенденций их изменения в условиях активизации инновационных процессов, трансформации экономических отношений и становления новой институциональной среды посвящены работы А. Анфиногентовой, Г. Беспехотного, И. Буздалова, Д. Вермеля, А. Зельднера, В. Ключака, Э. Крылатых, И. Лукинова, Б. Пошкус, А. Серкова, Г. Шмелева и др.

Переход на инновационный путь развития агропродовольственного комплекса предполагает формирование новой системы экономических и организационных методов управления агропродовольственным комплексом, поиска новых технических решений, регулирующих инновационную активность хозяйствующих субъектов.

Цель исследований состоит в оценке инновационно-ориентированных структурных изменений в агропродовольственном комплексе России, обоснование направлений развития механизма управления ростом конкурентоспособности роста АПК на основе внедрения современных инновационных технологий, развития цифровизации в агропродовольственном комплексе.

Методы исследований.

Для оценки скорости изменения структуры промежуточного потребления были использованы линейный коэффициент абсолютных структурных сдвигов и квадратический коэффициент абсолютных структурных сдвигов [2]. Линейный и квадратический коэффициенты абсолютных структурных сдвигов показывают, на сколько процентных пунктов в среднем отклоняются друг от друга сравниваемые удельные веса. При отсутствии сдвигов в структуре совокупности эти показатели равны 0. Верхней границы изменения коэффициенты не имеют. Чем больше изменения структуры, тем выше значения коэффициентов.

Линейный коэффициент абсолютных структурных сдвигов (K_1) характеризует среднюю величину отклонений от удельных весов и рассчитывается по следующей формуле:

$$K_1 = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n |d_1 - d_0|,$$

где d_1 и d_0 – показатели удельного веса (в %) отдельных элементов совокупности в рассматриваемом и предыдущем периоде, n – число структурных единиц.

Преимуществами линейного коэффициента абсолютных структурных сдвигов являются простота и ясность в расчетах и интерпретации экономического смысла. Они характеризуют общее совокупное изменение всех структурных частей без учета направлений частных сдвигов в системе.

Квадратический коэффициент абсолютных структурных сдвигов более чутко улавливает колебания структуры, включая доминирующие и малозначимые элементы. Квадратический коэффициент абсолютных структурных сдвигов учитывает изменения структуры при резком увеличении или уменьшении даже одного из элементов структуры. Коэффициент рассчитывается по формуле:

$$K_2 = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n (d_1 - d_0)^2}{n}},$$

где d_1 и d_0 – показатели удельного веса (в %) отдельных элементов совокупности в рассматриваемом и предыдущем периоде, n – число структурных единиц.

Результаты динамики значений коэффициентов линейного структурного сдвига с постоянной и переменной базой сравнения можно интерпретировать следующим образом:

- малые структурные сдвиги – менее 2%;
- существенные структурные сдвиги – от 2% до 10%;
- большие структурные сдвиги – более 10%.

Расчеты осуществлялись на основе Всемирной базы данных «затраты-выпуск» (World Input-Output Database, WIOD) [3].

Результаты исследований.

Перспективы развития агропродовольственного комплекса в условиях усиливающейся конкурентной борьбы на рынке продовольствия и сельскохозяйственной продукции связаны с внедрением новых технологий, позволяющих сократить затраты на производство продукции, быстро реагировать на изменение требований стандартов и нормативных документов, адаптироваться к трансформации потребительского спроса. «Структурный сдвиг в экономике можно рассматривать как качественное изменение в экономической системе, состоящее в замене существовавших ранее взаимосвязей между ее составными частями новыми» [4]. Анализ промежуточного спроса и использования продукции характеризует процессы формирования производственных ресурсов, межотраслевые взаимосвязи, внутриотраслевой и межотраслевой оборот продукции. Воспроизводство различных типов технологических укладов определяют технологическую структуру экономики и ее изменения. Для нового технологического характерно развитие нано-, био- и информационных технологий. «Их распространение революционизирует традиционные и порождает новые направления экономического роста, повышая экономическую эффективность производства и расширяя возможности потребления, создавая новые сферы экономической деятельности» [5, с.85]. Развивается новый экономический ресурс – знания и информация. Исследование структурных сдвигов в промежуточном потреблении основных отраслей агропродовольственного комплекса позволяет оценить качественные изменения в развитии комплекса, скорость перехода его на новый технологический уклад, интенсивность внедрение современных инновационных технологий, цифровизации агропродовольственного комплекса. Выявить основные тенденции в развитии межотраслевых связей агропродовольственного комплекса, структурные изменения позволяет метод «затраты-выпуск».

Исследование структуры валового внутреннего продукта основных отраслей агропродовольственного комплекса России свидетельствует об изменении соотношения валовой добавленной стоимости и промежуточного потребления в пользу последнего (табл. 1). С 2000 по 2014 г. доля промежуточного потребления в аграрном секторе выросла с 44,1% до 51,7%, в производстве пищевых продуктов – с 67,6% до 70,5%.

Таблица 1 – Доля промежуточного потребления в продукции основных видов деятельности агропродовольственного комплекса России, %

Отрасль	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Растениеводство и животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях	44,1	44,4	49,1	49,8	48,8	50,3	51,7
Производство пищевых продуктов, напитков и табачных изделий	67,6	65,2	70,0	69,5	69,0	70,0	70,5

Структурные сдвиги определяют характер и динамику экономического развития, так как непосредственно связаны с перераспределением экономических ресурсов между отраслями и видами экономической деятельности, и, как следствие, с эффективностью их использования [6, с. 272]. Модель «затраты-выпуск» позволяет оценить как динамику, так и отраслевую структуру промежуточного продукта основных видов деятельности агропродовольственного комплекса. Анализ структуры промежуточного потребления продукции агропродовольственного комплекса выявил тенденцию снижения внутрикомплексного обмена. За анализируемый период доля сельского хозяйства в промежуточном продукте аграрного сектора сократилась на 17,4 п.п., пищевой промышленности – на 2,7 п.п. В промежуточном продукте отраслей пищевой промышленности доля сельского хозяйства снизилась на 8,7 п.п., пищевой промышленности – на 3,5 п.п. В то же время в аграрном секторе наблюдался рост использования нефтепродуктов (на 7,4 п.п.), электроэнергии, газа, пара и кондиционированного воздуха (на 1,1 п.п.), производства машин и оборудования (1,1 п.п.), оптовой торговли (2,1 п.п.). В отраслях производства пищевых продуктов, напитков и табачных изделий выросла доля потребления нефтепродуктов (на 1,5 п.п.), электроэнергии, газа, пара и кондиционированного воздуха (на 1,1 п.п.). Выявлена тенденция роста трансакционных издержек в отраслях пищевой промышленности. Доля оптовой торговли за исследуемый период увеличилась на 4,7 п.п., розничной торговли – на 2,3 п.п., ремонта автотранспортных средств – на 1,6 п.п.

Трансформация агропродовольственного комплекса на инновационной основе как основы роста конкурентоспособности предполагает увеличение в промежуточном потреблении доли отраслей, обеспечивающих нововведение, таких как образование, программирование, консультирование, информационное обслуживание, научные исследования и разработки, научно-техническая деятельность и др. Исследование показало низкий удельный вес этих отраслей в агропродовольственном комплексе в анализируемом периоде. В инновационной деятельности российские товаропроизводители ориентируются на зарубежные разработки, включая современные виды техники, технологий. «Вклад российских научных разработок несопоставимо мал по сравнению с тем, который приходит в форме импортных технологий. Отечественная агронаука слабо внедрена в информационное пространство, и даже научные разработки российских ученых, не уступающие зарубежным аналогам и экономически более выгодные для отечественного производителя, не доходят до него» [7, с. 93]. С 2000 по 2014 г. в промежуточном потреблении сельского хозяйства импортные научные исследования и разработки выросли в 3,7 раза, в отраслях пищевой промышленности – в 7,4 раза. Даже при таком росте доля инновационных отраслей в производстве агропродовольственной продукции незначительна.

Исследование трансформации структуры производственного потребления с 2000 по 2014 г. в отраслях агропродовольственного комплекса позволило сделать вывод о том, что за анализируемый период произошли малые структурные изменения (табл. 2). Значения линейных коэффициентов структурных сдвигов составили менее 2%.

Рассматриваемая структура достаточно устойчива. Однако для отраслей аграрного сектора и производства пищевых продуктов коэффициенты абсолютных структурных сдвигов выше, чем в целом в экономике России. Динамика коэффициентов определяется главным образом модернизацией технологий производства. Поэтому можно сделать вывод о том, что в аграрном секторе и пищевой промышленности происходили более существенные инновационные изменения, чем в целом в российской экономике.

Таблица 2 – Динамика значений линейных и квадратичных коэффициентов абсолютных структурных сдвигов в промежуточном потреблении экономики России за 2000–2014 гг.

Показатель	Линейный коэффициент абсолютных структурных сдвигов (K_1)	Квадратический коэффициент абсолютных структурных сдвигов (K_2)
Экономика – всего	0,37	0,9
Растениеводство и животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях	0,45	1,9
Производство пищевых продуктов, напитков и табачных изделий	0,35	1,15

Как отмечают специалисты, внедрение научно-технического прогресса в агропродовольственном комплексе России носит в основном точечный характер, широкомасштабной смены устаревших производственных технологий не происходит [8]. Сохранение текущей структуры производственных затрат показывает консервацию сложившегося технологического уклада, замедление внедрения инноваций, что ведет к падению эффективности производства, снижению его конкурентоспособности.

Рассчитаны цепные линейные и квадратичные коэффициенты абсолютных структурных сдвигов, характеризующие изменение структуры промежуточного потребления за каждый год анализируемого периода (рис. 1, 2).

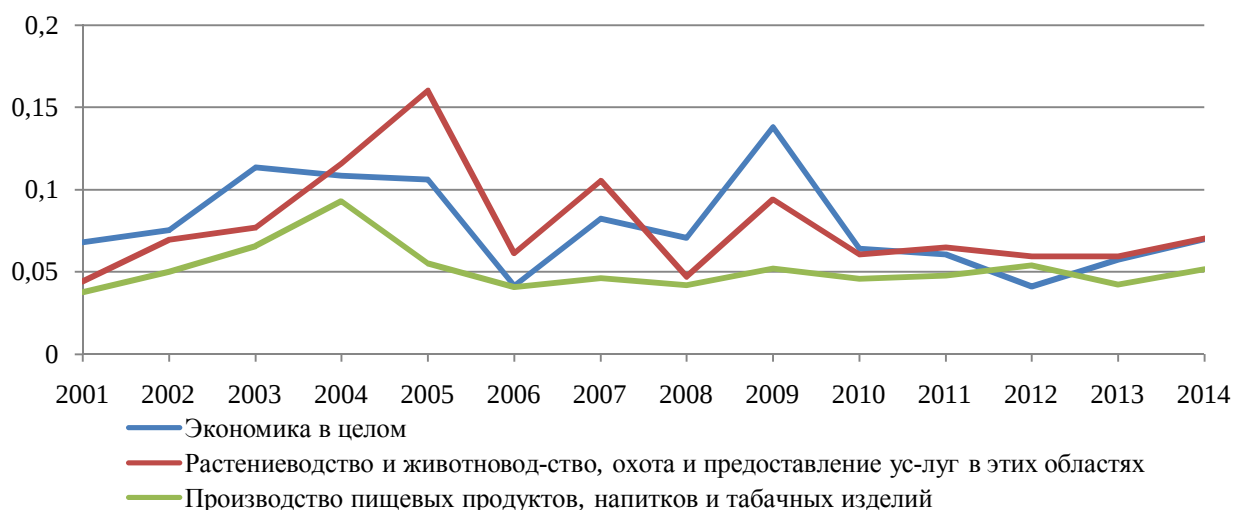

Рисунок 1 – Динамика значений цепных линейных коэффициентов абсолютных структурных сдвигов в промежуточном потреблении экономики России по годам

Выявлена неустойчивость структуры промежуточного потребления для экономики в целом и аграрного сектора с 2000 до 2010 г. Максимальные структурные сдвиги в аграрном секторе наблюдались в 2005, 2007 и в 2009 г., но их колебание снижалось. С 2010 г. структура промежуточного потребления стабилизировалась. Отрасли пищевой промышленности в исследуемом периоде имели стабильную структуру промежуточного потребления, что подтверждается как линейным, так и квадратичным коэффициентом абсолютных структурных сдвигов. Значения приведенных показателей структурных сдвигов имеют общую тенденцию к снижению, что сдерживает формирование инновационного производственного потенциала, ухудшает материально-техническую базу развития агропродовольственного комплекса. Полученные результаты подтверждают необходимость формирования эффективной структурной политики государства с целью создания условий для долгосрочных и качественных изменений в развитии агропродовольственного комплекса России, направленных на внедрение инновационных технологий, перехода отраслей комплекса на новый технологический уклад.

Рисунок 2 – Динамика значений цепных квадратичных коэффициентов абсолютных структурных сдвигов в промежуточном потреблении экономики России по годам

Заключение.

Положительная динамика развития агропродовольственного комплекса в последние годы была обусловлена конъюнктурными факторами, связанными с усилением государственной поддержки производителей продовольствия и сельскохозяйственного сырья, падением курса рубля, введением продовольственного эмбарго и др. Однако в последние годы отмечается снижение возможностей традиционных ресурсов роста конкурентоспособности комплекса, что требует формирования новых конкурентных преимуществ, основанных на ускорении инновационных процессов. Технологическая структура оказывает существенное влияние на сбалансированность экономики, эффективность производства, рост конкурентоспособности. Переход на новый технологический уровень развития требует глубоких структурных изменений, обеспечивающих качественную трансформацию агропродовольственного комплекса.

Значения приведенных показателей структурных сдвигов в отраслях агропродовольственного комплекса имеют общую тенденцию к понижению и затуханию колебаний. Сложившаяся технико-технологическая структура агропродовольственного комплекса стабилизировалась после 2010 г. Отрасли агропродовольственного комплекса, как и экономика в целом воспроизводит устаревшие технологические уклады, обнаруживая низкий уровень инновационной активности [9, 10]. Как показали расчеты, более активно структурные изменения происходили в аграрном секторе. Это было связано с активизацией инновационных процессов за счет государственных национальных программ.

Формирование стратегических конкурентных преимуществ агропродовольственного комплекса тесно связано с инновационно-технологическим перевооружением отраслей комплекса как основы формирования инновационного прорыва. Активные научно-техническая и структурная политики способны оказать существенное влияние на инновационные изменения в агропродовольственном комплексе. В настоящее время разработан «Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года», целью которого является определение наиболее перспективных направлений научно-технологического развития АПК, гарантирующих обеспечение продовольственной безопасности и позволяющих России стать мировым поставщиком продуктов питания высокой глубины переработки [11]. Основной задачей структурной политики государства является эффективное использование ресурсов и конкурентных преимуществ в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе. Проводимая структурная политика государства должна быть направлена на качественные изменения воспроизводственной структуры и укрепление научно-технологического потенциала агропродовольственного комплекса страны.

Список литературы:

1. Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. – 2016. – Т. 52. – № 2. – С. 3–29.
2. Казинец Л.С. Темпы роста и структурные сдвиги в экономике (показатели планирования и статистики). – М.: Экономика, 1981. – 183 с..
3. World Input-Output Database. – URL: http://www.wiod.org/new_site/home.htm
4. Сухарев О.С. Оценка структурных сдвигов в экономике России // Доклад на семинаре у проф. И.Ф.А.Погосова. – 2013. – С. 28.
5. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. – М.: Экономика, 2010. – 255 с.
6. Переверзев Г.А. Основные подходы к изучению структурных сдвигов в экономике // Вестник ТвГУ. Серия Экономика и управление. – 2016. – № 1. – С. 265–275.
7. Осипов В.С. Цифровая платформа развития агропромышленного комплекса // Перспективы цифровизации отраслевой экономики России: особенности и условия / под ред. Ю.В. Гнездовой, Ю.А. Романовой. – М.: Издательство «Научный консультант», 2018. – 236 с.
8. Балацкий Е.В. Экономический рост и технологические ловушки // Общество и экономика – 2003. – № 11. – С. 53–76.
9. Климова В.В. Оценка воздействия технологических укладов на становление российской экономики // Экономический журнал. – 2010. – № 3 (19). – С. 11–16.
10. Топольский Р.А. Структурные диспропорции как угроза экономической безопасности государства // Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – Т. 10. – № 6. – С. 106–113.
11. Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года. – URL: <http://mcx.ru/upload/iblock/264/264dfabe7e526b6a79ffe5697c34ed4f.pdf>

ПОВЫШЕНИЕ РЕАЛЬНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДОСТУПНОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Решетникова Е.Г. д.э.н., ИАГП РАН

Снижение дифференциации оплаты труда в различных отраслях национальной экономической системы рассмотрено в качестве весомого фактора обеспечения экономической доступности продовольствия для всех групп населения. Показаны основные тенденции межотраслевой и внутриотраслевой дифференциации заработной платы, сложившиеся в условиях усиления внешних вызовов. Предложено рассматривать снижение неравенства в оплате труда как один из важнейших институтов догоняющего развития. Обоснованы предложения институционального характера по смягчению данного вида социально-экономической дифференциации.

Ключевые слова: экономическая доступность продовольствия, реальные располагаемые доходы населения, межотраслевая дифференциация заработной платы, внутриотраслевая дифференциация в оплате труда, трёхсторонняя комиссия, отраслевые тарифные соглашения

INCREASE OF REAL POPULATION INCOMES AS A FACTOR OF AFFORDABILITY OF FOOD

Reshetnikova E.G., doctor of economic sciences, IAgP RAS

Reducing the differentiation of labor remuneration in various sectors of the national economic system is considered as a significant factor in ensuring the economic accessibility of food for all groups of the population. The main trends of inter- and intra-sectoral wage differentiation, formed in the face of increasing external challenges, are shown. It is proposed to consider the reduction of inequality in wages as one of the most important institutions of catching-up development. The institutional proposals for mitigating this type of socio-economic differentiation are substantiated.

Keywords: affordability of food, real disposable income of the population, inter-sectoral wage differentiation, intra-sectoral wage differentiation, trilateral commission, sectoral tariff agreements

Введение.

Достижение экономической доступности продовольствия для всех членов общества является одним из критериев продовольственной безопасности страны. Однако обеспечить экономическую доступность продуктов питания для всех доходных групп населения в настоящее время достаточно сложно. Более низкий уровень платёжеспособного спроса на основные продукты питания по сравнению с параметрами рационального потребления обусловлен инфляционными процессами, несовершенством налогового законодательства и сохраняющимися проблемами в сфере межбюджетных отношений. Основным ограничительным фактором потребления продовольствия в соответствии с рациональными нормами является уровень реальных располагаемых доходов населения. Реальные доходы населения формируются из многих источников, но одним из важнейших видов доходов является оплата труда. Однако, как показывает проведённый анализ, в настоящее время имеет место существенная межотраслевая и внутриотраслевая дифференциация заработной платы в отраслях национальной экономической системы.

Цель исследования заключается в обосновании комплекса мер институционального характера, необходимых для смягчения межотраслевой и внутриотраслевой дифференциации заработной платы населения в 2009-2017 гг., повышения реальных доходов и достижения экономической доступности продовольствия всеми доходными группами населения.

Методика исследования.

Использование в ходе исследования абстрактно-логического, монографического методов, метода группировок позволило выявить основные тенденции в сфере оплаты труда на-

циональной экономической системы, сформулировать предложения по развитию институциональных аспектов государственной доходной политики, направленных на повышение реальных располагаемых доходов населения и обеспечивающих экономическую доступность продовольствия для всех доходных групп населения.

Результаты исследования.

Проведённый анализ показал, что в России имеет место межотраслевая и внутриотраслевая дифференциация в оплате труда. О существовании межотраслевой дифференциации свидетельствуют значительные различия в уровне средней заработной платы по отраслям народнохозяйственного комплекса страны (табл.).

Таблица - Межотраслевая и внутриотраслевая дифференциация заработной платы работников в РФ в 2017 г.*

	Средняя заработная плата, рублей	Децильный коэффициент дифференциации, раз	Соотношение размеров средней заработной платы 10% наиболее и 10% на- именее оплачиваемых ра- ботников, раз
Всего	38900	6,2	14,1
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	25542	4,5	9,2
Добыча полезных ископаемых	66973	6,6	11,1
Обрабатывающие производства	41101	4,5	9,9
Строительство	45941	5,9	12,7
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	41231	5,8	15,9
Транспортировка и хранение	42143	6,1	13,7
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	30761	5,1	11,4
Деятельность в области информации и связи	57601	8,0	15,9
Деятельность финансовая и страховая	68594	7,8	16,0
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	35071	6,4	14,3
Научные исследования и разработки	57516	6,1	13,5
Образование	26324	5,7	10,4
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	28967	5,1	9,4
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	31020	5,8	18,4

*Составлено автором на основе данных [1].

В 2017 году минимальная средняя заработная плата была зафиксирована в отрасли образования - 26324 рубля и в сельском хозяйстве - 25542 рубля, а максимальная – в отраслях, связанных с добычей полезных ископаемых - 66973 рубля, с финансовой и страховой деятельностью - 68594 рубля.

В сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве средняя заработная плата была ниже среднего уровня по РФ на 34,3 %, когда как работники финансовой и страховой деятельности получали в среднем в 1,8 раза больше чем во всех остальных отраслях народнохозяйственного комплекса. Кроме того, средняя заработная плата выше среднероссийского уровня была характерна для следующих отраслей и видов деятельности: добыча полезных ископаемых – в 1,7 раза, деятельность в области информации и связи – 1,5 раза, научные исследования и разработки – в 1,5 раза, строительство - в 1,2 раза, обрабатывающие производства – в 1,1 раза, оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов – на 5,9 %, транспортировка и хранение – на 8,3 %. В то же время в ряде отраслей средняя заработная плата была значительно ниже среднероссийского уровня, в частно-

сти: в образовании - на 32,4 %, в здравоохранении и деятельности по оказанию социальных услуг – на 25,5 %, в области культуры и спорта – на 20,3 %.

Рассматривая динамику соотношения средней заработной платы в отдельных отраслях и в целом по хозяйственному комплексу, обращает на себя внимание тот факт, что в сельском хозяйстве в 2009 году заработная плата составила – 53 % от среднероссийского уровня, в 2011 году - 54,3%, в 2015 году - 58,7 %. Рост заработной платы в этой отрасли за данный период составил - 2,6 раза, а в отрасли добычи полезных ископаемых заработная плата увеличилась лишь в 2 раза (в 2009 году и в 2011 году - 1,8 раза, в 2013 году - 1,7 раза, в 2015 году и в 2017 году - 1,7 раза). Таким образом, темп роста оплаты труда в отраслях с наиболее высокими средними зарплатами был ниже, чем в отраслях с более низким уровнем оплаты труда, что говорит о позитивной направленности вектора межотраслевой дифференциации в последние годы.

Если рассмотреть динамику дифференциации заработной платы в целом по национальной экономической системе за период с 2009 г. по 2017 г., то можно отметить следующее: децильный коэффициент дифференциации в 2009 году составлял 6,7, в 2011 году и 2013 году - 7,1, в 2015 году - 6,7, в 2017 году – 6,2 раза. Таким образом, в течение восьми лет имела место тенденция сначала нарастания дифференциации в оплате труда на национальном уровне (2011 - 2013 г.г.), а затем снижения уровня дифференциации в оплате труда в целом по экономической системе.

Не во всех отраслях тенденция изменения показателей дифференциации в полной мере совпадала с вектором изменения по экономике в целом. Например, в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве децильный коэффициент дифференциации не изменился в 2015-2017 г.г., оставаясь на уровне 4,5 раза. В отрасли добычи полезных ископаемых произошло снижение показателей дифференциации в 2009-2013 гг. с 6,3 до 5,5 раза, а затем увеличение децильного коэффициента дифференциации в 2015-2017 гг. – с 6,0 до 6,6 раз. Для финансовой деятельности был характерен резкий подъем анализируемого показателя в 2009 - 2011 гг. (с 6,5 до 13,5 раза), а затем быстрое снижение к 2015 году до 6,2 раза. В обрабатывающих производствах также наблюдалось уменьшение децильного коэффициента дифференциации заработной платы с 5,0 до 4,5 раза в 2009-2017 гг. В строительстве, торговле, научных исследованиях и разработках, образовании - динамика децильного коэффициента дифференциации зарплаты повторяла траекторию движения общероссийского параметра.

Рассмотрим основные особенности внутриотраслевой дифференциации в 2017 году. Следует отметить, что внутриотраслевая дифференциация может быть охарактеризована с помощью двух параметров:

- соотношение размеров средней заработной платы десяти процентов наиболее и десяти процентов наименее оплачиваемых работников;
- децильный коэффициент дифференциации заработной платы, отражающий соотношение минимальной заработной платы десяти процентов наиболее обеспеченного населения и максимальной заработной платы десяти процентов наименее обеспеченного населения.

Какие аспекты внутриотраслевой дифференциации каждый из них может раскрыть? Второй коэффициент отличается меньшими параметрами, поскольку в полярных доходных группах наблюдается значительный разброс показателей оплаты труда, и они не являются однородными по своему составу.

В 2017 году наибольшая внутриотраслевая дифференциация (в соответствии с первым коэффициентом дифференциации, ориентированным на сравнение средних параметров заработной платы в полярных доходных группах) была характерна для деятельности в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений - 18,4 раза, финансовой и страховой деятельности - 16,0 раза. Минимальная внутриотраслевая дифференциация наблюдалась в сельском хозяйстве - 9,2, в области здравоохранения и оказания социальных услуг - 9,4 раза. Дифференциация в оплате труда выше среднероссийского уровня была характерна для деятельности в области информации и связи, оптовой и розничной торговли - 15,9, для деятельности по операциям с недвижимым имуществом - 14,3 раза. Дифференциация в оплате труда

ниже среднероссийского уровня имела место в таких отраслях как: добыча полезных ископаемых – 11,1, обрабатывающие производства - 9,9, строительство - 12,7, транспортировка и хранение - 13,7, образование - 10,4, деятельность предприятий общественного питания и гостиничный бизнес - 11,4 раза. Таким образом, в отраслях с высокой средней заработной платой отмечаются большие показатели дифференциации оплаты труда (за исключением добычи полезных ископаемых), а в отраслях с наименьшей средней заработной платой значения децильного коэффициента были, как правило, ниже чем в среднем по экономике. При этом для нескольких отраслей народнохозяйственного комплекса РФ характерна ситуация, когда в соответствии с одним показателем дифференциация была выше общероссийского уровня, а в соответствии с другим – ниже. Такая ситуация отмечалась для отрасли добычи полезных ископаемых, торговли и деятельности в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений. Децильный коэффициент дифференциации в отрасли добычи полезных ископаемых был выше общероссийского - 6,6 против 6,2 раза, а соотношение размеров средней заработной платы в полярных группах было ниже, чем в среднем по России (11,1 против 14,1 раза), что свидетельствует о более высоких зарплатах в высокодоходной группе в этой отрасли.

С нашей точки зрения, сложившаяся ситуация в сфере оплаты труда требует реализации ряда мер институционального характера, направленных на смягчение межотраслевой и внутриотраслевой дифференциации заработной платы. Ее снижение в экономически оправданных пределах будет способствовать решению важной социальной задачи – обеспечению экономической доступности продовольствия для всех доходных групп населения [2,с.38]. Следует отметить, что одним из институтов догоняющего развития является именно смягчение неравенства, направленное на консолидацию общества и стимулирование спроса [3]. На современном этапе развития для России крайне важно использование данных институтов для обеспечения прорывного развития национальной экономической системы. Следует отметить, что проблемы социального характера присущи всем постсоветским государствам, что не позволяет в полной мере преодолеть издержки трансформационного периода [4]. Как отмечают специалисты: «Исчерпание прежних механизмов экономического роста и вынужденный отказ от проведения сильной социальной политики обнажают проблемы и дисбалансы сложившейся системы, оставляя человека наедине с ухудшающейся социально-экономической ситуацией» [5,с.43]. Всё это требует разработки и практической реализации модели, направленные на решение актуальных общественных проблем. В экономической литературе отмечается, что в основе таких моделей должны лежать социально-инновационные проекты, направленные на рост качества жизни населения [6]. Трактовка социальных инноваций в научной литературе достаточно разнообразна, и не ограничивается классическим определением, согласно которому, под социальными инновациями понимаются лишь инновации, направленные на получение социальных результатов [7]. Все чаще специалисты подчёркивают взаимосвязь институтов и социальных инноваций, отмечая, что институциональная среда может как сдерживать, так и стимулировать развитие социально-инновационных инициатив, при этом социальные инновации могут быть институционализированы [8,с.82]. В связи с этим важно развитие институциональных аспектов формирования оплаты труда, регулирования межотраслевой и внутриотраслевой дифференциации оплаты труда как инструментов догоняющего развития, обеспечения экономической доступности продовольствия, социальной стабильности и устойчивого развития агропродовольственного комплекса.

Заключение.

В соответствии с Законом РФ «О коллективных договорах и соглашениях», институциональная среда регулирования социально-трудовых отношений представлена такими видами соглашений, как: генеральное, региональное, отраслевое (межотраслевое) тарифное, профессиональное тарифное, территориальное и др. [9]. Важнейшим органом данной системы, действующим на федеральном уровне, является Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально - трудовых отношений (РТК), в состав которой входят представители федеральных органов государственной власти, общероссийских объединений профсою-

зов и общероссийских объединений работодателей. На РТК разрабатывается и заключается Генеральное соглашение, которое устанавливает общие принципы регулирования социально-трудовых отношений на всей территории Российской Федерации [10]. Как неоднократно отмечалось в экономической литературе, в Законе РФ «О коллективных договорах и соглашениях» не детализирован перечень конкретных вопросов, которые отражаются в Генеральном соглашении. На наш взгляд, в Генеральном соглашении должны рассматриваться принципиальные подходы к регулированию межотраслевой и внутриотраслевой дифференциации заработной платы работников с использованием коэффициентов дифференциации оплаты труда (в зависимости от его сложности и квалификации) для основных групп работников: руководители, технические исполнители, рабочие-специалисты для всех отраслей национальной экономической системы.

Список литературы:

1. Уровень дифференциации заработной платы работников организаций. - URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#
2. Решетникова Е.Г. Сфера потребления продовольствия: необходимость институциональных преобразований в условиях новых рисков // Экономика и управление. - 2017. - № 3 (137). - С.34-42.
3. Полтерович В. Институты догоняющего развития и гражданская культура // Вольная экономика. - 2017. - С.95- 99.
4. Соколова Т. Постсоветские государства в плену социальных проблем // Мир перемен. - 2018. - № 4. - С.131- 146.
5. Садовая Е.С. Социально-экономические факторы этнополитической конфликтности // Полис. Политические исследования. - 2016. - № 4. - С.41-53.
6. Бодрунов С.Д. Модернизация российской экономики на современном этапе // Экономическое возрождение России. - 2012. - № 33(3). - С.6-9.
7. Pol E. Social innovation: Buzz word or enduring term? The Journal of Socio-Economics. - 2009. - № 38(6). - P.878-885.
8. Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Омонов Ж.К. Институциональный атлас социальных инноваций // Экономическое возрождение России. - 2017. - №2(52). - С.80-96.
9. Закон РФ «О коллективных договорах и соглашениях» от 11.03.1992 N 2490-1. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383/c1a091a2a1f6df3547523c312c61ac41976e5a7d/
10. Закон РФ «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений» [от 01.05.1999 N 92-ФЗ]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22938/

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ ПРОИЗВОДСТВА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ

Андрющенко С.А., д.э.н., ИАГП РАН

Начинающаяся трансформация мирового и отечественного рынков продовольственных товаров требует не только изменения экономических механизмов регулирования агропродовольственного комплекса, но и создания условий для стимулирования экологизации производства продовольствия. Целью данной работы является обоснование направлений совершенствования экономического механизма реализации экологических приоритетов инновационного развития производственного потенциала агропромышленного комплекса с учетом опыта реализации Общей аграрной политики Европейского Союза, в рамках которой усиливается значение экономических инструментов содействия экологической устойчивости и борьбы с изменением климата. Предложено дополнить государственную программу Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» подпрограммой «Сохранение и создание здоровой окружающей среды». В качестве одного из ключевых мероприятий подпрограммы предлагается выделить разработку и реализацию пилотных проектов по созданию буферных зон вдоль берегов рек в регионах, испытывающих высокую экологическую нагрузку и способных софинансировать такие проекты.

Ключевые слова: экологизация, агропродовольственный комплекс, экономический механизм, приоритеты, программа.

PERSPECTIVES OF DEVELOPMENT OF ECONOMIC MECHANISMS OF REALIZATION OF ECOLOGICAL PRIORITIES OF FOOD PRODUCTION

Andryschenko S.A., doctor of economic sciences, IAGP RAS

The beginning transformation of the world and domestic food product markets requires not only a change in the economic mechanisms for regulating the agro-food complex, but also the arrangement of conditions for stimulating the greening of food production. The aim of this work is to substantiate the directions for improving the economic mechanism for implementing environmental priorities of the innovative development of the production potential of the agro-industrial complex, taking into account the experience of implementing the Common Agricultural Policy of the European Union, which reinforces the importance of economic instruments to promote environmental sustainability and combat climate change. It was proposed to supplement the state program of the Russian Federation “Integrated Development of Rural Territories” with the “Preservation and Creation of a Healthy Environment” subprogramme. As one of the key activities of the subprogramme, it is proposed to highlight the development and implementation of pilot projects for the creation of buffer zones along the banks of rivers in regions experiencing high environmental pressure and capable of co-financing such projects.

Keywords: ecologization, agro-food complex, economic mechanism, priorities, program.

Введение.

Реализация национальных проектов «Наука», «Цифровая экономика», «Экология», «Международная кооперация и экспорт» может стать важным этапом процесса трансформации отечественного рынка продовольствия, появления на нем товаров, о которых потребителям предоставляется подробная информация, в том числе об экологической безопасности производства конкретных товаропроизводителей. Начинаясь трансформация рынка продовольственных товаров требует изменения экономических механизмов регулирования агропродовольственного комплекса, в этой связи заслуживают внимания предложения экспертов Европейского Союза по изменению системы мер регулирования сельскохозяйственного производства.

По мнению российских специалистов, комплексное развитие потребительского рынка продовольствия носит системный характер и охватывает проблемы рационального природопользования, охраны здоровья, ресурсосбережения, повышения экономической эффективности агропродовольственного комплекса [1, 2]. Детальное описание происходящих структурных изменений рынка продовольственных товаров представлено в документе Европейской Комиссии «Будущее продовольствия и сельского хозяйства», опубликованном в ноябре 2017 г. В этом документе отмечается, что в настоящее время расширяется доступ потребителей к различным группам продовольствия, таким как органические продукты, продукты с географической идентификацией (GIs), особые местные продукты (local specialities) и инновационные продукты. Соответственно, перед европейскими органами, регулирующими сельскохозяйственное производство, ставится задача совершенствования и упрощения правил органического земледелия, повышения привлекательности для фермеров и потребителей GIs продуктов и т.п. [3]. Важнейшим условием для производства органических и других специализированных продовольственных товаров является сохранение плодородия почв, снижение уровня загрязнения сельскохозяйственными товаропроизводителями продукции растениеводства и водных ресурсов. В то же время в странах ЕС важное значение придается снижению выбросов парниковых газов, как мере, направленной на предотвращение изменения климата.

Целью данной работы является обоснование направлений совершенствования экономического механизма реализации экологических приоритетов инновационного развития производственного потенциала агропромышленного комплекса с учетом опыта реализации Общей аграрной политики Европейского Союза.

Методы исследования.

В настоящее время ведется подготовка основных положений Общей аграрной политики (CAP) Европейской Союзу, которые будут действовать после 2020 года. В материалах, подготовленных ЕС, поставлена задача сократить число регулирующих документов и норм, ограничивающих применение природоохранных технологий. В тоже время перечень экологических задач, решаемых CAP, остается довольно широким, и они включают в себя:

- содействие смягчению последствий изменения климата и адаптации к ним, в том числе сокращение выбросов парниковых газов и увеличение объемов поглощения углерода сельским и лесным хозяйством;
- содействие устойчивому и эффективному управлению ресурсами, включая сокращение потерь азота, улучшения качества воды, снижение темпов эрозии почв;
- сохранение территорий с естественными природными условиями и ландшафтов;
- прочие экологические задачи.

При разработке общеевропейской аграрной политики в ЕС большое внимание уделяется решению глобальной проблемы сокращения эмиссии в атмосферу углекислого газа (CO_2). По оценкам рабочих групп, участвующих в подготовке новой редакции CAP, к 2030 году эмиссия CO_2 из сельского хозяйства стран ЕС сократиться всего на 0,1%. Ключевым инструментом предотвращения роста выбросов углерода является принятие фермерами на себя обязательств по сохранению площади пастбищ. Сохранению или расширению пастбищных угодий должны способствовать дополнительные инструменты: финансовая поддержка постоянных пастбищ, финансовая поддержка территорий, на которых ограничено землепользование (Areas facing Natural Constraints – ANC), а также поддержка содержания крупного рогатого скота. В качестве отдельного инструмента в ЕС рассматривается поддержка покровных посевов на период между уборкой урожая и новым посевом в тех случаях, когда мульчирование органических остатков на полях недостаточно для сохранения нулевого баланса углерода. Уже в настоящее время в странах ЕС до 6,5 % обрабатываемой пашни засеваются покровными культурами (сидератами) [4. С.31].

Также в ЕС проводится оценка и строятся прогнозы снижения выбросов парниковых газов, не связанных с CO_2 . К 2030 г. эмиссия этих газов должна сократиться на 0,6-1,6 %. В этой категории парниковых газов от 34% до 50% уменьшения выбросов ожидается от снижения выбросов N_2O за счет сокращения объемов избыточного внесения азотных удобрений,

еще 22%-36% снижения ожидается от уменьшения выбросов метана при процессах брожения отходов. В целом, снижение нагрузки на окружающую среду в агропродовольственном комплексе связано с применением новых технологий, повышающих эффективность использования ресурсов и снижающих их потери по всей цепочке производства продовольствия.

Одна из проблем экологизации агропродовольственного комплекса связана с высокой административной нагрузкой на сельскохозяйственных товаропроизводителей и контролирующие органы, обусловленной выполнением сложных бюрократических процедур. Снижению административных расходов должно способствовать применение цифровых технологий, таких как: различные методы дистанционного зондирования, интеллектуальные электронные системы, инструменты геопространственной помощи. Вместе с тем, не стоит забывать, что применение цифровых технологий влечет за собой не только единовременные инвестиционные расходы на приобретение и освоение ИТ-систем, но и постоянные текущие расходы на обучение, сбор или приобретение информации, поддержку приложений, выявление ошибок в данных.

Результаты исследования.

Как показывает изучение документов ЕС, при очередной реформе CAP усиливается значение инструментов, содействующих экологической устойчивости и борьбе с изменением климата. В целом в Европейском Союзе сложилась достаточно сложная «зеленая архитектура», которая включает представленные на рисунке элементы.

Рисунок – Укрупненная схема экономических инструментов экологизации аграрной сферы Европейского Союза в рамках Общей аграрной политики в 2014-2020 гг.

1. Общая цель Общая аграрная политика (CAP) заключается в обеспечении долговременной поддержки сельского хозяйства, как основы «живой» сельской местности [4. с.161-180] . CAP реализуется по двум направлениям (пилларам). Первое направление предназначено

но для увеличения доходов фермеров за счет поступлений из бюджета ЕС. Эта поддержка предоставляется в форме прямых платежей и полностью финансируется из Европейского фонда сельскохозяйственных гарантий. Второй компонент - это поддержка развития сельских районов. Она софинансируется Европейским сельскохозяйственным фондом развития сельских районов и странами-членами ЕС.

2. По каждому из направлений применяются экологические ограничения на ведение сельскохозяйственной деятельности, несоблюдение влечет сокращение финансовой поддержки.

2.1. Перекрестное соответствие. Для получения прямых выплат и некоторых других форм поддержки фермеры должны соблюдать определенные правила. Эти правила заключаются в двух ключевых документах: «Обязательные требования к управлению фермами» (SMR) и «Условия для улучшения сельскохозяйственного и экологического состояния земли» (GAEC). Если фермер не соблюдает эти правила, его прямые платежи могут быть уменьшены.

2.2. Обязательные требования к управлению фермами (SMR) являются частью перекрестного соответствия и изложены в ряде директив и правил Европейского Союза. Они, прежде всего, касаются общественного здравоохранения, здоровья животных и растений, идентификации и регистрации животных, воздействия на окружающую среду и благополучие животных.

2.3. Улучшение сельскохозяйственного и экологического состояния земли (GAEC) включает в себя: защиту почвы от эрозии, поддержание органического вещества почвы и структуры почвы, а также охрану ландшафтных особенностей. В отличие от SMR значения указанных параметров определяют государства-члены, а не Европейский Союз. Примеры установленных SMR и GAEC приведены в [5].

2.4. Создание сфокусированных на экологии зон. С 2015 года каждый фермер в Европейском Союзе, который претендует на прямую оплату и имеет более 15 гектаров пахотных земель, обязан выделить не менее 5% из них для решения экологических задач, таких как: улучшение биоразнообразия, сохранение уникальных ландшафтных особенностей, поддержание буферных полос вдоль водоемов, сохранение лесных массивов, залежей, посевов азотфиксирующих культур и т.д. Некоторые исключения из общего правила применяются к фермерам, у которых более 75% площадей находятся под пастбищами.

3. Стратегия экологизации является частью Программы развития сельских территорий (RDP). Стратегии, осуществляемые в рамках каждой долгосрочной программы развития сельских территорий, направлены на достижение приоритетных социально-экономических и экологических целей Европейского Союза в области развития сельских районов. В этих программах определены условия, которые должны быть выполнены потенциальными получателями субсидий, если они хотят воспользоваться средствами на развитие сельских районов.

4. Мероприятия по развитию сельских районов являются основными инструментами программ развития сельских территорий. На период 2014 – 2020 количество мероприятий сократилось по сравнению с предыдущим периодом программирования, но в настоящее время они являются более гибкими, что повышает их эффективность в решении конкретных задач фермеров. Для удовлетворения многочисленных потребностей сельских территорий Европейского Союза в рамках программы RDP предлагается целый ряд различных видов поддержки. Государства-члены ЕС должны разрабатывать эти мероприятия в соответствии с одним или несколькими приоритетами Европейского Союза по развитию сельских территорий, но они обладают полномочиями по утверждению окончательного перечня подобных мероприятий с учетом особенностей каждого региона. Поддержка, предоставляемая в рамках каждой меры, распределяется между Европейским сельскохозяйственным фондом развития сельских территорий (EAFRD) и соответствующим государством-членом.

5. Аграрные мероприятия по сохранению окружающей среды, климата и здоровья (AECH), осуществляемые фермерами сверх общеевропейских и национальных требований, направлены на охрану ряда компонентов окружающей среды, смягчение последствий изменения климата и адаптацию к ним. В рамках данной инициативы также поддерживаются: ор-

ганическое сельское хозяйство, охрана водных ресурсов, сохранение естественных ландшафтов, улучшение условий содержания животных, лесопосадки и природоохранные инвестиции, не приносящие прибыли. Финансовая поддержка по осуществлению этих мероприятий оказывается через программы развития сельских территорий. Выплаты компенсируют фермерам дополнительные расходы, которые они несут, и доходы, от которых они отказываются при осуществлении такой практики. На период после 2020 года планируется выделять 9% бюджета Общей аграрной политики на мероприятия АЕСН [4. С.85].

В настоящее время в затраты ЕС на меры по защите климата и окружающей среды включены затраты на поддержку районов с природными или другими специфическими ограничениями (ANC), которые до реформы Общей сельскохозяйственной политики 2013 года были известны как "менее благоприятные территории".

В качестве отдельного инструмента в составе АЕСН выделяется план управления ресурсами (Nutrient Management Plan) - инструмент, который применяется для повышения эффективности использования фермерами всех источников питательных веществ, получаемых от выращивания сельскохозяйственных культур, что позволяет экономить удобрения, снижать производственные затраты, сокращать выбросы парниковых газов и смыв азотистых веществ в водоемы.

6. Консультационные услуги оказывают специализированные организации (Advisory services). Их услуги предназначены для оказания помощи фермерам, владельцам лесов, малых и средних предприятий в сельских районах в улучшении экономических и экологических показателей их хозяйств. Эти услуги предоставляют индивидуальные консультации, принимая во внимание особенности фермы, чтобы способствовать устойчивости, а также минимальному воздействию хозяйственной деятельности на климат и окружающую среду. Сфера охвата рекомендаций включает в себя любые экономические, экологические и социальные аспекты, которые могут потребоваться бенефициару (получателю услуг) для развития своей деятельности. Консультационные услуги представляют как государственные, так и частные организации, в частности в рамках какой-либо сельскохозяйственной консультативной системы (FAS).

7. Информационная сеть сельскохозяйственного учета (FADN). Сеть данных бухгалтерского учета фермерских хозяйств предоставляет информацию о финансовых и экономических аспектах различных видов фермерства в государствах-членах Европейского Союза. Каждый год отбирается репрезентативная выборка коммерческих хозяйств, которые предоставляют данные о своих производственных затратах, доходах от продаж и других аспектах своей сельскохозяйственной деятельности. Эти данные позволяют Европейскому Союзу отслеживать положение с доходами фермеров и изучать последствия Общей сельскохозяйственной политики.

8. Информационная система по земельным участкам (LPIS). Эта компьютерная база данных содержит сведения о всех сельскохозяйственных землях, владельцы которых имеют право на субсидии в соответствии с Общей сельскохозяйственной политикой. Она используется для перекрестной проверки заявок на выплаты, поданные фермерами. Система идентификации земельных участков гарантирует, что фермеру будет выплачена субсидия в точном соответствии с площадью его участка, и что переплата будет предотвращена.

9. Комплексная система управления и контроля (IACS). Это обязательная система, используемая государствами-членами ЕС для распределения и контроля платежей, производимых фермерам в рамках Общей сельскохозяйственной политики (CAP). Контроль осуществляется с использованием передовых методов проверки фермерских хозяйств с помощью аэрофотосъемки или спутниковой съемки с применением компьютерных баз данных. В частности, комплексная система администрирования и контроля обеспечивает выявление нарушений в платежах. Процедуры мониторинга и оценки продуктивности CAP осуществляются в рамках регламентов CMEF и CMES [4].

В целом можно констатировать, что в Европейском Союзе сложилась достаточно слаженная система организационных и экономических механизмов реализации Общей аграрной политики, позволяющая ставить и решать сложные экологические задачи, такие как: снижение негативного воздействия на климат нашей планеты, сохранение плодородия почв, снижение содержания вредных веществ в продуктах питания, снижение объемов загрязнения чистой воды и т.д. Решение перечисленных задач позволяет преодолевать нетарифные барьеры в мировой торговле продовольствием, повышает конкурентоспособность и рентабельность продукции [6].

В Российской Федерации в настоящее время формируется Единая информационная система о землях сельскохозяйственного назначения (ЕФИС ЗСН) - важнейший элемент системы экономических механизмов по реализации экологических приоритетов производства продовольствия. На ее основе субъекты Российской Федерации строят региональные информационные системы контроля за земельными ресурсами. Ограниченность средств федерального бюджета не позволяет ставить перед сельскохозяйственными товаропроизводителями амбициозные задачи, для решения которых требуется значительная финансовая помощь государства, но функционирование ЕФИС ЗСН позволяет требовать от землепользователей соблюдения действующих природоохранных требований, к которым, прежде всего, следует отнести соблюдение режима водоохраных зон на землях сельскохозяйственного назначения. Для предотвращения смыва в водоемы почвы, минеральных удобрений вдоль берегов рек и озер необходимо создавать буферные зоны, засаженные деревьями и кустарниками.

Заключение.

Во всем мире в настоящее время расширяется состав приоритетов экологической политики в агропродовольственном комплексе. Эти изменения связаны с высокой общественной значимостью мер по предотвращению изменения климата, а также увеличением спроса на специальные группы товаров: органические продукты, продукты с географической идентификацией, особые местные продукты и инновационные продукты. В статье приводится краткое описание основных элементов экономического механизма по реализации экологических приоритетов Общей аграрной политики Европейского Союза, показаны связи между этими элементами. Предложено использовать опыт разработки и реализации Общей аграрной политике ЕС при корректировке государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий», в которую предлагается включить подпрограмму «Сохранение и создание здоровой окружающей среды».

В качестве первого мероприятия подпрограммы предлагается разработать ряд пилотных проектов по проектированию и созданию буферных зон вдоль берегов рек в регионах с высоким уровнем бюджетной обеспеченности. Перечень конкретных объектов для проектирования и реализации, а также долю софинансирования должны предоставлять субъекты Российской Федерации. При этом необходима координация действий федеральных министерств сельского хозяйства и природных ресурсов. Не менее важна координация действий проверяющих органов Россельхознадзора и Росприроднадзора. С этой целью можно использовать опыт Общей аграрной политики ЕС по разработке регламентов мониторинга и оценки результативности программ развития сельских территорий.

Вторым мероприятием подпрограммы «Сохранение и создание здоровой окружающей среды» может выступить организация контроля за использованием сельскохозяйственных угодий с постоянным травостоем (пастбищ и лугов), предотвращением их распашки, а также распашки заболоченных земель. По мнению экспертов Европейского Союза, эта мера будет способствовать предотвращению роста эмиссии CO₂ с сельскохозяйственных земель, то есть ее можно отнести к мерам по предотвращению изменения климата на Земле.

В качестве источника информации для подготовки пилотных проектов и инструмента контроля и оценки их результативности целесообразно использовать формирующуюся в настоящее время Единую информационную систему о землях сельскохозяйственного назначения (ЕФИС ЗСН). С этой целью можно использовать опыт Общей аграрной политики ЕС по разработке регламентов мониторинга и оценки результативности программ развития сельских территорий.

Список литературы:

1. Белякова З.Ю. Перспективы развития органического сельского хозяйства и производства органической пищевой продукции в России // Научные труды СКФНЦСВВ, 2018. – Т.20. – С. 178-182.
2. Чередниченко О.А. Перспективные направления экологически устойчивого развития национальной агропродовольственной системы // Стратегии и инструменты экологически устойчивого развития экономики: сборник трудов XV Международной научно-практической конференции Российского общества экологической экономики // под. ред. И.М.Потравного и др. - Ставрополь, АГРУС Ставропольского государственного аграрного ун-та, 2019. - С. 410-420.
3. The Future of Food and Farming. - URL <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2017/EN/COM-2017-713-F1-EN-MAIN-PART-1.PDF>.
4. Commission staff working document. Impact assessment/ -URL: <http://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/10102/2018/EN/SWD-2018-301-F1-EN-MAIN-PART-3.PDF>.
5. Андриющенко С.А. Ключевые показатели стратегии экологизации агропродовольственных комплексов России и Европейского Союза // Международный сельскохозяйственный журнал. - 2017. - № 3. – С. 27-31.
6. Анфиногентова А.А., Дудин М.Н., Лясников Н.В., Проценко О.Д. Обеспечение российского агропромышленного комплекса высококвалифицированными кадрами в условиях перехода к зеленой экономике // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, вып. 2. — С. 638–650.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ СБАЛАНСИРОВАННОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ МЕХАНИЗМЕ УПРАВЛЕНИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫМ КОМПЛЕКСОМ

Ермолова О.В., д.э.н., ИАГП РАН

В статье рассматривается проблема межотраслевой сбалансированности в агропродовольственном комплексе, составной частью которой является ценовая сбалансированность. Определены методологические принципы исследования проблемы. Отмечается необходимость отслеживания всей системы финансовых потоков, а не только ценовых соотношений. Приведены результаты анализа цен, относительных цен, субсидий, инвестиций, влияющих на обеспечение межотраслевой сбалансированности, динамику предпринимательской нагрузки на бизнес.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, цены, структура, паритет, регулирование, затраты, рентабельность.

ENSURING INTER-SECTORAL BALANCE IN THE ECONOMIC MECHANISM OF THE AGRO-FOOD COMPLEX MANAGEMENT

Ermolova O.V., doctor of economic sciences, IAgP RAS

The article deals with the problem of inter-sectoral balance in the agro-food complex, where price balance is an integral part of it. The methodological principles of the research are determined. There is a need to track the entire system of financial flows, not just price ratios. The results of the analysis of prices, relative prices, subsidies, investments that affect the inter-sectoral balance, the dynamics of the business burden on the business are presented.

Keywords: agro-food complex, prices, structure, parity, regulation, costs, profitability.

Введение.

В настоящее время возрастает значимость исследования межотраслевой сбалансированности, факторов ее обеспечения, учет которых позволяет обосновать устойчивую экономическую динамику агропродовольственного комплекса. Его развитие во многом определяется уровнем и скоростью трансформаций в структуре производства, а также связанные с этими изменениями пропорции цен и доходов. Речь идет о межотраслевой и отраслевой структуре выпуска, использования продукта, затрат, цен и т.д.

Ключевым фактором, который определяет особенности межотраслевой сбалансированности комплекса, являются прогрессивные изменения параметров технологического развития и эффективности производства, проявляющиеся в структуре затрат и формировании добавленной стоимости.

Кризисные явления выявили дисбалансы в производственной, финансовой, бюджетной системах, на рынке труда, во внешнеэкономическом обмене и др. Устранение этих дисбалансов позволит говорить об экономике комплекса, для которой характерна межотраслевая сбалансированность. Фактором ее обеспечения является рост и восстановление внутриотраслевых и межотраслевых связей, которые способствуют формированию дополнительных внутренних доходов.

Цель исследования состоит в теоретическом обосновании и выявлении направлений обеспечения межотраслевой сбалансированности в агропродовольственном комплексе для разработки механизмов его регулирования.

Методика исследований.

Методологическую и теоретическую основу исследования составляют: метод системного анализа, труды современных отечественных и зарубежных ученых по проблемам межотраслевой сбалансированности, макроэкономического равновесия, регулирования агропродовольственного комплекса. В процессе исследования применялись экономико-статистический и структурный методы анализа, метод экспертных оценок.

Результаты исследования.

Высокая замкнутость агропродовольственного комплекса, значимый мультипликационный эффект влияния государственной поддержки на конечные результаты развития АПК отличают его от других многоотраслевых структур и определяют особенности исследования межотраслевой сбалансированности.

Сравнительный анализ теоретических концепций формирования межотраслевой сбалансированности показал, что ее исследование необходимо проводить на основе синтеза различных теорий. Ключевыми методологическими принципами ее исследования являются: обоснование единства натуральных и стоимостных межотраслевых потоков, учет потребительских свойств товаров при оценке эффективности межотраслевого обмена; исследование условий и факторов обеспечения равных экономических условий развития отраслей и предприятий агропродовольственного комплекса; необходимость изучения взаимовлияния иерархических уровней – внутрикомплексных и межкумплексных взаимосвязей, межрегиональных взаимодействий; учет сложной совокупности взаимодействующих факторов – структурных, инфляционных, монетарных, инновационных и др.; системное изучение затрат и результатов, структуры и динамики конечного продукта и межотраслевых потоков, взаимосвязи добавленной стоимости и цен; необходимость отслеживания всей системы финансовых потоков, а не только ценовых соотношений. Особенности межотраслевой сбалансированности в условиях социально-экономической трансформации обусловлены также нестационарным характером агропродовольственного комплекса как системы.

Обеспечение ценовой сбалансированности – это составная часть процесса обеспечения межотраслевой сбалансированности, которая может быть обеспечена использованием и других экономических инструментов – бюджетного финансирования расходов, субсидий расходов на социальное развитие села, кредитной политики и т.д.

Проблема обеспечения ценовой сбалансированности, эквивалентности межотраслевого обмена становится все более острой по мере развития структурных взаимосвязей агропродовольственного комплекса, расширения его масштабов, развития межотраслевых отношений с другими межотраслевыми комплексами и отраслями. Почти сразу же с либерализацией цен углубился диспаритет цен между отраслями. Ценовой паритет, как обеспечение равных пропорций в обмене между отраслями и сферами производства, позволяет создать равновыгодный уровень доходности при равной эффективности ведения хозяйства. На ценовой паритет влияет множество факторов – степень экспортной ориентации отраслей комплекса, структура сельскохозяйственного производства, особенности институциональной структуры. Проблема диспаритета цен сейчас несколько смягчилась, но он влияет на финансово-экономическое положение товаропроизводителей в сельском хозяйстве. Значение ценового паритета в последние годы колеблется вокруг единицы. Соотношение динамики цен и индексов роста продукции сельского хозяйства за 2005-2017 гг. представлено на рисунке.

Анализ динамики цен на сельхозтехнику указывает на рост тенденции: комбайн ACROS 585 (Ростсельмаш) и трактор К-744Р2 «Стандарт» АО «ТПЗ» выросли в цене на 17,6% и 17,7% соответственно только в 2015-2017 гг. Динамика оптовых цен на горюче-смазочные материалы также демонстрирует их неуклонный рост. Например, цены на дизельное топливо (летнее) в 2019 году (по состоянию на 14 марта 2019 г.) по сравнению с 2015 годом выросли более, чем в полтора раза. Увеличились цены закупки удобрений под урожай 2019 года по сравнению с предыдущим годом, особенно на карбамид (в полтора раза), аммофос (на 41,6 %) и т.д. Остро стоит проблема высокой стоимости энергетических ресурсов. При этом максимальный рост цен на пшеницу (январь 2019 г. к декабрю 2016 г.) составил 20% (пшеница 5 класса), на пшеницу 4 класса цены выросли на 17%, а на пшеницу 3 класса – лишь на 1 %.

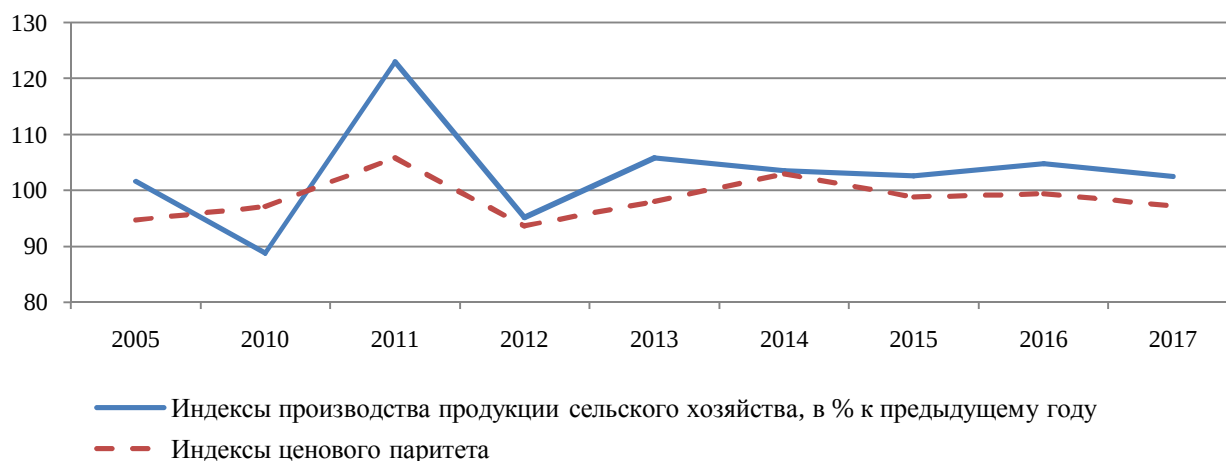

Рисунок - Индексы производства продукции сельского хозяйства и индексы ценового паритета в РФ в 2005-2017 гг., в %%

Рассчитано по: Продукция сельского хозяйства в 2017 году / Росстат. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/bul_dr/sx/sxprod2017.xls (дата обращения 15.10.2018).; Цены в России. 2018: Стат. сб./ Росстат. - М., 2018. - С.96,97

Уровень и динамика ценовой несбалансированности оказывает влияние на структуру затрат сельскохозяйственных предприятий. В структуре затрат сельскохозяйственных организаций увеличилась доля расходов на корма для птиц, свиней и крупного рогатого скота, в 2017 году она составляла 39,1% (в 2013 - 32,7%), а также на пестициды и агрохимические продукты (до 8,7 %), машины сельскохозяйственные для растениеводства (до 6,6%). Однако повышение производственных затрат связано также с ростом цен материальных ресурсов и с увеличением заработной платы в результате доведения минимального размера оплаты труда до прожиточного минимума.

Каждому виду экономической деятельности присуща своя структура затрат, оказывающая воздействие на формирование добавленной стоимости как в этом секторе, так и по экономике в целом. Доля сельского хозяйства в производстве хлеба составляет 23% добавленной стоимости, а по говядине, свинине и маслу животному – 61,3%, 52,4% и 56,7% соответственно. Значительно колеблется доля переработки и сферы обращения. Например, доля сферы обращения в валовой добавленной стоимости по маслу подсолнечному достигает до 46,3%.

Анализ структуры участия отраслей комплекса в производстве добавленной стоимости выявил (табл. 1) недостаточный уровень глубины переработки, преобладание сырьевой составляющей и отсутствие эффективного механизма перелива капитала [6]. Доля валовой добавленной стоимости сельского хозяйства в 1,65 раз превышает долю пищевой промышленности, что свидетельствует о недостаточно эффективной структуре комплекса.

Таблица 1 - Межотраслевая структура участия отраслей комплекса в производстве конечного продукта в 2017 году

Продукция	Сельское хозяйство	Переработка	Сфера обращения
Хлеб	23,09	55,04	21,87
Свинина	52,40	16,50	31,10
Говядина	61,29	8,47	20,24
Масло животное	56,68	25,32	18,00
Масло подсолнечное	39,00	14,69	46,31

Источник: рассчитано по данным: Цены в России, 2018. - С. 66

Исследование сравнительной динамики объемов производства и цен на сельскохозяйственную продукцию выявило невысокие темпы роста производства. Исключение составляют семена подсолнечника, объем производства которых вырос на 21,7%. Цены произво-

лей показали разнонаправленную динамику, не всегда совпадающую с динамикой производства (табл.2). Очень неравномерной была динамика цен производителей на овощи: цены на лук репчатый выросли на 9,2% (до 12 руб/кг), капусту - на 50,2% (до 15,06 руб/кг), свеклу - на 12,3% (до 8,85 руб/кг), морковь - на 11,6% (до 11,99 руб/кг).

Таблица 2 - Динамика производства и цен производителей по отдельным видам продовольственных товаров, январь-декабрь к предыдущему году, %, 2018 г. [1]

Продукция	Объем производства	Цены
Семена подсолнечника	121,7	110,7
Масло растительное	101,3	107,0
Картофель	103,2	95,8
Овощи и бахчевые	101,5	...
Молоко сырое	101,5	97,5
Скот и птица	102,6	115,0

В 2019 г. у производителей продуктов питания увеличиваются расходы на производственные услуги и лизинг, аренду помещений и юридические услуги, возрастают коммерческие расходы. Причиной удорожания продовольственных товаров является инфляция на продуктовых рынках, которая к концу 2019 г. прогнозируется на уровне 3,7%. Одной из причин удорожания продуктов питания в текущем году эксперты отрасли считают повышение ставки НДС на 2%.

Специфика российских условий состоит в том, что существует положительная взаимосвязь между темпами инфляции и интенсивностью структурных сдвигов: более высокие темпы инфляции сопровождалась более интенсивными структурными сдвигами и наоборот. Этот эффект наблюдается не только в краткосрочном периоде, но и в долгосрочной перспективе, где он особенно отчетливо выражен. Наличие долгосрочного эффекта взаимосвязи накопленных структурных сдвигов и суммарного роста цен является спецификой развития и фактором межотраслевой сбалансированности. Различие "богатых" и "бедных" отраслей иллюстрирует динамика их доли в добавленной стоимости сферы материального производства. К экономически слабым секторам в развитых странах относят только сельское хозяйство.

Инфляция искажает все межотраслевые соотношения цен. Она органически связана с неравномерным ростом отдельных цен, и структурные сдвиги ценовых соотношений при этом не имеют корней в мире товаров. Несоблюдение эквивалентности, являясь нарушением законов межотраслевого обмена и товарооборота, выступает одной из причин межотраслевой и воспроизводственной несбалансированности. Эквивалентность в обмене между отраслями и сферами закрепляет внутреннюю связь между трудом отдельных производителей и совокупным трудом, между различными общественными потребностями и затратами общественного труда, необходимыми для их удовлетворения.

Структурный и немонетарный характер инфляции является одним из важных ограничений структурных преобразований, обеспечения межотраслевой сбалансированности. Несбалансированная инфляция характерна тем, что цены различных товаров постоянно изменяются по отношению друг к другу, причем в различных пропорциях. И в отраслевом, и в территориальном разрезе наблюдаются несбалансированные скачки относительных цен. При этом на динамику цен в значительной мере влияет инерционность инфляции и инфляционных ожиданий.

Результат межотраслевого перераспределения дохода под влиянием изменения относительных цен рассчитывается как разность между добавленной стоимостью, полученной фактически, и той, которая могла быть получена при равномерном росте цен.

Относительные цены не на всех этапах рыночных реформ были высокими. Разрушение существовавшей системы цен явилось ключевым фактором, вызвавшим глубокий воспроизводственный кризис 1990-х годов, повышение ценовой конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей в сельском хозяйстве и сокращение импорта в 1999-2002 гг. В начале 2000-х годов фактором экономического развития стало повышение цен на мировых рынках, а также отставание роста предложения отечественной продукции от внутреннего

спроса. Это привело к тому, что относительные цены в сельском хозяйстве в этот период снизились, хотя и в меньшей степени, чем в 90-е годы. Период с 2009 года характеризовался уменьшением темпов роста агфляции на мировом продовольственном рынке. В России началась реализация программы структурно-технологической модернизации отраслей агропродовольственного комплекса. Вследствие динамичного роста внутреннего производства в предыдущие годы в ряде секторов начали ощущаться ограничения со стороны спроса. Значимого роста относительных цен в агропродовольственном комплексе не было, а ценовые пропорции и диспропорции оставались относительно стабильными.

Основным фактором межотраслевой сбалансированности агропродовольственного комплекса России, по мнению экспертов-представителей отрасли, является государственная поддержка. Равные условия конкуренции обеспечивает реализация принципа равных условий поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей, создание равных возможностей финансирования из региональных бюджетов, обеспечение условий для расширения доступа к кредитованию всех предприятий и др.

Субсидии из бюджетной системы формируют значительную часть прибыли предприятий (в 2017 году до 55,7%), во многом определяя их уровень рентабельности. Вместе с тем, в ряде случаев имеет место снижение объема прибыли (без субсидий из бюджета), как это было в 2017 году, при достижении высоких показателей экономического роста отраслей комплекса в урожайные годы. Такое положение говорит о неэффективности механизмов противодействия нарушению ценового паритета между отраслями сельского хозяйства и другими отраслями, отсутствии навыков управления ситуацией.

Несмотря на рост прибыли, который в 2018 году был выше уровня 2017 года на 15,1% (ее величина составила 314 млрд руб), не произошло роста рентабельности, она увеличилась незначительно - на 1,09%, достигнув уровня 12,5% без субсидий, что ниже целевого показателя в 15%. При этом удельный вес прибыльных хозяйств в общей численности сельскохозяйственных организаций составляет 83% (на 0,3 п.п. выше предшествующего года) при сокращении их общего количества. По данным Национального доклада [1], где приведена группировка сельскохозяйственных организаций по уровню рентабельности, самой представительной является группа предприятий с уровнем рентабельности от 0 до 10%, составляющая 40 % от их общего числа.

Наиболее прибыльными секторами животноводства на сегодня являются свиноводство и производство молока, где рентабельность достигла 14–15%. Однако в производстве молока такой показатель получен за счет молочных субсидий, и при их ожидаемом снижении показатели прибыльности отрасли сократятся. В свиноводстве в последние три года работал эффект замещения доли личных подсобных хозяйств. Ограничения на импорт, небольшое снижение цен на зерновые дали возможность товаропроизводителям сохранить достойный уровень цен. Птицеводство представляет рынок относительно высокой конкуренции и показывает невысокие, но устойчивые показатели рентабельности.

В овощеводстве наблюдался наибольший рост инвестиций в основной капитал, но относительно большая доля предприятий, находящихся на начальном этапе развития, сохраняют низкие показатели прибыльности и рентабельности основных средств.

Субсидии сельскохозяйственным производителям из бюджетов всех уровней обнаруживают понижающую тенденцию. В 2018 году они составили 67,7% от уровня 2013 года. Между тем они остаются одним из ключевых факторов в принятии инвестиционных решений в агропродовольственном комплексе, поэтому для бизнеса очень важно понимание политики субсидирования на долгосрочную перспективу и уверенности в выполнении государственных обязательств.

Инвестиции в отрасли агропромышленного комплекса имеют очень неустойчивую динамику. Их снижение в 2014 и 2015 гг. сменилось существенным приростом в 2016–2018 гг., который составил 27,4 %. Такой рост объема инвестиций в отрасли комплекса дал возможность вернуться к уровню 2013 года. В пилотной Государственной программе одной из целей определено достижение индекса физического объема инвестиций в основной капитал сельского хозяйства в 2018 году на уровне 111,1% - 111,7% к 2015 году.

Неустойчивое положение в инвестиционной сфере наблюдается не только в сельском хозяйстве, но и в ресурсопроизводящих отраслях, особенно в сельскохозяйственном машиностроении. Индекс объема инвестиций в основной капитал стал самым уязвимым показателем при оценке устойчивости развития отраслей комплекса, особенно сельского хозяйства и отраслей по производству машин и оборудования. Поэтому большое значение имеют субсидии производителям сельскохозяйственной техники. В 2018 году эти субсидии были направлены как на развитие основного производства, так и на разработку новых видов сельскохозяйственной техники. Стимулирование инвестиционной активности в агропромышленном комплексе и создание новых высокотехнологичных рабочих мест путем формирования благоприятных инфраструктурных условий является одним из важнейших мероприятий по устойчивому развитию сельских территорий.

Наряду с анализом динамики цен, потоков инвестиций, субсидий представляет интерес предпринимательская нагрузка в отраслях комплекса. Отмечается увеличение темпов роста налоговой нагрузки в сельском хозяйстве и пищевой промышленности (табл.3).

Таблица 3 -Динамика налоговой нагрузки отраслей агропродовольственного комплекса в 2012-2017 гг. (без НДС), 2012 г. = 100 %

Отрасли	2013	2014	2015	2016	2017
Растениеводство, животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этой области	99,9	154,2	199,6	217,6	216,8
Производство пищевых продуктов	113,4	119,8	123,9	141,4	46,9

В период реализации Государственной программы сохраняются налоговые льготы для сельскохозяйственных товаропроизводителей, что содействует росту инвестиционной и инновационной привлекательности отрасли.

Не все показатели, характеризующие межотраслевую сбалансированность, по причине трудностей получения информации и невозможной количественной измеримости могут быть представлены в анализе. К ним можно отнести: все показатели предпринимательской нагрузки на отрасли комплекса, финансовые потоки, кредитные отношения и др. Более того, в анализ должны быть вовлечены не только сельскохозяйственные организации, но и малые формы хозяйствования, фермеры.

Заключение.

Игнорирование проблемы межотраслевой сбалансированности, структурных факторов приводит к искажению ценовых пропорций, неоправданному преуспеванию одних отраслей в ущерб другим, вытеснению отечественной продукции импортом и др. Возникающие при этом структурные диспропорции могут трансформироваться в устойчивые ограничения экономического роста.

Изменения в ценовых соотношениях наряду с ростом инвестиций в основной капитал, ростом субсидий, затрат на НИОКР являются факторами, которые определяют интенсивность структурных сдвигов, способствующих межотраслевой сбалансированности. Структурные сдвиги определяются изменениями в структуре затрат под воздействием изменений в относительных ценах и в технологиях производства.

Обеспечение межотраслевой сбалансированности не исчерпывает решение проблемы ее ценовой составляющей. Для этого необходимо исследование взаимоотношений сельского хозяйства с бюджетом, кредитной системой, другими отраслями экономики, всей системы финансовых потоков. Обеспечение ценового паритета рассматривается как составная часть процесса обеспечения межотраслевого обмена. Межотраслевой паритет - более широкое понятие, нежели ценовой, поскольку паритетность обмена может быть обеспечена использованием государством других экономических инструментов - бюджетного финансирования расходов на социальное развитие села, дотаций, кредитной политики и др.

Для обеспечения устойчивости межотраслевой сбалансированности необходима гарантированность действующих механизмов государственной поддержки отраслей агропродовольственного комплекса, использование механизмов регулирования ценовой ситуации.

Список литературы:

1. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2018 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы. – URL: [http:// government.ru/docs/37271/](http://government.ru/docs/37271/)
2. Сельское хозяйство России / МСХ РФ. Москва, 2018. - 55 с.
3. Продукция сельского хозяйства в 2017 году / Росстат. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/bul_dr/sx/sxprod2017.xls (дата обращения 15.10.2018)
4. Цены в России. 2018: Стат. сб./ Росстат. - М., 2018. – 142 с.
5. О динамике цен производителей сельскохозяйственной продукции и цен на приобретенные сельскохозяйственными организациями товары и услуги в 2013-2017 годах / Росстат. 2018. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/zen-sel17.rar (дата обращения 15.10.2018).
6. Ермолова О. В., Кирсанов В. В. Особенности формирования продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе России // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2018. - № 12. - Том 7 (84). - С. 71-79.

ДИНАМИКА И ФАКТОРЫ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИИ

Кирсанов В.В., к.э.н., ИАГП РАН

Проанализированы изменения динамических и структурных параметров в агропродовольственном комплексе России. Структурная сбалансированность рассматривается как важнейший фактор конкурентоспособности в условиях растущей открытости экономики. Выделены основные факторы, обуславливающие дифференциацию уровней развития и влияющие на сбалансированность экономического роста отраслей комплекса. Обосновано, что приоритетными задачами управления являются: обеспечение согласованного развития отраслевых и межотраслевых цепочек добавленной стоимости. Предложены направления совершенствования механизмов государственной поддержки приоритетных изменений в структуре агропродовольственного комплекса.

Ключевые слова: структурные изменения, агропродовольственный комплекс, сбалансированность, государственная поддержка, программно-проектное управление.

DYNAMICS AND FACTORS OF STRUCTURAL CHANGES IN AGRO-FOOD COMPLEX IN RUSSIA

Kirsanov V.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The changes in the dynamic and structural parameters in the agro-industrial complex of Russia are analyzed. Structural balance is considered as the most important factor of competitiveness in conditions of growing openness of the economy. The main factors that determine the differentiation of development levels and affect the balance of economic growth of the branches of the complex are identified. It has been substantiated that the priority management task is to ensure the coordinated development of industry and intersectoral value-added chains. They are proposed directions for improving the mechanisms of state support for priority changes in the structure of the agro-food complex.

Keywords: structural changes, agro-food complex, balance, state support, program-project management

Введение.

Устойчивое сбалансированное развитие агропродовольственного комплекса является важной предпосылкой гарантированного обеспечения населения страны качественными и доступными продуктами питания за счет отечественного производства. Современное состояние агропродовольственного комплекса России характеризуется незавершенностью структурной перестройки, наличием существенных диспропорций между важнейшими структурными элементами, что не позволяет использовать весь имеющийся потенциал роста.

Переход к этапу сбалансированного эффективного роста требует проведения структурной модернизации с добавлением недостающих звеньев, повышением уровня внутрикомплексной сбалансированности используемых факторов производства, укреплением вертикальных межотраслевых связей и сокращением транзакционных издержек, связанных с приобретением необходимых ресурсов. Долгосрочное конкурентное развитие агропродовольственного комплекса на основе структурной модернизации требует формирования многоуровневой системы механизмов управления. На необходимость согласованности, внутренней непротиворечивости и сбалансированности различных элементов в механизмах управления сложными социально-экономическими системами указывает академик А.Д. Некипелов, предлагая объяснение причинам длительного - «фактически на постоянной основе», а не «в течение короткого периода времени для борьбы с перегревом экономики» - использования «запретительной для нормальной инвестиционной активности процентной ставки для поддержания относительной стабильности других финансово-экономических параметров хозяй-

ственного развития – валютного курса, инфляции, сбалансированности государственного бюджета» [1].

Цель исследования.

Целью настоящего исследования является анализ изменений динамических и структурных параметров в агропродовольственном комплексе России; обоснование направлений совершенствования механизмов государственной поддержки приоритетных изменений в структуре агропродовольственного комплекса, позволяющих обеспечить его структурную сбалансированность развития.

Методика исследований.

В процессе исследования использовались основные положения структурного и ситуационного анализа с привлечением статистических методов обработки данных.

Результаты исследований.

Пять лет непрерывного роста (2013-2017 гг.) сельскохозяйственного производства позволяли говорить об отрасли как о «драйвере» экономики России. За этот период улучшилось финансовое состояние организаций отрасли и расширились возможности для продолжения положительной динамики роста. За счёт внедрения передовых технологических сдвигов повысился уровень интенсификации производственных процессов. С использованием мер государственной поддержки удалось стабилизировать уровень рентабельности производства в сельскохозяйственных организациях, сократить число убыточных предприятий. Более половины из 17,5 тысяч организаций достигли 2018 году уровня рентабельности от 0 до 20 % (53,4 %, в 2017 году – 52,2 %), в том числе: от 10 до 20 % - 17,6 % организаций, свыше 20 % – 29,8 % организаций (в 2017 году - 30,9 %). Доля убыточных предприятий снизилась до 16,7% [2]. Тем не менее, достигнутый уровень рентабельности для значительного числа организаций ниже целевых параметров (на 2018 год – 15 %) и не является приемлемым для ведения расширенного воспроизводства с одновременным ростом масштабов и эффективности производства.

Важным результатом реализации политики импортозамещения стало достижение целевых уровней продовольственной независимости и самообеспечения по тем продуктовым группам, где сроки окупаемости инвестиций были относительно короткие, а доходность сохранялась на высоком уровне. Однако действие факторов формирования благоприятных условий роста, связанных с ограничением конкуренции со стороны иностранных производителей и во многом обеспечивавших положительную динамику развития агропродовольственного комплекса в последние годы, носит краткосрочный характер и не может радикально улучшить условия воспроизводства в отрасли. По данным Росстата, доля созданной валовой добавленной стоимости по виду экономической деятельности «Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях» в валовой добавленной стоимости по всей экономике (в текущих основных ценах) росла до 2015 года, достигнув 3,88 %, и в дальнейшем сокращалась, составив в 2018 году 3,11 %. По виду деятельности «Производство пищевых продуктов, напитков, табачных изделий» этот показатель за аналогичный период также снизился – с 2,02 % до 1,88 % [3]. О рассогласованности изменения материально-финансовых пропорций свидетельствует тот факт, что целевой ориентир по росту объемов продукции сельского хозяйства в 2018 году относительно уровня 2015 года, зафиксированный Госпрограмме, был достигнут (107,2 % или 100,6 % от целевого ориентира), а объем произведенной валовой добавленной стоимости, создаваемой в сельском хозяйстве – нет. Валовая добавленная стоимость возросла с 3214,8 млрд руб. в 2013 году до 3268,6 млрд руб. в 2018 году, целевой ориентир составлял 3600-3750 млрд руб. и был выполнен на 89% [2, с.21].

Перспективы роста и укрепление конкурентных позиций любой отрасли связаны с возможностями генерировать рабочие места и обеспечивать приток инвестиций, в том числе за счет межотраслевого перелива капитала. Для анализа динамики макропараметров, влияющих на уровень межотраслевой конкурентоспособности, нами использовался применяемый в международной практике показатель удельных трудовых издержек (ULC). Удельные трудовые

издержки отражают соотношение общих затрат на рабочую силу и объема производства. Снижение показателя ULC повышает конкурентоспособность и наоборот. Оценка в валютном эквиваленте позволяет проводить межстрановые сопоставления. Считается, что этот индикатор напрямую влияет на международную конкурентоспособность предприятий торговых (вовлеченных в международную конкуренцию) секторов экономики. Отметим, что по данным OECD в 2001–2017 гг. ULC в российской экономике в целом росли самыми быстрыми темпами среди развитых и среднеразвитых экономик (около 14% в среднем за год при росте почасовой заработной платы в валютном выражении на 17% и производительности труда – на 2,6%) [4, с.91], что отрицательно влияло на международную конкурентоспособность российских предприятий.

Анализ изменения межотраслевой конкурентоспособности, проведенный с использованием показателей в национальной валюте, свидетельствует о том, что сельское хозяйство не отставало, но и не имело значимых конкурентных преимуществ по сравнению с другими видами экономической деятельности (табл. 1) даже при опережающем приросте производительности (13,0 % против 1,0 % в целом по экономике за 2015-2017 годы).

Таблица 1 – Динамика соотношения темпов роста номинальной заработной платы и производительности труда в 2015 – 2017 годах

Виды экономической деятельности	2015	2016	2017	в среднем за 2015-2017
В целом по экономике	1,059	1,077	1,047	1,061
Сельское, лесное хозяйство, охота	1,080	1,073	1,045	1,066
Добыча полезных ископаемых	1,086	1,095	1,048	1,076
Обрабатывающие производства	1,074	1,059	1,105	1,079

Источник: составлено с использованием данных Росстата [5, 6].

На динамику составляющих этого показателя оказало определяющее влияние существенное сокращение абсолютной и относительной среднегодовой численности занятых в отраслях сельского хозяйства. С 2000 по 2018 год доля сельского хозяйства (включая охоту и лесное хозяйство) в общей численности занятых по экономике сократилась с 13,9 % до 7,1 % [7]. Уровень номинальной заработной платы по виду экономической деятельности «растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях» устойчиво возрастал и составил в 2018 году 59,1 % от средней по экономике (против 52,9% в 2014 году). Отметим также, что повышение обеспечивалось, прежде всего, за счет выбытия рабочих мест с относительно невысокой оплатой труда в отраслях и регионах с низкими показателями продуктивности ресурсов. Достигнутый уровень заработной платы следует признать недостаточным для привлечения квалифицированных кадров. Понижающее давление на уровень заработной платы оказывает сильная конкуренция за рабочие места, не требующих высокой квалификации работников. По производству пищевых продуктов номинальная плата несколько выше, но также отстаёт от средней по экономике (73,8 % в 2018 году) [6].

Важное воздействие на формирование конкурентных позиций оказывают технологические изменения в производстве сельскохозяйственной продукции. В отрасли выросла энерговооруженность труда – наличие энергетических мощностей в сельскохозяйственных организациях в расчете на 1 работника увеличилось с 51 л.с. в 2000 году до 74 л.с. в 2015 году и до 80 – в 2018 году [8]. В последние годы также растут объемы применяемых минеральных удобрений и средств химической защиты растений, что способствует росту интенсивности производства. Тем не менее, по оценкам Комитета Государственной Думы по аграрным вопросам скорость технологической модернизации признается недостаточной для обеспечения высоких и устойчивых темпов роста [9].

Рост сельскохозяйственного производства способствовал расширению экспортных возможностей и оказал влияние на изменение конкурентных позиций российских производителей на мировых рынках. Экспорт сельскохозяйственного сырья и продуктов питания вырос с 16,3 млрд долл. в 2013 году до 24,9 млрд долл в 2018 году. В товарной структуре экспорта

России доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья выросла с 3,1% в 2013 году до 5,5 % 2018 году [10].

Об изменении относительной конкурентоспособности отечественной продукции на мировом рынке можно судить по динамике номинального показателя защиты производителей (Producer Nominal Protection Coefficient, NPC). Значения этого показателя рассчитываются путем сопоставления внутренних цен с приграничными (мировыми) ценами. Превышение над единицей свидетельствует о том, что национальные производители реализуют свою продукцию по ценам выше приграничных. Высокий уровень конкурентоспособности сохраняется по традиционным экспортным позициям (зерновые, подсолнечник), по ряду товаров (свинина, мясо птицы и др.) уровень относительной конкурентоспособности вырос, что делает возможным конкурентное присутствие на мировых рынках. Уровень цен на внутреннем рынке по большинству товарных позиций остаётся более высоким в сравнении с ценами мирового рынка, поэтому возможности успешной конкуренции имеются на ограниченных сегментах мирового рынка (табл. 2).

Таблица 2 – Динамика номинального показателя защиты производителей и потребителей в России в 2013 – 2018 годах

	Producer NPC		Consumer NPC	
	2013	2018	2013	2018
NPC в целом	1,088	1,097	1,113	1,136
Пшеница	0,995	0,924	0,995	0,924
Семена подсолнечника	0,783	0,931	0,783	0,931
Молоко	1,055	1,498	1,004	1,473
Говядина и телятина	1,606	1,266	1,603	1,264
Свинина	1,463	1,102	1,419	1,099
Мясо птицы	1,218	1,079	1,196	1,077
Сахар	1,160	1,767	1,004	1,473

Источник: составлено с использованием Базы данных OECD «Agricultural policy monitoring and evaluation» [11]

Объем и структура государственной поддержки не только формирует условия устойчивого функционирования производителей на внутреннем рынке, но и прямо влияет на конкурентоспособность национальных производителей на мировых рынках. По оценке OECD, значения показателя уровня поддержки производителей в сельском хозяйстве России (Percentage PSE – Producer Support Estimate) оставались примерно одинаковыми и колебались от 14,6 % в 2013 году до 12,4 % в 2017 году (2018 год – 13,2 %). В Европейском союзе уровень поддержки сложился на стабильно более высоком уровне (2018 год – 20,0 %), что способствовало формированию сильных конкурентных позиций европейских производителей на мировых рынках. Уровень поддержки в США вырос с 6,8 % в 2013 году до 12,2 % в 2018 году, что способствовало росту аграрного экспорта. Китай имел уровень, сопоставимый с российским (2018 год – 14,3 %) [11]. Необходимо также отметить, что власти стран, традиционно являющихся нашими торговыми партнерами, активно увеличивают поддержку собственных производителей. Например, в Турции и Египте развернуты масштабные программы по стимулированию фермеров. В Турции уровень поддержки производителей PSE в настоящее время выше российского (21,3% - 25,3 % в 2013-2017 годах). В целом, по данным OECD, 54% поддержки сельскохозяйственных производителей обеспечивается политикой, которая искусственно поддерживает внутренние цены на сельхозпродукцию выше мирового уровня [12], что способствует росту внутреннего производства и увеличению возможностей конкурентного присутствия на мировых рынках.

Согласно прогнозу ФАО на 2019-2028 годы, глобальный спрос на сельскохозяйственную продукцию увеличится в течение ближайшего десятилетия на 15 %, тогда как рост мирового сельскохозяйственного производства будет расти быстрее и сдерживать рост цен, которые с учетом инфляции останутся на уровне или ниже текущих значений [13].

Конкурентные преимущества российских производителей нивелируются из-за несбалансированности межотраслевых взаимодействий, высоких транзакционных издержек. Оце-

нивая конкурентные преимущества в самой проблемной отрасли - молочном животноводстве - Председатель Правления Национального союза производителей молока (Союзмолоко), Президент одной из крупнейших российских интегрированных компаний ГК «ЭкоНива» (занимает по производству сырого молока первое место в России и примерно пятое место в мире) Ш.Дюрр подчеркнул: «В структуре себестоимости мы сильно выигрываем по затратам на корма, что обусловлено относительно дешевой землей и неплохими природно-климатическими условиями. И сильно проигрываем по накладным расходам» [14].

Представляется, что в условиях более жесткой конкуренции государственная поддержка расширения возможностей для экспорта может стать определяющим условием коммерческого присутствия национального бизнеса на мировом рынке. Качественно новый этап развития должен быть связан не с ростом объемов экспортных операций с излишками продукции, а с формированием национальных межотраслевых сегментов глобальных воспроизводственных систем и выходом на более высокий уровень производственной кооперации, что будет способствовать большей устойчивости конкурентных позиций.

Государство играет важную роль в формировании позитивных тенденций в агропродовольственном комплексе. Рентабельность сельскохозяйственных организаций с учетом государственных субсидий в 2018 году составила 12,5 %, без учета субсидий – всего 6,4% [2, с.29]. Без государственной поддержки конкурентные позиции отечественных товаропроизводителей на внутреннем и мировом рынках были бы существенно слабее. Несмотря на значительную роль системы государственной бюджетной поддержки в формировании положительной динамики производственных и финансовых результатов деятельности отраслей сельского хозяйства и обеспечении приоритетных структурных изменений в агропродовольственном комплексе в целом, доля расходов из консолидированного бюджета в ВВП страны снижается. В 2018 году она сократилась до 0,38 % (0,43 % в 2015 году). Доля расходов регионов, направляемых из собственных доходов, в общих расходах относительно невелика и составляла в 2018 году 38,3 % [15].

Изменение межотраслевых пропорций обмена отражает динамика относительных цен. Превышение среднего уровня позволяет говорить об улучшении условий воспроизводства в отрасли и усилении конкурентных позиций. В данном случае в анализе использовались показатели динамики цен производителей и потребителей продукции агропродовольственного комплекса, соотнесенные с динамикой потребительских цен (по индексу потребительских цен). Как видно из рисунка 1, розничные цены на продовольственные товары превысили фоновый уровень инфляции в год начала санкционного противостояния и устойчиво превышали его всё последующее время. Динамика цен производителей продукции растениеводства и животноводства была ниже уровня инфляции. Цены на промышленные товары и услуги, приобретаемые сельскохозяйственными организациями, были выше цен реализации продукции сельского хозяйства. Таким образом, можно сделать вывод о том, что паритет межотраслевого обмена нарушался не в пользу организаций сельского хозяйства.

В России формируется новая модель экономического роста. Ее важнейшими элементами выступают переход от стимулирования спроса к стимулированию предложения, усиление проектного подхода в государственном управлении на основе сформулированных национальных целей и проектов. В настоящее время ведется активная дискуссия по вопросам ускорения темпов роста и поиска источников этого роста, адекватных возможностям страны. Признается, что при сохранении сегодняшних темпов экономического роста добиться повышения конкурентоспособности в агропродовольственном комплексе сложно. Актуальный прогноз Минэкономразвития России предполагает сохранение положительных, но невысоких темпов роста. В соответствии с ним производство сельхозпродукции в стране по итогам 2019 года должно вырасти на 1,3%, а пищевых продуктов – на 3,7%. Согласно базовому сценарию, производство продукции сельского хозяйства к 2022 году увеличится на 6,7%, а к 2024-му – на 11,4% по сравнению с уровнем 2018-го. Выпуск пищевых продуктов за этот период вырастет на 17,7% и 30% соответственно. Доля сельскохозяйственного производства в общем объеме ВВП страны к концу прогнозируемого периода сократится до 3% [17].

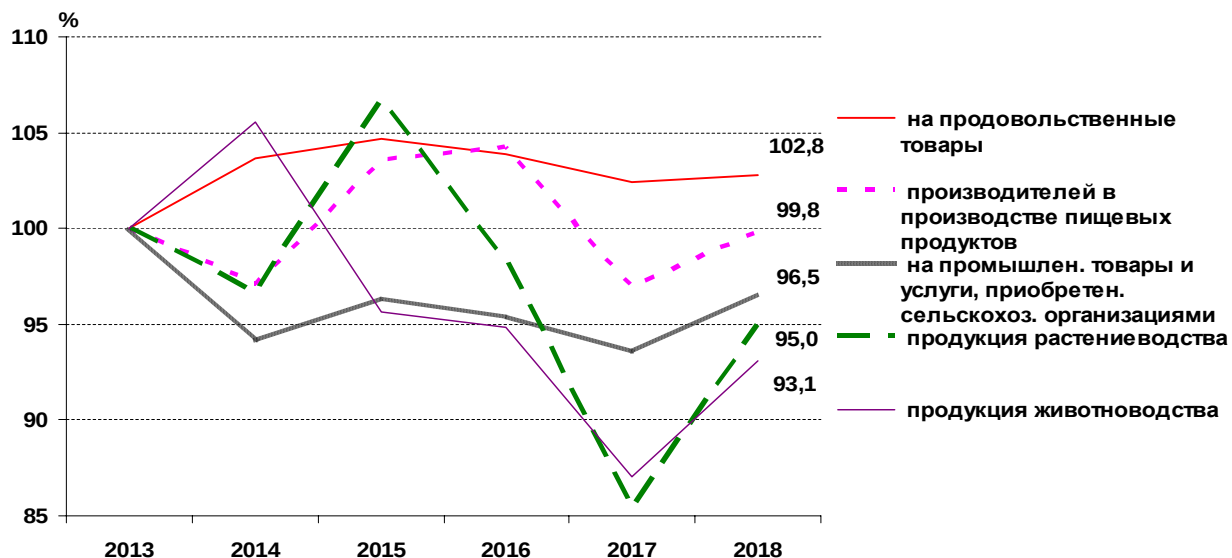

Рисунок 1 – Динамика относительных цен в агропродовольственном комплексе России (2013 год = 100 %, индексы цен соотнесены с индексом потребительских цен)

Источник: составлено с использованием данных Росстата [16].

По мнению академика В.В. Ивантера, «переход к низким темпам роста критически ограничивает возможности достижения национальных целей развития. При таком сценарии сохранится и даже увеличится отставание от развитых стран по показателям развития и потенциальным возможностям экономики» [18, с.5]. Инвестиции рассматриваются в качестве ключевого фактора обеспечения высоких темпов роста и структурной перестройки в соответствии с выбранными приоритетами развития. По мнению академика А.Г.Аганбегяна, «старые источники экономического роста себя изжили и требуется незамедлительное форсирование роста инвестиций в основной капитал, а также вложений в человеческий капитал, в сферу «экономики знаний» (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение), как его главную составную часть» [19, с.3].

В ведущейся в настоящее время дискуссии по приоритетным источникам и направлениям экономического роста внимание научной общественности акцентируется на соотношении мер по стимулированию спроса и предложения. В последние годы вектор правительственных решений направлен на поддержку предложения за счет бюджетных инвестиций и реализации крупных проектов с государственным участием. Это относится и к отраслям агропродовольственного комплекса. В рамках реализации утвержденного правительством РФ плана действий по ускорению темпов роста инвестиций в основной капитал и повышению до 25% их доли в валовом внутреннем продукте [20], Минсельхозу России установлены целевые показатели в сфере агропромышленного комплекса. К 2024 году объем привлекаемых частных средств в сельское и лесное хозяйство, охоту и рыболовство должен вырасти до 822 млрд руб. по сравнению с 444 млрд руб. в 2017 году. При среднегодовом темпе роста в 4,5%, объем инвестиций в производство пищевых продуктов к 2024 году планируется увеличить до 356 млрд руб. по сравнению со 192 млрд руб. в 2017 году.

В настоящее время норма накопления (отношение инвестиций в основной капитал к валовой добавленной стоимости) складывается ниже уровня целевых значений (рис. 2), а накопленное недофинансирование негативно сказывается на перспективах экономического развития. Полагаем, что наблюдаемый в 2018 году рост значения нормы накопления в сельском хозяйстве (24,5 %) в большей степени свидетельствует о невысоком объеме созданной в отрасли добавленной стоимости, нежели о достижении нормативных параметров.

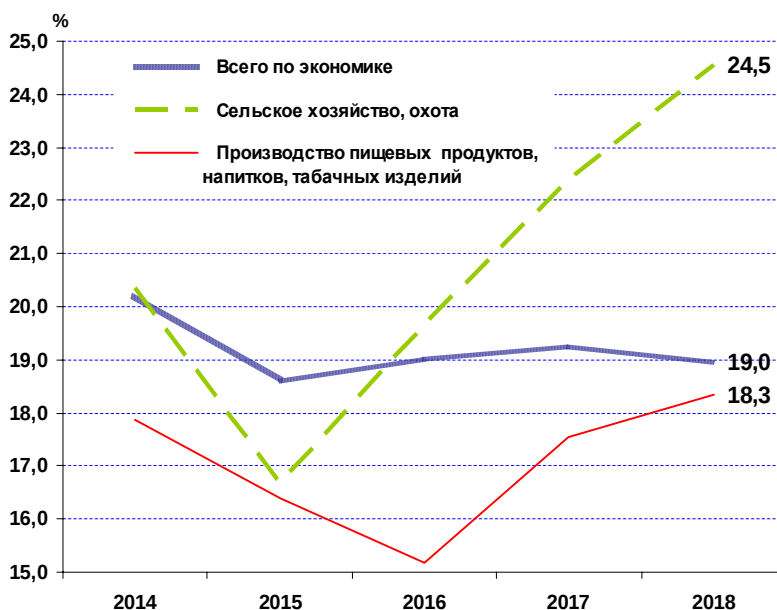

Рисунок 2 – Динамика доли инвестиций в валовой добавленной стоимости (%)

Источник: составлено с использованием данных Росстата [3, 21].

Одних только возможностей бюджетного финансирования недостаточно для проведения структурной модернизации в агропродовольственном комплексе в соответствии с требованиями гарантированного обеспечения продовольственной независимости страны и повышения эффективности производства до уровня, позволяющего успешно конкурировать на мировых рынках. Мы согласны с академиком В.В. Ивантером в том, что «возможности ускорения роста за счет ресурсов государства серьезно ограничены» [18, с.11]. По мнению Набиуллиной Э.С., необходимо сосредоточить усилия на создании условий для формирования благоприятного инвестиционного климата для обеспечения рыночного роста, отсутствие которого является главным риском российской экономики [22]. С другой стороны, «в текущих условиях структурной несбалансированности, избытка производственных мощностей, подавленного спроса, высоких реальных процентных ставок и роста производственных издержек опора на инструменты макрофинансовой стабилизации не может обеспечить устойчивые темпы экономического роста выше 1,5-2%» [18, с.5].

По оценке Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, рост валового потребления домохозяйств и расширение платежеспособного спроса населения могут стать важнейшим источником финансирования роста отраслей агропродовольственного комплекса [23]. Потребительские расходы на продовольственные товары составили в 2018 году 15,06 трлн руб. Они являются важным источником инвестиций в основной капитал, которые достигли 1,07 трлн руб. (сумма по видам экономической деятельности: сельское хозяйство, рыболовство и рыбоводство, пищевые продукты, включая напитки, и табачные изделия) [24]. В сложившейся модели функционирования российского продовольственного рынка равновесные состояния поддерживаются в значительной мере за счет «отрицательного трансферта потребителя», означающего переплату потребителями превышения внутренних цен над ценами мирового рынка. Из данных таблицы 2 видно, что значения показателя «Consumer NPC» по большинству продуктов превышает единицу, что свидетельствует о том, что цены для потребителей на внутреннем рынке выше мировых. По оценке OECD, в России расходы потребителей на поддержку производителей сельхозпродукции выросли с 328,3 млрд руб. в 2013 году до 552,8 млрд руб. в 2018 году в текущих ценах [11]. Переплата потребителями превышения внутренних цен над ценами мирового рынка в условиях стагнации доходов населения отрицательно сказывается на жизненном уровне и одновременно не стимулирует товаропроизводителей к росту конкурентоспособности. Главная причина слабости внутреннего спроса – многолетняя стагнация реальных доходов населения. Сложившийся уровень дохо-

дов и структура потребления российских семей не соответствует достигнутому страной уровню экономического развития.

Целенаправленно реализуемая стратегия сбалансированного экономического роста должна способствовать структурной перестройке. Нахождение баланса между интересами потребителей и производителей сельскохозяйственной продукции и продовольствия является одной из важнейших задач государственного управления на современном этапе. Логика и сценарии дальнейших изменений связаны с необходимостью обеспечения целостности и сбалансированности развития многоотраслевой агропродовольственной системы, повышения степени интегративности экономического пространства за счет интенсификации межрегиональных связей, формирования конкурентной специализации регионов, эффективного встраивания в глобальные цепочки создания стоимости [25].

Более широкое применение проектного подхода в управленческой практике позволит выйти на новый уровень системности государственного воздействия на развитие отраслей агропродовольственного комплекса. Использование «проектного» подхода позволяет усилить проблемно-ориентированный характер госпрограмм, их нацеленность на решение конкретных приоритетных задач развития. Проектный подход позволяет четче формулировать приоритеты и планировать их более полное ресурсное обеспечение. Расширение практики использования проектного подхода позволит обеспечить ведущую роль государства в целеполагании и активно использовать инструменты частно-государственного партнерства при сохранении координирующей роли государства. Применение технологий проектного финансирования развития в рамках программно-целевого планирования предоставляет региональным органам управления больше самостоятельности в принятии решений. Главные сложности связаны с механизмами согласования интересов федерального и регионального уровней в выборе приоритетов.

Новые возможности концентрации средств на региональных приоритетах возникают в рамках «единой» субсидии, когда субъекты Российской Федерации самостоятельно определяют объемы, формы и методы государственной поддержки по соответствующим приоритетным направлениям, исходя из специфики сельхозпроизводства, природно-климатических и других особенностей региона. Система распределения субсидий из федерального бюджета должна учитывать сложившуюся специализацию региона и обеспечивать устойчивость и преемственность развития их агросистем. С другой стороны, важно содействовать капитализации региональных конкурентных преимуществ. Этим требованиям соответствуют новые правила распределения субсидий, которые начнут действовать с 2020 года. Предусматривается разграничение двух направлений государственной поддержки: компенсирующая и стимулирующая субсидии. Компенсирующая субсидия на поддержку сельхозпроизводства будет предоставляться всем регионам и направляться на оказание несвязанной (погектарной) поддержки, повышение продуктивности в молочном скотоводстве, поддержку племенного животноводства и элитного семеноводства, развитие традиционных подотраслей растениеводства и животноводства, а также на поддержку сельхозстрахования. Критерияльной основой формирования региональной структуры распределения будет сложившаяся доля каждого региона в общем значении показателей по России. Стимулирующая субсидия будет предоставляться регионам как часть ресурсного обеспечения достижения согласованных с федеральным центром целевых показателей по приоритетным для них отраслям АПК. Эта субсидия также будет направляться регионам с низким уровнем социально-экономического развития их агросистем (10 субъектов). Предполагается, что в федеральном бюджете 2020 года на компенсирующую субсидию будет предусмотрено 34 млрд руб. или 56 % общей суммы компенсирующей и стимулирующей частей.

Такой подход к выбору и целевой поддержке приоритетных для региона отраслей не является новым, но использование принципов проектного финансирования обуславливает большую жесткость требований к бюджетной эффективности выделяемых ресурсов. Предлагаемые изменения потребуют нового качества взаимодействия федеральных и региональных уровней управления. На ближайшие три года в рамках госпрограммы такими перспективны-

ми направлениями являются: молочное животноводство, производство крупного рогатого скота, овцеводство, в растениеводстве – производство зерновых и зернобобовых культур, масличных, расширение виноградников, садов.

Заключение.

Переход от этапа обеспечения роста объемов производства до установленных параметров продовольственной независимости к этапу сбалансированного эффективного роста обуславливает необходимость совершенствования форм и механизмов государственной поддержки. Эволюция подходов к объектам и методам государственной поддержки отражает поиск баланса в системе приоритетов между: селективными и общесистемными мерами, федеральным и региональным видением решения проблем, продуктовыми или институциональными доминантами. Повышению эффективности структурной модернизации агропродовольственного комплекса, осуществляемой через государственное программно-проектное управление, будет способствовать усиление роли балансового подхода к обоснованию приоритетов финансирования отраслевых и региональных проектов; рост объемов и диверсификация источников финансирования агропродовольственной сферы; стимулирование формирования технологических цепочек добавленной стоимости на основе вертикальной интеграции; расширение зоны взаимодействия федерального центра и субъектов Федерации по совместному финансированию мер по развитию и регулированию рынков; содействие формированию конкурентной специализации регионов на основе капитализации их конкурентных преимуществ, превращение их в фактор роста; развитие процессов кооперации малых форм хозяйствования и включения их в цепочки межотраслевых взаимодействий [26].

Важным условием перехода к этапу сбалансированного эффективного роста является разработка комплексной Стратегии социально-экономического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на долгосрочный период.

Список литературы:

1. Некипелов А.Д. Какая макроэкономическая политика нужна современной России? Доклад на заседании Секции экономики Отделения общественных наук РАН, М., 30 января 2019 г. – URL: https://mse.msu.ru/wp-content/uploads/2019/01/ПрезентацияДоклада_Секция-ЭкономикиООНянварь2019_вариант1.pdf (дата обращения 01.07.2019).
2. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2018 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия / МСХ РФ, 2019. - с. 28.
3. Структура валовой добавленной стоимости по отраслям экономики. Годовые данные по ОКВЭД 2 (КДЕС Ред. 2) / Росстат. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/str-vds-okved2-det.xls (дата обращения 01.07.2019).
4. OECD Compendium of Productivity Indicators 2019 / OECD. April 2019.– URL: https://read.oecd-ilibrary.org/industry-and-services/oecd-compendium-of-productivity-indicators-2019_b2774f97-en#page91 (дата обращения 01.07.2019).
5. Индексы производительности труда в экономике Российской Федерации в 2015-2017 г.г. / Росстат.– URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/ipt-okved2.xlsx. (дата обращения 01.07.2019).
6. Среднемесячная начисленная номинальная и реальная заработная плата работников организаций / Росстат. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/ (дата обращения 01.07.2019).
7. Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности / Росстат. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/ (дата обращения 01.07.2019).
8. Энерговооруженность труда в сельскохозяйственных организациях / Росстат. - URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/effect/2-2-5.xls (дата обращения 01.07.2019).
9. Кашин В.И. Энерговооруженность АПК. Реальность и перспективы / Доклад на Пленарной Конференции «Обновление парка сельскохозяйственной техники». 08.07.2019. –

URL: http://www.komitet2-20.km.duma.gov.ru/upload/site2/document_news/019/353/592/2019_07_08_DOKLAD_-_TEKhNIKA.docx. (дата обращения 10.07.2019).

10. Портал внешнеэкономической информации Минэкономразвития. [Электронный ресурс] URL: http://www.ved.gov.ru/monitoring/foreign_trade_statistics/basic_goods_export/ Дата обращения 01.07.2019.

11. База данных OECD «Agricultural policy monitoring and evaluation». – URL: <http://www.oecd.org/agriculture/topics/agricultural-policy-monitoring-and-evaluation/> (дата обращения 01.07.2019).

12. Agricultural Policy Monitoring and Evaluation - 2019 / OECD. 01 Jul 2019– URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/39bfe6f3-en.pdf?expires=1562582567?шв=шв?фсстфью=щшв008831?сруслыгь=B8ИИФ28A9137572У7АВСФ8АИ6В144293> (дата обращения 01.07.2019)ю

13. OECD-FAO Agricultural Outlook 2019-2028 / FAO and OECD, 2019. - 326 p.

14. Штефан Д. Доклад о перспективах молочного рынка России и развитии «ЭкоНивы» на VII Летнем молочном саммите, Санкт-Петербург, 27 мая 2019 года. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tSXlz9SztIw> (дата обращения 01.07.2019).

15. Консолидированный бюджет Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов / официальный сайт Федерального казначейства. – URL: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzheto/konsolidirovannyj-byudzheto/>; <http://www.roskazna.ru/upload/iblock/27b/otchet-ob-ispolnenii-kbrf-za-2018-god.zip>. (дата обращения 01.07.2019).

16. Индексы цен на промышленные товары и услуги, приобретенные сельскохозяйственными организациями, по Российской Федерации / Росстат. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/# (дата обращения 01.07.2019).

17. Сценарные условия прогноза социально-экономического развития на 2019–2024 годы / Минэкономразвития РФ.– URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/9935ff6e-7656-447f-beb1-865e1344c690/09042019.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=9935ff6e-7656-447f-beb1-865e1344c690>. (дата обращения 01.07.2019).

18. Ивантер В.И. Возможности ускорения темпов экономического роста в России // Общество и экономика. - 2019. - № 7. - С. 5-11.

19. Аганбегян А.Г. О неотложных мерах по возобновлению социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. – 2019. - № 1. - С. 3-15.

20. Отраслевой раздел Плана действий по ускорению темпов роста инвестиций в основной капитал и повышению до 25% их доли в валовом внутреннем продукте. Постановление Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 1315п-П13.

21. Инвестиции в основной капитал / Росстат. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/# (дата обращения 01.07.2019).

22. Набиуллина Э.С. Выступление на XXVIII Международном финансовом конгрессе 4 июля 2019 года. – URL: <https://www.cbr.ru/press/st/2019-07-04/> (дата обращения 01.07.2019).

23. Ивантер В.В. Потенциал экономического роста в России / Доклад на Московском академическом экономическом форуме 15 мая 2019 года. – URL: <https://ecfor.ru/publication/vystuplenie-potentsial-ekonomicheskogo-rosta-v-rossii/> (дата обращения 15.07.2019).

24. Оборот розничной торговли / Росстат. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/torg/rozn/rozn21.xls (дата обращения 01.07.2019).

25. Ермолова О.В., Кирсанов В.В. Особенности формирования продуктовых цепочек в агропродовольственном комплексе России // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2018. - Том 7 (84). - № 12. - С. 71-79.

26. Ермолова О.В., Кирсанов В.В. Управление структурными изменениями в агропродовольственном комплексе // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2018. - Том 1. - № 12. - С. 59-68.

СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ РОСТА ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Потапов А.П., к.э.н., ИАГП РАН

В статье обоснована необходимость достижения сбалансированности механизмов повышения эффективности использования ресурсного потенциала аграрного производства для достижения продовольственной независимости и безопасности страны. На основе экономико-математических расчетов структуры ресурсоемкости производства аграрной продукции в России выявлены резервы повышения эффективности, связанные с увеличением объемов и доли вложений предприятий сельского хозяйства в химизацию производства. Выявлены приоритеты роста эффективности использования отдельных видов ресурсов, что позволило согласовать экономические механизмы для формирования сбалансированного ресурсного потенциала аграрного производства.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, аграрное производство, эффективность, экономический механизм, сбалансированность.

THE BALANCED ECONOMIC MECHANISMS OF GROWTH OF EFFICIENCY OF USING THE RESOURCE POTENTIAL OF AGRARIAN PRODUCTION

Potapov A.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article substantiates the need to achieve a balance of mechanisms to improve the efficiency of using the resource potential of agricultural production to achieve food independence and security of the country. On the basis of economic and mathematical calculations of the structure of the resource-intensiveness of the production of agricultural products in Russia, they have been identified reserves for increasing efficiency associated with an increase in the volume and share of investments by agricultural enterprises in the production of chemicals. The priorities of growth in the efficiency of using certain types of resources were identified, which made it possible to harmonize economic mechanisms for the formation of a balanced resource potential of agricultural production.

Keywords: resource potential, agricultural production, efficiency, economic mechanism, balance

Введение.

Повышение эффективности использования ресурсного потенциала аграрного производства является актуальной задачей современного развития всего агропродовольственного комплекса страны. От эффективности функционирования крупных отраслевых комплексов зависит общая эффективность всей российской экономики. Эффективность (как экономическая категория) отражает взаимосвязь между двумя составляющими производственного процесса – ресурсами и продуктом. Выход продукции в своей первичной основе зависит от количества и качества ресурсов, их соотношения между собой. Так как ресурсы, используемые в процессе производства, объединены понятием потенциала, то постановка задачи роста эффективности аграрного производства сводится, преимущественно, к эффективности использования его ресурсного потенциала.

Одним из приоритетных направлений роста эффективности использования ресурсного потенциала аграрного производства является достижение его сбалансированности по всей совокупности ресурсов с учетом структуры ресурсов, их качества, соответствия ресурсного потенциала производственным потребностям аграрной сферы при соблюдении прогрессивных нормативных значений взаимной обеспеченности трудовыми, земельными, материальными и финансовыми ресурсами [1]. Для реализации данного направления необходимо создание и внедрение механизма, позволяющего повысить эффективность агропроизводства за

счет формирования и использования ресурсного потенциала, сбалансированного по количеству и качеству ресурсов. Так как формирование и использование ресурсного потенциала происходит посредством реализации комплекса организационно-экономических мер, объединенных в соответствующий механизм, то для обеспечения баланса ресурсного потенциала необходимо обеспечить сбалансированность экономических механизмов по группам ресурсов.

Цель исследования.

Целью настоящей статьи является обоснование сбалансированности экономических механизмов роста эффективности ресурсного потенциала аграрного производства, необходимых для обеспечения продовольственной независимости и безопасности страны.

Методика исследования.

Авторский методический подход к исследованию проблем сбалансированности применительно к ресурсному потенциалу аграрного производства, росту его эффективности, реализации соответствующих механизмов - основан на методологии исследования сбалансированности, как соотношения между двумя или несколькими взаимосвязанными элементами в экономической системе, что приводит к ее устойчивости и способности нивелировать негативные внутренние и внешние воздействия на длительном промежутке времени. Сбалансированность развития многокомпонентных экономических систем, в том числе ресурсного потенциала аграрного производства, а также взаимосвязь сбалансированности ресурсов, которые реализуются в производственном процессе в качестве факторов производства, и результатов их использования, которые влияют на эффективность ресурсного потенциала, было исследовано в работах [2, 3].

С.М. Баскаков отмечает, что в аграрном производстве принцип сбалансированности реализуется через рациональность при распределении ресурсов. Сбалансированность ресурсного потенциала определяется взаимным соотношением между количеством имеющихся ресурсов и размерами их использования. Определение количества того или иного вида ресурсов, необходимых для достижения цели и недопущения их перерасхода, приведет к снижению затрат и повышению экономической эффективности хозяйствования в аграрной сфере [4].

При проведении экономико-математических расчетов зависимости выпуска продукции аграрного производства от объемов использования основных производственных ресурсов в настоящей статье были использованы метод корреляционно-регрессионного анализа в программной среде Microsoft Excel.

Результаты исследования.

Понятие «экономический механизм» в современной литературе трактуется как последовательная реализация совокупности мер государственной аграрной политики с использованием ее инструментов и направлений, нацеленных на повышение эффективности использования ресурсного потенциала аграрного производства для обеспечения продовольственной независимости и безопасности страны [1].

Механизм повышения эффективности использования по одному виду ресурсов должен быть сбалансирован с соответствующим механизмом по другому виду ресурсов. Например, исследование национальных и региональных механизмов государственного регулирования животноводства, отраженных в Государственной программе развития сельского хозяйства до 2025 года, выявило значительные региональные различия в масштабах инновационной поддержки молочного скотоводства [5].

Достижение сбалансированности ресурсного потенциала предполагает изменение его структуры, которое выражается в изменении структуры затрат в пользу ресурсов, повышающих отдачу от использования совокупного ресурсного потенциала.

Для методического обоснования необходимых структурных изменений, повышающих эффективность использования ресурсного потенциала, было проведено экономико-математическое моделирование выпуска продукции в зависимости от уровня и структуры ресурсных затрат с использованием метода построения производственных функций. Стати-

стической базой математических расчетов явились фактические данные международного исследовательского проекта World Input-Output Database (WIOD) [6], методические разработки которого позволили оценить уровень и структуру ресурсных затрат в отраслях национальной экономики по отдельным странам мира, включая Россию. База данных WIOD представлена соответствующими таблицами использования товаров и услуг и таблицами «Затраты – Выпуск» за 15-летний период (с 2000 по 2014 гг.), что позволяет выявить зависимости между основными составляющими расчета эффективности – выпуском аграрной продукции и затратами ресурсов на ее производство. В качестве основы для расчета затрат ресурсов были использованы три укрупненных группы основных производственных ресурсов аграрного производства – продукция машиностроения (машины и оборудование, транспортные средства, компьютеры и электроника), топливно-энергетические ресурсы (нефть и нефтепродукты, газ, электрическая и паровая энергия), химические продукты (главным образом, удобрения). Доля данных ресурсов в общих затратах аграрного производства на продукцию отраслей промышленности, поставляющих ресурсы, составляет 70,4%. Расчет параметров производственной функции был осуществлен с помощью методов корреляционно-регрессионного анализа и с использованием программных средств Microsoft Excel.

Производственная функция для аграрного производства России, показывающая зависимость валового выпуска продукции сельского хозяйства от затрат на продукцию машиностроения, топливно-энергетические ресурсы и удобрения за 2000-2014 годы, выглядит следующим образом:

$$P = 176,226 \cdot M^{0,078} \cdot E^{0,179} \cdot C^{0,548},$$

где P – валовая продукция сельского хозяйства, M – затраты на продукцию машиностроения, E – затраты на топливно-энергетические ресурсы, C – затраты на удобрения.

Коэффициенты степени отражают эластичность результирующего показателя в зависимости от изменения факторных признаков. То есть значения степени при показателях M , E и C показывают, насколько изменится выпуск продукции аграрного производства при изменении соответствующих затрат на 1%. Так, например, при увеличении на 1% вложений в продукцию машиностроения выпуск аграрной продукции увеличится на 0,078%. Повышение затрат на топливно-энергетические ресурсы приводит к росту аграрного производства на 0,179%. При росте инвестиций в химизацию сельского хозяйства соответствующий прирост продукции составит 0,548%.

Рассчитанные параметры производственной функции для условий аграрного производства России показывают более высокую эластичность выпуска продукции по затратам на удобрения по сравнению с затратами на материально-технические и топливно-энергетические ресурсы. Фактические пропорции затрат в стоимостном выражении на основные производственные ресурсы в аграрном производстве России составляют: 1,7 (затраты на продукцию машиностроения) / 3,7 (затраты на топливно-энергетические ресурсы) / 1 (затраты на удобрения). Следовательно, в сфере химизации сельского хозяйства России находится наибольший резерв для увеличения производства аграрной продукции. Это подтверждается также и тем, что в России при постоянном росте инвестиций на приобретение удобрений объем их внесения сохраняется на недостаточном уровне (рисунок) и составляет 63% от уровня 1990 года [7, 8].

Из рисунка видно, что количественный прирост в использовании ресурсов сопровождают качественные изменения в ресурсном потенциале аграрного производства. Стабилизация и некоторый прирост посевных площадей происходят одновременно с приростом внесения удобрений, что свидетельствует о постепенном доведении уровня использования ресурсов до сбалансированного состояния. Хотя уровень и динамика роста внесения удобрений еще не достигли нормативных параметров и фактически достигнутых в ретроспективе значений, существующие механизмы роста ресурсной обеспеченности позволяют закрепить тенденцию к формированию сбалансированного ресурсного потенциала.

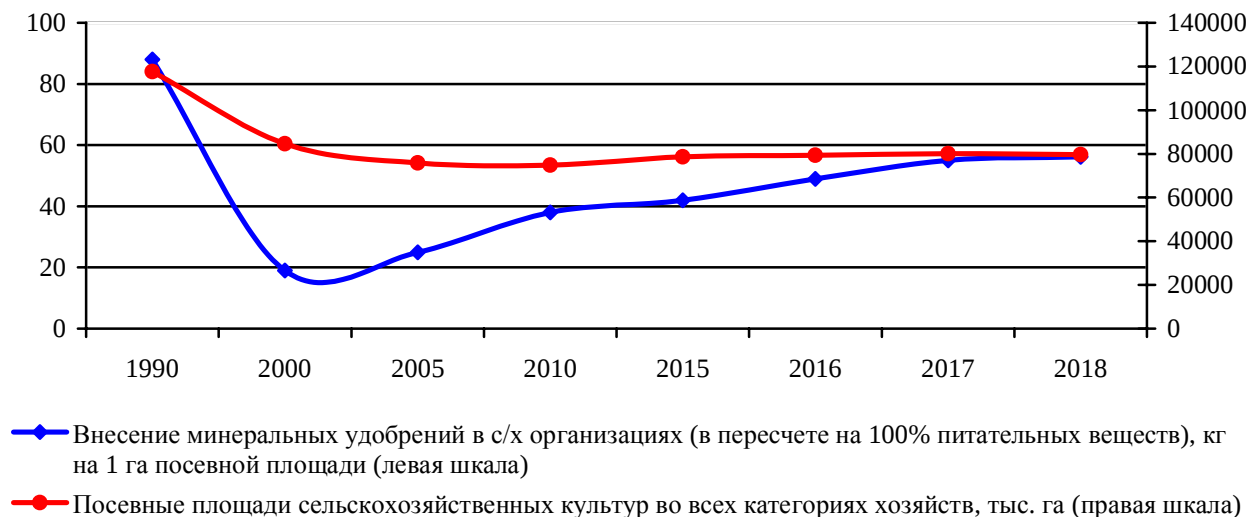

Рисунок – Динамика изменения использования земельных ресурсов и ресурсов минеральных удобрений в аграрном производстве России [7, 9, 10, 11]

Экономико-математическое моделирование выпуска аграрной продукции в зависимости от объемов применения ресурсов позволило выявить следующие возможности роста отдачи от используемых ресурсов, повышения эффективности ресурсного потенциала аграрного производства и достижения его сбалансированности:

- изменение структуры затрат на основные производственные ресурсы в пользу повышения объема инвестиций в применение удобрений, средств защиты растений и т.п., что приведет к росту отдачи от общих вложений аграрной отрасли в производственные ресурсы;
- сокращение ресурсоемкости производства аграрной продукции на основе снижения удельного веса затрат на топливно-энергетические ресурсы за счет внедрения более энергонасыщенной и универсальной техники, позволяющей снизить затраты топлива и ГСМ на проведение сельскохозяйственных работ;
- увеличение объема затрат на продукцию машиностроения с целью обновления и наращивания парка технических средств, достижения уровня нормативных значений по обеспеченности техникой имеющихся земельных ресурсов, поддержания уровня технической готовности хозяйств.

Разная пропорция затрат в аграрном производстве России на основные производственные ресурсы и разная степень эластичности выпуска аграрной продукции от вложений в технические, топливно-энергетические и химические ресурсы приводят к необходимости согласования механизмов роста ресурсной обеспеченности, формирования совокупного ресурсного потенциала, повышения эффективности использования отдельных его элементов.

Рост обеспеченности по отдельным видам ресурсов может быть достигнут, как за счет количественных, так и за счет качественных преобразований. Качественные изменения в объеме и структуре ресурсного потенциала реализуются за счет внедрения ресурсосберегающих технологий, инновационных решений, применения высокоурожайных сортов растений и высокопродуктивных пород сельскохозяйственных животных. Наибольшие возможности в инновационном развитии аграрного производства сосредоточены в сфере материально-технических ресурсов.

Достижение сбалансированности механизмов использования ресурсного потенциала аграрного производства приведет к минимизации объемов неиспользуемых ресурсов, полному задействованию всех имеющихся ресурсов, росту отдачи от совокупного ресурсного потенциала, повышению эффективности использования ресурсов. Сбалансированность механизмов роста эффективности ресурсного потенциала зависит от сложившегося уровня обеспеченности и использования основных групп производственных ресурсов. В сфере техниче-

ского потенциала необходим рост количественного и качественного состава машинно-тракторного парка до нормативных параметров. В сфере химизации сельского хозяйства требуется повышение количественных показателей внесения удобрений и применения средств защиты растений с учетом их соответствия экологическим нормам. В сфере топливно-энергетических ресурсов обеспеченность ими сельскохозяйственных товаропроизводителей зависит преимущественно от ценовых параметров. В сфере земельных ресурсов приоритет следует отдавать качественному использованию пашни и кормовых угодий для увеличения объемов получаемой продукции. Таким образом, сбалансированность механизмов роста эффективности использования ресурсного потенциала будет состоять в согласовании приоритетов по каждому элементу ресурсного потенциала (таблица).

Таблица - Сбалансированность механизмов роста эффективности использования ресурсного потенциала аграрного производства по основным группам производственных ресурсов

Основные направления сбалансированности механизмов	Материально-технические ресурсы	Топливо-энергетические ресурсы	Удобрения	Земельные ресурсы
Приоритет	Рост технического потенциала за счет использования более качественной и универсальной техники; увеличение парка машин и оборудования в сельском хозяйстве	Обеспечение ценовой доступности, особенно в период проведения полевых работ	Повышение химизации аграрного производства	Повышение отдачи от 1 га пашни и кормовых угодий
Основные меры	Субсидии на снижение цен реализации новой техники; поддержка льготного лизинга и кредитования на приобретение материально-технических ресурсов	Внедрение энергосберегающих машин, оборудования и технологий; внедрение механизма фиксированных цен на топливо и энергию	Компенсация части затрат на приобретение удобрений	Поддержание плодородия почв; соблюдение севооборотов; проведение технических работ
Формирование благоприятной внешней и институциональной среды	Поддержка инноваций в сфере разработки, освоения и внедрения новых видов техники и оборудования	Формирования механизма согласования цен на топливно-энергетические ресурсы, приобретаемые предприятиями сельского хозяйства	Стимулирование продажи удобрений на внутреннем рынке; импортозамещение по средствам химизации аграрного производства	Стимулирование эффективного использования земли

В целом механизм формирования сбалансированного ресурсного потенциала достигается посредством реализации следующих направлений:

- изменения структуры ресурсов с целью их полного использования в производственном процессе;
- наращивания наличия и использования ресурсов, количественные характеристики которых недостаточны для задействования всех имеющихся ресурсов;
- повышения качества ресурсов, использование которых ограничено их имеющимся количеством;
- роста отдачи от дефицитных ресурсов и от ресурсов, имеющих естественную ограниченность по количеству и качеству.

Заключение.

Повышение эффективности использования ресурсного потенциала, как одна из приоритетных задач современного развития аграрного производства, основывается на внедрении механизмов, позволяющих повысить отдачу от единицы используемых ресурсов. Одним из приоритетных направлений роста эффективности ресурсного потенциала является повышение химизации аграрного производства, что подтверждается экономико-математическими расчетами структуры ресурсоемкости производства аграрной продукции. Так как в аграрном производстве России сложился разный уровень обеспеченности и использования по отдельным видам ресурсов, то для формирования сбалансированного ресурсного потенциала необходим баланс в реализации механизмов роста его эффективности. Сбалансированность механизмов повышения эффективности использования ресурсного потенциала аграрного производства состоит в определении приоритетов роста эффективности по каждому виду ресурсов, реализации комплекса мер по достижению приоритетных целей на основе формирования благоприятной внешней и институциональной среды функционирования аграрного производства.

Список литературы:

1. Потапов А.П. Экономический механизм повышения эффективности ресурсного потенциала аграрного производства // Региональные агросистемы: экономика и социология. - 2019. - № 2. – URL: <http://iagpran.ru/journal.php?tid=743>
2. Шарыбар С. Реализация механизма сбалансированного развития социально-эколого-экономического потенциала сельхозорганизации // АПК: экономика, управление. - 2012. - № 1. – С. 56-59.
3. Беседина В., Меньшикова М., Пароян А. Влияние сбалансированности факторов производства на эффективность их использования // АПК: экономика, управление. - 1998. - № 11. – С. 62-67.
4. Баскаков С.М. Сбалансированность продовольственного обеспечения региона: особенности планирования и возможность достижения. – Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2018. 164 с. – С. 20-21.
5. Васильченко М.Я. Механизмы реализации стратегических приоритетов развития производственного потенциала молочного скотоводства // Экономические науки. - 2019. - № 5. – С.46-50.
6. World Input-Output Database. – URL: www.wiod.org.
7. Российский статистический ежегодник. 2016: Стат. сб. / Росстат. – М., 2016. – 725 с.
8. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – 694 с.
9. Россия в цифрах. 2018: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – 522 с.
10. Россия в цифрах. 2019: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – 549 с.
11. Внесение удобрений под урожай 2018 года и проведение работ по химической мелиорации земель: Стат. бюллетень / Росстат. – М., 2019. – 72 с.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕЙ ЖИВОТНОВОДСТВА В РОССИИ

Иваненко И.С., к.э.н., ИАГП РАН

В статье проведен комплексный анализ межрегиональных различий в производстве и потреблении продукции отраслей животноводства. Выявлена сильная экономическая и социальная дифференциация субъектов России, рост межрегиональных различий в уровнях душевого производства и потребления молочной и мясной продукции. При сохранении сложившихся условий прогнозируется дальнейшее усиление региональной дифференциации развития отраслей животноводства. Предложены меры преодоления пространственной социально-экономической дифференциации, направленные на увеличение спроса на мясную и молочную продукцию, расширение и диверсификацию экспорта, интенсификацию межрегионального обмена.

Ключевые слова: регион, дифференциация, отрасли животноводства, производство, потребление, экономический механизм, государственное регулирование

ECONOMIC MECHANISMS OF OVERCOMING INTERREGIONAL DIFFERENTIATION OF THE DEVELOPMENT OF LIVESTOCK INDUSTRIES IN RUSSIA

Ivanenko I.S., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article provides a comprehensive analysis of interregional differences in the production and consumption of products of livestock industries. It is revealed a strong economic and social differentiation of the subjects of Russia, as well as the growth of interregional differences in the levels of per capita production and consumption of dairy and meat products. If the prevailing conditions are preserved, further strengthening of the regional differentiation of the development of livestock industries is predicted. They are proposed measures to overcome the spatial socio-economic differentiation, aimed at increasing the demand for meat and dairy products, the expansion and diversification of exports, the intensification of inter-regional exchange.

Keywords: region, differentiation, livestock industry, production, consumption, economic mechanism, government regulation

Введение.

Наличие богатого природного и производственно-экономического потенциала для развития агропромышленного производства позволяет России решать проблемы внутреннего самообеспечения продовольствием, расширения своего присутствия на мировом продовольственном рынке, стимулируя использование экспортно-ориентированных стратегий товаропроизводителей по ряду товарных позиций. Актуальным для эффективного функционирования национального продовольственного рынка Российской Федерации является неоднородность и неравномерность социально-экономического развития субъектов страны, что обусловлено высокой дифференциацией плотности населения, их доходов, различием предпочтений в потреблении сельскохозяйственной продукции и продовольствия, инвестиционными возможностями и рядом других факторов. Более того, как показывают исследования, в последние годы существенное влияние на функционирование основных отраслей агропродовольственного комплекса оказывают спросовые ограничения [1].

Реализация государственных национальных проектов позволила увеличить объемы производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия до уровня продовольственной безопасности. Однако сохраняется высокая импортная зависимость страны по отдельным видам продукции, например, продукции животноводства. В 2017 году на продовольственном рынке РФ за счет импорта формировалось 10,6 % ресурсов мяса и мясопро-

дуктов, 23,6 % - молока и молокопродуктов. По данным Федеральной таможенной службы России, в 2018 году по сравнению с 2017 годом товарооборот Российской Федерации с зарубежными странами увеличился на 9,9 %, в том числе импорт увеличился на 2,8 %, экспорт - на 19,3 %. В товарной структуре импорта доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в 2018 году составила 12,4 %, экспорта – 5,5 %.

Природно-климатическое разнообразие России позволяет производить широкий ассортимент сельскохозяйственной продукции. Однако данный потенциал используется нерационально. Одной из основных причин, сдерживающих развитие агропродовольственного комплекса, является фрагментарность российской экономики в пространственном аспекте. Учет особенностей регионов при разработке стратегий развития национального агропродовольственного комплекса позволяет эффективно использовать их конкурентные преимущества и потенциальные возможности. Особые усилия должны быть направлены на решение стратегических задач, к числу которых следует отнести содействие восстановлению и развитию зон специализации, рациональное размещение аграрного производства на основе кластеризации российского агропродовольственного комплекса, интенсификацию межрегионального обмена.

Стимулирование межрегионального обмена и открытость региональных продовольственных рынков зависит от наличия производственного потенциала, структуры производства и потребления, самообеспечения, жизненного уровня населения, географического положения, развития системы логистики и др. Существенное влияние на формирование единого продовольственного рынка оказывает повышение жизненного уровня и сглаживание региональной дифференциации доходов населения, что способствует стимулированию конечного спроса населения на продовольственную продукцию как важнейшего фактора устойчивого роста агропромышленного производства. Для формирования единого продовольственного рынка России необходимо последовательное устранение институциональных барьеров, способствующее преодолению структурных диспропорций в развитии регионов.

Объективно существующие различия природно-экономических ресурсов регионов РФ ставят их развитие в качественно не одинаковые условия. Действие рыночного механизма ведет к тому, что регионы, располагающие лучшими природно-экономическими условиями, развиваются более быстро по сравнению с регионами, не располагающими столь благоприятными ресурсными возможностями. Таким образом, объективным свойством рыночной экономики является усиление неоднородности [2].

Целью данного исследования является комплексный анализ межрегиональных различий в производстве и потреблении продукции отраслей животноводства в России, выявление особенностей и тенденций дифференциации, разработка предложений по совершенствованию мер государственного регулирования сглаживания региональных различий в развитии отраслей животноводства.

Методы исследования.

Задачей исследования являлось выявление межрегиональных различий в уровне социально-экономических показателей, измерение степени их дифференциации. Основным методом исследования был расчет коэффициентов вариации региональных показателей, характеризующих степень их отклонения от среднероссийской величины. Как известно, коэффициенты вариации могут рассчитываться различными методами. Нами была использована линейная формула коэффициента вариации, которая имеет следующий вид:

$$K = \sum_r \left| \frac{Y_r}{\sum_r Y_r} - \frac{N_r}{\sum_r N_r} \right|$$

где K - коэффициент вариации, Y_r - значение показателя в регионе r , N_r - численность населения в регионе.

Коэффициент вариации рассчитывался как сумма модулей отклонения доли регионов по данному показателю от их доли по численности населения. Для оценки степени региональной дифференциации на рынке мясной и молочной продукции России, тенденций ее изменения был использован метод расчета коэффициентов вариации региональных показателей производства и потребления. Динамика данного показателя может характеризовать один из двух процессов: либо межрегиональную конвергенцию (дифференциация снижается), либо дивергенцию, когда разрыв между регионами увеличивается (дифференциация растет).

Статистической базой исследования служат данные Федеральной службы государственной статистики РФ (ГМЦ Росстата): потребление мяса и мясопродуктов, молока и молокопродуктов населением России за 2000-2018 годы. На основе балансов продовольственных ресурсов была проведена выборка 78 регионов и г. Москвы и г. Санкт-Петербурга (все субъекты Российской Федерации, за исключением Крымского федерального округа и автономных округов).

Проведение исследования включало следующие этапы:

- формирование массивов информации, характеризующих показатели численности населения по субъектам РФ, валовое производство продукции животноводства в хозяйствах всех категорий по регионам России и потребление продукции животноводства на душу населения по каждому субъекту РФ в натуральном выражении;
- расчет коэффициента вариации по исследуемым показателям;
- интерпретация экономического смысла, полученных результатов.

Результаты исследования.

Динамика развития отраслей агропродовольственного комплекса в ближайшей перспективе будет формироваться под усиливающимся воздействием таких факторов, как спрос на отдельные виды продовольствия со стороны различных социальных групп, уровень доходов населения, вхождение России в мировое экономическое пространство и повышение вероятности рисков, угрожающих устойчивому и динамичному развитию отраслей комплекса со стороны мирового рынка продовольствия.

Целевая государственная поддержка отраслей животноводства позволила за короткий период существенно нарастить производство мяса отдельных видов: свинины, мяса птицы. Рост производства свинины и мяса птицы на убой происходит преимущественно в тех регионах, где существуют крупные интегрированные формирования, в которых реализуются инвестиционные проекты и создается необходимая инфраструктура. Большая часть субсидируемых инвестиционных кредитов направлена на развитие свиноводства (18,6%), птицеводства (15,1%) и техническую и технологическую модернизацию (13,1%) [3]. Наибольшую долю распределения по инвестиционному кредитованию занимает Центральный федеральный округ (57,5 %), Приволжский федеральный округ (17,2 %), Северо-Западный федеральный округ (6,6 %). Это связано с тем, что именно в этих регионах производится и перерабатывается основной объем сельскохозяйственной продукции. Исследования показали, что основной прирост производства мяса на убой получен на вновь построенных и модернизированных комплексах в рамках реализованных целевых программ. В крупных интегрированных формированиях модернизация производится по всей технологической цепочке, что позволяет повышать качество и ассортимент мяса и мясной продукции, поставляемой в торговые сети.

Развитие позитивных процессов в молочном производстве связано с эффективностью мер государственного регулирования. На протяжении долгого времени молочное производство России стагнировало. До 2014 года объем импорта составлял 35% ресурсов молочной продукции. Низкая доходность отрасли и долгие сроки окупаемости не стимулировали появление постоянных инвесторов и наращивание объемов производства. Однако после введения эмбарго санкции исключили с рынка основных конкурентов - поставщиков из Европейского союза. Девальвация рубля уменьшила объемы импорта, половина которого приходилось на страны Дальнего зарубежья. В 2014 году прирост производства товарного молока составлял 2-3%, в последующие годы - 5-6 % ежегодно. С 2014 по 2018 гг. производство молочного

сырья выросло на 2 млн тонн. Максимальный рост наблюдался в производстве сухого молока и творога. Производство творога увеличилось на 7,6%, сухого молока - на 3,5%. Основным фактором роста производства молочной продукции являлось увеличение надоев молока (до 3,9 тыс. т на одну голову), что связано с интенсификацией и модернизацией отрасли, использованием высокопродуктивных пород, современных технологий содержания и кормления скота, воспроизводства стада. Однако для молочной отрасли характерно нестабильное развитие. В 2017 году производство молока составило 30,1 млн тонн, что на 6,5 % ниже уровня 2000 года и на 2 % ниже показателя уровня 2016 года.

На рисунке 1 графически представлены цепные коэффициенты дифференциации по уровню производства мясной и молочной продукции. В период с 2000 по 2017 годы коэффициент вариации по показателю производства мяса и мясопродуктов на душу населения в России увеличивался с 0,555 до 0,814, что говорит о наличии дивергенции. Динамика коэффициента вариации производства молока и молокопродуктов изменялась не столь существенно. С 2000 по 2017 год коэффициент увеличился с 0,449 до 0,496. В ближайшей перспективе разрыв в производстве продуктов животноводства по регионам будет увеличиваться [4]. Последствия дефолта 1998 г. существенным образом сказались на процессе сближения регионов по основным показателям экономического развития. Дифференциация производства продукции животноводства уменьшилась вдвое за 1999-2000 гг. Однако, начиная с 2001 г., ситуация меняется. Значительный рост коэффициента вариации и, как следствие, увеличение региональной дифференциации наблюдается в период 2005-2015 годов.

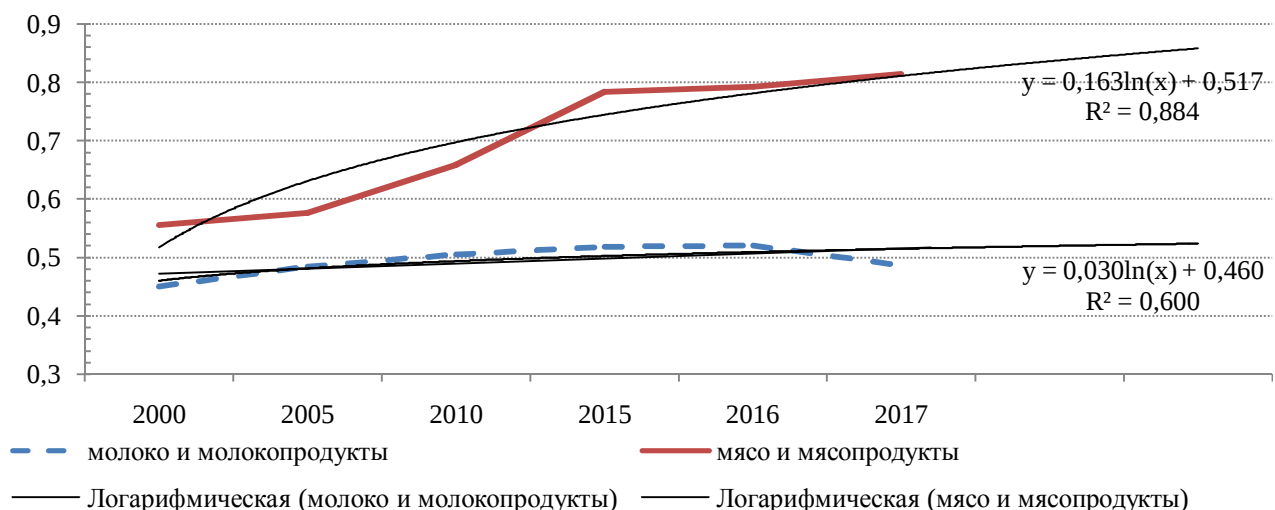

Рисунок 1 – Динамика региональной дифференциации производства мясной и молочной продукции по регионам России в 2000-2017 гг.

Сохраняется стабильная территориальная структура производства молока и молокопродуктов. В 2017 году совокупная доля производства в Приволжском и Центральном федеральных округах составляла 55,8 % общего надоя молока в России или 9,6 млн и 7,5 млн тонн, соответственно. В Дальневосточном федеральном округе наблюдается самый низкий уровень производства молока и молокопродуктов. Среди макрорегионов наибольшую динамику показал Центральный федеральный округ, где производство молочных продуктов выросло на 1,4 %, и Уральский федеральный округ. Что касается отдельных регионов, то в 2017 году лидерство сохранили Республика Татарстан, увеличившая производство на 2,7 % (до 1,8 млн т), на втором месте - Республика Башкортостан, где объемы производства увеличились на 0,9% (до 1,6 млн т). Третье место среди субъектов РФ занимает Краснодарский край (1,3 млн т).

Произошли существенные изменения территориальной структуры производства мяса и мясопродуктов. Среди макрорегионов наибольшую динамику производства мяса и мясопродуктов показал Центральный федеральный округ. Если в 2000 году доля производства мясопродуктов в Центральном федеральном округе составляла 22,1% от общероссийского уровня, то в 2017 году она существенно увеличилась и составила 37,7 %. Доля Северо-Западного федерального округа в общероссийском производстве выросла на 1,5 п.п. Исследуемый период характеризуется положительной динамикой производства мяса и мясопродуктов во всех федеральных округах, кроме Сибирского федерального округа.

Расчет коэффициентов региональной дифференциации потребления молокопродуктов и мясопродуктов показал разнонаправленные тенденции (рис. 2). В период с 2000 по 2017 годы коэффициент вариации по показателю потребления мяса и мясопродуктов на душу населения в России снижался с 1,649 до 1,634. В 2018 году были превышены пороговые значения собственного производства по мясу и мясопродуктам - 92,8 %, что на 7,8 п.п. выше индикаторов Доктрины продовольственной безопасности [5]. Среднедушевое потребление мяса и мясопродуктов в 2017 году составило 69 кг, что в 1,5 раза выше показателя 2000 года. За исследуемый период наблюдался рост межрегиональных различий в уровне душевого потребления мяса и мясопродуктов. В 34 регионах потребление мяса и мясопродуктов превышало среднероссийский уровень, а в 46 регионах было ниже.

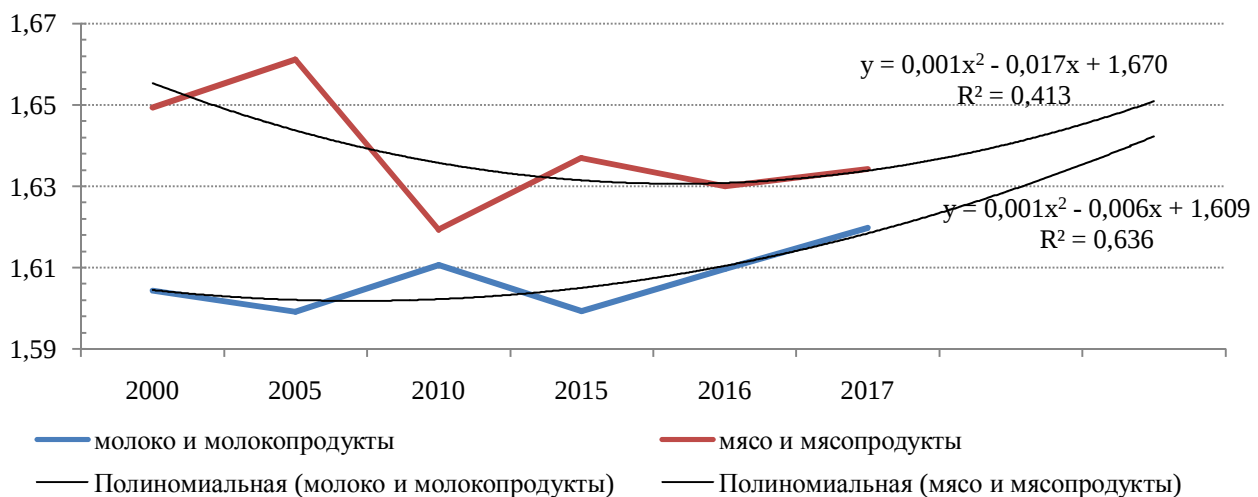

Рисунок 2 - Коэффициент дифференциации потребления мясной и молочной продукции по регионам России в 2000-2017 гг.

За исследуемый период наблюдалось увеличение среднедушевого потребления молока и молокопродуктов. В 2017 году оно составило 231 кг, что на 7,4 % выше показателя 2000 года [6,7]. На фоне роста потребления наблюдалось увеличение межрегиональных различий в уровне потребления молока и молокопродуктов. Коэффициент вариации по показателю потребления молока и молокопродуктов на душу населения в России с 2000 по 2017 гг. вырос с 1,604 до 1,619. В 29 регионах потребление молочных продуктов превышало среднероссийский уровень, а в 24 регионах - ниже.

Основное влияние на развитие рынка продукции животноводства оказывает спрос. Результаты исследования показывают, что высокодоходные группы населения потребляют значительно больше мясной и молочной продукции, чем с группы низкими доходами. В 2017 году потребление мяса и мясной продукции в 10 % домохозяйствах с низкими доходами составляло 54,6 кг, а в 10 % хозяйств с самыми высокими доходами потребление мяса составило 110,3 кг на душу населения в год. Потребление молока и молочной продукции в 10 % домохозяйствах с низкими доходами составляло от 160 до 170 кг, а в 10 % хозяйств с высокими

доходами - 330 кг на душу населения в год [8]. Ограничение потребления мясных и молочных продуктов в настоящее время связано с усиливающейся дифференциацией населения по уровню доходов [9], в связи с этим, с нашей точки зрения, внутреннее потребление имеет существенный потенциал роста.

Выводы.

Анализ рынка продукции животноводства России показал, что на современном этапе развития он представляет собой сложную и неоднородную систему. Функционирование национального продовольственного рынка в ближайшей перспективе будет осуществляться под воздействием неопределенности спроса, истощения эффекта девальвации, волатильности на сырьевом рынке, усиления конкуренции. Поэтому стратегическими задачами развития молочного и мясного производства в России являются восстановление спроса и доходов населения, импортозамещение, расширение и диверсификация экспорта, нишевые сектора и конъюнктура мирового рынка.

Для современной российской экономики характерно усиление межрегиональных различий в уровнях душевого производства и потребления. Быстрое нарастание неравномерности развития субъектов Российской Федерации является, по нашему мнению, чрезвычайно неблагоприятной тенденцией, подрывающей экономическую основу целостности России. Эта тенденция свидетельствует об отсутствии эффективной региональной политики и требует безотлагательного принятия серьезных мер. Такие меры должны быть связаны с созданием нового механизма межрегионального перераспределения ресурсов производства и потребления, который позволил бы обеспечить постепенное экономическое сближение субъектов Российской Федерации.

Снижение объемов импорта в 2013-2017 годы позволило сохранить спрос на растущее производство мясной и молочной продукции. Однако дальнейшее падение доходов населения, сокращение потребления, усиление их дифференциации (как по социальным группам, так и по регионам) может уже в ближайшей перспективе оказать отрицательный эффект на производстве продукции животноводства, поэтому одной из основных проблем экономического развития регионов является рост и выравнивание уровня доходов населения.

При насыщении внутреннего рынка и стагнация потребительского спроса дальнейший рост производства можно обеспечить за счет увеличения продаж на внешнем рынке, что требует перехода на экспортно-ориентированное развитие агропродовольственного комплекса. Драйвером роста экспорта должна стать продукция с высокой добавленной стоимостью. В настоящее время российская система механизмов и способов развития внешнеэкономической деятельности недостаточно эффективна, поэтому она не приносит желаемых результатов, что снижает возможности российских предприятий на международных рынках.

В настоящее время возникает необходимость рассмотрения и изучения вопросов региональной политики, связанных, прежде всего, с ростом поляризации развития субъектов Российской Федерации, возможностями реализации эффективного организационно-экономического механизма по ее сглаживанию и уменьшению асимметрии в развитии регионов. В области межбюджетных отношений необходимо продолжить работу по повышению прозрачности системы бюджетного выравнивания, достижению оптимального баланса между объективно необходимым выравниванием бюджетной обеспеченности и созданием стимулов для экономического и налогового потенциала субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, снижению уровня их дотационности [10].

Список литературы:

1. Яковенко Н.А., Иваненко И.С. Оценка влияния спросовых ограничений на продовольственный рынок России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 2. – С.11– 17.

2. Гагарина Г.Ю., Губарев Р.В., Дзюба Е.И., Файзуллин Ф. . Прогнозирование социально-экономического развития российских регионов // Экономика региона. — 2017 — Т. 13, вып. 4 — С. 1080-1094
3. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2018 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы. — URL: <http://government.ru/docs/37271/>
4. Яковенко Н.А., Иваненко И.С. Преодоление региональной дифференциации на рынке молочной продукции // Аграрный научный журнал. — 2018. - №9. — с.96-100.
5. Указ Президента Российской Федерации от 30 января 2010 года № 120 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». — URL: <https://rg.ru/2010/02/03/prod-dok.html>
6. Балансы продовольственных ресурсов. — URL: <http://www.srtv.gks.ru>.
7. Приказ Минздрава РФ от 19 августа 2016 г. № 614 «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания». — URL: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minzdrava-Rossii-ot-19.08.2016-N-614/>
8. Решетникова Е.Г. Совершенствование институциональной составляющей обеспечения продовольственной безопасности // Аграрный научный журнал. — 2018. — № 4. — С. 82–87.
9. Анфиногентова А.А., Решетникова Е.Г. Исследование динамики денежных доходов, спроса и потребления продовольствия населением России// Журнал экономической теории. — 2016. — №1. — С. 24–31.
10. Гордина Ю.В. Межбюджетная политика как инструмент сглаживания межрегиональных различий // Управленец. — 2012. - № 9–10. — С. 37-38.

ОЦЕНКА ПЕРСПЕКТИВ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЭКСПОРТ ПРОДУКЦИИ АПК» С УЧЕТОМ СУЩЕСТВУЮЩИХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РФ

Трифонова Е.Н., к.э.н., ИАГП РАН

В статье обозначены цели реализации проекта федерального уровня «Экспорт продукции АПК» как одного из элементов в паспорте национального проекта «Международная кооперация и экспорт». Основной целью проекта является увеличение экспорта продукции АПК в 2 раза, а именно, до 45 млрд долл. к концу 2024 г. Выделяются основные критерии достижения запланированного уровня экспорта продовольственных товаров и сельхозсырья, заложенные в паспорте проекта. Приведен анализ динамики экспорта продовольственных товаров и сельхозсырья за годы, предшествующие началу реализации проекта. Дана оценка динамики и вариантов прогноза объемов производства продовольственных товаров в РФ к концу 2024 г. Предложены направления совершенствования форм и методов участия государства в поддержке отраслей отечественного пищевого сектора с учетом региональной дифференциации.

Ключевые слова: федеральный проект «Экспорт продукции АПК», экспорт, продовольственные товары, сельхозсырье, пищевая и перерабатывающая промышленность, государственная поддержка, регионы.

ASSESSMENT OF THE PROSPECTS FOR THE IMPLEMENTATION OF THE FEDERAL PROJECT "THE EXPORT OF AGRICULTURAL PRODUCTS" TAKING INTO ACCOUNT THE EXISTING TENDENCIES OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN FOOD INDUSTRY

Trifonova E.N., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article identifies the objectives of the Federal project "Export of agricultural products" as one of the elements in the passport of the national project "International cooperation and export". The main objective of the Federal project is to increase exports of agricultural products by 2 times up to 45 billion dollars, by the end of 2024. The main criteria for achieving the planned level of exports of food products and agricultural raw materials laid down in the project passport are highlighted. The analysis of dynamics of export of food products and agricultural raw materials for the years preceding the beginning of implementation of the project is given. The assessment of dynamics and variants of the forecast of volumes of production of food products in the Russian Federation by the end of 2024 is given. The directions of improving the forms and methods of state participation in the support of domestic food industries, taking into account regional differentiation.

Keywords: Federal project "Export of agricultural products", export, food products, agricultural raw materials, food and processing industry, state support, regions.

Введение.

Россия является крупным экспортером сырьевых ресурсов, в том числе сельскохозяйственных. На протяжении ряда лет были достигнуты существенные показатели экспорта зерна, который занимает лидирующую долю в российском продовольственном экспорте. Так, по итогам 2017 г. в стоимостном выражении доля экспорта зерна составила 36,4% [1]. При этом на данный момент времени доля России на мировом рынке пшеницы составляет порядка 23%. Однако стратегическое значение наращивания экономического потенциала страны диктует необходимость пересмотра структуры экспорта. В первую очередь речь идет о смещении долевого распределения вывозимых товаров с доминирования сырьевых ресурсов на увеличение удельных весов продукции глубокой промышленной переработки. Данное утверждение особенно актуально для агропромышленного комплекса страны.

Цель исследования.

Целью настоящего исследования является обоснование перспектив реализации федерального проекта «Экспорт продукции АПК», рассчитанный до 2024 г., с учетом тенденций развития пищевой и перерабатывающей промышленности.

Методика исследования. В качестве методологической составляющей исследования использованы абстрактно-логический метод, метод статистического анализа, базовые методы финансового анализа, прогнозирование.

Результаты исследования.

Во исполнение Указа Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» Минпромторгом России разработан Паспорт национального проекта «Международная кооперация и экспорт» [2], который был утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. В качестве прочих ключевых целей нацпроекта особо выделяются увеличение экспорта несырьевых неэнергетических товаров, увеличение доли экспорта продукции обрабатывающей промышленности, сельскохозяйственной продукции и услуг в валовом внутреннем продукте страны [3].

Одним из пяти проектов федерального уровня в структуре паспорта национального проекта «Международная кооперация и экспорт» является «Экспорт продукции АПК». Целью проекта является разработка мер, позволяющих нарастить экспорт сельскохозяйственной продукции в два раза до 2024 г., а именно до 45 млрд долл. за счет создания новой товарной массы (в том числе с высокой добавленной стоимостью), создания экспортно-ориентированной товаропроводящей инфраструктуры, устранения торговых барьеров (тарифных и нетарифных) для обеспечения доступа продукции АПК на целевые рынки, создания системы продвижения и позиционирования продукции АПК [4].

В рамках федерального проекта «Экспорт продукции АПК» Минсельхоз планирует создать, так называемую, отраслевую систему брендинга и защиты отечественной продукции АПК. По мнению заместителя министра сельского хозяйства С. Левина, на панельной дискуссии Минсельхоза России «Made in. Важность репутации страны на мировом продовольственном рынке», которая состоялась в рамках Петербургского международного экономического форума, подобная система должна включать комплекс маркетинговых мероприятий по повышению ее узнаваемости, добавленной стоимости и создания дополнительных ценностей, отвечающих предпочтениям потребителей на ключевых рынках сбыта [5]. При этом должен быть индивидуальный отраслевой подход, поскольку, например, такие отрасли, как производство зерна, рыбы и растительного масла не нуждаются в специальном брендинге, их продукция и так широко известна и востребована на международном рынке.

На весь срок реализации национального проекта «Международная кооперация и экспорт» запланировано выделение из средств федерального бюджета 956,8 млрд руб. [6]. При этом практически равноценные суммы выделены на развитие экспорта АПК и промышленности, а именно, на проект «Экспорт продукции АПК» планируется потратить 406,8 млрд руб., а на проект «Промышленный экспорт» – 423,8 млрд руб.

Поскольку в структуре национального экспорта продукции агропромышленного комплекса в качестве определенной константы по объемам закупок на мировых рынках выступает пшеница, то основные надежды возлагаются на увеличение вывоза готовой продукции (колбасные изделия, напитки, кондитерские продукты и некоторых других), а также продукты переработки зерна (крахмал, сиропы, пищевой спирт и пр.). При этом чтобы достичь ключевых показателей Проекта, по оценке ряда экспертов [7], необходимо увеличить выпуск этой продукции на более чем 40 млн т. Однако это невозможно сделать только лишь традиционными экстенсивными методами. Требуется качественное изменение структуры производства, формирование адекватной логистической инфраструктуры, а также устранение целого ряда препятствий и ограничений на законодательном уровне, в частности, устранение определенных ветеринарных и фитосанитарных барьеров.

Согласно прогнозу развития ситуации, отраженному в проекте «Экспорт продукции АПК» [4], основной вклад в контрольную сумму экспорта 45 млрд долл. в 2024 г. внесет вывоз зерна (11,4 млрд долл.), что традиционно является ключевым экспортным товаром. Планируется, что удельная доля экспорта зерновых снизится с 33% в 2018 г. до 25% к концу отчетного периода. На втором месте по объемам вывоза товаров на международные рынки оказались продукция масложировой отрасли и продукция пищевой и перерабатывающей промышленности с равными объемами вывоза по 8,6 млрд долл. При этом в общей структуре экспорта за товарами данных отраслей закреплён рост не более 4% (с 15 до 19%). Рыба и морепродукты займут третье место в общем объеме экспорта на сумму 8,5 млрд долл., объемы же поставок мясной и молочной продукции достигнут 2,8 млрд долл. в 2024 г. против 0,9 млрд долл. в 2018 г., т.е. рост экспорта данной группы увеличится втрое. Кроме того, планируется, что к концу отчетного периода эффективность мер государственной поддержки экспорта продукции АПК достигнет шестикратного размера, т.е. минимальный прирост объема экспорта на 1 руб. государственной поддержки составит 6 руб.

По словам главы Минсельхоза Д. Патрушева [8], экспорт продукции АПК из России в 2019 г. останется на уровне запланированного показателя за 2018 г. (23–24 млрд долл.). Однако по факту в 2019 г. ожидается снижение экспорта продукции АПК, поскольку в 2018 г. имело место перевыполнение плана (25,9 млрд долл. вместо запланированных 23 млрд долл.). Безусловно, основной вклад в рост показателя внес экспорт пшеницы, а поскольку в прошлом году ее урожай был ниже, чем в предыдущем, вполне логично ожидать снижения поставок в 2019–2020 гг. Кроме того, по прогнозу Института конъюнктуры аграрного рынка (ИКАР) [1], в третьем и четвертом кварталах текущего года цены на зерно и масличные ожидаются ниже, чем в аналогичном периоде прошлого года, следовательно, несмотря на рост экспорта другой продукции, ее доля в общих поставках останется небольшой и, скорее всего, не позволит существенно повлиять на общий показатель экспорта продукции АПК. Несмотря на это, Россия сохранит свои позиции мирового лидера по экспорту пшеницы. По прогнозу ИКАР, ее экспорт в 2019 г. составит 37,8–41 млн т, общий же экспорт зерна оценивается в 48–52,5 млн т.

Одним из негативных последствий того, что из России вывозится преимущественно зерно, а из Европы, например, в основном переработанная продукция, заключается в существенной разнице средней экспортной цены продовольствия, причем, не в пользу России. Если за 9 месяцев 2018 г. средняя экспортная цена продовольственной продукции за 1 кг в России составляла 0,3 долл., то на мировом рынке данный показатель достигал, в среднем, 1 долл. (во Франции) – 2 долл. (в Италии). Кроме того, средние цены на импортируемые в Россию продовольственные товары оказались выше экспортных в 3–4 раза. По данным консалтинговой компании «НЭО Центр» [9], в рейтинге мировых экспортеров продовольствия за аналогичный промежуток времени Россия заняла 20-е место с суммарными доходами от экспорта продукции АПК 17,6 млрд долл. При этом Франция оказалась на 5-м месте с экспортом продовольствия на сумму 53,6 млрд долл., а Италия – на 9-м месте (35,3 млрд долл.). На первом месте в рейтинге оказались США, сумма экспорта продукции АПК которых составила 105,7 млрд долл. при средней экспортной цене – 0,6 долл. за 1 кг. По заявлениям представителей Минсельхоза [9], подобная ситуация объясняется более высокой удельной экспортной стоимостью продукции из стран Европы и Америки.

По данным официальной статистики (см. таблицу), экспорт продовольственных товаров и сельхозсырья составляет не более 6% от общей суммы всех вывозимых за пределы РФ товаров. Удельная доля импорта аналогичной товарной группы зафиксирована на уровне 12–13%. При этом в стоимостном выражении наблюдается рост как экспорта, так и импорта продовольствия и сельхозсырья, но с разными темпами прироста. Если импорт в 2018 г. по сравнению с 2016 г. возрос на 18,6%, то экспорт – на 45,9%. Как уже было отмечено, основной вклад в увеличение экспорта внес вывоз сельхозсырья, а не готовой продукции пищевой промышленности.

Таблица – Динамика ряда показателей, характеризующих развитие пищевой и перерабатывающей промышленности РФ [по данным 10, 11, 12]

Показатель		2016 г.	2017 г.	2018 г.
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами при производстве пищевых продуктов	млрд руб.	5422	5463	5641
	% к предыдущему году	105,6	104,2	105
Экспорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного)	млн долл.	17075	20699	24920,6
	% к итогу	6	5,8	5,5
Импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья (кроме текстильного)	млн долл.	25072	28924	29736,2
	% к итогу	13,7	12,7	12,5

Анализируя направления экспорта (рисунок 1), можно констатировать, что удельная доля вывоза продовольствия и сельхозсырья превалирует в страны СНГ (22–23%). То же можно утверждать и про динамику импорта. При этом за последний год наблюдается некоторое снижение товаропотоков в обоих направлениях, что можно объяснить временными изменениями в ограничениях на ввоз и вывод продукции. При этом каких-либо существенных изменений в динамике показателей за последние годы не выявлено.

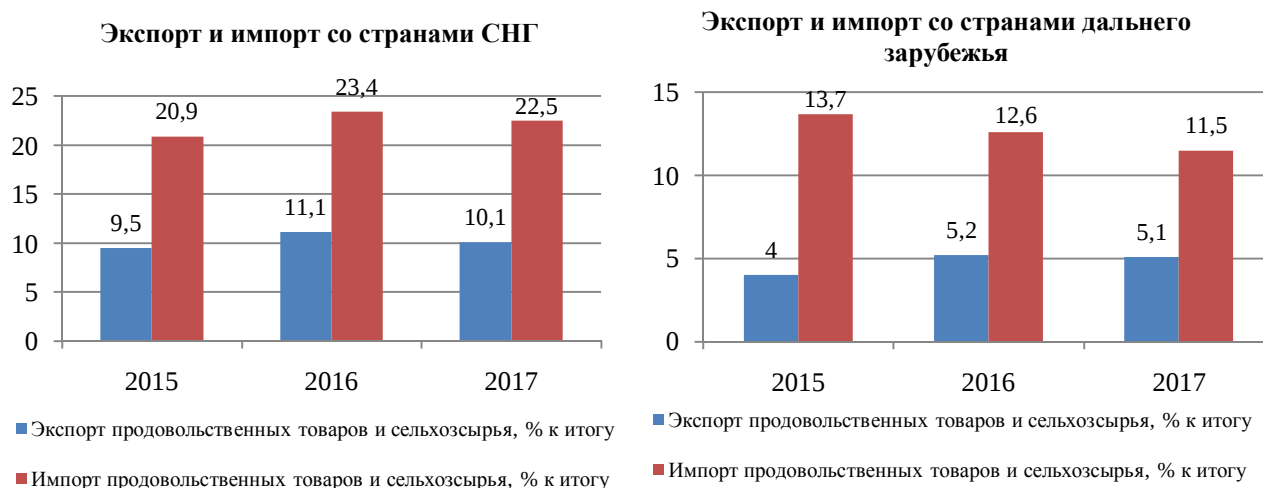

Рисунок 1 – Динамика экспорта и импорта РФ продовольственных товаров и сельхозсырья со странами СНГ и дальнего зарубежья [по данным 10 и 11]

Отсутствие сдвигов в динамике производства в отраслях пищевой промышленности, безусловно, является одним из основных сдерживающих факторов в процессе двукратного увеличения экспорта продовольствия и сельхозсырья. Темпы прироста объемов производства пищевой продукции за анализируемый промежуток времени составляют порядка 4–5% в год, что по нашему мнению, недостаточно для достижения запланированных в проекте «Экспорт продукции АПК» к 2024 г. показателей.

На рисунке 2 проиллюстрированы рассчитанные автором варианты прогнозных значений объемов производства в пищевой промышленности РФ к концу отчетного периода. По нашей оценке, в случае отсутствия специфических мер, направленных на увеличение объемов производства в отечественном пищепроме, при условии сохранения существующих ежегодных темпов прироста показателя отрасль не достигнет необходимого уровня производства, обеспечивающего запланированного увеличения экспорта. Оценочное значение показателя к 2024 г. обозначено на рисунке 2 точкой В. В данный прогноз заложено допущение, что ситуация как на международном, так и на внутреннем рынках будет стабильна в рамках существующего диапазона изменений основных критериев, а именно, стабильный ежегодный прирост производства отрасли порядка 4–5%, курс доллара – в среднем диапазоне за послед-

ние 2 года, а также постоянное соотношение экспорта продовольственных товаров и внутреннего потребления. По поводу последнего пункта следует отметить, что в ситуации, которая сложилась в настоящий момент времени, когда по многим группам товаров наблюдается потребление основных продуктов питания на уровне ниже медицинских нормативов, можно ожидать, что увеличение производства пищевых продуктов может изменить существующее соотношение в пользу расширения внутренних рынков, что снизит возможные значения экспорта по данным группам товаров. Нами рассчитано прогнозное значение показателя производства продовольственных товаров (точка А на рисунке 2), которого должна достигнуть отрасль к концу 2024 г. при соблюдении критериев, заложенных в федеральный проект «Экспорт продукции АПК», в частности, сдвиги в структуре экспорта продовольственных товаров и сельхозсырья. При этом чтобы достичь требуемого значения, анализируемый показатель должен расти не менее чем на 10–12% ежегодно, начиная с 2019 г.

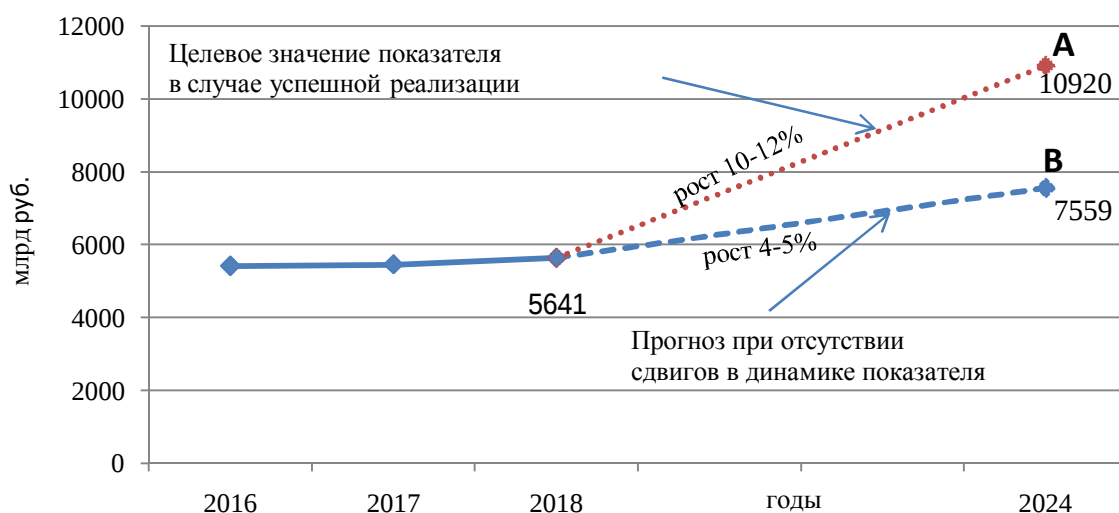

Рисунок 2 – Динамика и варианты прогноза объемов производства продовольственных товаров в РФ к концу срока реализации федерального проекта «Экспорт продукции АПК»

Заключение.

Необходима более детальная разработка и внедрение специфических мер поддержки отечественной пищевой и перерабатывающей промышленности. В частности, по нашему мнению, подход к адресной поддержке проектов в отечественном агропромышленном комплексе должен быть не столько индивидуальным отраслевым, как заявляют представители Минсельхоза, сколько дифференцированным регионально-отраслевым. Необходим поиск баланса между сглаживанием межрегиональных различий с целью достижения, так называемого, синергетического эффекта развития всей пищевой отрасли страны, кроме того, необходим учет региональных особенностей отрасли и ее потенциальных возможностей как в отношении удовлетворения внутреннего спроса, так и выхода на международные рынки. В данном случае, требуется поиск нишевых инновационных продуктов с разработкой комплекса мер по их брендированию и продвижению на рынки. В данном направлении способны оказать помощь специфические методики, направленные, например, на обоснование формы государственной поддержки региональной пищевой промышленности и варианта участия государства в финансировании перспективных бизнес-проектов [13]. При этом помимо поиска резервов использования имеющихся мощностей внутри отраслей переработки необходим учет сложившихся пропорций между объемами производства смежных отраслей сельского хозяйства и пищевой промышленности с учетом региональной специфики конкретного субъекта РФ, важность и перспективность данного подхода автор обосновывал ранее [14].

Таким образом, в ускоренном развитии пищевой и перерабатывающей промышленности отечественного АПК необходимо смещать акцент с разработки отдельных мероприятий, направленных на рост производственных показателей, на формирование единой слаженной

системы, поддерживающей заданные параметры ее функционирования, учитывающей сложные производственно-экономические и хозяйственные взаимосвязи на всех возможных уровнях (отраслевых, региональных, уровнях власти и т.п.).

Список литературы:

1. РФ в 2019 г. снизит экспорт продукции АПК до \$24–25 млрд, сохранив мировое лидерство по поставкам пшеницы – эксперт // Официальный сайт Института конъюнктуры аграрного рынка. – URL: <http://ikar.ru/press/4967.html>
2. Паспорт национального проекта (программы) «Международная кооперация и экспорт»: утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 N 16. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=319212&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.17069973844255604#016457529724494757>
3. Опубликован паспорт национального проекта «Международная кооперация и экспорт» // Сайт Правительства России. 11 февраля 2019 года. – URL: <http://government.ru/projects/selection/739/35564/>
4. Паспорт федерального проекта «Экспорт продукции АПК»: утв. протоколом заседания проектного комитета национального проекта «Международная кооперация и экспорт» от 14 декабря 2018 г. № 5. – URL: <http://mcx.ru/ministry/departments/departament-informatsionnoy-politiki-i-spetsialnykh-proektov/industry-information/info-federalnyi-proekt-eksport/>
5. Минсельхоз разработает ряд концепций продвижения экспортно-ориентированных брендов АПК // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства РФ. 6 июня 2019 года – URL: <http://mcx.ru/ministry/departments/departament-informatsionnoy-politiki-i-spetsialnykh-proektov/news/minselkhoz-razrabotaet-ryad-kontseptsiy-prodvizheniya-eksportno-orientirovannykh-brendov-apk/>
6. Национальные проекты: целевые показатели и основные результаты (На основе паспортов национальных проектов, утвержденных президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г.). Материалы по состоянию на 7 февраля 2019 года. – М., 2019. – 56 с.
7. Экспорт продовольствия из РФ увеличат вдвое. 02.09.2018. – URL: <https://www.meatprod.ru/blog/eksport-prodovolstviya-iz-rf-uvelichat-vdvoe>
8. Минсельхоз ожидает роста производства продукции АПК в РФ в 2019 г. на 2,3–2,5%. ИА "Финмаркет". – URL: http://www.finmarket.ru/news/5015191?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
9. Экспортная цена российских продуктов оказалась в разы ниже европейских. 29.01.2019. – URL: <https://www.rbc.ru/business/29/01/2019/5c49e6fc9a794770c089e530>
10. Социально-экономическое положение России. 2018: стат.сб./ Росстат. – М., 2018 – 402 с.
11. Российский статистический ежегодник. 2017: стат.сб./Росстат. – М., 2017 – 686 с.
12. Федеральная таможенная служба. Таможенная статистика внешней торговли. – URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:4095642524017155::NO>
13. Трифонова Е.Н. Совершенствование механизма госрегулирования АПК с учетом отраслевых и региональных приоритетов развития // Научное обозрение: теория и практика. – 2019. – Т. 9. – Вып. 3. – С. 287–298.
14. Трифонова Е.Н. Значение оптимизации межотраслевых пропорций для инновационного развития перерабатывающей промышленности АПК // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И.Вавилова. – 2016. – № 6. – С. 92–94.

ИНСТРУМЕНТЫ ПОДДЕРЖКИ ПРОЦЕССА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИННОВАЦИЙ В ОТРАСЛЯХ АПК (на примере молочного скотоводства)

Васильченко М.Я., к.э.н, ИАГП РАН

Проанализированы теоретические подходы к обоснованию механизмов распространения инноваций в различных секторах экономики. Выявлено воздействие отдельных инструментов государственной поддержки на распространение инноваций в молочном скотоводстве по группам регионов, различающихся по уровню инновационности производства молока и специфицированных в соответствии с теорией диффузии инноваций Э Роджерса. Определены значительные межрегиональные различия в использовании таких инновационных инструментов поддержки, как затраты на поддержку племенного крупного рогатого скота молочного направления и возмещение затрат на модернизацию объектов молочного скотоводства. Достаточно высокий уровень субсидий на модернизацию в нижестоящих группах регионов объясняется «точечным» всплеском модернизации, особенно в группе отстающих регионов.

В целях выявления инновационной доминанты государственной поддержки молочного скотоводства автором были предложены индикаторы: удельный вес инновационной поддержки (%) и инновационная поддержка в расчете на 1 корову, тыс. руб. Первый индикатор характеризует масштабность инновационной поддержки, а второй – интенсивность инновационной поддержки. Выявлена определенная зависимость между уровнем инновационной поддержки и инновационностью производства молока, причем разрыв между группой лидеров и отстающих довольно существенный. Результаты исследования показали, что инновационная поддержка в большей степени оказала воздействие на темпы роста товарных ресурсов молока. При этом более высокие показатели инновационной поддержки и темпов роста товарных ресурсов молока достигнуты в группе ранних последователей.

Исследование механизмов реализации приоритетов развития производственного потенциала АПК и его отраслей проводилось с помощью предложенного автором регионального индекса инновационной поддержки (РИИП), рассчитанного на основе модернизированного интегрального регионального инновационного индекса, предложенного специалистами Высшей школы экономики.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, инновационный процесс, диффузия инноваций, животноводство, молочное скотоводство, инструменты поддержки.

TOOLS OF SUPPORTING THE PROCESS OF INNOVATION DISTRIBUTION IN AGRICULTURAL INDUSTRIES (ON THE EXAMPLE OF DAIRY CATTLE BREEDING)

Vasylchenko M.Ya., candidate of economic sciences, IAGP RAS

Theoretical approaches to the justification of mechanisms for innovation distribution in various sectors of the economy are analyzed. It has been revealed the influence of individual tools of state support on the innovations' distribution in dairy cattle breeding by groups of regions that differ in the level of innovativeness of milk production and specify according to the diffusion theory of innovations by E. Rogers. Significant interregional differences in the use of such innovative support tools as the costs of supporting dairy cattle and reimbursing the costs of modernizing dairy cattle breeding facilities have been identified. The rather high level of subsidies for modernization in the lower groups of regions is explained by the "pinpoint" surge of modernization, especially in the group of lagging regions.

In order to identify the innovative dominant of the state support for dairy cattle breeding, the author proposed the following indicators: the share of innovative support (%) and innovative support per one cow (thousand rubles). The first indicator characterizes the scale of innovation support, and the second - the intensity of innovation support. It has been revealed a certain relation-

ship between the level of innovative support and the innovativeness of milk production. The gap between the group of leaders and lagging ones is quite substantial. The results of the study showed that innovative support had a greater impact on the growth rate of milk commodity resources. At the same time, higher rates of innovation support and growth rates of milk commodity resources were in the group of early adopters.

The study of the mechanisms for implementing the priorities of the development of the production potential of the agro-industrial complex and its industries was carried out using the regional innovation support index, proposed by the author and calculated on the basis of a modernized integrated regional innovation index proposed by specialists of the Higher School of Economics.

Keywords: agro-industrial complex, innovation process, diffusion of innovations, animal husbandry, dairy cattle breeding, support tools.

Введение.

Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2025 гг. определила в качестве приоритетных задач создание условий для скорейшего перевода агропромышленного комплекса на новую технологическую базу, передачи научных результатов в производство и последующего их вовлечения в экономический оборот. При этом повышение инновационной активности в сельском хозяйстве и привлечение инвестиций рассматриваются в качестве основных индикаторов Программы. Предполагается, что в 2025 г. инновационная активность в сельском хозяйстве достигнет 30 % [1].

Соответственно, актуализируются исследования оценки инновационного потенциала, процессов распространения инноваций и обоснования эффективных инструментов государственной поддержки распространения инноваций в агропромышленном комплексе. Согласно данным мониторинга инновационной активности субъектов инновационного процесса, проводимым НИУ ВШЭ в 2015 г., в целом по России лишь 14,1% всех обследованных предприятий воспользовались доступом к государственной поддержке, тогда как в группе инновационных компаний эта доля составила 44%. Такой инструмент как налоговые льготы (с учетом списания расходов на НИОКР) применяли лишь 14,3% инновационных и 3% неинновационных фирм [2]. Данные обследования показали, что 35% крупных предприятий использовали хотя бы один механизм государственной поддержки инноваций, в то время как среди малых и средних предприятий (МСП) эта доля не превышала 10%. Учитывая многообразие существующих механизмов государственной поддержки инноваций, с одной стороны, и ограниченность масштабов государственного регулирования в инновационной сфере, с другой – несомненную актуальность представляет оценка общих эффектов этой поддержки [2]. Практика показывает, что используемые механизмы поддержки не в полной мере направлены на повышение уровня инновационности производства в различных звеньях агропродовольственной системы.

Парадигма инновационного развития основывается на взаимной заинтересованности участников инновационных цепочек в достижении конечного результата, что во многом предопределяется социально-экономическими, информационными, коммуникационными и институциональными условиями взаимодействия производственного сектора с наукой и государством. Вопросы инновационного развития российского аграрного сектора отражены в ряде научных работ. В частности, А.П. Потапов исследует ресурсный потенциал инновационной деятельности в аграрном производстве [3]. Используя методологию экономики знаний, Е.А. Дерунова обосновала индикаторы оценки инновационного потенциала в условиях цифровизации экономики, рассмотрела возможности их адаптации к оценке научно-интеллектуального потенциала сельского хозяйства и агропродовольственного комплекса [4].

Не теряют своей актуальности исследования экономических условий для внедрения инноваций, включая стимулирование внедрения инноваций и инициирование процесса их распространения (диффузии). Данное направление получило отражение в исследованиях процесса диффузии инноваций зарубежными учеными (R. Andergassen, Fr. Nardini, M. Ricotilli) [5]. Авторы рассматривая механизмы распространения новых технологий в неоднород-

ной совокупности объектов (кластеров), сделали вывод о том, что наличие значительного технологического разрыва препятствует распространению инноваций и достижению экономического роста, поэтому необходимы меры по уменьшению технологической дифференциации. Важную роль играет создание регионального механизма управления инновационной деятельностью в аграрном секторе экономики [6].

В предыдущих исследованиях автора были определены значительные региональные различия в масштабах поддержки молочного скотоводства, отмечена необходимость усиления адресности государственной поддержки, исходя из критериев эффективности использования инновационных ресурсов и инновационной активности регионов [7]. В этом плане заслуживает внимания предложение о дополнении механизмов разработки и трансфера инноваций, включенных в национальный проект «Наука», показателями и инструментами поддержки диффузии инноваций [8].

Отдельные ученые выделяют два основных механизма диффузии – трансфер технологий и спилловер знаний [9]. Следует отметить цикл работ В.В. Козлова и А.И. Уколова, посвященных исследованию инновационного потенциала молочного скотоводства с рекомендациями системы трансфера инноваций на основе использования системы экстеншн-сервиса. Степень инновационной восприимчивости сельскохозяйственных товаропроизводителей предлагается определять на основе интегральных оценок производственно-финансового потенциала [10–11].

Цель настоящего исследования заключается в анализе инструментов поддержки молочного скотоводства и выявлении воздействия государственного регулирования на процесс распространения инноваций.

Методика исследований.

В качестве метода исследования использована ранее опубликованная методика автора оценки процесса диффузии инноваций с помощью коэффициента инновационности [12]. Применение этой методики позволило выделить группы регионов с разным уровнем инновационности отрасли и исследовать влияние государственной поддержки на процесс распространения инноваций.

Исследование механизмов реализации приоритетов развития производственного потенциала АПК и его отраслей проводилось с помощью обоснованного автором регионального индекса инновационной поддержки (РИИП), разработанного на основе модернизированного интегрального регионального инновационного индекса, разработанного специалистами Высшей школы экономики. Он определяется как среднее арифметическое нормализованных значений используемых показателей, что позволяет сгладить размах колебаний внутри регионов (групп регионов).

Результаты исследований.

Данная работа является логическим продолжением цикла исследований распространения инноваций в молочном скотоводстве России. За последние два года наблюдается значительное повышение технологического уровня производства молока, что нашло отражение в росте продуктивности. Особенно это заметно на уровне передовых хозяйств регионов Центрального федерального округа России, где среднегодовые надои в племенных хозяйствах достигают 11–12 тыс. кг (Курская, Ленинградская, Ярославская области). Поэтому критерий выделения групп регионов РФ по уровню инновационности производства молока в 2018 г. был скорректирован с учетом заметно повысившегося порогового уровня молочной продуктивности в сельскохозяйственных организациях (рисунок 1).

В 2018 г. по сравнению с 2016 г. уменьшились группы регионов-инноваторов и отстающих (соответственно, на 7 и 4 п.п.). Одновременно расширился состав групп ранних последователей и раннего большинства (на 6 и 4 п.п.), что свидетельствует о некотором сокращении различий в технологическом уровне. Лидерами группы инноваторов на протяжении длительного периода остаются Ленинградская, Владимирская, Вологодская, Калужская области.

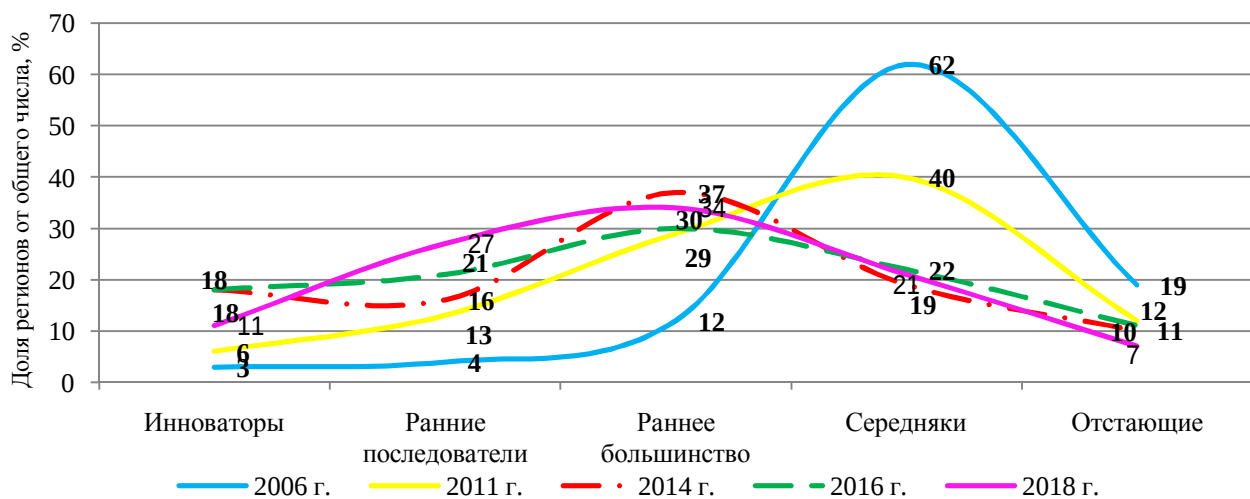

Рисунок 1 – Распределение числа регионов РФ в группах, выделенных по индексу инновационности производства молока

Для выявления воздействия государственной поддержки на распространение инноваций были осуществлены расчеты по группам регионов, различающихся по уровню инновационности производства молока и специфицированных в соответствии с теорией диффузии инноваций Э. Роджерса соответствующим образом (см. таблицу). Учитывая наличие сопоставимой статистической информации по государственной поддержке молочного скотоводства за ограниченный период, расчеты проводились за 2016–2018 гг. Показатели государственной поддержки по группам регионов России, выделенных по критерию инновационности производства молока, представлены в таблице.

Субсидирование процентной ставки по инвестиционным кредитам оказывает опосредованное воздействие на инновационное развитие и в большей степени характеризует возможности экономического роста, в том числе и его инновационной доминанты. В группе инноваторов наибольшая доля инвестиционного кредитования приходится на Калужскую (23,3%), Владимирскую (25,6%), Калининградскую (29,0%) области. В среднем по группе инноваторов доля субсидирования инвестиционного кредитования ниже, чем в среднем по России, что с определенной степенью вероятности можно объяснить некоторым «насыщением» инвестиционными ресурсами, особенно в таких регионах, как Ленинградская, Владимирская, Калужская области. Необходимо учитывать и наличие благоприятного инвестиционного климата в ряде регионов первых трех групп [14]. В группе ранних последователей наиболее значительны результаты Тульской и Тверской областей (49,3% и 54,3%), в группе раннего большинства – Тамбовской области (47,7%). Особо следует отметить Приморский край (53,0%) и Республику Бурятию (32,7%) в группе середняков. Столь высокий уровень инвестиционной активности вышеназванных регионов-середняков объясняется предоставлением им поддержки по программам опережающего развития приоритетных территорий, в том числе и в рамках подпрограммы «Стимулирование инвестиционной деятельности в агропромышленном комплексе».

В структуре господдержки молочной отрасли значительную долю занимают затраты на поддержку племенного крупного рогатого скота молочного направления. Значения среднероссийского показателя вполне сопоставимы со средними данными в большинстве групп регионов. Наибольшее превышение его наблюдается в группе новаторов (26,9%) и позднего большинства (28,6%). Доля субсидий на модернизацию выше в группе раннего большинства (24,1%) и отстающих (26,9%). Вместе с тем подобная ситуация объясняется «точечным» всплеском модернизации. Так, в группе раннего большинства, состоящей из 24 регионов, в 2018 г. субсидии на модернизацию выделялись лишь 6 регионам. Наиболее высокими показателями отличаются Пермский край (42,3%), Республика Татарстан (34,4%), Смоленская область (67%), Курская область (68,7%). В группе отстающих субсидирование модернизации осуществлялось лишь в Республике Саха.

Таблица – Структура государственной поддержки молочного скотоводства с учетом инновационной составляющей (2018 г.)

Группы регионов РФ по уровню инновационности производства молока	Среднегодовой надой молока в сельскохозяйственных организациях, кг		Структура господдержки молочной отрасли, %			Удельный вес инновационной поддержки, %	Субсидии в расчете на корову, тыс. руб.			Инновационная поддержка в расчете на корову, тыс. руб.
	2016 г.	2018 г.	Субсидирование процентной ставки по инвестиционным кредитам	Возмещение затрат на модернизацию	Поддержка племенного скота		Субсидирование процентной ставки по инвестиционным кредитам	Возмещение затрат на модернизацию	Поддержка племенного скота	
РФ	5370	6524	11,2	16,8	22,8	39,6	1,1	1,7	2,3	4,0
Инноваторы	6549	7119	10,3	13,0	26,9	39,9	1,1	1,4	2,8	4,2
Ранние последователи	5827	6408	17,8	15,8	21,0	36,7	3,6	2,6	3,5	6,1
Раннее большинство	4932	5372	4,3	24,1	20,4	44,5	0,4	2,0	1,7	2,7
Позднее большинство	4257	4650	6,7	14,5	28,6	43,1	0,3	0,7	1,4	2,1
Отстающие	2305	2248	0,3	26,9	24,5	51,4	0,1	1,2	1,1	2,3

Примечания:

¹ Рассчитано с использованием статистических данных Национального союза производителей молока [13];

² Группы регионов выделялись на основе нормирования показателя молочной продуктивности в сельскохозяйственных организациях; названия групп регионов определены в соответствии с терминологией, используемой в теории диффузии инноваций Э. Роджерса.

Использование данных рейтинга субъектов РФ по качеству инновационной политики [15] позволило сделать вывод о некоторой зависимости между инновационным развитием молочного скотоводства и трендом инновационной политики региона. Например, Республика Татарстан, лидирующая в рейтинге качества инновационной политики, получает значительные ассигнования из консолидированного бюджета на цели инновационного развития региона. В Пермском крае действует государственная программа поддержки инноваций. В Республике Саха (13-е место в рейтинге качества инновационной политики) значительная доля средств из федерального бюджета используется на развитие инновационной инфраструктуры для субъектов малого и среднего предпринимательства.

В целях выявления инновационной доминанты государственной поддержки молочного скотоводства автором были предложены такие индикаторы, как удельный вес инновационной поддержки и инновационная поддержка в расчете на 1 корову, тыс. руб. Первый индикатор отражает масштабность инновационной поддержки, а второй – интенсивность инновационной поддержки. Сравнение значений индикаторов отражает разнонаправленные тенденции. Так, удельный вес инновационной поддержки выше в группе раннего большинства (44,5%) и отстающих (51,4%); инновационная поддержка в расчете на 1 корову выше в группе инноваторов (4,2%) и раннего большинства (6,1%). Как уже отмечалось, структура государственной поддержки (в том числе и инновационной) значительно отличается по группам регионов, отчасти сглаживая территориальные различия. В связи с этим считаем более корректным использовать индикатор интенсивности инновационной поддержки.

Для определения воздействия инновационной государственной поддержки на эффективность производства молока было осуществлено сопоставление индикатора интенсивности с темпами роста производства молока и продуктивности в сельскохозяйственных организациях за 2016–2018 гг. (рисунок 2).

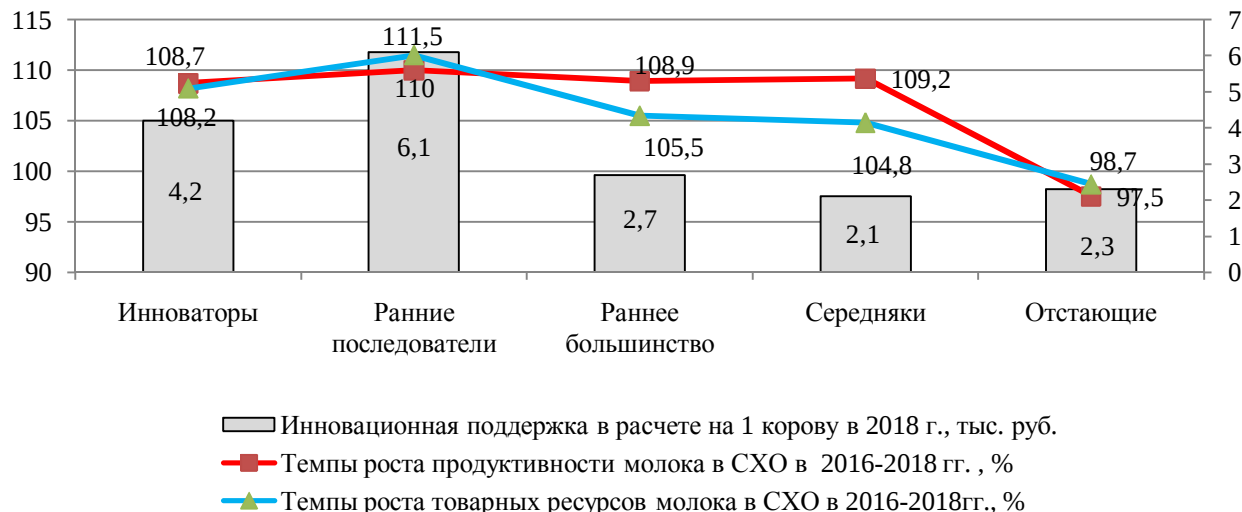

Рисунок 2 – Воздействие инновационной государственной поддержки на эффективность производства молока

Результаты анализа показали, что инновационная поддержка в большей степени оказала воздействие на темпы роста товарных ресурсов молока. Увеличение среднегодовых надоев молока происходило в первых четырех группах регионов независимо от уровня инновационной поддержки. Определенная зависимость сложилась между уровнем господдержки и темпами увеличения товарных ресурсов молока. Более высокие показатели инновационной поддержки и темпов роста товарных ресурсов молока достигнуты в группе ранних последователей. Некоторое отставание инноваторов можно объяснить достижением определенного порога насыщения инвестиционно-инновационными ресурсами, не требующего дополни-

тельной поддержки. Подобное утверждение выступает в качестве гипотезы и нуждается в более детальном обосновании.

Исследование механизмов реализации приоритетов развития производственного потенциала АПК и его отраслей предопределяет необходимость оценки эффективности государственной поддержки, в том числе и инновационной. Используя некоторые методические подходы к определению интегральных индексов, общепринятые в мировой и российской практике (например, российский региональный инновационный индекс, разработанный специалистами Высшей школы экономики), автор предлагает рассчитывать региональный индекс инновационной поддержки (РИИП). Он определяется как среднее арифметическое нормализованных значений используемых показателей, что позволяет, на наш взгляд, сгладить размах колебаний внутри регионов (групп регионов). В нашем примере индекс включает два показателя – возмещение затрат на модернизацию и поддержку племенного скота. Оба показателя приводятся в расчете на 1 корову. Значения регионального индекса инновационной поддержки по группам регионов представлены на рисунке 3. Согласно полученным данным прослеживается определенная зависимость между уровнем инновационной поддержки и инновационностью производства молока, причем разрыв между группой лидеров и отстающих довольно существенный. Необходимо отметить возможности трансформации предложенного индекса с учетом использования дополнительных показателей инновационной поддержки, в том числе и перерабатывающей промышленности. Полагаем, что вышеупомянутый индекс может выступать одним из инструментов выравнивания межрегиональной дифференциации инновационной поддержки с учетом индикаторов инновационного потенциала отрасли (агросистемы, комплекса).

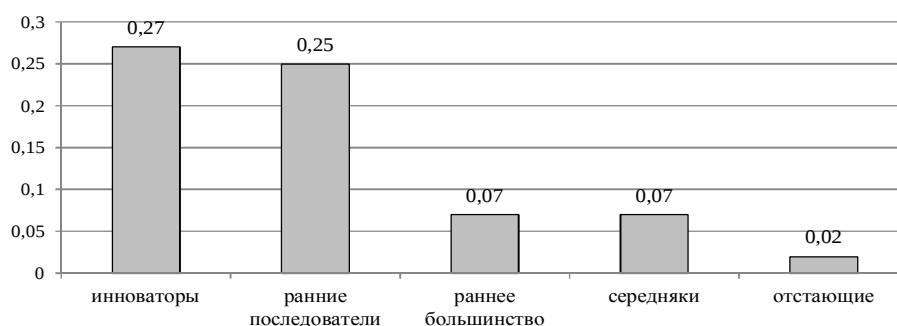

Рисунок 3 – Региональный индекс инновационной поддержки молочного скотоводства по группам регионов, 2018 г.

Блок индикаторов инновационного потенциала молочного скотоводства может включать следующие элементы:

- отношение прироста производства отдельных видов продукции к приросту продуктивности скота;
- отношение темпов роста племенного скота к темпам роста производства;
- отношение темпов ввода модернизированных объектов к темпам роста производства;
- соотношение продуктивности скота по категориям хозяйств;
- соотношение темпов роста товарных ресурсов и объемов производства.

Следует обратить внимание, что предложенный перечень не является исчерпывающим; приведенные индикаторы строятся по данным информации Росстата, отраслевых союзов и ассоциаций. Не исключена возможность привлечения экспертных оценок.

Заключение.

В результате проведенного исследования выявлено воздействие отдельных инструментов государственной поддержки на распространение инноваций в молочном скотоводстве по группам регионов, различающихся по уровню инновационности производства молока и специфицированных в соответствии с теорией диффузии инноваций Э Роджерса.

Установлено, что субсидирование процентной ставки по инвестиционным кредитам оказывает опосредованное воздействие на инновационное развитие и в большей степени характеризует возможности экономического роста, в том числе и его инновационной доминанты. Расчеты подтвердили, что в среднем по группе инноваторов доля субсидирования инновационного кредитования ниже, чем в среднем по России, что с определенной степенью вероятности можно объяснить некоторым «насыщением» инвестиционными ресурсами, особенно в таких регионах, как Ленинградская, Владимирская, Калужская области.

Определены значительные межрегиональные различия в использовании таких инновационных инструментов поддержки, как затраты на поддержку племенного крупного рогатого скота молочного направления и возмещение затрат на модернизацию объектов молочного скотоводства. Достаточно высокий уровень субсидий на модернизацию в нижестоящих группах регионов объясняется «точечным» всплеском модернизации, особенно в группе отстающих регионов.

В целях выявления инновационной доминанты государственной поддержки молочного скотоводства автором были предложены следующие индикаторы: удельный вес инновационной поддержки (%) и инновационная поддержка в расчете на 1 корову, тыс. руб. Первый индикатор отражает масштабность инновационной поддержки, а второй – интенсивность инновационной поддержки. Сравнение значений индикаторов показало разнонаправленные тенденции: структура государственной поддержки (в том числе и инновационной) значительно отличается по группам регионов, отчасти сглаживая территориальные различия. В связи с этим считаем более корректным использовать индикатор интенсивности инновационной поддержки.

Для определения воздействия инновационной государственной поддержки на эффективность производства молока было осуществлено сопоставление индикатора интенсивности с темпами роста производства молока и продуктивности в сельскохозяйственных организациях за 2016–2018 гг. Результаты исследования показали, что инновационная поддержка в большей степени оказывает воздействие на темпы роста товарных ресурсов молока. Более высокие показатели инновационной поддержки и темпов роста товарных ресурсов молока достигнуты в группе ранних последователей. Отставание инноваторов можно объяснить достижением определенного порога насыщения инвестиционно-инновационными ресурсами, не требующего дополнительной поддержки.

Используя некоторые методические подходы к определению интегральных индексов, общепринятые в мировой и российской практике, автором был предложен рассчитать региональный индекс инновационной поддержки (РИИП). Он определяется на основе модернизированного интегрального регионального инновационного индекса, предложенного специалистами Высшей школы экономики как среднее арифметическое нормализованных значений используемых показателей, что позволяет сгладить размах колебаний внутри регионов (групп регионов). Полагаем, что предложенный индекс может выступать одним из инструментов выравнивания межрегиональной дифференциации инновационной поддержки с учетом индикаторов инновационного потенциала отрасли (агросистемы, комплекса).

Список литературы:

1. Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы: Постановление Правительства РФ от 25 августа 2017 г. N 996. – URL: <http://consultant.ru>

2. Инновационная активность субъектов инновационного процесса: мониторинг. Информационный бюллетень № 4 (2015). – URL: www.hse.ru
3. Потапов А.П. Ресурсный потенциал инновационной деятельности в аграрном производстве России // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И.Вавилова. – 2012. – № 12. – С. 92–95.
4. Дерунова Е.А. Использование методологии экономики знаний в оценке инновационного потенциала агропродовольственного комплекса России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2018. – № 2). – URL:
5. Andergassen R; Nardini Fr; Ricottill, M. Innovation diffusion, general purpose technologies and economic growth // Structural change and economic dynamics, 2017, Vol. 40, P. 72–80.
6. Дерунова Е.А. Организационно-экономический механизм управления инновационной деятельностью в АПК // Вестник ИРГСХА. – 2012. – № 52. – С. 93–99.
7. Васильченко М.Я. Механизмы реализации стратегических приоритетов развития производственного потенциала молочного скотоводства // Экономические науки. – 2019. – № 5. – С. 46–50.
8. Андрущенко С.А. Национальные и региональные механизмы реализации приоритетов развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса России // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2019. – № 2. – С. 34–38.
9. Баканова С.А. Механизмы диффузии инноваций: особенности и методы моделирования // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. № 6–1 (185) 2013. – URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/130929660/>
10. Козлов В.В. Без технологических и институциональных инноваций импортозамещение вряд ли осуществимо // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2016. – № 2. – С. 37–40.
11. Уколов А.И., Козлов В.В. Оценка инновационного потенциала молочного скотоводства // Аграрный научный журнал. – 2018. – № 10. – С. 90–96.
12. Vasilchenko M. The innovation process development in dairy cattle breeding in Russia // Revista ESPACIOS, 2018, Vol. 39, № 14. – URL: <http://www.revistaespacios.com/a18v39n14/18391430.html>
13. Молочная отрасль 2018–2019: [справочник] / сост: А.С. Белов [и др.]. – URL: <http://www.souzmoloko.ru>
14. Национальный рейтинг инвестклимата в 2018 году возглавила Тюменская область. – URL: <https://asi.ru/news/91678/>
15. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 5 / Г.И. Абдрахманова [и др.]; под ред. Л.М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017 – 260 с. – URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/130929660/?page>

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

Дерунова Е.А., к.э.н., ИАГП РАН

В статье предложены показатели оценки эффективности и результативности системы управления научно-интеллектуальным потенциалом агропродовольственного комплекса на различных этапах инновационного процесса. Применение предлагаемых в статье подходов к построению системы управления научно-интеллектуальным потенциалом агропродовольственного комплекса позволит оптимизировать имеющиеся ресурсы предприятий и организаций на всех звеньях инновационной цепи, обеспечить ускорение внедрения перспективных научных разработок и повысить конкурентоспособность агропродовольственного комплекса.

Ключевые слова: научно-интеллектуальный потенциал, агропродовольственный комплекс, система управления, теория систем, коммуникации, конкурентоспособность.

FORMATION OF THE SYSTEM OF MANAGEMENT OF THE SCIENTIFIC-INTELLECTUAL POTENTIAL OF THE AGRO-FOOD COMPLEX

Derunova E.A., candidate of economic sciences, IAgP RAS

They are proposed indicators for assessing the effectiveness and efficiency of the management system of the scientific and intellectual potential of the agro-food complex at various stages of the innovation process. The application of the proposed in the article approaches to the development of a management system for the scientific and intellectual potential of the agro-food complex will allow optimizing the existing resources of enterprises and organizations at all levels of the innovation chain as well as to ensure the acceleration of the introduction of promising scientific developments and improve the competitiveness of the agro-food complex.

Key words: scientific-intellectual potential, agro-food complex, management system, systems theory, communications, competitiveness.

Введение.

В настоящее время формирование и развитие системы управления научно-интеллектуальным потенциалом является первостепенным инструментом развития инновационных процессов в агропродовольственном комплексе страны. В связи с этим особую актуальность приобретают: исследование методических подходов к формированию системы управления научно-интеллектуальным потенциалом комплекса, разработка и оценка различных подходов к управлению инновационной деятельностью, распространению передовых производственных технологий на региональном уровне, повышению инновационной восприимчивости потребителей и стимулированию спроса на продукты и услуги ИКТ.

Переход агропродовольственного комплекса на инновационный путь развития базируется на системном подходе к процессу управления его отраслями с использованием достижений научно-технического прогресса. Инновационное развитие аграрной экономики связано с проводимой политикой в регионах, формированием инструментария оценки и управления научно-интеллектуальным потенциалом агропродовольственных предприятий на всех этапах инновационной цепочки от производителя научной разработки до ее реализации в производственный процесс.

Методы исследования.

Следует отметить, что инструментарий оценки научно-интеллектуального потенциалом агропродовольственного комплекса рассматривается как составная часть системы управления. Система управления представляет собой сочетание организационных форм, ме-

тодов и принципов управления, нормативно-правовых форм, на базе которых реализуются экономические законы с учетом отраслевой специфики.

Междисциплинарный подход при формировании системы управления научно-интеллектуальным потенциалом агропродовольственного комплекса включает в себя экономический, управленческий аспекты, процесс планирования и организации производства [1]. Исследование опыта построения систем управления различными объектами позволило сформировать авторские концептуальные подходы к формированию системы управления научно-интеллектуальным потенциалом агропродовольственного комплекса как самостоятельного объекта управления, требующего, в свою очередь, соответствующей системы управления. Многоаспектный характер управления научно-интеллектуальным потенциалом агропродовольственного комплекса включает систему краткосрочных и долгосрочных целей, задач и функций, ответственности, полномочий и прав, их сбалансированное распределение между всеми звеньями инновационной цепи на коммуникационной основе [2].

По нашему мнению, под системой управления научно-интеллектуальным потенциалом агропродовольственного комплекса понимается сбалансированное сочетание коммуникационных взаимодействий внутри инновационной цепи в целях развития интеллектуальных преимуществ агропродовольственных предприятий и реализации стратегии достижения интеллектуального лидерства в агропродовольственном комплексе.

При формировании авторской системы управления научно-интеллектуальным потенциалом использовались системный и ситуационный подходы [3]. Применение системного подхода в проектировании заключается в строгом согласовании и единой направленности целей и задач всех элементов системы - субъектов инновационного процесса [4]. Данный подход предполагает наличие следующих свойств научно-интеллектуального потенциала: целостность, неаддитивность, эмерджентность, синергичность, совместимость, мультипликативность, структурность, надежность, целеустремленность, функциональная гибкость и устойчивость. Свойства системы, с одной стороны, проявляются комплексно, с другой - в зависимости от целей и задач инновационного развития [5], что предполагает обоснование необходимости совокупного рассмотрения системы управления с позиции ее компонентов, свойств, горизонтальных и вертикальных связей для повышения эффективности исследования и оценки научно-интеллектуального потенциала агропродовольственного комплекса и выбора траектории развития [6]. Одной из главных составляющих эффективной работы агропродовольственного комплекса является идентификация критериев ее оценки [7]. Критериями оценки эффективности функционирования системы управления научно-интеллектуальным потенциалом являются: уровень инновационной активности предприятия, объем продаж и доля рынка. Формирование и развитие системы с учетом его проектирования обеспечивает синергетический эффект от комплексного взаимодействия всех субъектов инновационной цепи.

Результаты исследования.

Стратегической целью формирования системы управления научно-интеллектуальным потенциалом является повышение уровня конкурентоспособности агропродовольственного комплекса. В современных условиях все большую актуальность приобретает проблема разработки и реализации стратегий, методов, инструментов и практических мер осуществления инновационной деятельности, которые реализуются в составе системы управления научно-интеллектуальным потенциалом агропродовольственного комплекса.

На наш взгляд, для оценки эффективности системы управления научно-интеллектуальным потенциалом рационально использовать гармоничное сочетание результативного и ресурсного подходов, объединяющего результаты и ресурсы инновационной деятельности.

К показателям результативности системы управления относятся: разработанные передовые производственные технологии, число использованных передовых производственных технологий, отношение числа созданных передовых производственных технологий к числу используемых, количество поданных заявок на патенты, коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения).

К показателям эффективности системы управления научно-интеллектуальным потенциалом относятся: степень инновационности организаций (доля инновационной продукции в общем объеме реализации продукции организаций, осуществляющих инновации), число созданных передовых производственных технологий на одну организацию, выполняющую НИОКР, число созданных передовых производственных технологий на 1 тыс. чел., занятых в НИОКР, число созданных передовых производственных технологий на 1 млрд руб. внутренних затрат на НИОКР (табл.).

Таблица - Показатели оценки эффективности и результативности системы управления научно-интеллектуальным потенциалом агропродовольственного комплекса

Этап инновационного процесса	Показатели оценки системы управления научно-интеллектуальным потенциалом
Производство инноваций	Удельный вес сельского населения, имеющего высшее образование и занятого в экономике региона, в общей среднегодовой численности занятых в экономике региона, %; Доля кадрового потенциала сельского хозяйства, занятого в секторах связи, ИКТ, %; Доля организаций агропродовольственного комплекса, осуществляющих технологические, организационные и маркетинговые инновации в общем числе организаций, %; Внутренние затраты на научные исследования и разработки в сельском хозяйстве, % от общих затрат на развитие отрасли; Затраты на технологические инновации, % ; Число созданных передовых производственных технологий на 10 000 занятых в сельском хозяйстве региона, ед.; Число поданных патентных заявок на научные разработки в сельском хозяйстве на 10 000 занятых в сельском хозяйстве региона, ед.; Число выданных патентов, ед.
Коммерциализация инноваций	Удельный вес инновационно активных предприятий, %; Доля инновационной продукции в общем объеме производства, %; Затраты на технологические инновации из всех источников, кроме средств федерального бюджета, % от ВРП; Внедрено в производство новых технологий, ед.; Объем реализованной продукции и услуг объектов инновационной инфраструктуры (бизнес-инкубаторов, технопарков, промышленных парков), тыс. руб.
Трансфер инноваций	Доля организаций инновационной инфраструктуры сельского хозяйства в общем числе организаций и предприятий, %; Доля агропродовольственных предприятий, участвующих в разработке технологических, маркетинговых и организационных инноваций в общем числе инновационных предприятий, %; Использование объектов интеллектуальной собственности в сельском хозяйстве, ед.; Затраты на развитие объектов инновационной инфраструктуры; Проектная мощность инновационной инфраструктуры; Численность работающих на объектах инновационной инфраструктуры.

Примером эффективного управления научно-интеллектуальным потенциалом служит опыт возрождения семеноводства сахарной свеклы на основе сотрудничества многопрофильной научно-производственной компании АО «Щелково Агрохим», имеющей независимое финансирование, и крупнейшего российского производителя сахарной свеклы - группу компаний «Русагро». В реализации этого проекта принимает участие ряд российских научных учреждений (ФГБНУ Всероссийский НИИ сахарной свеклы им. А.Л. Мазлумова и др.). Особенность этого проекта состоит в том, что ГК «Русагро» является лидером сахаропродуктового подкомплекса, имеет достаточно средств для финансирования принципиально важных крупномасштабных инновационных проектов, включающих развитие элементов научно-интеллектуального потенциала в научных организациях, выполняющих фундаментальные исследования, в научно-производственных организациях, осуществляющих коммерциализацию инноваций и их сопровождение в производственных условиях. Для трансфера инноваций создана специализированная организация «СоюзСемСвекла» [12]. Также

следует отметить, что ГК «Русагро» имеет достаточный кадровый потенциал для замены импортных гибридных семян на отечественные. По нашему мнению, для успешного продвижения инноваций в других отраслях АПК потребуется формирования аналогичных составляющих научно-интеллектуального потенциала.

Министерство сельского хозяйства РФ разработало стратегии развития зернового комплекса страны до 2035 г. Она предусматривает инвестиции в размере более 4,4 трлн рублей за 17 лет, в том числе 281,4 млрд рублей инвестиций в развитие инфраструктуры и транспортно-логистического обеспечения зернового сектора и всего лишь 12,5 млрд рублей на развития научно-технического обеспечения зернового комплекса, в том числе на строительство селекционно-семеноводческих центров - 10 млрд рублей. Таким образом, на научно-техническое обеспечение планируется менее 0,3% инвестиций. Чтобы предлагаемые инвестиции оказали воздействие на развития зернового подкомплекса, необходимо предусмотреть комплекс мер, направленных на расширение научно-интеллектуального потенциала отрасли. Соответственно, стратегия развития АПК должна включать в себя следующие показатели и отслеживать их изменения с периодичностью минимум раз в пять лет

- число работников рабочих профессии и специалистов, работающих в сельскохозяйственных организациях и крестьянских (фермерских) хозяйствах, прошедших специализированную подготовку или переподготовку;

- внутренние затраты на научные исследования и разработки в сельском хозяйстве, % от общих затрат на развитие отрасли;

- число поданных патентных заявок на научные разработки по тематике зернового комплекса, ед.;

- число выданных патентов, ед.;

- число созданных передовых производственных технологий.

- объем реализованной продукции и услуг объектов инновационной инфраструктуры (консультационных организаций, бизнес-инкубаторов, технопарков, промышленных парков и т.п.), тыс. руб.

Заключение.

В работе предложены направления трансформации российской институциональной среды и инновационной инфраструктуры, позволяющие применять указанный инструментарий для оценки эффективности и результативности научно-интеллектуального потенциала в агропродовольственном комплексе на региональном уровне. В Национальном проекте «Наука» [8], Проекте «Международная кооперация и экспорт» [9] Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (в редакции от 8 февраля 2019 г.) [10] выделены следующие приоритеты: разработка и трансфер инноваций, диффузия инноваций, биологизация технологий, применяемых в сельском хозяйстве, создание условий для привлечения кредитных ресурсов, обновление парка сельскохозяйственной техники, эффективное использование основных фондов и инвестиций, рост объема производства в пищевой промышленности [11]. В целях реализации модели трансфера результатов научных исследований календарь событий программы предусматривает к 2024 г. формирование комплекса мер по ориентации государственных заказчиков на закупку наукоемкой и инновационной продукции, созданной на основе российских технологий.

Таким образом, в статье обобщены методические подходы к формированию и развитию научно-интеллектуального потенциала агропродовольственного комплекса, с позиции системного подхода исследована сущность и свойства механизма его управления. Предложены критерии оценки эффективности и результативности системы управления научно-интеллектуальным потенциалом комплекса на различных этапах инновационной цепи, применение которых позволит обеспечить ускорение внедрения перспективных научных разработок в производственный процесс и повышение конкурентоспособности продукции агропродовольственного комплекса на внутренних и внешних рынках.

Список литературы:

1. Каптерев А.И. Управление профессионально-интеллектуальным потенциалом современной организации: Монография. – М., 2004. – 302 с.
2. Яфизова Д.А. Формирование механизма управления интеллектуальным потенциалом предприятия // Вестник КГФЭИ. – 2008. – № 4. – С. 73–75.
3. Дерунова Е.А. Организационно-экономический механизм управления инновационной деятельностью в АПК // Вестник ИрГСХА. - 2012. - № 52. - С. 93–99.
4. Мильнер Б.З. Организация создания инноваций: горизонтальные связи и управление: монография / Б.З.Мильнер, Т.З.Орлова. – М.: Инфра-М, 2013. – 288 с.
5. Дерунова Е.А., Сычева В.О. Методические подходы к оценке государственной поддержки на рынке высокотехнологичной продукции// Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. - 2016. - № 4 (60). - С. 226-234.
6. Климов С.М. Стратегическое управление интеллектуальными ресурсами организации. – СПб.: Общество «Знание» СПб и Ленингр. обл., 2001.
7. Андриющенко С. Основные подсистемы экономического механизма рационального землепользования и охраны земель // Международный сельскохозяйственный журнал. - 1999. - №2. - с.41
8. Национальный проект «Наука» // Информационные материалы о национальных проектах по 12 направлениям стратегического развития. – URL: <http://government.ru/news/35675/> Доступ 12.07.19.
9. Национальный проект «Международная кооперация и экспорт» // Информационные материалы о национальных проектах по 12 направлениям стратегического развития. – URL: <http://government.ru/news/35675/>
10. Постановление Правительства РФ от 8 февраля 2019 г. N 98 "О внесении изменений в постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. N 717». – URL: <http://consultant.ru>
11. Андриющенко С.А. Национальные и региональные механизмы реализации приоритетов развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса России // Международный сельскохозяйственный журнал. - 2019.- № 2. - С.34-38.
12. «СоюзСемСвекла»: первый в России селекционно-генетический центр запустили в Воронежской области. – URL: <https://kvedomosti.ru/news/soyuzsemsvekla-pervyj-v-rossii-selekcionno-geneticheskij-centr-zapustili-v-voronezhskoj-oblasti.html>.
13. Минсельхоз завершил разработку долгосрочной стратегии развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года. – URL: <http://mcx.ru/press-service/news/minselkhoz-zavershil-razrabotku-dolgosrochnoy-strategii-razvitiya-zernovogo-kompleksa-rossiyskoy-fed/>. Доступ 16 июля 2019.

**ФАКТОРНЫЕ МОДЕЛИ ДЛЯ ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ПРИБЫЛИ
И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ
РЕГИОНОВ–СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Кутенков Р.П., д.э.н., ИАГП РАН

Предложены факторные модели для оценки потенциальной прибыли и производительности труда в сельском хозяйстве для трех групп регионов РФ с разными размерами посевных площадей, являющихся основными производителями сельскохозяйственной продукции. В числе факторов рассмотрены показатели ресурсной обеспеченности сельскохозяйственного производства. Расчеты проведены по усредненным за 2011-2015 гг. значениям факторов и результирующих показателей, вычисленных в сопоставимых ценах 2011 г. На основе построенных моделей проводится анализ эффективности сельскохозяйственного производства в регионах. Научная новизна исследования связана с использованием нового показателя эффективности сельскохозяйственного производства и методическими подходами к анализу экономико-статистической информации. Полученные результаты могут быть использованы при разработке механизмов управления инновационным развитием производственного потенциала агропродовольственных комплексов регионов России.

Ключевые слова: сельскохозяйственное производство, эффективность, ресурсное обеспечение, соотношение, экономико-статистические модели, субъекты Российской Федерации.

**FACTOR MODELS FOR ASSESSING POTENTIAL PROFIT AND LABOR
PRODUCTIVITY IN AGRICULTURE OF THE REGIONS – SUBJECTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Kutenkov R.P., doctor of economic sciences, IAgP RAS

They are proposed factor models for assessing potential profits and labor productivity in agriculture for three groups of regions of the Russian Federation that are the main producers of agricultural products and have different sizes of sown areas. Indicators of resource security of agricultural production are considered among the factors. Calculations are based on averaged over 2011-2015 values of factors and resulting indicators calculated in comparable prices of 2011. On the basis of the models, an analysis of the efficiency of agricultural production in the regions is carried out. The scientific novelty of the research is connected with the use of the new indicator of the efficiency of agricultural production and methodical approaches to the analysis of economic and statistical information. The obtained results can be used in the development of mechanisms for managing the innovative development of the production potential of the Russian agro-food complexes.

Keywords: agricultural production, efficiency, resource provision, correlation, economic and statistical models, subjects of the Russian Federation.

Введение.

Известно, что разработка механизмов инновационного развития производственного потенциала агропродовольственных комплексов регионов России определяется целями повышения эффективности сельскохозяйственного производства. В качестве подобных целей в данной работе рассматриваются: повышение прибыли и производительности труда. Основная задача исследования состоит в построении экономико-статистических моделей, обосновывающих зависимости обозначенных целевых показателей от факторов ресурсного обеспечения сельскохозяйственного производства в регионах. Научная новизна работы связана с использованием нового показателя эффективности сельскохозяйственного производства – потенциальной прибыли в расчете на гектар посевных площадей – введенного в [1], с усреднением показателей за период с 2011 по 2015 гг. и исчислением стоимостных показателей в

сопоставимых ценах 2011 г. Используемые подходы способствуют повышению точности предлагаемых моделей за счет элиминирования факторов погодных условий в регионах и инфляционной динамики. Данной работой автор завершает цикл экономико-статистических исследований [1–5], связанных с анализом механизмов управления инновационным развитием агропродовольственных комплексов регионов Российской Федерации.

Цель исследования.

Построение экономико-статистических моделей, связывающих эффективность сельскохозяйственного производства в регионах России с факторами ресурсного обеспечения. Обоснование на их основе уровня использования рассматриваемых ресурсных факторов и направленности механизмов инновационного развития производственного потенциала агропродовольственных комплексов регионов Российской Федерации.

Информационная база и методика исследования.

Исследование проводилось на выборке из 62 регионов России – основных производителей сельскохозяйственной продукции за период 2011–2015 гг. включительно. Полный список регионов и их идентифицирующих кодов, которые используются в рисунках данной работы, приведен в [1, с. 99-100.]. С учетом обоснованных ранее закономерностей отдельно рассматривались регионы с посевными площадями до 1 млн. га, от 1 до 2 и свыше 2 млн. га.

Использованы следующие показатели эффективности и ресурсной обеспеченности сельскохозяйственного производства в регионах.

Потенциальная прибыль в расчете на гектар посевных площадей (y_1 , тыс. руб.). Этот показатель агрегирует показатели рентабельности и выхода валовой продукции в предположении, что вся произведенная в регионе сельскохозяйственная продукция реализуется, и рентабельность соответствует рентабельности продукции, произведенной и реализованной сельскохозяйственными организациями. Соответствующее обоснование показателя потенциальной прибыли приводится в работе [1].

Производительность труда (y_2 , тыс. руб.) определяется как среднегодовая валовая продукция сельского хозяйства в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве региона. Оба показателя рассчитывались как средние значения за 2011–2015 гг. в сопоставимых ценах 2011 г.

Ресурсные факторы для анализа определялись на основе корреляционного анализа, как наиболее тесно связанные с введенными показателями эффективности в зависимости от группы регионов по размеру посевных площадей. В их состав вошли:

- стоимость основных фондов по сельскому хозяйству, охоте и лесному хозяйству в расчете на гектар посевных площадей (x_1 , тыс. руб.);
- среднегодовая численность занятых в расчете на 100 га посевных площадей (x_2 , чел.).

Для повышения точности моделей для отдельных групп регионов также учитывались коэффициент обновления основных фондов (x_3 , руб./руб., в ценах текущего года) и номинальная начисленная заработная плата всем работникам сельскохозяйственных организаций региона в 2015 г. в расчете на га посевных площадей (x_4 , тыс. руб.). Значения всех ресурсных факторов, если не оговорено иное, вычислялись в ценах 2011г. с усреднением за 2011–2015 гг.

Все расчеты, результаты которых приведены и проиллюстрированы в данной работе, проводились на основе материалов статистической отчетности Росстата [6,7].

Построение зависимостей производилось с применением методов линейного регрессионного анализа [8]. В качестве критерия точности моделей использовались оценки коэффициентов множественной детерминации (R^2), скорректированные с учетом числа регионов, учитываемых при построении соответствующей модели, и числа коэффициентов модели. На основе моделей по величинам остатков (то есть разностей между фактическими и рассчитанными по модели значениями показателя эффективности) определялся статус регионов по соотношению затраченных ресурсов и достигнутых значений эффективности производства. С учетом полученных оценок делались выводы о направленности механизмов инновационного развития производственного потенциала агропродовольственных комплексов регионов.

Результаты исследования.

Модели оценивания потенциальной прибыли для регионов с различными размерами посевных площадей. Анализ показал, что для подавляющего числа регионов с отрицательной потенциальной прибылью в расчете на гектар посевных площадей обеспеченность сельскохозяйственного производства исследуемыми ресурсами находится на достаточно высоком уровне, при котором в других регионах потенциальная прибыль составляет от 3-4 тыс. руб./га и выше. В частности, из рис.1 следует, что, среди регионов с посевными площадями менее 1 млн. га (республике Дагестан (обозначена кодом 401), Астраханской (304) и Ивановской (105) областях) потенциальная прибыль значительно ниже, чем в Чувашской (506) республике, хотя последняя обладает меньшей ресурсной обеспеченностью. Таким образом, зависимости потенциальной прибыли от ресурсных показателей различны для регионов с отрицательной и положительной потенциальной прибылью. Это подтверждается также результатами корреляционного анализа. Если для всей группы регионов с размером посевных площадей до 1 млн. га оценки коэффициентов корреляции потенциальной прибыли со стоимостью основных фондов и численностью занятых 0,37 и -0,14 соответственно, то после исключения регионов с отрицательной потенциальной прибылью они существенно увеличились, достигнув 0,82 и 0,68 (расчеты автора). В связи с этим причины отрицательной прибыли в регионах с посевными площадями менее 1 млн. га не связаны напрямую с низкой ресурсной обеспеченностью и должны анализироваться с привлечением дополнительной информации.

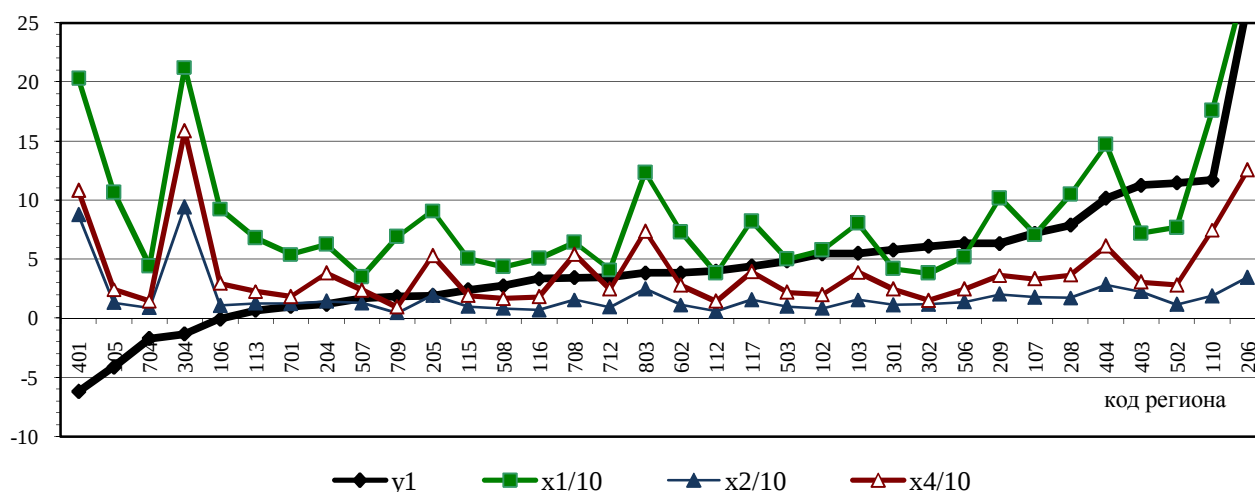

Рисунок 1 – Значения потенциальной прибыли и основных ресурсных показателей в расчете на гектар посевных площадей для регионов с размерами посевных площадей менее 1 млн. га.

По аналогичным причинам из группы регионов с посевными площадями от 1 до 2 млн. га была исключена Тюменская область (603), а из группы с посевными площадями более 2 млн. га – республика Татарстан (504). Потенциальная прибыль в этой республике положительна (1,95 тыс. руб./га), но стоимость основных фондов была в 2 и более раз выше, чем в ряде регионов, достигнувших потенциальной прибыли в размере 4–6 тыс. руб./га., то есть в 2–3 раза большей, чем в республике Татарстан. Исключения перечисленных аномальных объектов обеспечили однородность данных, необходимую для корректного проведения регрессионного анализа.

Результаты проведенного корреляционного анализа дают основание для рассмотрения линейных зависимостей потенциальной прибыли от исследуемых факторов.

Полученные в результате регрессионных расчетов модели имеет вид:

–для регионов с посевной площадью менее 1 млн. га

$$y_1 = -5,24 + 0,098x_1 + 0,270x_2 + 26,22x_3 - 0,110x_4, \quad R^2=0,67; \quad (1)$$

–для регионов с посевной площадью от 1 до 2 млн. га

$$y_1 = 2,36 + 0,191x_1 - 1,892x_2 + 0,522x_4, \quad R^2=0,78; \quad (2)$$

– для регионов с посевной площадью, превышающей 2 млн. га

$$y_1 = 0,582 + 0,123x_1 - 1,340x_2 + 0,653x_4, \quad R^2=0,89. \quad (3)$$

По критерию, основанному на величине коэффициента множественной детерминации (R^2), наиболее точна модель для регионов с посевными площадями свыше 2 млн. га (3). Далее следуют модель (2) и, несмотря на проведенное исключение из числа регионов с посевными площадями менее 1 млн. га субъектов с аномальными соотношениями потенциальной прибыли и затраченных ресурсов, модель (1). В модели (1) уровень значимости для коэффициента при x_1 составляет 0,02, для остальных коэффициентов от 0,14 до 0,17. В модели (2) все коэффициенты статистически значимы на уровне 0,1 и ниже, в модели (3) коэффициент при x_1 значим на уровне 0,18, остальные – на уровне 0,03 и ниже. Точность моделей также иллюстрируется рис. 2–4.

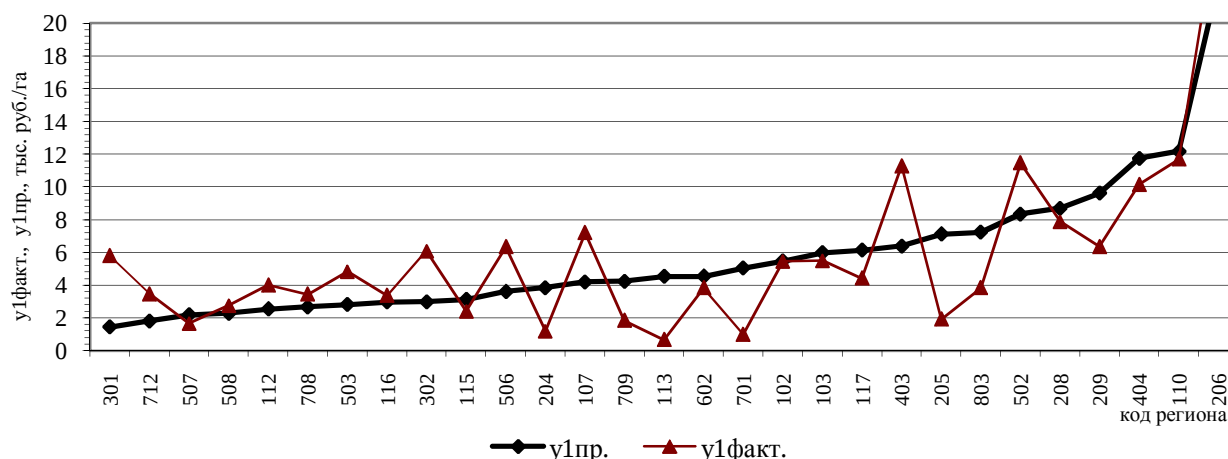

Рисунок 2 – Фактические ($y_{1\text{факт.}}$) и предсказанные ($y_{1\text{пр.}}$) по модели (1) значения потенциальной прибыли для регионов с посевными площадями меньше 1 млн га (исключены регионы с отрицательной потенциальной прибылью)

Кривая предсказанных значений потенциальной прибыли для регионов с посевными площадями менее 1 млн. га (рис.2) отражает лишь общую тенденцию. Это связано с неустойчивостью исследуемой зависимости, при которой близким по значениям факторов соответствуют существенно различающиеся значения потенциальной прибыли (см. рис.1). Также в рассмотренных регионах может существенно различаться структура и организация производства.

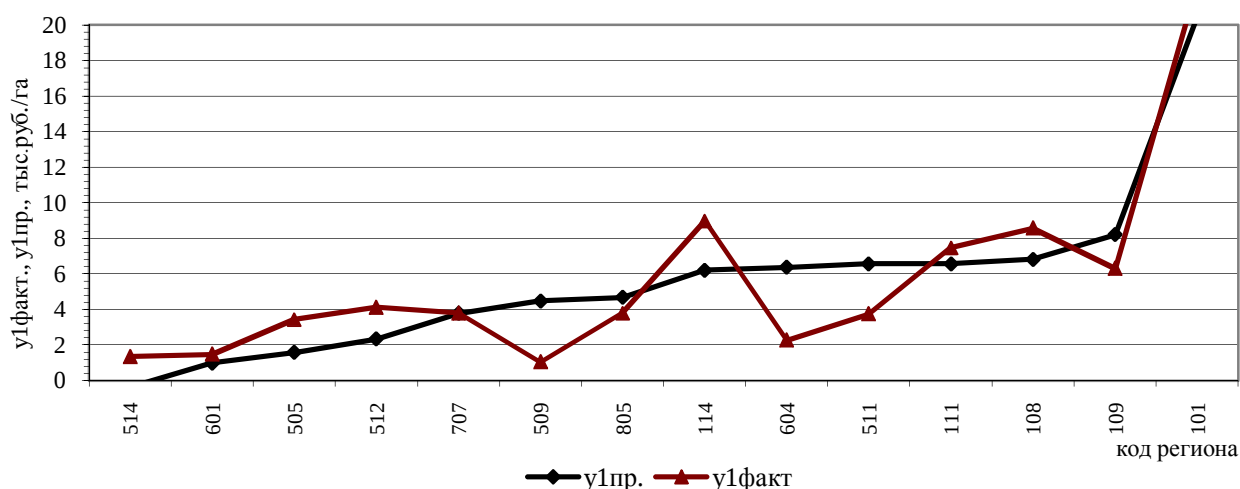

Рисунок 3 – Фактические ($y_{1\text{факт.}}$) и предсказанные ($y_{1\text{пр.}}$) по модели (2) значения условной прибыли для регионов с посевными площадями от 1 до 2 млн га. (без Тюменской обл.)

Точность прогноза потенциальной прибыли для регионов с посевными площадями от 1 до 2 млн. га (модель 2) несколько выше (рис. 3), чем для первой группы регионов, но, несмотря на более высокое значение коэффициента множественной детерминации, также оставляет желать лучшего. Наибольшая точность описания (рис. 4) наблюдается для регионов с посевными площадями свыше 2 млн. га. На основе этого можно сделать вывод о более высокой технологичности производства при больших его объемах.

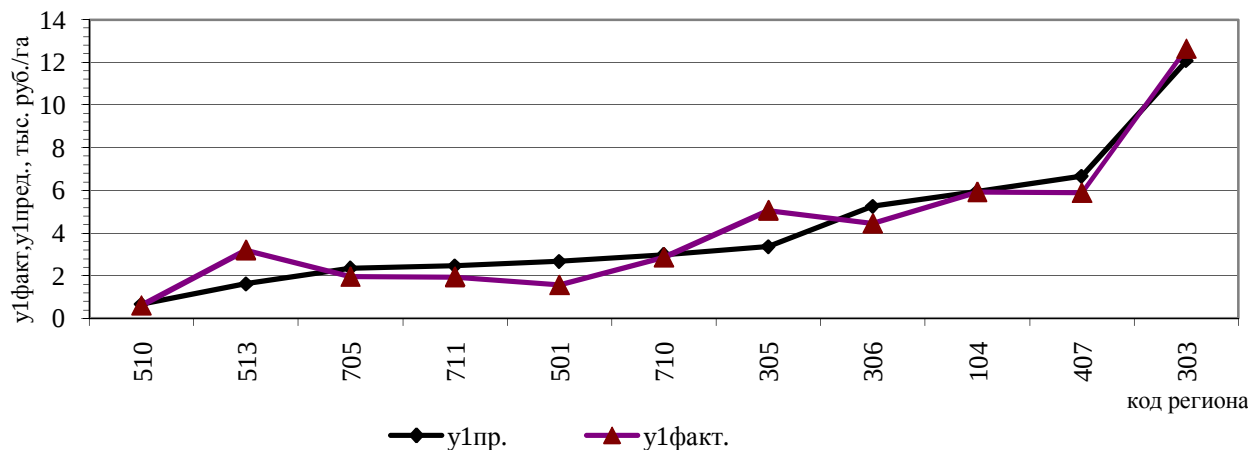

Рисунок 4 – Фактические ($y_{1\text{факт.}}$) и предсказанные ($y_{1\text{пр.}}$) по модели (3) значения условной прибыли для регионов с посевными площадями свыше 2 млн. га (без республики Татарстан)

Для регионов с посевными площадями свыше 1 млн. га численность занятых в сельском хозяйстве в расчете на гектар посевных площадей представляется избыточной (коэффициенты при x_2 отрицательны). В то же время повышение прибыли может быть связано с увеличением среднегодовой зарплаты занятых в сельскохозяйственном производстве (коэффициенты при x_4 в моделях (3-4) положительны).

Анализ рисунков 2–4 позволяет на качественном уровне определить, в каких регионах достигнутая потенциальная прибыль соответствует (в терминах построенных моделей) использованным ресурсам. Для таких регионов фактические и предсказанные значения потенциальной прибыли близки друг к другу, и отклонения имеют низкую относительную погрешность. Например, для посевных площадей менее 1 млн. га (рис. 2) таковыми являются регионы с кодами 102 (Брянская область), 103 (Владимирская обл.), 208 (Новгородская) и 110 (Московская область). Относительная погрешность предсказания потенциальной прибыли для перечисленных регионов по модели (1) не превышает 10 процентов.

Регионы, в которых фактически достигнутое значение потенциальной прибыли значительно выше, чем рассчитанное по модели (1), можно охарактеризовать как наиболее эффективно использующие рассматриваемые компоненты ресурсного потенциала. К ним относятся (рис. 2) республика Адыгея (код 301), для которой фактически достигнутое значение потенциальной прибыли в 2,8 раза больше, чем рассчитанное по формуле (1) с учетом использованных фондов и количества занятых в производстве. В Калмыкии (302) и Томской области (712) превышение фактической потенциальной прибыли над рассчитанной по модели (1) составляет 1,9–2 раза, в Чувашии (506) – в 2,05 раза и т.д.

Теоретически эти субъекты РФ могут быть определены как регионы–лидеры по достигнутой потенциальной прибыли и могут рассматриваться как ориентиры для других регионов с посевными площадями менее 1 млн. га при решении задач повышения потенциальной прибыли и анализе используемых экономических механизмов производства.

На другом полюсе находятся регионы–аутсайдеры, в которых фактическая потенциальная прибыль значительно ниже, чем рассчитанная по формуле (1) на основе имеющихся ресурсов. В их числе Вологодская (204), Смоленская (113), Калининградская (205) области и

республика Алтай (701), в которых фактическое значение потенциальной прибыли составляет лишь до 30 % от рассчитанного по формуле (1).

Для выяснения причин сложившегося положения и обоснования путей повышения потенциальной прибыли от сельскохозяйственного производства в подобных регионах, с учетом возможных погрешностей модели (1), следует провести специальное монографическое исследование.

Среди регионов с посевными площадями от 1 до 2 млн. га (рис. 3) к числу лидеров можно республику Удмуртия (505), Самарскую (512) и Тамбовскую (114) области, в которых фактическая потенциальная прибыль в расчете на гектар превышает расчетное значение примерно в 1,4–2,2 раза.

Абсолютные аутсайдеры этой группы: Нижегородская (509) и Челябинская (604) области, в которых фактическое значение потенциальной прибыли соответственно в 4 и почти 3 раза меньше расчетного.

Для регионов с посевной площадью свыше 2 млн. га расчетные значения потенциальной прибыли более близки к фактическим (рис. 4), чем в рассмотренных группах регионов с меньшими размерами посевных площадей (рис. 2, 3). В числе лидеров следует указать Саратовскую (513) и Волгоградскую (305) области, в которых наблюдается превышение фактической потенциальной прибыли над расчетной в 2 и 1,5 раза. Аутсайдерами по рассматриваемому показателю являются республика Башкортостан (501, фактическое значение потенциальной прибыли в 1,7 раза ниже расчетного) и исключенная ранее республика Татарстан.

Модели для оценивания производительности труда по значениям ресурсной обеспеченности. Как и в случае факторного анализа потенциальной прибыли, было установлено, что среди регионов с посевными площадями менее 1 млн. га существует проблемная группа, для которой низкие значения производительности труда сочетаются с достаточно высокими значениями ресурсной обеспеченности. Были выделены 10 регионов с производительностью труда ниже 400 тыс. руб., среди которых уже отмеченные ранее республика Дагестан (401), Астраханская (304) и Ивановская (105) области. В этих субъектах достигнутая производительность труда составляет от 230 до 412 тыс. руб., в то время как стоимость основных фондов в расчете на гектар (от 107 до 203 (Дагестан) тыс. руб.) и число занятых в сельском хозяйстве (в Дагестане и Астраханской обл. 87–94 чел. на 100 га) соответствуют регионам с производительностью труда от 700 до 800 тыс. руб. (например, Калужская обл. (106) и республика Марий Эл (502)). В группу также входят Карачаево-Черкесская республика (404) и Приморский край (803) со стоимостью основных фондов свыше 100 тыс. руб./га. Для перечисленных пяти регионов также отмечено низкое значение коэффициента обновления фондов (от 0,05 до 0,1). Для оставшихся регионов проблемной группы (это Смоленская (113), Тверская (115), Вологодская (204), Псковская (209), и Кировская (508) области) уровень ресурсного обеспечения позволяет превысить достигнутую производительность труда на 20–25 процентов и выше, благодаря более активной модернизации основных фондов (достигнутое значение коэффициента обновления фондов составило от 0,1 до 0,129).

Для регионов с посевными площадями менее 1 млн. га, не входящих в рассмотренную проблемную группу, построено следующее регрессионное уравнение, связывающее производительность труда в сельскохозяйственном производстве региона (y_2 , тыс. руб.) со стоимостью основных фондов (x_1 , тыс. руб./га), численностью занятых (x_2 , чел./100га) и коэффициентом обновления основных фондов (x_3 , руб./руб.):

$$y_2 = 511,5 + 3,56x_1 - 23,04x_2 + 916,9x_3, \quad R^2 = 0,74. \quad (4)$$

Модель (4) в целом и все ее коэффициенты статистически значимы на уровне 0,1 и ниже. Качество аппроксимации модели (4) исходных данных иллюстрируется на рис. 5, анализ которого показывает, что производительность труда, достигнутая в сельскохозяйственном производстве Кабардино-Балкарской республики (403) превышает нормативное значение, рассчитанное по формуле (4) в 1,45 раза. Еще в трех регионах (республиках Алтай (701), Марий Эл (502) и Московской области (110)) превышение составляет от 1,13 до 1,16 раза. В республиках Чувашия (506), Хакасия (704) и в Ярославской области (117) фактическая про-

изводительность труда в сельском хозяйстве составляет 0,76–0,84 от расчетной. Таким образом, по критерию сопоставления фактической и расчетной производительности труда первые 4 региона могут быть определены как лидеры, последние 3 – как аутсайдеры. Производительность труда в оставшихся регионах, обозначенных на рис. 5, может быть охарактеризована с учетом модели (4), как соответствующая ресурсной обеспеченности.

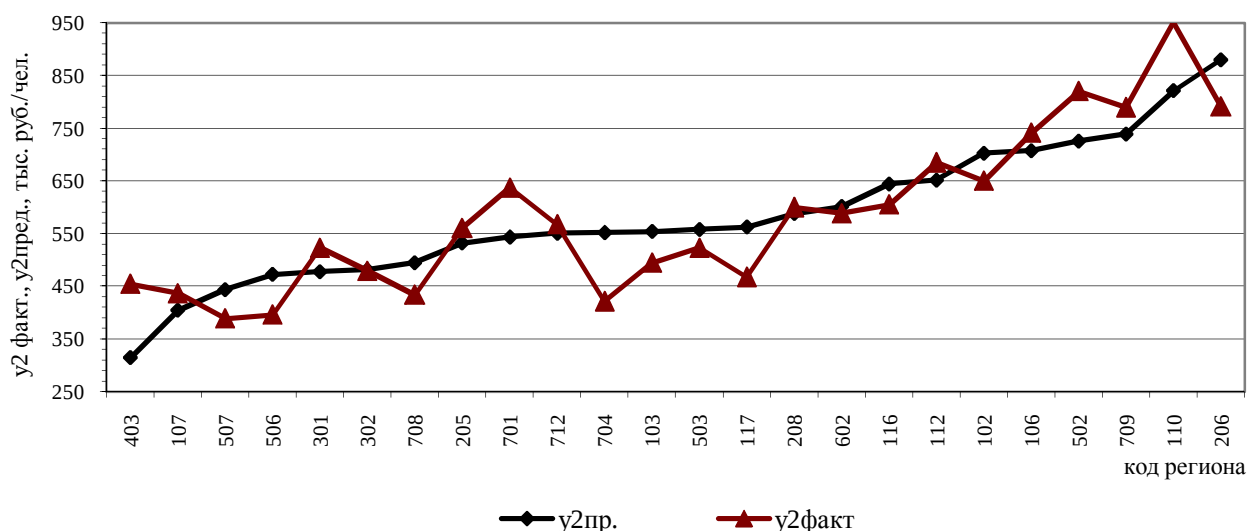

Рисунок 5 – Фактические ($y_{2\text{факт.}}$) и предсказанные ($y_{2\text{пр.}}$) по модели (4) значения среднегодовой производительности труда, тыс. руб./чел., для регионов с посевными площадями менее 1 млн. га (без учета 10 исключенных регионов с низкой производительностью труда при высокой обеспеченности основными ресурсами)

Аналогично, для регионов с посевными площадями от 1 до 2 млн. га регрессионная модель для оценки производительности труда по величинам используемых ресурсов имеет вид

$$y_2 = 613,6 + 11,9x_1 - 83,5x_2 + 786,2x_3, \quad R^2 = 0,89, \quad (5)$$

а для регионов с посевными площадями свыше 2 млн. га определяется соотношением

$$y_2 = 378,2 + 11,6x_1 - 60,0x_2 + 1626,4x_3, \quad R^2 = 0,85. \quad (6)$$

Обе модели в целом и их коэффициенты статистически значимы на уровне значимости ниже 0,01 (кроме коэффициента при x_3 в модели (5), который значим на уровне 0,22). Точность моделей также иллюстрируется рис. 6, 7.

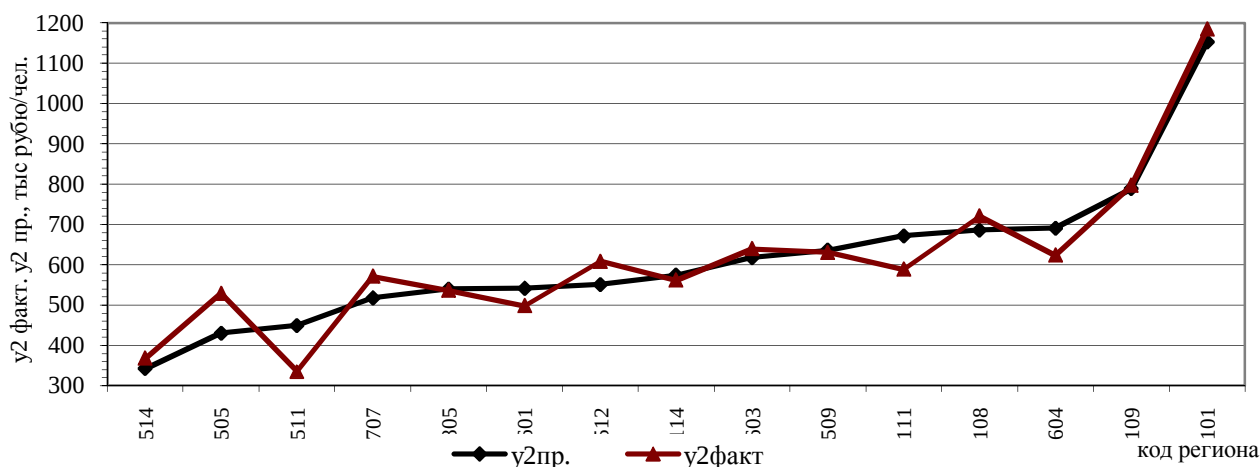

Рисунок 6 – Фактические ($y_{2\text{факт.}}$) и предсказанные ($y_{2\text{пр.}}$) по модели (5) значения среднегодовой производительности труда, тыс. руб./чел., для регионов с посевными площадями от 1 до 2 млн. га

Из рис. 6 видно, что лидерами по достигнутой производительности труда среди регионов с посевными площадями от 1 до 2 млн. га являются республика Удмуртия (505), Самарская область (512) и Красноярский край (707), в которых достигнутые значения производительности труда выше рассчитанных по модели (5) в 1,2 и 1,1 раза соответственно. К регионам с недостаточным использованием ресурсного потенциала следует отнести Пензенскую (511) и Орловскую (111) области, в которых достигнутый уровень производительности труда ниже расчетного соответственно на 25 и 12 процентов.

Аналогичные расчеты показывают, что для посевных площадей свыше 2 млн. га наибольшее превышение достигнутой производительности труда над расчетной (в 1,2 и 1,1 раза) демонстрируют Саратовская (513) и Ростовская (306) области (рис. 7). В республике Башкортостан (501) и Новосибирской (710) области расчетная производительность труда выше достигнутой на 12–13 процентов, что свидетельствует о недостаточном использовании в отмеченных субъектах федерации имеющегося ресурсного потенциала.

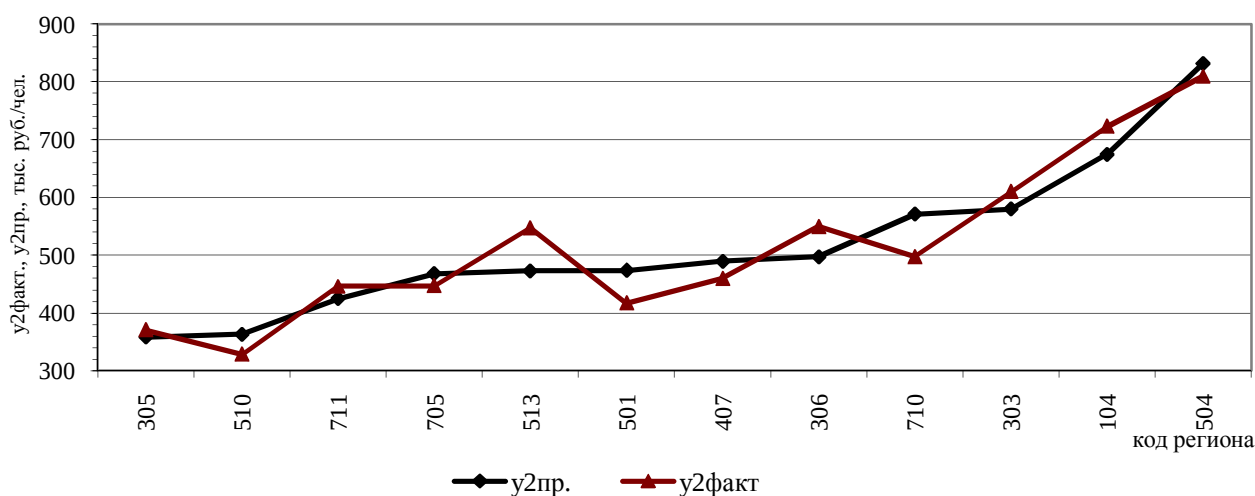

Рисунок 7 – Фактические ($y_{2\text{факт.}}$) и предсказанные ($y_{2\text{пр.}}$) по модели (6) значения среднегодовой производительности труда, тыс. руб./чел., для регионов с посевными площадями свыше 2 млн. га

В целом, по совокупности показателей потенциальной прибыли и производительности труда, лучшими являются следующие регионы:

- для посевных площадей менее 1 млн. га: Рязанская (112) и Томская (712) области, в которых превышение фактических значений потенциальной прибыли и производительности труда над расчетными составляет соответственно 1,9–2,8 и 1,03–1,05 раза, а также республика Адыгея (301) с превышениями в 2,8 и 1,1 раза.

- для посевных площадей от 1 до 2 млн. га: республика Удмуртия (505) и Самарская область (512) с превышениями достигнутых значений потенциальной прибыли и производительности труда над расчетными соответственно в 2,2; 1,8 и в 1,2; 1,1 раза.

- для посевных площадей свыше 2 млн. га: Саратовская (513) и Волгоградская (305) области с превышением достигнутых показателей над расчетными соответственно в 2–1,5 и 1,2–1,03 раза.

В пяти регионах достигнутые значения двух рассмотренных показателей одновременно ниже расчетных. Для посевных площадей менее 1 млн. га – Ярославская (117) и Брянская (102) области. Соответствующие отношения для потенциальной прибыли составляют 0,73–0,74, для производительности труда 0,83 и 0,92 соответственно. Среди регионов с посевными площадями от 1 до 2 млн. га подобными регионами являются: Пензенская (511, соответствующие отношения составляют 0,57 и 0,75) и Челябинская (604; 0,36 и 0,90) области. Республика Башкортостан (501) является аутсайдером по использованию ресурсов сельскохозяйственного производства среди регионов с посевными площадями свыше 2 млн. га: соот-

ветствующие отношения для потенциальной прибыли 0,58 и 0,88 для производительности труда.

Заключение.

Таким образом, в результате проведенного исследования обоснованы модели для расчета значений показателей эффективности сельскохозяйственного производства (потенциальная прибыль на гектар посевных площадей и производительность труда) с учетом уровня обеспеченности сельского хозяйства региона основными ресурсами производства. Анализ моделей позволил определить группу регионов, в которых достигнутые показатели эффективности значительно ниже расчетных. Также определены регионы-лидеры, характеризующиеся существенным превышением фактических значений эффективности над расчетными. Полученная информация характеризует основные риски и приоритеты сельскохозяйственного производства в регионах Российской Федерации и является основой для обоснования механизмов управления инновационным развитием производственного потенциала агропродовольственного комплекса регионов.

Список литературы:

1. Кутенков Р.П. Методология и результаты анализа соответствия ресурсного обеспечения и эффективности сельскохозяйственного производства в регионах России // Конкурентоспособность агропродовольственного комплекса России в условиях глобальных вызовов / под общ. ред. И.Л. Воротникова. – Саратов: Амирит. - 2017. – С.90–109.
2. Кутенков Р.П. Ресурсное обеспечение интенсификации сельскохозяйственного производства в регионах России: макроэкономические соотношения // Региональные агросистемы: экономика и социология. – Саратов: Изд-во ИАГП РАН. - 2015.– Вып. 2.
3. Кутенков Р.П. Факторный анализ динамики интенсификации сельскохозяйственного производства в регионах России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – Саратов: Изд-во ИАГП РАН. - 2016.– Вып. 2.
4. Кутенков Р.П. Факторные и макроэкономические подходы в задачах стратегического управления производственным потенциалом агропродовольственного комплекса // Стратегические приоритеты социально-экономического развития агропродовольственного комплекса России / под общ. ред. И.Л. Воротникова.– Саратов. - 2016. – С. 99–123.
5. Кутенков Р.П. Производственные функции: оценки взаимозаменяемости факторов и прогнозирование объемов сельскохозяйственного производства в регионах России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – Саратов: Изд-во ИАГП РАН, 2019.– Вып. 2.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014-2018: Стат. сб./ Росстат. М., 2014-2018. URL: <http://www.gks.ru/>.
7. Сельское хозяйство, охота и охотничье хозяйство, лесоводство в России. Приложение (субъекты РФ). 2013, 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2013.; М., 2015.
8. Дрейпер Н., Смит Г. Прикладной регрессионный анализ. М.: Диалектика. - 2016.

**РЕСУРСНЫЕ ФАКТОРЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО
РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА В
РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ**

Бондаренко Ю.П., к.э.н., ИАГП РАН

Предложен авторский подход к оценке наличия в региональном пространстве страны ресурсных факторов и ограничений для роста производства в аграрной экономике. На основе корреляционно-регрессионного анализа доказана слабая теснота связи изменения величин показателей интенсификации аграрного производства с показателем роста физического объема аграрного производства во всей совокупности регионов России. Использование метода экономико-статистических группировок позволило выделить устойчивые группы регионов с близкими показателями развития аграрной экономики и определить для каждой типологической региональной группы свою совокупность факторов, направлений и ограничений дальнейшего роста и развития аграрного производства. На основе полученных результатов были выделены группы регионов, где внедрение инновационных технологий должно быть приоритетным, в том числе потому, что традиционные технологии уже не будут приводить к росту аграрного производства ввиду истощенности базовых ресурсов.

Ключевые слова: сельское хозяйство, регионы России, показатели интенсификации производства, ресурсные факторы и ограничения, объемы инвестиций, направления развития, рост аграрного производства.

**RESOURCE FACTORS AND LIMITATIONS OF INNOVATIVE
DEVELOPMENT OF AGRO-FOOD COMPLEX IN THE
REGIONAL SPACE OF RUSSIA**

Bondarenko Yu.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The author suggests an approach to assessing resource factors and limitations for production growth in the agrarian economy in the regional space of the country. Based on the correlation and regression analysis, the weak relationship between changes in the values of intensification indicators of agrarian production and the growth rate of the physical volume of agrarian production in the Russian regions was proved. The use of the method of economic-statistical groupings allowed identifying sustainable groups of regions with similar indicators of the development of the agrarian economy and determining for each typological regional group its own combination of factors, directions and limitations of further growth and development of agricultural production. Based on the results, they were identified groups of regions where the introduction of innovative technologies should be a priority because traditional technologies will no longer lead to an increase in agricultural production due to the exhaustion of basic resources.

Keywords: agriculture, Russian regions, indicators of production intensification, resource factors and limitations, investment volumes, development directions, growth of agricultural production.

Введение.

Использование инновационных технологий является одним из важнейших приоритетов развития агропродовольственного комплекса в разрезе решения проблемы продовольственной безопасности России, но реализации стратегических планов инновационного развития АПК препятствуют ресурсные ограничения регионального пространства страны. Дифференциация регионов по территориально-климатическим, социально-экономическим и прочим условиям оказывает существенное влияние на развитие агропродовольственного комплекса, при этом различные сочетания факторов могут как тормозить, так и создавать предпосылки для его роста. Недостаточный учет данных факторов, по мнению автора, не позволяет выстроить эффективную стратегию развития агропродовольственного комплекса страны, спо-

способствующую повышению уровня выхода валовой продукции сельского хозяйства за счет внедрения инновационных технологий. Прежде всего это касается тех регионов, где предпосылки роста аграрного производства либо практически не используются, либо не приводят к результатам, достигнутым в регионах с идентичными исходными условиями [1–18].

Целями исследований является разработка методики и проведение анализа преодоления ресурсных ограничений инновационного развития агропродовольственного комплекса в различных типах регионов, выявление оптимальной совокупности факторов, направлений и ограничений развития комплекса, при которых рост аграрного производства в регионах достигнет устойчиво высокого уровня. В ходе исследований определены регионы, в которых внедрение инновационных технологий окажет наиболее существенный эффект на развитие производственного потенциала АПК.

Методика исследований.

Для обозначения уровня инновационного развития региональных агрокомплексов будет использоваться показатель «индекс производства физического объема продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий». То есть, условно будет приниматься, что чем выше рост производства физического объема валовой продукции сельского хозяйства по сравнению с предыдущими годами, тем в большей степени этот рост осуществляется за счет применения инновационных технологий в регионах. Далее будет осуществляться анализ факторов и ресурсных ограничений в регионах, приведших к существующей дифференциации регионов по уровню инновационного развития агропродовольственного комплекса. Исследование предполагается проводить с помощью таких методов, как корреляционно-регрессионный анализ и экономико-статистические группировки. В анализ включены данные по всем регионам России за исключением тех, в которых сельскохозяйственное производство практически отсутствует либо недостаточно статистических данных для проведения аналитических расчетов. В исследование включены данные по 75 регионам с учетом того, что входящие в Архангельскую и Тюменскую области автономные округа посчитаны в составе этих областей. Ввиду недостаточного объема статистических данных за рассматриваемую динамику лет в исследование не включена Республика Крым, из-за незначительных объемов сельскохозяйственного производства Мурманская и Магаданская области, Чукотский автономный округ, а города федерального значения, находящиеся в статусе отдельных регионов, – Москва, Санкт-Петербург и Севастополь [19, 20].

Результаты исследований.

Первоначально проводили исследование с помощью корреляционно-регрессионного анализа с целью выявления степени влияния основных ресурсов аграрного производства на рост валовой сельхозпродукции в регионах. Для этого было проведено ранжирование 75 регионов, включенных в исследование, по уровню роста физического объема валовой продукции сельского хозяйства в 2017 г. по сравнению с 2005 г., при этом 2005 г. принимался равным 100%. Для каждого региона были посчитаны относительные показатели, отражающие уровень наличия ресурсов для аграрного производства в сопоставимой форме для межрегионального сравнения.

Из представленных в таблице 1 результатов расчетов видно, что коэффициенты корреляции по каждому показателю были посчитаны за три периода лет, что позволило проследить не только тесноту связи, но и ее изменения в динамике. Из анализируемых показателей наибольшее влияние на рост аграрной продукции в региональном пространстве страны оказывала производительность труда в 2014–2017 гг., где коэффициент корреляции был равен 0,55. И хотя подобная величина коэффициента корреляции была самой большой из всех представленных коэффициентов по всем показателям, она, тем не менее, отражает невысокую степень тесноты связи, то есть производительность трудовых ресурсов хотя и играет определенную роль в росте аграрного производства, но не является определяющей. При этом коэффициент 0,55 был характерен только для 2014–2017 гг., когда в условиях антироссийских санкций и ограничений на ввоз продовольствия в Россию повысилась значение внутреннего аграрного производства для обеспечения продовольственной независимости страны.

В 2005–2008 гг. коэффициент корреляции производительности труда был самым низким, всего 0,11, что отражало отсутствие влияния эффективности использования трудовых ресурсов в аграрном производстве на рост самого аграрного производства. Это было время наиболее благоприятной экономической ситуации в стране, когда импорт продовольствия поступал в значительных объемах. В условиях экономического кризиса 2008–2010 гг., когда импортное продовольствие резко подорожало на фоне снижения общих доходов населения, стал возрастать спрос на отечественное продовольствие, и, соответственно, возросло значение производительности труда – как эффективности использования трудовых ресурсов в сельском хозяйстве. Коэффициент корреляции стал равен 0,34. Тем не менее подобный уровень тесноты связи всё равно является достаточно низким, свидетельствующим о том, что уровень производительности труда в сельском хозяйстве не является определяющим для роста аграрного производства даже в условиях экономического кризиса, роста цен на импортное продовольствие и ограничений на импорт продовольствия ввиду международных санкций.

Таблица 1 – Теснота корреляционно-регрессионной связи наличия основных ресурсов и роста физического объема аграрной продукции в региональном пространстве страны, 2005–2017 гг.

Показатели наличия основных ресурсов	Год	Коэффициенты корреляции
Фондоотдача (количество валовой сельхозпродукции на ед. основных сельхозфондов), в среднем	2005–2008	–0,02
	2009–2013	–0,05
	2014–2017	0,11
Фондовооруженность (количество основных сельхозфондов на одного занятого в сельском хозяйстве), в среднем	2005–2008	0,04
	2009–2013	0,12
	2014–2017	0,28
Производительность труда (количество валовой сельхозпродукции на одного занятого в сельском хозяйстве), в среднем	2005–2008	0,11
	2009–2013	0,34
	2014–2017	0,55
Степень износа основных фондов сельского хозяйства, в среднем	2005–2008	–0,33
	2009–2013	–0,46
	2014–2017	–0,29
Полный износ основных фондов сельского хозяйства, в среднем	2005–2008	–0,21
	2009–2013	–0,49
	2014–2017	–0,37
Урожайность зерновых культур, в среднем	2005–2008	0,31
	2009–2013	0,35
	2014–2017	0,53

Теснота корреляционной связи остальных пяти показателей ниже, чем у показателя производительности труда. Коэффициенты корреляции фондоотдачи в 2005–2008 гг. и 2009–2013 гг. были равны практически полному нулю, и только к 2014–2017 гг. теснота связи поднялась до 0,11, что однако является низкой величиной. Таким образом, эффективность использования основных фондов в виде величины выхода валовой сельхозпродукции на единицу основных сельхозфондов так же не играет существенной роли для роста аграрного производства страны и отражает следующую тенденцию: в целом для роста аграрного производства страны использование основных фондов носит в большей степени экстенсивный характер, а не характер интенсификации аграрного производства на основе внедрения инновационных технологий развития.

Фондовооруженность в несколько большей степени влияет на рост аграрного производства, чем фондоотдача, однако это влияние крайне низкое, и проявлялось оно только в условиях экономической нестабильности в стране. В относительно стабильные в экономическом плане 2005–2008 гг. коэффициент корреляции фондовооруженности был равен практически нулю, то есть данный показатель не оказывал влияния на рост отечественного аграрного производства.

Степень износа и полного износа основных фондов сельского хозяйства в регионах имели обратно пропорциональное влияние на рост аграрного производства только в период мирового финансового кризиса 2009–2013 гг. Теснота связи была равна, соответственно: – 0,46 и –0,49. В условиях относительной экономической стабильности степень износа и полного износа основных сельхозфондов слабо влияли на рост аграрного производства в стране, то есть обновление и модернизация основных фондов практически не оказывали влияния на решение проблемы продовольственной независимости страны.

Расчет коэффициентов корреляции по уровню урожайности зерновых культур отражает влияние эффективности использования ресурсной базы для производства зерна в регионах на рост аграрного производства в стране. Полученные результаты расчетов отражают тот факт, что при решении проблемы продовольственной независимости России акцент на рост урожайности зерновых культур имеет смысл делать только в условиях эмбарго на ввоз импортного продовольствия, когда резко повышается спрос на отечественное зерно со стороны российского животноводства, которое в свою очередь тоже было вынужденно в форсированном режиме увеличивать объемы производства для восполнения сократившихся импортных поставок мясной продукции.

Анализ тесноты корреляционной связи наличия основных ресурсов и роста физического объема аграрной продукции в масштабах всех регионов страны отражает практически отсутствие такой связи в экономически стабильное время 2005–2008 гг. и некоторый незначительный рост тесноты связи в условиях международного экономического кризиса 2009–2013 гг. и введения внешних экономических санкций в 2014–2017 гг. Таким образом, когда в рассмотрение вовлечены сразу все регионы страны, разнородные по социально-экономическим, географическим, климатическим, ресурсным и прочим факторам, с различными уровнями и базовыми предпосылками для развития аграрного комплекса, можно предположить, что все эти факторы, взаимно наслаиваясь друг на друга, значительно нивелируют друг друга. По мнению автора, имеющиеся в регионах ресурсные предпосылки развития аграрного комплекса практически не способствуют его развитию в региональном пространстве страны. Для подтверждения или опровержения данного тезиса автором была проведена разбивка на группы уже проранжированных регионов по степени роста физического объема валовой продукции сельского хозяйства в 2017 г. по сравнению с 2005 г., при этом 2005 г. принимался равным 100%. Анализировалась каждая из этих групп на наличие ресурсных предпосылок и ограничений инновационного развития агропродовольственного комплекса в региональном пространстве России.

Как видно из данных таблицы 2, 75 регионов, отобранные для исследования, были разбиты на 14 региональных групп, в каждую из которых вошли регионы с одинаковыми уровнями изменения производства физического объема валовой продукции сельского хозяйства в 2017 г. по сравнению с 2005 г. Принимая за основу тот факт, что общие темпы роста аграрного производства в регионах одной группы фактически одинаковые, анализ ресурсных предпосылок и ограничений развития аграрной сферы внутри одной региональной группы и сопоставление предпосылок и ограничений между собой у разных региональных групп должны позволить, определить направления поддержки развития агропродовольственного комплекса, чтобы, в том числе способствовать преодолению ресурсных ограничений для внедрения инновационных технологий развития агропродовольственного комплекса в региональном пространстве России.

Анализ данных таблицы 2 показывает, что к первым трем группам со стабильной стагнацией сельскохозяйственного производства относятся северные регионы с неблагоприятными или с недостаточно благоприятными, агроклиматическими условиями, а также с небольшими размерами посевных площадей сельскохозяйственных культур. При этом наблюдается практически прямая зависимость, что чем севернее находятся регионы, тем больше глубина падения сельскохозяйственного производства в динамике лет. Особенно четко это прослеживается по регионам первых двух групп, где падение сельхозпроизводства за двенадцать лет составило, соответственно, свыше 20%, и от 10% до 20%. Регионы с четвертой по

четырнадцатую группы характеризуются ростом аграрного производства в 2005–2017 гг., и наблюдается достаточно четкая тенденция: чем более высокие темпы аграрного производства, тем ближе географическое расположение регионов к южным границам страны.

Таблица 2 – Состав региональных групп, выделенных по уровню роста физического объема валовой продукции сельского хозяйства в 2017 г. по сравнению с 2005 г. (2005 г. равен 100%)

Группа	Объем производства в 2017 г., % к 2005 г.	Состав регионов	Количество регионов
1	до 80,0	Архангельская область (61,9%), Еврейская автономная область (74,9%), Республика Карелия (76,3%), Вологодская область (79,7%).	4
2	80,1–90,0	Кировская область (86,5%), Республика Саха (Якутия) (86,6%), Костромская область (88,3%).	3
3	90,1–100,0	Хабаровский край (93,3%), Ивановская область (94,5%), Пермский край (96,7%), Смоленская область (96,8%), Камчатский край (97,8%), Московская область (99,0%), Республика Коми (99,9%).	7
4	100,1–110,0	Республика Бурятия (103,6%), Республика Тыва (108,6%), Республика Северная Осетия - Алания (108,9%).	3
5	110,1–120,0	Владимирская область (111,9%), Нижегородская область (111,9%), Омская область (112,2%), Свердловская область (113,7%), Иркутская область (115,6%), Красноярский край (116,1%), Новосибирская область (116,7%), Республика Башкортостан (117,6%), Забайкальский край (118,7%).	9
6	120,1–130,0	Тюменская область (120,3%), Курганская область (121,9%), Чувашская Республика (122,4%), Удмуртская Республика (125,6%), Сахалинская область (126,2%), Ярославская область (129,8%).	6
7	130,1–140,0	Кемеровская область (131,6%), Республика Татарстан (133,4%), Республика Хакасия (135,1%), Рязанская область (136,9%), Ленинградская область (137,8%), Калужская область (138,4%), Саратовская область (140,0%).	7
8	140,1–150,0	Самарская область (140,3%), Ставропольский край (141,5%), Волгоградская область (143,4%), Тверская область (143,5%), Республика Ингушетия (145,6%), Челябинская область (145,8%), Томская область (148,1%), Краснодарский край (148,1%), Тульская область (149,2%).	9
9	150,1–160,0	Ростовская область (152,5%), Карачаево-Черкесская Республика (153,3%), Республика Мордовия (155,0%), Алтайский край (156,7%), Оренбургская область (157,4%), Калининградская область (157,7%).	6
10	160,1–170,0	Республика Калмыкия (162,5%), Республика Алтай (166,0%), Ульяновская область (166,6%), Приморский край (168,8%).	4
11	170,1–180,0	Орловская область (170,8%), Республика Адыгея (172,5%), Чеченская Республика (177,9%), Республика Дагестан (178,2%).	4
12	180,1–200,0	Кабардино-Балкарская Республика (189,6%), Пензенская область (193,2%), Новгородская область (194,9%), Республика Марий Эл (197,2%).	4
13	200,1–250,0	Воронежская область (208,2%), Псковская область (210,7%), Амурская область (230,1%), Астраханская область (231,4%), Липецкая область (238,8%).	5
14	250,1 и выше	Брянская область (260,8%), Тамбовская область (269,5%), Курская область (283,2%), Белгородская область (342,8%).	4

Для проведения детального исследования ресурсных предпосылок и ограничений инновационного развития агропродовольственного комплекса в выделенных региональных группах были проведены расчеты соответствующих показателей как по каждому региону, так и средневзвешенных величин данных показателей по каждой из выделенных групп регионов. Результаты расчетов по некоторым из этих показателей представлены в таблице 3.

Из представленных в таблице 3 результатах расчетов видно всё многообразие уровней влияния ресурсных факторов на конкретные темпы роста физического объема валовой продукции сельского хозяйства по выделенным группам регионов. Согласно проведенному анализу регионы первой группы характеризуются наиболее депрессивным состоянием сельскохозяйственной отрасли, в котором спад производства за двенадцать рассматриваемых лет составил от 38,1% в Архангельской до 20,3% в Вологодской областях. Регионы первой группы характеризуются северным расположением, неблагоприятными агроклиматическими условиями, крайне малыми размерами посевных площадей сельскохозяйственных культур. Средневзвешенные уровни фондоотдачи и производительности труда в сельском хозяйстве в

группе из всех самые рассматриваемых, а степень изношенности основных фондов сельского хозяйства и степень их полного износа, наоборот, самые высокие, достигающие по общему износу 48,3%, и 14,7% по полному (в среднем за 2014–2017 гг.).

Таблица 3 – Средневзвешенные величины ресурсных показателей развития сельского хозяйства по выделенным группам регионов за исследуемую динамику лет

Группа	Объем производства в 2017 г., % к 2005 г. *	Средневзвешенные величины по выделенным группам регионов					
		Фондоотдача, руб. валовой сельхозпродукции на 1 тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов			Фондовооруженность, тыс. руб. основных сельхозфондов на одного занятого в сельском хозяйстве		
		2005–2008	2009–2013	2014–2017	2005–2008	2009–2013	2014–2017
1	до 80,0	602	494	609	282	585	653
2	80,1–90,0	828	833	949	289	469	616
3	90,1–100,0	804	848	668	286	509	929
4	100,1–110,0	1321	1689	1574	153	197	275
5	110,1–120,0	1146	1082	1125	230	404	639
6	120,1–130,0	1098	1111	1163	237	422	649
7	130,1–140,0	915	846	1083	392	761	1051
8	140,1–150,0	1091	1037	1227	276	480	728
9	150,1–160,0	1164	1119	1417	217	395	556
10	160,1–170,0	732	857	899	253	379	628
11	170,1–180,0	924	964	1081	189	301	418
12	180,1–200,0	967	987	1025	213	407	719
13	200,1–250,0	1083	1198	1277	235	434	842
14	250,1 и выше	1004	984	1054	271	647	1247

Группа	Объем производства в 2017 г., % к 2005 г. *	Средневзвешенные величины по выделенным группам регионов					
		Производительность труда, тыс. руб. валовой сельхозпродукции на одного занятого в сельском хозяйстве			Степень износа основных фондов сельского хозяйства, %		
		2005–2008	2009–2013	2014–2017	2005–2008	2009–2013	2014–2017
1	до 80,0	170	289	398	46,4	40,8	48,3
2	80,1–90,0	240	390	585	40,9	37,3	42,6
3	90,1–100,0	230	431	620	41,2	40,3	39,9
4	100,1–110,0	202	332	432	42,5	43,1	42,1
5	110,1–120,0	263	437	719	40,3	36,6	38,3
6	120,1–130,0	261	469	755	36,5	36,3	39,8
7	130,1–140,0	359	644	1138	31,0	31,5	38,9
8	140,1–150,0	301	497	894	37,6	35,9	38,4
9	150,1–160,0	253	442	788	39,1	35,7	43,2
10	160,1–170,0	185	325	564	41,8	37,8	43,9
11	170,1–180,0	175	290	452	39,3	34,1	35,9
12	180,1–200,0	206	402	737	35,9	27,0	33,4
13	200,1–250,0	255	519	1075	37,0	31,9	33,6
14	250,1 и выше	273	637	1315	30,1	28,9	36,1

Примечание: * – 2005 г. = 100%, здесь и далее.

Аграрная отрасль занимает практически самую низкую долю в структуре экономики регионов первой группы. В таких условиях фермерский сектор не получил своего развития в многоукладной аграрном секторе, занимая 5,6%, ниже он только в регионах третьей группы. Основными направлениями специализации сельского хозяйства являются производство молока (30,1% стоимости валовой продукции сельского хозяйства), скота и птицы на убой (19,5% стоимости), картофеля (16,4% стоимости) и овощей (8,7% стоимости). Уровень субсидирования сельского хозяйства по регионам первой группы являлся самым низким среди остальных региональных групп и составлял в среднем 29 руб. на 1 тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов в среднем за 2014–2017 гг. Ниже он был только в регионах третьей

группы, где составлял 21 руб. на 1 тыс. руб. стоимости сельхозфондов. Сельского хозяйства первой региональной группы, находясь в депрессивном состоянии, не имеет ни климатических, ни ресурсных условий для выхода хотя бы на нулевую фазу роста, при которой уровень сельскохозяйственного производства прекращает ежегодное падение.

В регионах второй группы спад аграрного производства в 2017 г. по сравнению с 2005 г. составил от 13,5% в Кировской области до 11,7% в Костромской области. По тенденциям и величинам показателей развития – вторая региональная группа мало чем отличается от первой, так как сельское хозяйство находится в таком же состоянии депрессивного спада, только темпы падения немного ниже. Однако предпосылок для развития аграрной отрасли здесь больше, чем в регионах первой группы. Регионы второй группы характеризуются более южным расположением и, соответственно, немного более благоприятными агроклиматическими условиями, усредненный размер посевных площадей здесь в 2,4 раза выше, а пашни – в 3,3 раза выше, что создает условия для экстенсивного роста аграрного производства за счет ввода новых посевных площадей. Стимулирование ввода в оборот новых посевных площадей может способствовать остановке сокращения доли фермерского уклада в многоукладном сельском хозяйстве, которая упало с 10,0% в 2005–2008 гг. до 8,6% в 2014–2017 гг. Остановка спада производства в фермерском укладе в регионах со стагнирующим сельским хозяйством имеет в первую очередь социальную направленность – поддержание сельской занятости. Поглощение фермерских хозяйств в этих регионах происходит крупными сельхозорганизациями, а доля хозяйств населения за последние двенадцать лет в регионах не только второй, но и первой групп остается в целом стабильной, занимая чуть меньше половины в производстве валовой региональной продукции сельского хозяйства.

Семь регионов третьей группы ничем не отличаются от регионов второй группы, кроме того, что спад аграрного производства за последние двенадцать лет здесь был наименьшим: от 6,7% в Хабаровском крае до 0,1% в Республике Коми. Природно климатические зоны расположения регионов, уровень обеспеченности посевными площадями здесь такие же, как и в регионах первой группы. Средняя производительность труда и фондоотдача в сельском хозяйстве также одна из самых низких среди всех четырнадцати групп, а показатели общего и полного износов основных фондов сельского хозяйства самые высокие, они лишь немного уступают регионам первых двух групп с самым деструктивным состоянием сельского хозяйства. При этом уровень развития фермерского сектора в регионах третьей группы наиболее низкий среди всех регионов, в среднем за 2014–2017 год на его долю приходилось 3,9% от производства валовой сельхозпродукции. Даже в более депрессивных регионах первых двух групп фермерский сектор получил большее распространение в многоукладной агроэкономике. В регионах третьей группы сельское хозяйство занимает наименьшую долю в производстве валового регионального продукта, и эта доля в динамике лет постоянно сокращается: с 3,6% в среднем за 2005–2008 гг. до 3,0% в 2009–2013 гг. и до 2,9% в 2014–2017 гг. Причем такие же обвальные сокращения доли сельского хозяйства в структуре экономики регионов были и в первых двух группах: в первой, соответственно, 5,3%, 4,0 и 3,8%, а во второй группе – 7,4%, 5,3 и 4,7%. Во всех остальных региональных группах с растущим аграрным производством доля сельского хозяйства в структуре экономики была выше, и в целом оставалась неизменной в динамике лет, лишь в нескольких группах она имела тенденцию к небольшому росту.

С четвертой начинаются региональные группы с положительными темпами роста аграрного производства. Республика Бурятия является регионом с самым низким ростом аграрного производства за двенадцать лет в России, который составил 3,6%. Следующими по возрастающей идут Республика Тыва – 8,6% и Республика Северная Осетия – Алания – 8,9%. Данные три региона и составляют четвертую группу, выделенную по параметру роста аграрного производства от 0,1% до 10,0%. О том, что четвертая группа характеризуется ростом аграрного производства, можно судить по резкому росту уровня некоторых показателей (по сравнению с предыдущими тремя группами), отражающих уровень эффективности использования некоторых ресурсов. Например, уровень фондоотдачи в четвертой группе вырос в

2,6 раза по сравнению с первой, в 1,7 раза и в 2,4 раза – по сравнению со второй и третьими региональными группами. А средневзвешенный удельный вес полностью изношенных основных фондов сельского хозяйства снизился от 2,0 раза по сравнению с третьей группой до 2,8 раза – по сравнению с первой группой. Однако показатели фондовооруженности и производительности труда остались на прежнем уровне, что для развития сельского хозяйства регионов четвертой группы свидетельствует о необходимости модернизации, обновления и ввода в действие основных фондов, так как в условиях преобладающего ручного труда в сельском хозяйстве затруднителен выход на качественно новый уровень роста аграрного производства. Данная ситуация сложилась во многом из-за того, что почти три четверти валовой продукции сельского хозяйства создается в хозяйствах населения, и почти десятая часть – в мелкотоварном фермерском секторе.

В четвертой группе регионов самый высокий уровень присутствия мелкотоварных укладов в аграрной экономике и самая низкая доля сельскохозяйственных организаций. При этом в динамике лет сельскохозяйственные организации постепенно наращивают свою долю за счет замещения хозяйств населения: в 2005–2008 гг. доля сельхозорганизаций составляла 15,3%, в 2009–2013 гг. – 19,9%, в 2014–2017 гг. – 24,8%. Данный рост доли сельхозорганизаций может происходить только за счет повышения эффективности использования основных фондов, так как экстенсивное расширение производства невозможно из-за малых размеров посевных площадей в них. В регионах четвертой группы самый низкий уровень инвестирования сельскохозяйственного производства в пересчете на количество рублей инвестиций на каждую тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов. В 2005–2008 гг. он составлял 28,8 руб. на каждую тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов, в среднем за 2014–2017 гг. он сократился до 17,3 руб. В этих регионах один из самых низких уровней обеспеченности тракторами в расчете на 1 тыс. га посевных площадей, который за рассматриваемую динамику лет сократился в три раза: с 11,8 ед. тракторов в среднем за 2005–2008 гг., до 4,0 ед. в среднем за 2014–2017 гг. Поэтому в первую очередь необходимо обновлять и развивать материально-техническую базу сельского хозяйства, а также заниматься разработкой стратегии привлечения дополнительных инвестиций в отрасль.

В девяти регионах пятой группы средний рост аграрного производства за двенадцать лет составил 14,9%, причем это первая группа от начала, где в основную специализацию сельского хозяйства начало входить производство зерновых культур, составляющее в среднем 14,9% в стоимости валовой продукции сельского хозяйства. Остальные направления специализации достаточно традиционны: скот и птица на убой – 28,3%, молоко – 19,6%, картофель – 12,4%, овощи – 9,2%. В регионах пятой группы уровень фондоотдачи, степени износа и полного износа основных фондов сельского хозяйства абсолютно идентичны среднероссийскому уровню, а производительность труда и фондовооруженность – ниже на 10,9% и 12,2%. Также среднероссийскому уровню соответствуют величина и темпы сокращения обеспеченности регионов тракторами: в 2005–2008 гг. – 7,2 ед. на 1 тыс. га посевных площадей в сельскохозяйственных организациях, в 2009–2013 гг. – 5,3 ед., в 2014–2017 гг. – 4,2 ед. По обеспеченности зерно- и кукурузоуборочными комбайнами ситуация такая же, соответственно, 3,2 ед., 2,8 и 2,1 ед. на 1 тыс. га убранных площадей зерновых культур в сельхозорганизациях. Такие темпы падения обеспеченностью машинно-тракторным парком в совокупности с недостаточно благоприятными агроклиматическими условиями не позволяют урожайности основных сельхозкультур достигнуть даже среднероссийского уровня. Так, урожайность зерновых культур в 2005–2008 гг., 2009–2013 и 2014–2017 гг. была ниже среднероссийской на 3,2 ц/га, на 4,1 и на 8,3 ц/га убранных площадей. В условиях недостаточного инвестирования сельского хозяйства (68 руб. на 1 тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов при среднероссийском уровне в 112 руб. в 2014–2017 гг.) регионы пятой группы не имеют предпосылок для высокого роста аграрного производства, хотя имеют высокую обеспеченность площадями сельхозугодий вообще, и пашни – в частности. Средневзвешенная доля сельского хозяйства в структуре экономики регионов пятой группы упала с 6,2% в 2005–2008 гг. до 5,1% в 2014–2017 гг. Фермерский сектор как своеобразный индикатор на-

личия в регионах благоприятных предпосылок для развития сельского хозяйства в аграрном производстве регионов недостаточно развит, его доля значительно ниже по сравнению со среднероссийским уровнем, при этом доля сельхозорганизаций имеет тенденцию к небольшому росту за счет замещения хозяйств населения.

Шестая группа регионов ничем не отличается от регионов пятой. Величины и темпы изменения рассматриваемых показателей находятся на одинаковом уровне. Агроклиматические условия, фондоотдача, фондовооруженность, производительность труда, степень износа основных фондов, специализация сельскохозяйственного производства, состояние многоукладной аграрной сферы, обеспеченность сельскохозяйственными землями, тракторами и комбайнами, инвестирование в сельскохозяйственное производство – уровни данных показателей соответствуют средневзвешенным уровням регионов пятой группы. Отличие только в том, что средний уровень роста аграрного производства в 2005–2017 гг. составил 24,4%, а в пятой группе – 14,9%. Поэтому на шестую группу можно полностью проецировать выводы, сделанные относительно пятой группы регионов.

В седьмую группу входят регионы, в которых рост аграрного производства за двенадцать лет составил от 31,6% в Кемеровской области до 40,0% в Саратовской области. Главной отличительной чертой этой региональной группы являются самые высокие средневзвешенные показатели фондовооруженности и производительности труда: 1051 тыс. руб. и 1138 тыс. руб. на одного занятого в сельском хозяйстве, что почти в два раза выше, чем в двух предыдущих группах. Данные показатели немного выше только в четырнадцатой группе, характеризующейся самыми высокими темпами роста аграрной экономики, которые превышают 250%. Однако показатели фондоотдачи, степени износа и полного износа основных сельхозфондов такие же, как и в предыдущих двух группах. Сложившуюся ситуацию можно объяснить тем, что в регионах седьмой группы происходит достаточно активный рост доли хозяйств фермерского сектора за счет сокращения хозяйств населения, а доля сельскохозяйственных организаций за двенадцать лет осталась абсолютно неизменной. Фермерский сектор для развития использует все имеющиеся ресурсы по сравнению с другими укладами, поэтому наибольшее внимание уделяется росту производительности труда при минимальном привлечении трудовых ресурсов, что, в свою очередь, определяет высокий уровень фондовооруженности труда. При этом сопоставимый уровень фондоотдачи в сравнении с регионами предыдущих двух групп объясняется тем, что уровень эффективности использования единицы основных сельхозфондов в этих группах одинаковый, а производительность труда и фондовооруженность значительно ниже вследствие того, что для сельхозорганизаций и хозяйств населения, которые в пятой и шестой группах получили большее развитие, чем в седьмой, всегда характерны слабая оптимизация и переизбыток трудовых ресурсов. В регионах седьмой группы имеются достаточные площади сельскохозяйственных земель, в том числе и для увеличения аграрного производства на экстенсивной основе – ввода неиспользуемой пашни. Эта задача осложняется в том числе и потому, что уровень инвестирования в аграрное производство был почти в два раза ниже среднероссийского и постоянно падал за рассматриваемую динамику лет: 96 руб. на 1 тыс. руб. стоимости основных фондов сельского хозяйства в 2005–2008 гг., 76 руб. в 2009–2013 гг., 67 руб. в 2014–2017 гг. Доля сельского хозяйства в структуре экономики не менялась, и составляла 7,7% как в среднем за 2005–2008 гг., так и за 2014–2017 гг.

Восьмая и девятая группы по показателям развития сельского хозяйства идентичны шестой группе. Отличия – только в объемах увеличения производства в 2005–2017 гг., когда средний рост в восьмой региональной группе составил 45,0%, а в девятой группе – 55,4%. Доля сельского хозяйства в структуре региональной экономики так же не менялась за весь период: в 2005–2008 гг. в восьмой и девятой группах составляла, соответственно, 8,9% и 11,4%, а в 2014–2017 гг. – 8,9% и 11,8%.

В десятой группе среднее увеличение объемов аграрного производства в 2005–2017 гг. составило 66,0%, а в одиннадцатой группе – 74,9%. И хотя они выросли значительно больше, чем в регионах предыдущих двух групп, показатели производительности труда и фондоотда-

чи в среднем в 1,4 раза ниже, а степень износа основных сельхозфондов самая высокая и лишь немного уступает первой региональной группе с самыми изношенными основными фондами. С одной стороны, это выглядит нелогично, так как чем более высокими темпами роста аграрного производства характеризуются регионы, тем в большей степени этот рост может осуществляться за счет интенсификации производства, характеризующимся высокими показателями производительности труда и фондоотдачи. Но, с другой стороны, именно десятая и одиннадцатая региональные группы являются исключением из этого правила. В значительной степени это связано с тем, что из восьми регионов этих двух групп пять регионов являются национальными республиками (Республики Калмыкия, Алтай, Адыгея, Чечня и Дагестан), они характеризуются низкими показателями своего социально-экономического развития; Ульяновская область отличается такими же показателями, а в Приморском крае – самые неблагоприятные агроклиматические условия из этих регионов. В аграрном производстве подавляющего большинства этих регионов используется преимущественно ручной труд, их отличает низкий уровень механизации и автоматизации, следствием чего стало обвальное снижение производительности труда и фондоотдачи в сельском хозяйстве по сравнению с регионами предыдущих двух групп. Аграрное производство сконцентрировано преимущественно в хозяйствах населения и фермерский сектор получил наибольшее распространение. Сельскохозяйственные организации, наоборот, получили наименьшее развитие по сравнению с другими регионами страны, их доля составила меньше одной трети в валовом аграрном производстве данных регионов. Низкая производительность труда и переизбыток трудовых ресурсов в сельском хозяйстве, специализация на аграрной продукции с высокой добавленной стоимостью, предполагающей использование преимущественно ручного труда, возможность ввода в оборот новых сельхозземель (площадь неиспользуемой пашни в этих регионах значительно превышает посевную площадь в хозяйствах населения) – все эти предпосылки создают условия для достаточно высоких темпов роста аграрной экономики в регионах десятой и одиннадцатой групп. Сельское хозяйство занимает самую высокую долю в структуре региональной экономики, в среднем за 2014–2017 гг. эта доля была равна 14,5%, не на много выше она была только в регионах четырнадцатой группы. При этом уровень инвестирования сельского хозяйства был самым низким среди всех регионов кроме четвертой группы и ниже среднероссийского уровня, соответственно, в 2,5 и в 2,1 раза. Уровень государственных субсидий на поддержку сельского хозяйства в десятой группе регионов был в 1,4 раза меньше среднероссийского и составлял в среднем за 2014–2017 гг. 29 руб. на 1 тыс. руб. стоимости основных фондов сельского хозяйства, а в одиннадцатой группе – уровень субсидий был равен среднероссийскому, т.е. 40 руб.

В двенадцатой группе регионов средний рост объемов аграрного производства в 2005–2017 гг. составил 93,7%, но при этом по рассматриваемым показателям развития сельского хозяйства эта группа мало чем отличается от десятой и одиннадцатой групп. Небольшое исключение лишь в том, что доля сельхозорганизаций в многоукладной аграрной экономике – немного выше за счет сокращения хозяйств населения, а доля и темпы развития фермерского сектора были такими же.

В тринадцатой группе регионов объем производства валовой продукции сельского хозяйства за исследуемые года вырос в среднем в 2,24 раза. Самой примечательной чертой регионов этой группы является наиболее высокий средневзвешенный уровень инвестирования сельского хозяйства среди всех остальных региональных групп. Тринадцатая группа – единственная, в которой уровень инвестирования вырос за рассматриваемую динамику лет, тогда как во всех остальных группах он падал. В среднем в 2005–2008 гг. уровень инвестиций в тринадцатой группе составлял 125 руб. на 1 тыс. руб. основных фондов сельского хозяйства, а в 2014–2017 гг. этот уровень поднялся до 142 руб. В данной группе самый высокий, не считая четырнадцатую группу, уровень внесения минеральных удобрений под посевы сельскохозяйственных культур. Он составил в 2014–2017 гг. 66,8 кг/га посевных площадей (в пересчете на 100% питательных веществ) и вырос по сравнению с 2005–2008 гг. на 16,9 кг.

Регионы этой группы характеризуются самым высоким уровнем обеспеченности зерно- и кукурузоуборочными комбайнами среди всех основных зернопроизводящих региональных групп, составлявшим 2,3 ед. на 1 тыс. га убранных площадей зерновых культур в сельскохозяйственных организациях (в среднем за 2014–2017 гг.). Уровень государственных субсидий занимал третье место (после четырнадцатой и второй групп) и составлял 52 руб. на 1 тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов, что было выше среднероссийского уровня на 12 руб. Активно развивались сельскохозяйственные организации и хозяйствами фермерского сектора, развитие которых осуществлялось за счет замещения хозяйств населения. Доля хозяйства населения за двенадцать лет сократилась с половины до менее чем одной трети в производстве валовой продукции сельского хозяйства, и, как следствие, уровень производительности труда и фондоотдачи в тринадцатой региональной группе занимал второе место среди остальных групп. При этом снижение ручного и увеличение механизированного труда в производственных процессах во многом позволило регионам этой группы нарастить объемы аграрного производства за двенадцать лет более чем в два раза. Доля сельского хозяйства в производстве валового регионального продукта выросла с 8,7% в 2005–2008 гг. до 9,2% в 2009–2013 гг. и до 11,4% в 2014–2017 гг.

В четырнадцатую группу входят регионы с самым динамично развивающимся сельским хозяйством – это территории центрально-черноземной полосы России. Так, в Брянской области объем аграрного производства в 2017 г. по сравнению с 2005 г. вырос в 2,61 раза, в Тамбовской области – в 2,69 раза, в Курской области – в 2,83 раза, в Белгородской области – в 3,43 раза. Такая динамика роста возможна только в условиях непрерывной интенсификации аграрного производства, а также наличия возможностей ввода в оборот новых сельскохозяйственных земель. Регионы четырнадцатой группы отличается самый высокий уровень производительности труда и фондовооруженности, соответственно, 1315 тыс. руб. и 1247 тыс. руб. на одного занятого в сельскохозяйственном производстве. Уровень фондоотдачи и средневзвешенная урожайность зерновых культур одни из самых высоких, последняя в среднем в 2014–2017 гг. составляла 39,7 ц/га убранных площадей под зерновыми культурами. Преобладающей и динамично растущей является доля сельскохозяйственных организаций, выросшая с 58,1% в 2005–2008 гг. до 67,1% в 2009–2013 гг. и до 76,1% в 2014–2017 гг. Так, в Белгородской области доля сельхозорганизаций в 2017 г. составляла 86,2%. Рост крупнохозяйственного сектора происходил на фоне сильного уменьшения доли хозяйств населения, при увеличении числа сельхозорганизаций и фермерских хозяйств.

Регионы четырнадцатой группы являются единственными, где хозяйства населения сократили свою долю в производстве валовой продукции сельского хозяйства с 35,8% в 2005–2008 гг. до 26,7% в 2009–2013 гг., и до 16,7% в 2014–2017 гг. Данной региональной группой специализируется исключительно на зерно-мясной продукции, а производство остальных ее видов занимает одинаково небольшую долю. Производство скота и птицы на убой в стоимости валовой продукции сельского хозяйства в последнее время занимало 42,9%, а зерна – 16,9%. Далее по нисходящей – производство картофеля – 8,1%, семян подсолнечника – 7,5%, молока – 6,6%, сахарной свеклы – 5,6%, овощей – 3,8%, кормовых культур – 3,3%, яиц – 2,9%, фруктов и ягод – 1,3%. Регионы четырнадцатой группы характеризуют самый высокий уровень субсидирования сельского хозяйства – 59 руб. на 1 тыс. руб. стоимости основных сельхозфондов, а также самый высокий уровень внесения минеральных удобрений под посевы сельскохозяйственных культур. Он составляет 95,9 кг/га (в пересчете на 100% питательных веществ), что выше среднероссийского уровня в 2,4 раза. Доля сельского хозяйства постоянно повысилась в структуре региональной экономики с 12,78% в 200–2008 гг. до 14,3% в 2009–2013 гг. и до 19,6% в 2014–2017 гг. Объемы инвестирования в сельскохозяйственное производство самые значительные – 122 руб. на 1 тыс. руб. основных фондов сельского хозяйства, больше только в тринадцатой региональной группе. Другими словами, в регионах четырнадцатой группы самый оптимальный набор ресурсов и факторов, обеспечивающий высокие темпы роста аграрной экономики.

Детальное рассмотрение выделенных четырнадцати региональных групп отражает значительную разнородность регионов по ресурсным факторам и ограничениям, когда высокие темпы роста аграрного производства вовсе не означают, что наличие ресурсов и показатели эффективности их использования будут пропорционально увеличиваться. Из-за этого коэффициенты корреляции, рассчитанные по всей совокупности 75 принимавших в исследовании регионов, показали крайне низкую тесноту связи между темпами роста аграрной экономики и показателями развития сельского хозяйства. В таблице 4 представлены основные результаты проведенного исследования.

Таблица 4 – Ресурсные факторы и ограничения, а также направления для инновационного развития АПК

Группа	Объем производства в 2017 г., в % к 2005 г.	Ресурсные факторы и ограничения	Направления развития
1	до 80,0	Неблагоприятный агроклимат, нехватка посевных площадей, неэффективное использование основных фондов и трудовых ресурсов, высокий износ фондов	Остановка спада агропроизводства с целью поддержания сельской занятости
2	80,1–90,0		
3	90,1–100,0	Неблагоприятный агроклимат, низкие показатели использования основных фондов и трудовых ресурсов, очень низкий уровень субсидирования и инвестирования. Наличие значительной площади неиспользуемой пашни.	Повышение объемов субсидий и инвестиций для остановки спада производства и выхода на небольшую динамику роста аграрного производства
4	100,1–110,0	Ограниченность земельных ресурсов для расширения аграрного производства, низкий уровень инвестирования	Обновление и развитие материально-технической базы сельского хозяйства, разработка стратегии привлечения дополнительных инвестиций
5	110,1–120,0	Износ фондов, превышающий среднероссийского, рост агропроизводства преимущественно за счет фермерского сектора	Доведение темпов роста аграрного производства до среднероссийских
6	120,1–130,0		
7	130,1–140,0	Относительно благоприятный агроклимат, низкая изношенность основных фондов, высокая производительность труда	Поддержка наиболее динамично развивающегося фермерского сектора, доведение уровня инвестиций в сельское хозяйство до среднероссийского
8	140,1–150,0	Среднероссийские показатели эффективности использования основных фондов и трудовых ресурсов в сельском хозяйстве, значительные площади неиспользуемой пашни	Повышение темпов роста аграрного производства до уровня регионов-лидеров за счет интенсификации производства и ввода в оборот неиспользуемой пашни
9	150,1–160,0		
10	160,–170,0	Преобладание национальных республик с показателями эффективности использования трудовых ресурсов и основных фондов значительно ниже среднероссийских, абсолютное преобладание мелкотоварного сектора, и низкий уровень инвестирования, практически отсутствие свободных сельхозземель	Поддержка сложившегося уровня и темпов развития сельского хозяйства ввиду отсутствия ресурсов для повышения темпов роста
11	170,1–180,0		
12	180,1–200,0	Динамичное замещение хозяйств населения сельхозорганизациями и фермерскими хозяйствами, и как следствие повышение уровней производительности труда, фондовооруженности, фондоотдачи, инвестирования	Поддержание динамики уже сложившихся темпов развития сельского хозяйства
13	200,1–250,0	Наиболее благоприятные условия для развития сельского хозяйства	Все возможные направления поддержки сложившейся интенсификации производства
14	250,1 и выше		

Заключение.

В качестве общих итогов по проделанной работе можно отметить сильно дифференцированный характер ресурсных факторов и ограничений для инновационного развития агропродовольственного комплекса в региональном пространстве России. Определение корреляционных зависимостей между основными показателями развития и темпами роста аграрного производства отражает практически нулевую тесноту связи по фондоотдаче и фондовооруженности в сельском хозяйстве и относительно слабую связь по производительности труда, степени износа и удельного веса полностью изношенных основных фондов сельского хозяйства. Для разработки механизмов поддержки развития аграрного комплекса корреляционно-регрессионный метод исследования практически не подходит, так как он не способен охватить всё многообразие ресурсов и ограничений для развития в полном региональном пространстве России. Для этой цели был использован метод экономико-статистических группировок, с помощью которого было выделено четырнадцать групп, каждая из которых характеризовала узкий набор ресурсов, тенденций и ограничений развития сельского хозяйства в определенных регионах страны. С помощью данного метода было выявлено, что в регионах с наиболее депрессивным уровнем развития сельского хозяйства, то есть характеризующихся спадом производства от 11,7% до 38,1% за динамику 2005–2017 гг., отсутствуют ресурсы для преломления тенденции спада с.-х. производства, и максимальные усилия в них следует приложить на выход хотя бы нулевого роста для поддержания сельской занятости. Регионы, в которых сокращение объемов аграрного производства за исследуемый период составило от 0,1% до 6,7%, обладают ресурсами для преломления ситуации и выхода на положительную динамику роста, для чего потребуются существенно повысить объемы субсидирования и инвестирования аграрного производства, так как данная форма поддержки там в два раза ниже среднероссийской. Регионы, в которых объемы производства за двенадцать лет не превысили 8,9% не имеют возможности экстенсивного роста производства. В них необходимо уделять пристальное внимание обновлению основных фондов сельского хозяйства для возможностей интенсификации производства, а также разработать стратегии привлечения дополнительных инвестиций в отрасль, так как она ниже среднероссийского уровня в 6,5 раза. В тех регионах, где рост производства составил от 11,9% до 29,8%, есть все ресурсы для доведения уровня роста производства до среднероссийского (49,7%), в том числе и за счет внедрения инновационных технологий. Там, где рост производства составил от 31,6% до 40,0%, основным двигателем развития сельского хозяйства являются хозяйства фермерского сектора, доведение объема инвестирования которых до среднероссийского позволит, как минимум, сохранить сложившиеся темпы роста производства сельского хозяйства регионов. Темпами роста от 40,3% до 57,7% характеризуются регионы с самыми благоприятными агроклиматическими условиями и значительными площадями неиспользуемой пашни, имеющими все условия для повышения темпов роста аграрного производства до уровня регионов-лидеров. Прямо противоположная ситуация в регионах с более высокими темпами роста аграрного производства (от 62,5% до 97,2%), где ввиду отсутствия ресурсов для повышения темпов роста производства поддержка возможна в лучшем случае для сохранения сложившегося уровня развития сельского хозяйства. В регионах, где темпы роста производства составили более 100%, достаточно ограничены площади неиспользуемых сельхозземель, что делает невозможным их масштабный ввод в оборот. Даже в тех регионах, где темпы роста аграрной экономики выше среднероссийского уровня, их увеличение в будущем может происходить только на основе внедрения инновационных технологий, т.к. на основе традиционных технологий производства возможности роста аграрного производства в данных регионах уже исчерпаны.

Список литературы:

1. Андрущенко С.А., Кутенков Р.П., Бондаренко Ю.П., Васильченко М.Я. Особенности социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, признанных неблагоприятными для сельскохозяйственного производства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2018. – № 4(73). – С. 47–53.

2. Андриющенко С.А., Бондаренко Ю.П. Предпосылки роста производства зерна в системе ресурсно-технологических ограничений региональных агрокомплексов России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2008. – № 2. – URL: <http://www.iagpran.ru/journal.php?id=30>
3. Национальная продовольственная безопасность России: стратегические приоритеты и условия обеспечения / А.А. Анфиногентова [и др.]; под общ. ред. Т.В. Блиновой. – Саратов: Саратовский источник, 2018. – 413 с.
4. Конкурентоспособность агропродовольственного комплекса России в условиях глобальных вызовов / А.А. Анфиногентова [и др.]; под общ. ред. И.Л. Воротникова. – Саратов: Амирит, 2017. – 403 с.
5. Янбых Р.Г. Субсидирование сельского хозяйства: региональные сравнения // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2017. – № 8. – С. 2–9.
6. Стратегические приоритеты социально-экономического развития агропродовольственного комплекса России / А.А. Анфиногентова [и др.]; под общ. ред. И.Л. Воротникова. – Саратов: Саратовский источник, 2016. – 595 с.
7. Бондаренко Ю.П. Оценка необходимости обновления основных фондов в сельском хозяйстве России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2018. – № 9. – С. 24 – 30.
8. Огарков С.А. Повышение эффективности основных фондов и производительности труда в сельском хозяйстве // Научный вестник ВФ РАНХиГС. – 2015. – № 1. – С. 27–33.
9. Агропродовольственный комплекс региона в условиях глобализации / И.Ф. Суханова [и др.]; под общ. ред. И.Ф. Сухановой. – Саратов: Саратовский источник, 2013. – 431 с.
10. Социально-экономические приоритеты обеспечения продовольственной безопасности России / под ред. акад. А.А. Анфиногентовой. – Саратов: Саратовский источник, 2012. – 273 с.
11. Бондаренко Ю.П. Перспективы многоукладности аграрного сектора России // Региональные агросистемы: экономика и социология [Электронный научный журнал]. – 2016. – № 1. – URL: <http://www.iagpran.ru/journal.php?id=173>
12. Продовольственная безопасность России: вызовы, риски, угрозы / А.А. Анфиногентова, [и др.]; под ред. акад. А.А. Анфиногентовой. – Саратов: Саратовский источник, 2011. – 311 с.
13. Беспашотный Г., Капитонов А. Организационно-экономический механизм согласования федеральных и региональных программ в АПК // Экономист. – 2017. – № 7. – С. 26–32.
14. Социально-экономические проблемы развития мелкотоварного уклада в АПК России / под ред. В.Б. Бурлакова; ИАГП РАН. – Саратов, 2007. – 122 с.
15. Бондаренко Ю.П. Фермерский сектор регионов в решении проблемы продовольственной безопасности России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2009. – № 8. – С. 59 – 62.
16. Палей Т.Ф. Влияние уровня инфраструктурного потенциала региона на выбор стратегии инвестирования // Региональная экономика и управление [Электронный научный журнал]. – 2017. – №3 (51). – <https://elibrary.ru/item.asp?id=30627909>
17. Кутенков Р.П., Бондаренко Ю.П. К вопросу среднесрочного прогнозирования урожайности зерновых культур // Региональные агросистемы: экономика и социология [Электронный научный журнал]. – 2012. – № 1. – URL: <http://www.iagpran.ru/journal.php?id=59>
18. Ларшина Т.Л., Минаков И.А. Методические подходы к оценке воспроизводственного процесса основных фондов // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. – 2015. – № 2. – С. 112 – 121.
19. Статистическая информация Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. – URL: <http://www.gks.ru/>
20. Статистическая информация Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. – URL: <http://mcx.ru/>

ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ МУНИЦИПАЛЬНОГО РАЙОНА

Андреев Ю.А., к.э.н., Поволжский институт управления
имени П.А. Столыпина РАНХиГС

Проанализированы особенности социально-экономического развития сельских территорий на примере Энгельсского района Саратовской области. Показана связь потенциала преобразований сельских территорий с уровнем развития и диверсифицированностью хозяйственного комплекса муниципального района в целом. Рассмотрена специфика использования методов стратегического планирования применительно к сельским территориям муниципального района с развитой экономикой. Сформулированы направления корректировки действующей стратегии с учетом принятой государственной программы комплексного развития сельских территорий.

Ключевые слова: развитие сельских территорий, социальная ответственность бизнеса, социально ориентированный бизнес, стратегия социально-экономического развития, сценарии развития.

FEATURES OF DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF THE STRATEGY OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF RURAL TERRITORIES OF THE MUNICIPAL AREA

Andreev Yu.A., candidate of economic sciences,
Povolzhsky institute of management after P.A. Stolypin

The features of the socio-economic development of rural areas are analyzed on the example of Engels district of the Saratov region. The connection of the transformation potential of rural areas with the level of development and diversification of the economic complex of the municipal district is shown. The specificity of using the methods of strategic planning in relation to rural areas of a municipal area with a developed economy is considered. The directions for adjusting the current strategy are formulated, taking into account the adopted state program for the integrated development of rural areas.

Keywords: rural development, social responsibility of business, socially oriented business, strategy of socio-economic development, development scenarios

Введение.

В современных условиях устойчивость социально-экономического развития любого муниципального района зависит от эффективной производственно-коммерческой деятельности всех хозяйствующих субъектов района, однако, с нашей точки зрения, наиболее существенное влияние на развитие сельских территорий оказывают преимущественно крупные сельскохозяйственные предприятия.

Именно от крупных сельхозпредприятий, несущих селоформирующие функции, зависит успешность социально-экономического развития сельских территорий. Для обеспечения эффективного выполнения этих функций стратегии и планы развития предприятий не должны ограничиваться рассмотрением своей роли лишь как товаропроизводителя и потребителя рабочей силы. Как подчеркивает Г. Слезингер, наряду с получением прибыли от реализации произведенных товаров и услуг, результатом деятельности предприятия является развитие человека как работника и как личности, позволяющее ему своим трудом и предприимчивостью обеспечивать благосостояние семьи, формировать сбережения и инвестировать их в необходимые для него социальные блага и услуги, то есть речь идет о социальном воспроизводстве человеческого ресурса [1].

Крупным сельскохозяйственным предприятиям важно создавать вокруг себя экосистему, в которой людям было бы комфортно работать, получать достойную зарплату, качественную медицинскую помощь и образование. Поэтому основные направления социальной ответственности как аграрных, так и других бизнес-структур должны быть связаны с развитием местной инфраструктуры сел и районов.

В условиях доминирующей монофункциональности села и связанной с этим проблемной ситуацией с трудоустройством в сельской местности собственники сельскохозяйственных предприятий зачастую являются единственными работодателями, которые обеспечивают рабочими местами сельское население. Именно на активную и эффективную социальную политику этих предприятий рассчитывают жители сельских территорий в решении своих социально-экономических проблем. Большинство современных агрохолдингов сосредоточили свою производственно-коммерческую деятельность по реализации социальной политики на следующих направлениях: охрана окружающей среды, улучшение условия труда и поддержка местных органов управления. При этом у сельского населения формируется запрос на повышение уровня социальной ответственности организаций [2, 3]. В современной экономической теории «социальная ответственность бизнеса» рассматривается как некая сложная, многоаспектная категория, имеющая отношение к бизнес-структурам, заинтересованным во взаимодействии с территориальными органами власти сельских территорий, другими институтами этих территорий, населением и т.д. [4, 5]. Целью такого взаимодействия является эффективное развитие как самой бизнес-структуры, так и территории, на которой она расположена.

При внедрении принципов социальной ответственности хозяйствующего субъекта, растут его рыночная стоимость и «вес» нематериальных активов, поскольку инвесторы, а так же другие заинтересованные лица начинают воспринимать данное юридическое лицо как более серьезного и надежного партнера.

Перспективы благополучия сельской территории основываются на устойчивом развитии производственных структур, способных обеспечивать в том числе и инфраструктурную обустроенность. Не последнее место должна играть проблема эффективного функционирования предприятий АПК, которые применяя передовые технологий не должны наносить экологический ущерб среде обитания сельского населения.

Тематика успешного развития сельских территорий обретает новую актуальность в связи с особой важностью решения задач продовольственной безопасности страны, обострившейся по причине введения международных экономических санкций.

Цель исследования.

В данной работе исследовалась специфика использования методов стратегического планирования применительно к сельским территориям муниципального района с развитой экономикой и обосновывались направления и процедуры корректировки документов стратегического планирования с учетом изменений социально-экономической ситуации.

Методика исследования.

В процессе исследования использовались отдельные положения структурного и ситуационного анализа с привлечением статистических методов обработки данных, а также аналитический, абстрактно-логический, экономико-статистический методы (статистических группировок и классификаций, ранжирования и др.).

Результаты исследования.

Перспективы развития сельских территорий и особенности разработки документов стратегического планирования рассматриваются на примере Энгельсского муниципального района Саратовской области.

В Стратегии социально-экономического развития Энгельсского муниципального района [4] отмечается, что в муниципальном районе имеются благоприятные социально-экономические условия для развития, обусловленные сформировавшимся внутренним потенциалом: достигнутый уровень развития отраслей промышленного, строительного и агропромышленного комплексов превышает среднеобластные значения, развиты сфера малого и

среднего предпринимательства, географическое расположение района является выгодным, инвестиционная привлекательность достаточна для притока вложений и т.д.

Энгельсский район представляет собой пять муниципальных образований, объединенных общей территорией, в пределах которой осуществляется местное самоуправление. В границы Энгельсского муниципального района входят: муниципальное образование город Энгельс (7 населенных пунктов); Безымянское муниципальное образование (19 населенных пунктов); Красноярское муниципальное образование (14 населенных пунктов); Новоушчинское муниципальное образование (10 населенных пунктов); Терновское муниципальное образование (9 населенных пунктов).

При разработке Стратегии социально-экономического развития Энгельсского района применен SWOT-анализ, определены все сильные и слабые стороны, а также перспективы развития и возможные угрозы.

В соответствии с основными типами пространственного развития территорий Саратовской области, определенными Стратегией социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года, Энгельсский муниципальный район отнесен к районам-«локомотивам». Согласно Стратегии под ними понимаются крупные районы, способные стать в относительно короткие сроки точками роста и центрами агломерации для соседних менее успешных районов. На данных территориях сконцентрирован наибольший научно-технический, человеческий, производственный, логистический потенциал, имеются в наличии абсолютно все звенья в цепочке «исследования – разработки – технологии – производство – рыночная реализация» для превращения научно-технического продукта в конкурентоспособный товар с высокими потребительскими свойствами. В становлении данных территорий полноценными «локомотивами» должны быть использованы такие инструменты, как индустриальные и технопарки, кластеры, «центры превосходства».

Энгельсский муниципальный район является одним из крупнейших промышленных районов Саратовской области с развитой инфраструктурой. Соседство крупного регионального центра позволяет району существенно повысить потенциал инфраструктуры. Для города доступны сконцентрированные в областном центре транспортные, научные, образовательные, финансовые ресурсы и другие возможности. Энгельсский район расположен на территории площадью 3,2 тыс. км², богатой природными ресурсами. Речь идет о полезных ископаемых, о сельскохозяйственных угодьях и природно-климатических условиях. Район обладает минерально-сырьевой базой в виде месторождений нефти и газа, строительных материалов и подземных вод.

В агропромышленном комплексе района занято около 6 тыс. человек, функционируют 34 сельскохозяйственных предприятия, 125 крестьянских (фермерских) хозяйств, более 15 тыс. личных подсобных хозяйств, 53 предприятия пищевой перерабатывающей промышленности.

Земельные ресурсы района – одно из значимых природных богатств. Общая площадь земель Энгельсского муниципального района составляет 323 252 га. Основную долю земельного фонда занимают земли сельскохозяйственного назначения, их площадь – 209 575 га, в том числе 160,3 тыс. га приходится на пашню. Растениеводство района специализируется на возделывании зерновых, технических, овощебахчевых, кормовых культур и картофеля; животноводство – на мясо-молочном скотоводстве, овцеводстве, свиноводстве, кролиководстве, птицеводстве. Созданы условия и для эффективного развития рыболовства.

Сельское хозяйство является отраслью специализации Энгельсского муниципального района с показателями интенсивности и эффективности хозяйствования выше среднеобластного уровня. Удельный вес Энгельсского муниципального района в посевной площади области составлял в 2017 г. 2,77%, в производстве продукции растениеводства – 6,93%, продукции животноводства – 4,44%. Высока доля района в производстве зерна – 3,36%, картофеля – 8,9%, сои – 16,3%, овощей открытого грунта – 23,3%, плодов и ягод – 10, 12%, яиц – 13,0%, скота и птицы на убой – 8,35%.

На территории Энгельсского муниципального района по состоянию на 1 января 2018 г. проживало 12,5% от общей численности населения Саратовской области, или 309 938 чел. постоянного населения. Плотность населения по району в 3,8 раза выше, чем в среднем по Саратовской области и в 3,3 раза выше показателя по ПФО, она составляет 96 человек на 1 км². Распределение населения характеризуется достаточно высокой долей урбанизации, удельный вес городского населения составляет 73%, или 226 176 чел., что немного ниже среднеобластного показателя – 74,2%.

Демографическая ситуация характеризуется ростом численности постоянного населения. Увеличение численности населения происходит в основном за счет миграционного прироста на фоне естественной убыли населения. При этом анализ показателей, характеризующих демографическую ситуацию, показывает, что темпы естественной убыли населения с 2010 по 2017 г. снизились в 2,4 раза. Миграционный прирост населения района за этот же период составил 29 405 чел.

Однако численность населения трудоспособного возраста за анализируемый период увеличилась всего на 1 513 чел. – с 177 598 до 179 111 чел., т.е. на 1%. Численность населения старше трудоспособного возраста увеличилась на 16 291 чел. (26%), моложе трудоспособного возраста – на 9 077 чел. (21,5%). В связи с тем, что экономический рост территории зависит от состояния трудового потенциала и от эффективности его использования, оптимальное распределение и повышение качества труда будет являться одной из главных задач социально-экономического развития Энгельсского муниципального района.

Сценарии социально-экономического развития Энгельсского муниципального района опираются на перспективы, определенные в Стратегии социально-экономического развития Саратовской области до 2030 года. В качестве центрального в ней выбран инновационный сценарий, в рамках которого возможно обеспечивать устойчивый экономический рост и развитие, повышение конкурентоспособности производимой продукции и оказываемых услуг.

Согласно действующей региональной Стратегии в долгосрочной перспективе возможны 3 сценария развития.

Консервативный основан на предположении об инерционном развитии экономики и сохранении сложившихся подходов к ее управлению, согласно нему район будет развиваться преимущественно за счет экстенсивного расширения экономики, путем наращивания объемов использования ресурсов. При этом динамика экономического роста будет замедляться, а медленные преобразования в качестве уровня жизни и среды жизнедеятельности приведут к дальнейшему сокращению численности населения.

Умеренно оптимистичный предполагает повышение эффективности использования всех видов ресурсов с повышением внимания к вопросам улучшения делового климата, созданию благоприятных условий для осуществления хозяйственной деятельности. Одинаково позитивные изменения в экономике будут сопровождаться адекватными положительными сдвигами в социальной сфере с определенными задержками по времени.

Инновационный ориентирован на максимальное раскрытие потенциала стратегического развития, эффективное использование человеческого капитала, сбалансированное развитие территорий, реализацию новых подходов к управлению регионом. Данный сценарий содержит базовые элементы умеренно оптимистичного сценария в сочетании с существенным притоком капитала, активизацией развития социальной сферы, более эффективным использованием ресурсов, наращиванием параметров человеческого капитала и повышением роли инноваций (таблица 1).

В качестве основного сценария долгосрочного развития Энгельсского муниципального района, так же как и Саратовской области, предлагается инновационный сценарий, основанный на внедрении инноваций в производстве, сельском хозяйстве, жилищно-коммунальном хозяйстве, социальной сфере, управлении и т.д. В соответствии с параметрами инновационного сценария развития определены количественные значения целевых ориентиров, закладываемых в Стратегию. Целевые показатели представлены в таблице 2.

Таблица 1 – Прогноз основных показателей социально-экономического развития по описанным сценариям

Показатель	Год				
	2017 г. (фактиче- ски)	2020 г.	2025 г.	2030 г.	2030 г.к 2017 г. в % или раз
<i>Консервативный сценарий</i>					
Индекс промышленного производства, %	119,3	101,7	100,8	100,8	1,4 раза
Среднедушевые доходы населения, руб.	16 700	19 526	21 504	23 626	141,5%
<i>Умеренно оптимистичный сценарий</i>					
Индекс промышленного производства, %	119,3	104,8	104,0	104,0	2,1 раза
Среднедушевые доходы населения, руб.	16 700	20 137	22 176	24 364	145,9%
<i>Инновационный сценарий</i>					
Индекс промышленного производства, %	119,3	105,9	105,0	105,0	2,4 раза
Среднедушевые доходы населения, руб.	16 700	20 340	22 400	24 610	147,4%

Таблица 2 – Ожидаемые результаты реализации Стратегии социально-экономического развития Энгельсского муниципального района до 2030 г.

Показатель	Год					
	2017 (фактически)	2018 (ожидаемо)	2019	2022	2025	2030
Уровень регистрируемой безработицы, % от численности трудоспособного населения	0,6	0,5	0,6	0,6	0,67	0,6
Среднедушевые доходы населения, руб.	16700	17 300	18 165	21 500	22 400	24 610
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников крупных и средних предприятий и некоммерческих организаций муниципального района, руб.	26162,6	26800	27500	30250	33275	38266
Число субъектов малого и среднего предпринимательства в расчете на 10 тыс. чел. населения, ед.	280	282	283	286	289	293
Объем производства сельскохозяйственной продукции, тыс.т:						
- зерно (в весе после доработки)	195,8	132	135	148,8	152	155
- подсолнечник	21,5	17	17	15,9	16,8	17
- овощи	97,7	90	90	96	104	109
- картофель	33,9	16	16	16,4	17	17,5
- мясо	13,5	13,2	13,3	13,4	18,9	19,5
- молоко	18,3	18,6	18,7	18,8	19,3	20

Дальнейшее развитие системы стратегических документов для сельских территорий Энгельсского муниципального района во многом будет определяться требованиями утвержденной 31 мая 2019 г. государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» [7]. Реализация мер госпрограммы может оказать существенное влияние на перспективы развития сельских территорий. Общий объем финансирования госпрограммы в 2020–2025 гг. предусмотрен в объеме 2,3 трлн руб., в том числе за счет федерального бюджета – 1 трлн руб. Это значительно выше параметров финансирования в рамках ныне действующих программных документов (более чем семикратный рост).

Мероприятия программы ориентированы на развитие перспективных территорий экономического роста за счет создания инфраструктуры для привлечения инвесторов и запуска инвестиционных проектов. В действующую редакцию Стратегии развития Энгельсского района необходимо внести коррективы, отражающие основные положения новой госпрограммы в части определения перспективных сельских территорий экономического роста.

Новой госпрограммой предполагается кардинальное изменение способов распределения выделяемых объемов бюджетного финансирования. При этом до 85% общих объемов финансирования программы предполагается направить на осуществление инициативных проектов сельских муниципалитетов, бизнеса, отдельных жителей и их групп. Ключевым

механизмом госпрограммы станет конкурс региональных проектов на условиях софинансирования.

Заключение.

В стратегических документах муниципального уровня необходимо предусмотреть возможность создания инфраструктуры для привлечения дополнительного финансирования и запуска инвестиционных проектов для сельских поселений разного типа. При этом проекты помимо местных администраций смогут представлять коммерческие и некоммерческие организации, а также инициативные группы сельских жителей. Такой подход будет стимулировать рост социальной ответственности бизнес-структур. Однако муниципальным властям необходимо обеспечивать диалог с сельским населением по обоснованию проектов, предлагаемых для финансирования в рамках инициативного бюджетирования.

Таким образом, стратегический подход к социально-экономическому развитию муниципальных территорий позволит применять квалифицированные управленческие решения, обеспечит устойчивый экономический рост и развитие муниципальных образований, повышение конкурентоспособности производимой продукции и оказываемых услуг.

Список литературы:

1. Слезингер Г.Э. Социальная экономика: учебник. – М.: Издательство «Дело и Сервис», 2001. – С. 45.
2. Харитонов А.В. Факторы, сдерживающие инновационное развитие сельских территорий муниципального района // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2017. – №4. – Ч. 2. – С. 132–135.
3. Юрзина Т.А. Модели комплексного развития территории: их характеристика и оценка // Управление экономическими системами. – 2017. – №9. – С. 11. – URL: ores.su.ru...ekonomicheskim...nauchnyj-zhurnal/
4. Теоретико-методологические и прикладные аспекты институциональных преобразований в сельском хозяйстве / Н.С. Бондарев [и др.] ; под. ред. акад. РАН П.М. Першукевича. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2017. – 340 с.
5. Харитонов А.В., Косинский П.Д., Бондарев Н.С. Воздействие факторов производства на развитие сельского хозяйства региона // АПК: экономика и управление. – 2016. – №12. – С. 74–80.
6. Стратегия социально-экономического развития Энгельсского муниципального района до 2030 года // Наше слово. – 2018. – № 80 (22578). – 16 с.
7. Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий»: Постановление Правительства РФ от 31 мая 2019 года № 696. – URL: http://static.government.ru/media/files/aNtAARsD8scrvdizD7rZA0FaFjn_A79v.pdf (дата обращения 10.06.2019).

ВНУТРЕННИЕ ПРИЧИНЫ НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В РОССИИ

Бурлаков В.Б., к.э.н., ИАГП РАН

Статья посвящена исследованию факторов внутренней среды сельскохозяйственного потребительского кооператива. В качестве основы, составляющей фундамент внутреннего механизма деятельности кооператива, рассматривается система внутрикооперативных отношений. Сделан вывод, что наблюдаемая во многих кооперативах неадекватность характера взаимоотношений между членами кооператива и его исполнительной дирекцией является одной из первопричин неэффективной деятельности данных организаций и неудовлетворительных темпов развития сельскохозяйственной кооперации в России. Предложены меры по совершенствованию механизма внутрикооперативных отношений, основанные на устоявшихся, проверенных временем правилах и процедурах.

Ключевые слова: сельскохозяйственный потребительский кооператив, внутрикооперативные взаимоотношения, внутренние условия успешного функционирования

DOMESTIC CAUSES OF DISPLEASING DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL CONSUMER COOPERATION IN RUSSIA

Burlakov V.B., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article is devoted to the study of the factors of the internal environment of the agricultural consumer cooperative. The system of intracooperative relations is considered as the basis constituting the foundation of the internal mechanism of the cooperative's activities. It was concluded that the inadequacy of the nature of the relationship between members of the cooperative and its executive direction in many cooperatives is one of the root causes of the ineffective activity of these organizations and the unsatisfactory development of agricultural cooperation in Russia. Measures to improve the mechanism of intracooperative relations, based on well-established, time-tested rules and procedures are proposed.

Keywords: agricultural consumer cooperative, intracooperative relationships, internal conditions for successful functioning

Введение.

Развитие кооперации вертикального типа является надёжным средством стабильного функционирования сельских товаропроизводителей. Определяющую роль в обеспечении высокого уровня эффективности аграрной экономики практически во всех развитых странах мира играют кооперативные организации. В настоящее время практически 100 % фермеров в Нидерландах, Швеции, Норвегии, Финляндии, Дании являются членами тех или иных кооперативов. В Германии, Франции, Ирландии кооперативы объединяют от 80 до 90 % всех фермерских хозяйств. На этих странах на кооперативы осуществляют 75-90 % переработки и реализации всей товарной сельскохозяйственной продукции и 60-75 % поставок сельским товаропроизводителям средств материально-технического обеспечения. В скандинавских странах и Ирландии в кооперативах сосредоточено производство практически всей молочной продукции и более двух третей мясных продуктов. Во Франции, Нидерландах и Швеции сельскохозяйственные кооперативы обеспечивают более 75 % переработки и сбыта зерна. В странах Евросоюза и США сельскохозяйственные кооперативы в настоящее время являются мощной производительной силой, на равных конкурирующей с крупнейшими корпорациями и компаниями [1].

В отличие от стран Запада в России классическая кооперация, за которой законодательно закреплено определение «сельскохозяйственная потребительская», пока ещё не оказывает существенного влияния на развитие аграрной экономики. Несмотря на то, что со времени принятия Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации», создавшего

правовую основу для становления данной формы, прошло уже около четверти столетия, темпы её развития далеки от ожидаемых. В настоящее время сельскохозяйственные потребительские кооперативы охватывают лишь около 2% фермерских хозяйств, менее 1% хозяйств населения и около 5% хозяйств коллективного типа [2]. На кооперативы приходится не более 2% продуктов, поставляемых на продовольственные рынки. В общем объёме сервисных услуг, оказываемых субъектам сельскохозяйственного производства, их доля не превышает 1%. Далёкую от оптимизма ситуацию с развитием кооперативного движения в сельской местности усугубляет наблюдаемая с 2012 года тенденция ежегодного сокращения численности кооперативных организаций.

Подобное развитие ситуации многие учёные-аграрники и представители кооперативного сообщества связывают с отсутствием должной поддержки данной формы со стороны государства. Действительно, в странах с развитой аграрной экономикой государство оказывает всестороннюю помощь кооперативным формированиям, создавая благоприятные условия для их успешного развития. В России до периода действия приоритетного национального проекта «Развитие АПК» никакой поддержки развитию кооперации на национальном уровне практически не осуществлялось. Да и в дальнейшем размеры поддержки были близки к символическим, а принимаемые государством меры носили фрагментарный, порой противоречивый характер. Введённое с 2014 года предоставление грантов сельскохозяйственным кооперативам потребительского типа на развитие материально-технической базы не способно кардинальным образом изменить ситуацию ввиду незначительного объёма выделяемых из федерального бюджета средств. Кроме того, такой подход направлен на поддержку отдельных предприятий, а не на развитие институциональной среды кооперативной системы, что в определённой степени способствует созданию псевдокооперативов или кооперативов-однодневок, образованных только с целью получения бюджетных средств. Со времени действия национального проекта «Развитие АПК» продолжает сохраняться ситуация, при которой треть всех сельскохозяйственных потребительских кооперативов не осуществляет реальной деятельности. Последние же законодательные нововведения, запрещающие потребительским кооперативам распределять по итогам года часть доходов среди своих членов и устанавливающие подконтрольность кредитных кооперативов Банку России, способствовали закрытию многих кооперативных организаций. Особенно сильно сократилось количество кредитных кооперативов.

Несомненно, государственная политика играет значительную роль в успешном развитии сельскохозяйственной кооперации. Об этом свидетельствует как зарубежный, так и отчасти современный отечественный опыт. Государственная поддержка способствует раскрытию инновационного потенциала кооперации, направленного на широкое привлечение в аграрное производство передовых технико-технологических новинок [3]. Вместе с тем, считаем, что даже высокий уровень государственной поддержки далеко не всегда гарантирует достижения положительного результата. В качестве примера обратимся к опыту реализации национального проекта «Развитие АПК», когда на развитие снабженческо-сбытовых, перерабатывающих и кредитных кооперативов были выделены значительные суммы средств из федерального бюджета. Однако, как в период его реализации, так и в настоящее время, количество закрывающихся или не осуществляющих никакой хозяйственной деятельности кооперативов составляет примерно одну и ту же величину. Кроме того, современный российский опыт свидетельствует, что в государственном регулировании развития кооперации в последние годы упор в большей степени делается на усиление администрирования, а не на раскрытие внутрикооперативного потенциала [4].

По нашему мнению, государственная поддержка, пусть даже и в больших объёмах, сама по себе не может обеспечить эффективного развития системы сельскохозяйственной кооперации, если используемые механизмы внутрикооперативных отношений не соответствуют в полной мере кооперативным ценностям и принципам, а также устоявшимся, проверенным временем правилам и процедурам. Проведённые исследования свидетельствуют, что именно не до конца адекватная кооперативной форме система внутрикооперативных организацион-

но-экономических отношений во многих сельскохозяйственных потребительских кооперативах является серьёзным препятствием для их эффективного развития и в целом успешного становления данной формы в стране.

Целью исследования является выявление внутрикооперативных причин, препятствующих эффективному функционированию сельскохозяйственных потребительских кооперативов, на основе изучения кооперативной теории и опыта деятельности преуспевающих и прекративших свое существование организаций.

Методика исследования.

Исследования осуществлялись с использованием методов: монографического, диалектического, экспертного опроса, логического и сравнительного анализа. В качестве теоретико-эмпирической основы использовались: воззрения классиков кооперации, современные научные публикации по теме [5-7], законодательные и нормативные акты, регулирующие деятельность сельскохозяйственных кооперативов потребительской формы, информация Министерства сельского хозяйства РФ и Ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России (АККОР).

Результаты исследования.

Сельскохозяйственный потребительский кооператив является особой формой экономического существования, в основе которой лежит социальный характер организации. Вместе с тем, кооперативное предприятие одновременно является и бизнес-организацией. Кооперативы создаются сельскохозяйственными товаропроизводителями для удовлетворения не только их социальных нужд, но и, в первую очередь, насущных экономических потребностей. При этом экономическая деятельность кооператива подвержена рискам.

В коммерческих организациях объектом риска является капитал, и этот риск оправдывается (*вознаграждается*) или не оправдывается в зависимости от результатов их деятельности. Иное положение в сельскохозяйственных потребительских кооперативах. Спецификой данных организаций, предопределяющей их коренное отличие от других организационно-правовых форм, является то, что пользующиеся их услугами члены являются не только собственниками, но и управленцами, а также получателями доходов от кооперативной деятельности. Данные организации призваны содействовать повышению эффективности сельскохозяйственного производства в юридически самостоятельных хозяйствах своих членов – сельских товаропроизводителей. Доходы сбытовых или перерабатывающих кооперативов формируются в результате экономических взаимоотношений со сторонними организациями. Здесь риску подвергается сельскохозяйственная продукция членов, реализуемая ими через кооператив в сыром или переработанном виде, то есть конечная цена продукта зависит от того, насколько хорошо работает кооператив. Таким образом, члены кооператива на момент поставок продукции своему кооперативу не могут знать, какова будет конечная цена её реализации и, соответственно, не могут оценить, каким будет конечный результат (размеры прибыли или убытка). Аналогичная ситуация складывается в снабженческих кооперативах или кооперативах по оказанию услуг. Оплачивая поставляемые через кооператив средства производства или оказываемые кооперативом услуги, его члены берут на себя риск. В успешно работающих кооперативах данный риск является оправданным, благодаря масштабам и возможности получать более дешёвые услуги по расценкам, соответствующим себестоимости их предоставления. Конечно, многие представители сельскохозяйственного производства, не желая рисковать, обращаются за получением необходимых услуг к коммерческим структурам. Здесь результат для первых виден сразу, а риски берут на себя коммерческие организации. Но в этом случае сельские товаропроизводители, как правило, получают меньший объём прибыли, чем они могли бы получить, воспользовавшись услугами кооператива.

Большое влияние на деятельность кооперативной организации оказывают факторы внешней среды, включающей в себя экономическую, деловую, социальную, политическую, технологическую среду и т. д. [8]. Вместе с тем, не умаляя значения внешних факторов, считаем, что решающую роль в обеспечении успешной деятельности играют внутренние механизмы деятельности кооператива.

В потребительском кооперативе свободные субъекты сельскохозяйственного производства объединяют часть своих ресурсов для улучшения условий функционирования своих хозяйств. При этом, осуществляя совместную деятельность, члены кооператива должны активно взаимодействовать друг с другом по различным её направлениям. В качестве примера приведём возможные направления взаимоотношений между членами кооператива по реализации сельскохозяйственной продукции. Основными из них являются взаимоотношения:

- по поводу выбора состава органов управления – правления кооператива, наблюдательного совета и утверждения отчётов об их деятельности;
- по вопросам материального поощрения (премирования) членов органов управления кооперативом, а также компенсации их затрат, связанных с кооперативной деятельностью;
- по поводу утверждения годового отчёта, бухгалтерской отчётности кооператива по итогам года;
- по поводу согласования и утверждения документов, регламентирующих внутреннюю деятельность кооператива;
- связанные с распределением между членами кооператива доходов и/или убытков от кооперативной деятельности;
- по поводу утверждения бизнес-плана и программ развития кооператива;
- по поводу внесения изменений и дополнений в устав кооператива;
- связанные с принятием решений по образованию фондов кооператива, их видов, размеров и условий формирования;
- по определению размеров отчислений из доходов кооператива на укрепление его материально-технической базы;
- по поводу внесения дополнительных взносов для приобретения оборудования и других средств производства для кооператива или решения вопросов, связанных с возможным их отчуждением;
- по поводу решения вопросов, связанных с выплатой дивидендов по дополнительным паевым взносам членов кооператива и паевым взносам ассоциированных членов, с расчётом приращенных паёв, с возвратом паёв выходящим из кооператива членам;
- связанные с установлением очередности сдачи сельскохозяйственной продукции, произведённой в хозяйствах членов, в кооператив для последующей её реализации;
- по вопросу принятия решения о выдаче коммерческого займа какому-либо члену кооператива и определении его размера;
- по вопросам формирования исполнительной дирекции;
- по согласованию условий принятия в кооператив конкретных ассоциированных членов;
- по принятию решения о заключении кооперативом контрактов на продажу продукции в особо крупных объёмах;
- связанные с принятием решения о вступлении кооператива в другие кооперативы (включая кооперативы более высокого уровня), кооперативные и другие союзы, а также с открытием кооперативом филиалов и/или представительств.

Членами сельскохозяйственного потребительского кооператива довольно часто являются сельские товаропроизводители, существенно различающиеся по своим масштабам производства и финансовому положению. Для того, чтобы кооператив был преуспевающим, он должен удовлетворять реальную потребность в услугах каждого из своих членов, вне зависимости от уровня его экономического положения. Именно поэтому для обеспечения успешной работы сельскохозяйственного кооператива потребительского типа исключительное значение играет создание атмосферы доверительных отношений и взаимопомощи как между его членами, так и между ними и исполнительной дирекцией. Обеспечение хорошего результата от участия в деятельности кооператива каждому члену не должно осуществляться за счёт причинения неудобств и ущерба другим членам. Все члены кооператива при пользовании его услугами должны находиться в равных условиях.

Обеспечение доверительных отношений между членами кооператива является едва ли не самой важной проблемой развития кооперативного движения на современном этапе. В случае конфликта интересов для кооператива неприемлемы методы решения споров, обычные для большинства коммерческих организаций. Кооператив не сможет долго существовать, если его участники «...будут применять для взаимного контроля те же приёмы, что и при рыночном обмене (законодательство о защите прав потребителей, судебные процедуры, антимонопольное регулирование и т.д.)» [9, с. 61]. Спорные и конфликтные ситуации внутри кооператива должны решаться на основе компромисса.

Большая роль в создании атмосферы взаимного доверия в кооперативе принадлежит лицам, избранным в его руководящие органы. Исследования свидетельствуют, что одним из препятствий на пути развития кооперативного движения на селе в настоящее время является нехватка лидеров – руководителей, разбирающихся во всех основных нюансах организации деятельности сельскохозяйственного потребительского кооператива. Причём данная проблема часто возникает ещё на стадии создания кооперативного предприятия. Та социальная база бескорыстных лидеров-подвижников кооперации из фермерской среды, усилиями которых в 1990-х годах и на рубеже веков создавались кооперативы и формировалась система сельскохозяйственной кооперации в стране, практически исчерпала себя. Многие из них к настоящему времени в силу возраста стали отходить от дел, а пришедшие им на смену люди больше обеспокоены развитием собственного бизнеса, а не решением проблем других членов кооператива.

В современной российской практике развития сельскохозяйственной кооперации довольно часто имеют место случаи, когда кооператив создаётся по инициативе какого-то состоятельного фермера или индивидуального предпринимателя, располагающего значительными по деревенским меркам финансами или материально-технической базой. Он берёт на себя все хлопоты, связанные с организацией кооператива. Его, как правило, и избирают председателем кооператива. Наиболее часто такие ситуации складываются в небольших кооперативах по сбору и реализации молока. В силу отсутствия у остальных членов кооперативных знаний и понимания возможностей, предоставляемых им кооперативным законодательством, а нередко и их «оппортунистического поведения» (не участвуют, а часто и хотят участвовать в управлении кооперативом: «сдаём продукцию, пусть и не по лучшей цене, зато без лишних хлопот» и т.д.), кооператив фактически становится своего рода «карманным предприятием» владельца хозяйства-интегратора, который определяет практически все вопросы его (кооператива) деятельности. Такие «кооперативы» обычно долго не существуют, они либо перерождаются в другие формы, либо распадаются.

Как свидетельствует современный опыт деятельности кооперативных организаций, данное предприятие имеет больше шансов на организацию успешной деятельности, если его руководители (председатель и члены правления) отвечают следующим требованиям:

- имеют опыт руководящей работы (это больше относится к председателю) и обладают способностями принимать важные решения;
- обладают определёнными лидерскими качествами, являются инициативными, коммуникабельными, умеющими выслушивать различные мнения;
- пользуются полным доверием и уважением членов кооператива, умеют работать в команде;
- лояльны по отношению к принципам кооперации, проявляют активность в разъяснении членам кооперативных ценностей, принципов и механизмов, целей и задач своего кооператива;
- заботятся об удовлетворении потребностей всех членов кооператива;
- предоставляют членам кооператива всю необходимую информацию о состоянии его дел.

К числу значимых факторов, влияющих на успешность деятельности кооперативной организации, относится также степень развитости и характер взаимоотношений членов кооператива с его штатным персоналом (*исполнительной дирекцией*). Кооператив взаимодействует

вует со своими членами, в первую очередь, в процессе предоставления им услуг. И эти отношения должны строиться на основе взаимного доверия и согласования действий между обеими сторонами. Деятельность кооператива должна быть полностью прозрачна для его членов. Исполнительный директор и специалисты кооператива должны быть открыты к общению с членами. В целях укрепления взаимоотношений со своими членами исполнительной дирекции следует постоянно информировать последних о состоянии текущих дел в кооперативе, об использовании его мощностей и оборудования, о заключаемых кооперативом со сторонними организациями договорах, о финансовом положении кооператива и его кредитоспособности, о положении дел на профильных рынках, об осуществлении наиболее успешных сделок.

Жизнеспособность сельскохозяйственного потребительского кооператива напрямую зависит от того, как члены кооператива используют его услуги. Само осуществление кооперативной деятельности становится возможным лишь тогда, когда члены начинают пользоваться услугами своего кооператива. Поэтому, вступая в кооператив, сельские товаропроизводители должны брать обязательства по пользованию его услугами. И здесь важное значение имеет ответственность членов, если они прибегают к услугам кооператива нерегулярно, от случая к случаю, то такой кооператив долго не просуществует, или его работа будет сконцентрирована на оказание услуг сторонним юридическим и физическим лицам, что приведет к перерождению кооператива в рядовую коммерческую организацию. В связи с этим успешная работа кооператива во многом определяется тем, как организован внутрикооперативный контроль за соблюдением обязательств.

По нашему мнению, основанному на изучении опыта работы зарубежных и некоторых успешных отечественных кооперативов, положительный результат достигается, если эти обязательства имеют законодательное закрепление – детально прописаны в уставе кооператива и его внутренних документах, утверждённых на общем собрании членов кооператива. Для кооперативов, занимающихся реализацией сельскохозяйственной продукции, целесообразно предусмотреть в уставе положение, предусматривающее обязательство для членов сдавать в кооператив продукцию не меньше определённой доли её производства (например, каждый член обязан сдать не менее 70 % выращенного его хозяйством зерна).

Однако для того, чтобы запланировать наиболее полную загрузку мощностей сбытового кооператива и заключать контракты с покупателями продукции одного этого обязательства недостаточно, так как оно не содержит информации о конкретных объёмах реализации в текущем году. Поэтому руководство кооператива должно изыскать возможности для сравнительно точного определения объёмов продукции, предназначенной для продажи. Например, в кооперативе по сбыту зерна можно предусмотреть сбор информации о площади посева реализуемых через кооператив культур и ожидаемой их урожайности. Непосредственно же перед уборкой целесообразно более точно определить видовую урожайность. Это могут сделать члены правления или специально созданная для этих целей комиссия в составе рядовых членов (применение второго варианта, на наш взгляд, предпочтительнее, так как способствует привлечению к управлению кооперативом более широкого числа членов). После проведённой работы представляется целесообразным заключение договоров с каждым членом на поставку в кооператив определённых по каждой культуре объёмов продукции. Если же условия этих договоров не выдерживаются, то к нарушителю должны предъявляться специально разработанные внутрикооперативные санкции.

Малейшие нюансы действия данной схемы следует прописать во внутренних документах кооператива (его внутреннем регламенте). Чтобы возможные нарушения свести к минимуму, не влияющему на результаты деятельности кооператива, необходимо ещё на стадии вступления в кооператив или его создания добиться, чтобы каждый член осознал: «...кооператив – это организация производителей, совместно осуществляющих отдельные виды деятельности на основе солидарного риска» [10, с. 86]. Невыполнение обязательств отдельным членом ставит под угрозу эффективность деятельности кооператива в целом и, в конечном итоге, негативно отразится на хозяйстве самого нарушителя. И здесь, как нигде,

исключительную роль играет доверие – как между членами, так и между ними и исполнительной дирекцией. Члены должны быть уверенными, что каждый из них выполнит свои обязательства перед кооперативом, а кооператив изыщет наиболее выгодные условия для реализации продукции, приобретения средств производства, оказания других услуг по низким расценкам.

Заключение.

Успешность становления сельскохозяйственной кооперации во многом определяется уровнем развития организационно-экономических механизмов внутренней среды кооперативных организаций. Наблюдаемая во многих сельскохозяйственных потребительских кооперативах слаборазвитая и несвязанная в своих компонентах система внутрикооперативных отношений, по нашему мнению, является одной из основных причин неудовлетворительных темпов развития данной формы в России на настоящем этапе.

Существующее положение связано с отсутствием у подавляющей части сельских товаропроизводителей, а также у работников органов управления АПК, надлежащих знаний о сущности кооперативной формы и о том, какими преимуществами она обладает, о специфике внутренних механизмов деятельности кооператива. Государство практически не ведёт никакой серьёзной работы по кооперативному просвещению сельского населения. Исследования также свидетельствуют, что государственные консультационные службы в системе Министерства сельского хозяйства в настоящее время не располагают квалифицированными специалистами в этой области. Немногие же существующие негосударственные информационно-консультационные центры (в основном образованные в системе АККОР), которые располагают специалистами достаточно высокой квалификации, разбирающимися во всех тонкостях кооперативной формы и обладающими большим опытом работы в этой сфере, от государства не получают никакой поддержки.

В целях организации успешной деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов необходимо, чтобы внутрикооперативные отношения строились на взаимном доверии и находились в полном соответствии с кооперативными ценностями и принципами. По нашему мнению, большую помощь в организации подобного порядка должно принести наличие в кооперативе такого документа, как внутренний регламент кооператива. Внутренний регламент является документом, в котором конкретизируются все стороны функционирования кооператива, детально оговариваются все правила его повседневной практической деятельности, определяется весь комплекс его внутренних взаимоотношений. Данный документ служит дополнением к уставу. Содержащиеся в нём нормативы и правила являются обязательными к исполнению как всеми членами кооператива, так и его наёмным штатным персоналом. Во внутреннем регламенте должна быть отражена организационная структура кооператива, а все его положения должны быть также направлены на создание условий для активного участия максимального числа членов в управлении кооперативом и осуществлении контроля за его деятельностью.

Реализация на практике сделанных автором предложений, направленных на обеспечение адекватности механизма внутрикооперативных отношений сущностным основам кооперативной формы, позволит, вкупе с мерами государственной поддержки, решить проблему обеспечения эффективного развития сельскохозяйственной потребительской кооперации.

Список литературы:

1. Папцов А.Г. Сельскохозяйственная кооперация в странах с развитой рыночной экономикой. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009. – 116 с.
2. Морозов А.В. Двадцать лет развития сельскохозяйственной кооперации: достижения, риски, задачи // Материалы научно-практической конференции, посвящённой двадцатилетию принятия Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации» «Двадцать лет развития сельскохозяйственной кооперации: достижения и задачи» (8 декабря 2015 г., г. Москва) – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2016. – С. 15-19.

3. Бурлаков В.Б. Инновационный потенциал сельскохозяйственной потребительской кооперации // Вестник СГТУ. - 2012. – № 1 (63). Вып. 1. – С. 253-259.
4. Мамай О.В., Липатова Н.Н., Куприянова М.Н. Современное состояние и перспективы развития сельскохозяйственной кооперации // Вестник НГИЭИ. - 2019. – № 1 (92). – С. 106-117.
5. Конкурентоспособность агропродовольственного комплекса России в условиях глобальных вызовов / А.А. Анфиногентова, Т.В. Блинова, И.Л. Воротников и др.; под общ. ред. И.Л. Воротникова. – Саратов: Амирит, 2017. – 403 с.
6. Лексина А.А. Опыт работы потребительского сбытового кооператива на зерновом рынке // Островские чтения. – Саратов: Изд-во ИАГП РАН, 2017.
7. Национальная продовольственная безопасность России: стратегические приоритеты и условия обеспечения / А.А. Анфиногентова, М.Ю. Мореханова, Т.В. Блинова и др.; под общ. ред. Т.В. Блиновой. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2018. – 413 с.
8. Социально-экономические приоритеты обеспечения продовольственной безопасности России / Под ред. А.А. Анфиногентовой. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2012. – 273 с.
9. Морозов А. Сельскохозяйственная кооперация как архимедов рычаг // Отечественные записки. - 2012. – № 6 (51). – С. 61-77.
10. Захаров И.В., Кузнецова Н.А. Создание и организация деятельности сельскохозяйственных потребительских кооперативов. – М: «Росинформагротех», 2007. – 224 с.

**ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА И СЕЛЬСКИХ
ТЕРРИТОРИЙ (по материалам зарубежных научных форумов 2019 года)**

Фисенко Н.А., к.э.н., ИАГП РАН

Статья содержит результаты исследования материалов зарубежных англоязычных форумов 2019 г. по аграрной тематике. Показано, как тематика симпозиумов отражает широкий комплекс проблем развития и изменения современного глобального общества. Особый акцент автор делает на изучении мероприятий, проводимых в рамках Европейской Ассоциации экономистов-аграрников (EAAE) и Европейской Ассоциации региональной науки (ERSA). На основе анализа выделяются перспективные направления исследования проблемы развития агропродовольственного комплекса и сельских территорий. Делается вывод о смещении исследовательских интересов в сторону социально-гуманитарной направленности. Выявлено, что наиболее перспективными становятся такие научные направления, как поведенческая экономика и экономика культуры. Востребованными являются также исследования в области цифровизации экономики. На основе изучения материалов форумов определены основные стратегические приоритеты развития агропродовольственного комплекса и сельских территорий.

Ключевые слова: зарубежный опыт, агропродовольственный комплекс, зарубежные форумы, международные сообщества, направления исследования

**PERSPECTIVE DIRECTIONS OF RESEARCH OF THE PROBLEM OF
DEVELOPMENT OF AGRO-FOOD COMPLEX AND RURAL
TERRITORIES (based on materials from foreign scientific forums in 2019)**

Fisenko N.A., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article contains the results of a study of materials of foreign English-language forums in 2019 on agrarian topics. It is shown how the topics of the symposia reflect a wide range of problems of development and changes in modern global society. The author places particular emphasis on studying the events held in the framework of the European Association of Agricultural Economists (EAAE) and the European Association of Regional Science (ERSA). Based on the analysis, promising areas of research for the development of the agro-food complex and rural areas are highlighted. The conclusion is made about the shift of research interests towards a social and humanitarian focus. It was found out that the most promising scientific areas are behavioral economics and cultural economics. Research in the field of digitalization of the economy are also very popular. On the basis of studying the materials of the forums, the main strategic priorities of the development of the agro-food complex and rural areas are determined.

Keywords: foreign experience, agro-food complex, foreign forums, international communities, research directions

Введение.

Современная задача эффективного развития агропродовольственного комплекса и сельских территорий связана с решением широкого круга проблем, включающих в себя вопросы обеспечения производства биологически ценных продуктов питания и сырья с минимальными издержками производства и максимальной безопасностью для здоровья человека и окружающей среды, а также повышения качества жизни сельских жителей. Большие совместные усилия для ее решения предпринимают Международные организации, занимающиеся аграрными проблемами — Европейская ассоциация экономистов-аграрников (EAAE), Европейская Ассоциация региональной науки (ERSA) и др. Их деятельность включает в себя продвижение знаний, стимулирование исследований и внедрение практических рекомендаций, обеспечение обмена информацией на международном уровне, создание исследовательских проектов по результатам научных разработок. В этом контексте изучение материалов проводимых этими организациями зарубежных форумов, тематика которых в значительной

степени предопределена комплексом объективных и инициируемых глобальных угроз и рисков, представляется актуальным для выявления приоритетов и определения социально-экономических механизмов управления развитием агропродовольственного комплекса России.

Цель исследования.

На основе анализа материалов зарубежных аграрных форумов 2019 года предполагается выделить перспективные направления исследования проблемы развития агропродовольственного комплекса и сельских территорий.

Методика исследования.

В ходе исследования используется метод сравнительного анализа.

Результаты исследования.

Проблема развития агропродовольственного комплекса и сельских территорий находится в центре внимания зарубежных конференций по аграрной тематике, проводимых в рамках Европейской Ассоциации экономистов-аграрников (ЕААЕ). Обсуждение проводится по трем основным направлениям. Во-первых, это исследование проблемы обеспечения экономически устойчивого развития: структурные и территориальные сдвиги в мировой экономике, повышение интенсивности и продуктивности хозяйств, достижение оптимальных с точки зрения сохранения равновесия между обществом и природой темпов экономического развития. Во-вторых, это дебаты по поводу способов достижения экологического равновесия, устранения ограничений, зависящих от емкости биосферы, сокращения объемов как извлекаемых из природы ресурсов, так и возвращенных в нее отходов жизнедеятельности. И, в-третьих, это рассмотрение вопросов устойчивого социального развития села, направленного на сбалансированное решение демографических проблем, проблем занятости, уровня и качества жизни, расширение доступа сельского населения к знаниям, культурным и духовным ценностям. Интерактивной платформой для обсуждения международным сообществом этого комплекса проблем стал проводимый раз в три года Конгресс Европейской Ассоциации экономистов-аграрников. XV Конгресс ЕААЕ 2017 состоялся в городе Парма (Италия) по теме «К устойчивому развитию агропродовольственных систем: балансирование между рынками и обществом». Тематическая организация работы четырех пленарных секций, на которых выступили приглашенные докладчики — ведущие Европейские ученые аграрники и эксперты — отразила ключевые аспекты этой проблемы. На первой секции «Продовольственные системы в глобальной перспективе и новые общественные вызовы» состоялось выступление президента ЕААЕ Dr. Chantal LeMouel с докладом по теме «Как можно будет накормить мир в 2050 году? Обзор сценариев глобального развития». Вторая секция была посвящена обсуждению вопросов обеспечения устойчивости продовольственных цепочек и международной торговли. Приглашенными докладчиками выступили Luca Salvatici (доклад «Новые черты, забытые ценности и контрафактные доходы международной торговой системы») и Richard J. Sexton (доклад «Агропродовольственное снабженческое звено: практика конфликтных ситуаций, связанных с потребительским спросом»). Третья секция была обозначена как «Обеспечение баланса между рынками и обществом: реакция потребителей на введение стандартов и технологических инноваций». Четвертую пленарную секцию представили Emil Erjavec с докладом «Сохранение устойчивости рынков и общество: реформа сельскохозяйственной политики или реформа продовольственных систем» и Olivier E. De Schutter (доклад «Политическая экономия реформы продовольственных систем») [1].

Анализ материалов зарубежных англоязычных конференций, проводимых в 2019 г., свидетельствует о явном смещении исследовательских интересов в сторону социально-гуманитарной направленности.

Прежде всего, следует отметить такое направление экономических исследований, как поведенческая (behavioral — бихевиористская) экономика, изучающая влияние социальных, когнитивных и экономических факторов на экономическое поведение, принятие экономических решений отдельными лицами и учреждениями и последствия этого влияния на рыночные перемены (цены, прибыль, размещение ресурсов). Главным методологическим отличием этого направления от традиционной неоклассической теории стало активное использование

экспериментальных методов, преимущественно в лабораторных и полевых условиях. Научным ядром поведенческой экономики стало признание иррациональной составляющей поведения экономических агентов. Основоположник этого направления Даниель Канеман, удостоенный в 2002 г. Нобелевской премии, показал, что человек специфическим образом воспринимает и обрабатывает информацию, и «эти странности», получившие название «поведенческих эффектов», приводят к нерациональному поведению, отличному от того, которое прогнозируют стандартные экономические и социальные модели, в том числе государственные программы [2]. Следует отметить, что в 2017 г. была присвоена еще одна Нобелевская премия за исследования в области поведенческой экономики, лауреатом которой стал Ричард Талер [3].

Применение поведенческого подхода показало себя эффективным при реализации различных зарубежных проектов по развитию сельского хозяйства. Эти примеры, а также накопленный опыт проведения исследования в этой сфере, стали предметом обсуждения на 168-м семинаре ЕААЕ, который состоялся 6 по 7 февраля 2019 г. в г. Ultuna Campus (Швеция) по актуальной теме «Поведенческие аспекты в экономике сельского хозяйства и менеджменте». В поле внимания участников семинара попали исследования, характеризующие влияние личностных характеристик, оценок, отношений, эмоций, рациональных проявлений и когнитивных способностей на принятие решений в вопросах, связанных с производством и потреблением. Отмечалось, что обсуждение таких проблем необходимо как для дальнейшего развития академической науки в области экономики сельского хозяйства и менеджмента, так и для разработки политических мер, направленных на повышение эффективности производства и оказание консультативной поддержки сельским жителям.

Тематика еще одного научного мероприятия ЕААЕ 2019 интересна для ученых, исследующих проблему развития агропродовольственного комплекса. Имеется в виду 174 семинар ЕААЕ, который состоится с 10 по 12 октября 2019 г. в г. Matera (Италия) по теме «Экономика культуры и продовольствия в развитии агропродовольственных систем и сельских территорий».

Как известно, экономика культуры — это наука, призванная изучать экономические проблемы как отрасли в целом, так и отдельных ее субъектов. Она изучает взаимосвязь процессов формирования и удовлетворения культурных потребностей с точки зрения макроэкономики на уровне отрасли культуры и микроуровне предприятий, учреждений, организаций, занимающихся производством, хранением, распределением и обеспечением материальных и нематериальных продуктов отраслей культуры. Таким образом, экономика культуры определяется, с одной стороны, как экономика отраслей знания, а с другой — как расширение экономической науки, включающее ментальные факторы. В английском обозначении исследования в сфере *cultural economics* характеризуются тем, что предметной области придается социально-ценностное значение [4].

Организаторы 174 семинара ЕААЕ отмечают, что понятие культуры трактуется с двух основных позиций. Во-первых, оно рассматривается как образ жизни, круг событий, вероисповедание определенной группы людей в определенное время, а также как взаимоотношения людей в той или иной группе в повседневной жизни. А второе определение — это умение и способность описать, показать и представить этот образ жизни определенного человека или группы людей в различных сферах — науке, литературе, живописи, театре и т.д. Оба эти направления изучения культурных аспектов, по мнению руководителей семинара, могут быть включены в исследования по экономике сельского хозяйства и продовольствия. Первое касается вопросов, связанных с экономическим поведением агентов продовольственного рынка, второе имеет отношение, например, к проблеме валоризации продовольственных цепочек. Организаторы семинара определяют эти направления как перспективные для проведения дальнейших исследований и разработок и взаимного обмена мнениями.

Гуманитарные, культурные и социальные аспекты включены в поле исследований обсуждаемых докладов, представленных на двух других семинарах Европейской ассоциации экономистов-аграрников. 165-й Семинар ЕААЕ проходил 4 по 5 апреля 2019 г. в Берлине (Германия). Он был посвящен обсуждению проблемы развития и эффективного регулирова-

ния сельскохозяйственных земельных рынков. Интересна постановка темы 172-го Семинара ЕААЕ — «Сельскохозяйственная политика для окружающей среды или политика окружающей среды для сельского хозяйства?», где в центре внимания рассматривались вопросы реформы Общей Сельскохозяйственной Политики и последствия ее влияния на развитие сельских территорий. Работа семинара проводилась с 28 по 29 мая 2019 г. в городе Брюссель, Бельгия.

Региональные особенности развития агропродовольственных систем отражены в тематике мероприятий, проводимых Европейской Ассоциацией региональной науки (ERSA). В рамках Ассоциации проводятся Ежегодный конгресс, Ежегодная Летняя школа, объявляются номинации премий для молодых ученых и выдающихся ученых-регионалистов. В 2019 г. 59-й Конгресс ERSA проходит с 27 по 30 августа в г. Лион (Франция) по теме «Города, регионы и цифровые трансформации: возможности, риски и вызовы», которая включает в себя широкий круг вопросов регионального развития.

За последние годы процессу развертывания глобального и национального информационного пространства, формирования цифровой инфраструктуры, адаптированной к проблемам и вызовам, стоящим перед развитием экономики, уделяется со стороны научной общест-венности самое пристальное внимание. Массовое проникновение информационных и телекоммуникационных технологий (ИКТ) во все сферы жизни общества: экономику и деловую среду, образование и здравоохранение, культуру и искусство, социальное обслуживание и государственное управление — позволило экспертам Комиссии Европейских сообществ определить современную стадию развития цивилизации как информационное общество, являющееся, в свою очередь, и обществом знаний, как источника благополучия для каждого человека [5]. Результаты исследования мировой практики формирования программ информатизации свидетельствуют об изменении в осознании мирового сообщества самой проблемы информатизации, которая рассматривается в настоящее время не только как техническая и технологическая, но в первую очередь, как гуманитарная. Основным предметом эффективно действующих программ информатизации («eEurope», «e-Inclusion», «A European Information Society for growth and employment» и других) является информационная политика, ориентированная на человека, развитие его потенциала, навыков и знаний [6].

Одним из важных направлений перехода к цифровому обществу является проведение комплекса мер по информатизации села. Инновационное развитие сельских территорий предполагает создание открытого информационного общества, одной из задач которого является преодоление информационного неравенства. Информационная бедность становится одной из форм проявления социально-экономической дифференциации населения. Поэтому для определения политических стратегий, направленных на ее смягчение, крайне актуальной становится задача исследования направлений совершенствования информационного обеспечения сельских жителей и способов преодоления цифрового разрыва между городом и селом на основе эффективного использования информационных ресурсов.

В представленных на 59-й Конгресс ERSA докладах отражены междисциплинарные подходы к исследованию этих проблем с точки зрения экономических, социальных и технических наук, они содержат большое количество эмпирических данных. Работа конгресса организована в рамках четырех типов секций: основных докладов, стендовых докладов, докладов молодых ученых и специальной секции для экспертов, осуществляющих реферирование докладов. В целом ежегодно проводимые конгрессы ERSA являются лучшей международной платформой для обмена идеями для исследователей в области региональной экономики.

Стоит обратить внимание также на научные мероприятия в бывших социалистических странах, и, прежде всего, следует отметить конгрессы сообщества Agrosym (Босния и Герцеговина). Мультидисциплинарные результаты, освещенные на этих симпозиумах, способствуют распространению знаний о важности наук о сельском хозяйстве и продовольствии, о ключевых сферах многих национальных исследовательских стратегий и лучших практиках среди участников агропродовольственной цепочки, например, фермеров, работников сельскохозяйственного консультирования и лиц, ответственных за разработку различных политических мероприятий. X Международный симпозиум «Agrosym 2019», запланированный к

проведению с 3 по 6 октября 2019 года в городе Яхорина (Босния и Герцеговина), внесет важный вклад в исследование сельскохозяйственных практик в более чем 70 странах мира по таким важнейшим направлениям развития агропродовольственных систем как растениеводство, охрана растений и безопасность леса, органическое сельское хозяйство, охрана окружающей среды и управление природными ресурсами, животноводство, развитие сельских территорий и агроэкономика, лесное хозяйство и агролесоводство.

Заключение.

Организованные международными сообществами симпозиумы представляют широкий плацдарм освоения знаний, ценную возможность обсудить накопленный исследовательский опыт и на основе совместных действий разработать эффективные политические меры.

Результаты анализа тематики зарубежных англоязычных форумов, проводимых в 2019 г., свидетельствует о явном смещении исследовательских интересов в сторону социально-гуманитарной направленности. В изучении проблем развития агропродовольственного комплекса и сельских территорий наиболее перспективными становятся такие научные направления, как поведенческая экономика и экономика культуры. Гуманитарная направленность характерна и для исследований в области цифровизации экономики.

Изучение материалов зарубежных симпозиумов позволило выделить основные приоритеты повышения эффективности и конкурентоспособности развития агропродовольственного комплекса и сельских территорий, на которые обращает внимание зарубежное научное сообщество:

- обеспечение продовольственной политики и создание нормативных рамок, способствующих устойчивому развитию агропродовольственного комплекса;
- использование потенциала международных организаций и межрегиональных объединений;
- обеспечение роста мобильности капитала и трудовых ресурсов между странами и внутри стран;
- применение механизмов глобального управления для решения проблем, общих для всех стран, а именно проблем продовольственной безопасности, утраты биоразнообразия и изменения климата;
- использование инновационных достижений для решения проблем питания, здравоохранения и окружающей среды;
- поддержка глобального обмена информацией и знаниями.

Список литературы:

1. Анфиногентова А.А., Фисенко Н.А. Глобальные тренды и локальные практики: современные форумы международных сообществ по аграрной тематике // Аграрный научный журнал. — 2017. — № 6. — С. 97–100.
2. Kahneman D. Choices, values and frames. — New York: Cambridge University Press, 2000. — 632 p.
3. Thaler R.H. Misbehaving. The making of behavioral economics. — New York: W.W. Norton & Company, 2015.
4. Бегельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности / Пер. с англ. Н.В. Автономовой; под науч. ред. В.С. Автономова. — М.; СПб: Международные отношения, 2016. — 446 с.
5. Былина С.Г., Кадомцева М.Е., Осовин М.Н. Информатизация агропродовольственного комплекса и сельских территорий России: возможности и ограничения: Монография. — Саратов: Саратовский источник, 2018. — 228 с.
6. Фисенко Н.А. Концептуальные основы формирования международных программ информатизации села // Региональные агросистемы: экономика и социология. — 2016. — № 1. — URL: <http://iagpran.ru/journal.php?tid=497>.

ФЕНОМЕН ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА АГРОСИСТЕМЫ: ГЕОСИСТЕМНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ПОДХОД

Самсонов В.Б., д.филос.н., ИАГП РАН

Применён авторский геосистемно-гуманитарный подход к определению феномена землеустройства агросистемы североевразийского простираия российской цивилизации. Освещены предшествующая история землеустройства и ход земельного реформирования агросистемы постсоветской России. Выдвинута и аргументирована оригинальная авторская концепция «индивидуальный коллективизм». Поставлен актуальный вопрос: кто в стратегической перспективе станет эффективным некорыстлюбивым хозяином земельных богатств нашей страны и сможет обеспечить продовольственную безопасность российского государства?

Ключевые слова: российская цивилизация, землеустройство агросистемы, земельная реформа, продовольственная безопасность, геосистемно-гуманитарный подход

PHENOMENON OF AGRICULTURAL LAND MANAGEMENT: GEOSYSTEM-HUMANITARIAN APPROACH

Samsonov V.B., doctor of philosophical sciences, IAGP RAS

The author's geosystem-humanitarian approach is applied to the definition of the phenomenon of land management of the agro-system of the North Eurasian part of the Russian civilization. The previous history of land management and the course of land reform of the agro-system of post-Soviet Russia are highlighted. The original author-based concept of "individual collectivism" was put forward and argued. An urgent question has been raised: who will become an effective owner of the land wealth of our country and will be able to ensure the food security of the Russian state in a strategic perspective?

Keywords: Russian civilization, land management of the agricultural system, land reform, food security, geosystem-humanitarian approach

Введение.

Под современной агросистемой, как правило, подразумеваются технологически спланированные территории, на которых производится экологически чистая продукция сельского хозяйства, а его работники сбалансировано ведут возврат на поля составляющих этой продукции для обеспечения круговорота минеральных и органических веществ в почве. Земельная реформа агросистемы преследует цель рационально изменить землеустройство на селе с тем, чтобы обеспечить достаточное (замещающее импорт) по ассортименту и качеству продовольственное снабжение городских поселений и сельских районов того или иного региона страны. В конечном счёте, речь идёт о продовольственной безопасности Российской Федерации. Это предопределяет существенные особенности проведения в жизнь текущей политики федеральной власти по импортозамещению сельскохозяйственной продукции в сфере отечественного агропродовольственного комплекса (АПК). В связи с этим категория земельной реформы целостной агросистемы представляет собой реорганизацию в североевразийском масштабе России рационального использования физическими и юридическими лицами земельных участков для осуществления сельскохозяйственного производства, а также реорганизацию территорий, используемых общинами и лицами коренных малочисленных народов РФ.

В любой стране происходящая реформа землеустройства агросистемы является эпохальным социально-политическим событием, а преобразование земельного строя обладает своей индивидуальной исторической спецификой. Земельная реформа в нашей стране обусловлена этно-национальными традициями, достигнутой степенью производительных сил, характером сложившихся в текущий период международных отношений, преследуемыми социально-политическими и эколого-экономическими целями реформирования и т.д. Среди факторов и приоритетов осуществления земельной реформы агросистемы, особенно в рамках

многонационального государства и полиэтнического самоуправления, системообразующей доминантной мощью обладает пространственно-временная реорганизация агросистемного землеустройства. Именно поэтому среди геополитиков, экономистов-аграрников и сельских социологов актуальны нескончаемые дискуссии о стратегических перспективах АПК и нынешнего фермерского движения, преимуществах кластерно-сетевой организации государственного землеустройства, неоднозначных социально-политических последствиях земельной реформы в постсоветской России.

Цель исследования.

Целью настоящего исследования является обоснование актуальности вопроса: «Кто согласно общенародным интересам в стратегической перспективе станет эффективным некорыстлюбивым хозяином земельных богатств своей страны или её отдельного субъекта».

Методы исследования.

В ходе исследования использовался метод философско-историко-математического анализа, объединенный в рамках сравнительно молодой научной дисциплины, признанной на международном уровне под названием «клиодинамика». Такой подход позволяет междисциплинарно осветить самые различные стороны объекта и предмета исследования.

Результаты исследования.

Земельная реформа агросистемы

Земельная реформа в постсоветской России предстаёт перед нами в своей нелинейной динамике в качестве противоречивых, как и сотни лет назад, циклических в истории «выплесков» синергии североевразийского простирания сельских территорий агросистемы российской цивилизации. Предметом фундаментально-прикладного анализа становятся поистине революционные преобразования землеустройства российской агросистемы в период рыночных реформ 90-х годов прошлого века. Известно, что до начала реформ Конституция СССР (11-я статья) провозглашала: «Государственная собственность — общее достояние всего советского народа. В исключительной собственности государства находится земля, её недра, воды, леса... Государству принадлежат основные средства производства». Постсоветская же Конституция Российской Федерации (статья 9.1) признала, что земля и другие природные ресурсы, используются «как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующих территориях». В то же время действующие сейчас конституционные положения (статья 9.2) отдают приоритет частной собственности на землю: «земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности» [1]. Таким образом, субъектами Российской Федерации конституционно в той или иной степени реализуется на практике многоукладность землеустройства агросистемы народного хозяйствования.

Текущая земельная реформа охватывает не только агросистемную и агропродовольственную сферы народного хозяйства страны. Она касается буквально всех территорий региональной экономики, субъектов Федерации и муниципальных хозяйств, землеустройства государства и местного самоуправления. Поэтому успешность реализации земельной реформы зависит от комплексного геосистемно-гуманитарного решения самых различных проблем взаимодействия агросистемы со всеми другими системными компонентами национальной экономики и политики. Среди них – поселенческая система «город-село», система органов государства и местного самоуправления, система политической власти. В конце концов, чтобы утвердить на практике для продовольственной безопасности страны рачительного хозяина российских просторов, земельная реформа призвана соответствовать ноосферной природе стратегического управления целостной агропродовольственной системой России [2].

К большому сожалению, в постсоветской России по ряду геополитических, экономических и этно-национальных причин традиционное государственное землеустройство (как геосистемно-гуманитарная доминанта народного хозяйства и практический приоритет стратегического управления народным хозяйством) до сих пор не состоялось. В связи с этим для теоретико-методологического обоснования своего исследования автор и применяет геосистемно-гуманитарный подход. Причём, в той мере, чтобы в результате междисциплинарного анализа сделать некоторые вполне теоретически значимые прикладные выводы относительно

результатов проводимой вот уже четверть века в постсоветской России земельной реформы. То есть автор ставит перед собой довольно трудную (по крайней мере, в пределах одной статьи) задачу. А именно: междисциплинарным и фундаментально-прикладным образом обосновать насущную необходимость разглядеть в стратегической перспективе сценарий дальнейшего развития России, который обеспечит ноосферное регулирование землеустройства нашего Отечества.

Геосистемно-гуманитарный подход позволяет рационально и эффективно использовать ряд основополагающих положений философии, математики и истории при ноосферной трактовке их взаимосвязи. Имеются в виду основные логики философии — математическая логика пространства-времени и диалектическая логика нелинейного динамического движения. Философские логики способны постигнуть и объяснить ноосферный феномен исторической эволюции живой геосистемы «природа-человек-общество» и закон скачкообразного — в так называемых точках бифуркации — революционного развития землеустройства агросистемы конкретной цивилизации, в нашем случае — российской. Как свидетельствует авторский опыт применения геосистемно-гуманитарного подхода, в современных условиях требуется соблюдать ноосферный масштаб исследования землеустройства агросистемы Российской Федерации, протекающего в условиях неолиберальной глобализации практически всех национальных государств мира [3].

Геосистемно-гуманитарный подход к исследованию субъектно-объектного по происхождению и целостному историческому развитию землеустройства российской агросистемы имеет фундаментально-прикладной характер в рамках новой активно развиваемой российскими учёными философско-историко-математической дисциплины «клиодинамики».

В начале XX века Пётр Столыпин стремился оторвать подлинно крестьянскую Россию от многовековой уравнилельной по своему характеру традиции общинных переделов земли (крестьянский социализм). В 1990-е годы состоялась попытка повторить почти столетней давности Столыпинскую реформу без учета ещё сохраняющего по инерции свою устойчивость советского типа государственного землеустройства.

Вместе с тем, любые земельные и, если взглянуть шире, аграрные реформы имеют преемственность, означая единый ряд макро- и микронэпов, вызванных необходимостью изменить организационные формы сельского труда и быта, связи между индивидуальным и коллективным началами крестьянского хозяйства. При всех особенностях социально-экономической обстановки в стране та или иная аграрная реформа не приводила к ликвидации в сельском хозяйстве индивидуальной или коллективной собственности. Столыпинская реформа подорвала, а революция 1917 г. и нэп вновь восстановили сельскую общину в России в новаторской форме колхозно-совхозного строя, дали ей второе дыхание. 1929-й заменил общину колхозом, сохранив приусадебное ядро индивидуального крестьянского хозяйства. Есть основания считать, что неудачное с рубежа 80-90-х годов земельно-аграрное реформирование, в конце концов, позволит создать многоукладное сельское хозяйство с амплитудой от фермерства до сельскохозяйственных предприятий-гигантов, с различными видами кооперации фермеров, приусадебных, подсобных, малых, средних и крупных организационных форм аграрного труда и сельского быта. При этом практика вберёт в себя опыт развития многоукладной, смешанной аграрной экономики России досоветского и послереволюционного периодов; в какой-то степени пригодится и зарубежный опыт.

Традиционность тесной взаимосвязи коллективного и индивидуального начал извечно усадебного и одновременно общинного уклада жизни крестьян, их здоровый консерватизм естественен и даже интернационален. В России, как и в любой другой стране, на селе складываются особые связи человека с природой, своеобразная социальная экология, биологические основы ведения хозяйства, приусадебная форма организации быта. Под влиянием промышленной, социальной или научно-технической революции, урбанизации или агропромышленной интеграции крестьянство не исчезает как специфический класс работников, занимающихся сельскохозяйственным производством и проживающих вне искусственной среды городов. К этому существуют объективные предпосылки. Обработку земли, уход за животными невозможно превратить в полностью унифицированный технологический процесс.

Отсюда неуничтожимый микрокосмос «индивидуального коллективизма» крестьянской семьи, чей усадебный индивидуализм органично взаимосвязан с коллективной организацией производства. Отсюда и особая "консервативность" предмета и целей земельно-аграрных реформ в России, отличающейся от стран Запада и Востока обширными степными и лесными пространствами с довольно суровым для аграрного труда и сельского быта климатом.

Земельная реформа агросистемы и лежащее в её основе наличное землеустройство постсоветской России исторически предопределены, на взгляд автора, тем, что усадебно-общинный уклад жизни российских крестьян вплоть до 1929 года отличался ещё дореволюционной уравнительной коллективностью. Сплошная коллективизация уже советской сельской России после 1929 года породила такой колхозно-совхозный строй, который не содержал в себе прежней частной собственности на землю. От неё остался один только рудимент – приусадебное хозяйство колхозников и работников совхозов, названный личным подсобным хозяйством (ЛПХ). Так что вековой усадебно-общинный строй крестьянской жизни сменился на колхозно-совхозный строй с личной (не частной) приусадебной собственностью сельской семьи – жилой дом, ограниченные сад и огород.

У землеустройства агросистемы «индивидуальный коллективизм» были и негативные стороны, но поступательный ход истории необратим, хотя и весьма поучителен. Поэтому представляется малоперспективным для российского государства прогнозная модель, отражающая путь развития западного гражданского общества, проникнутого лишь индивидуализмом.

Наблюдавшееся в 1990-е годы осторожное отношение к переходу в статус фермера бывших колхозников во многом обусловлено необходимостью социально-бытовой самозащиты крестьянства от несовершенства государственного землеустройства. Текущая реорганизация сельской жизни несёт в себе заряд социальной дезорганизации, угрожающей крестьянскому благополучию, достатку и здоровью сельчан. Поэтому работники реорганизованных в акционерные общества сельскохозяйственных предприятий, особенно сельчане старшего поколения, пенсионеры, по-прежнему склонны держаться вместе. Работать коллективно, жить одним селом, участвовать в различных формах кооперативного движения, входить в состав «вертикали» власти крупных агропромышленных и агропродовольственных формирований национальной экономики.

Землеустройство многонационального государства.

Реорганизация российского землеустройства отличается большим исторически сложившимся за века отечественной цивилизации своеобразием. Неповторимость ему придаёт наличие в составе населения, сельских жителей, прежде всего, большого числа народов, национальностей и локальных этно-территориальных групп. Сказываются исконные национальные традиции, природно-климатические особенности земледелия и местных укладов жизнедеятельности. Отсюда и наглядная дифференциация рационального использования гражданами и юридическими лицами земельных участков для осуществления сельскохозяйственного производства. Отсюда и существенные различия в организации территорий, используемых общинами коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока нашей державы. Отсюда и специфика организации землеустройства сельских поселений и глубинных районов, где проживают коренные малочисленные народы североевразийского простираения Российской Федерации, для обеспечения их традиционного образа жизни (внутрихозяйственное землеустройство) [4].

В настоящее время Вопросы землеустройства регулируются Земельным кодексом Федерации и соответствующими Федеральными законами. В них кадастровым способом учитываются объекты землеустройства. Речь идёт о сельских и городских территориях субъектов Российской Федерации, о территориях муниципальных образований, территориях населённых пунктов. Учитываются территориальные зоны, а также зоны с особыми условиями использования территорий и части указанных зон и территорий. По мере возрождения на постсоветской планово-рыночной основе аграрно-промышленной интеграции и освоения агрокомпаниями, агрохолдингами и прочими крупными агроформированиями земельных ре-

сурсов глубинной России регионов происходит становление принципиально нового кластерно-сетевого управления сельскими территориями [5]. Проводятся прикладные научные разработки в отношении организационно-экономической структуры механизма формирования регионального агропромышленного кластера, призванного на принципах частно-государственного партнёрства охватить действующие в конкретном регионе сельскохозяйственные предприятия [6].

Феномен государственного землеустройства заложен в самой политической природе социального единства многонациональной России, что означает синергетическое объединение входящих в неё народов. Землеустройство многонационального государства обеспечило возникновение и развитие российского суперэтноса в качестве исторически существующего сообщества людей, предки которых заселили северную Евразию не менее тысячи лет назад.

Можно выделить основные модели-варианты социально-политической реорганизации землеустройства нашего многонационального государства, отталкиваясь от марксистской трактовки существующего в историческом прошлом и вновь возрождаемого в постсоветской России государственного землеустройства. Эти прогнозные модели соответствуют стадиям мировой истории, которые определяются историками-марксистами как феодальная, капиталистическая и социалистическая общественно-экономические формации. Такая весьма общая модельная характеристика, наложенная на российскую историю, даёт нам основание классифицировать указанные выше варианты как архаично-аграрная модель, буржуазно-индустриальная и советско-социалистическая.

Все исторические реорганизации государственного землеустройства крестьянской России, по мнению автора, не обязательно были прямо связаны с радикальными социальными революциями. Реорганизация землеустройства, закономерно исходила из крупномасштабной по социальным последствиям конкретной земельной реформы. А ее первоисточником послужила революционная ситуация в стране. Затем возникала некая историческая цепочка. Например, известные перегибы в землеустройстве сплошной коллективизации сельского хозяйства, начатой в 1929 г., историческим «эхом» отражаются на землеустройстве многонациональной России до сих пор. В связи с этим автор предлагает задуматься над стратегическим вариантом реорганизации землеустройства агросистемы как государства, так и местного самоуправления. Модель этого прогнозного варианта представляет собой стратегию коллективизма как существительного, соединённого с прилагаемой стратегией индивидуализации творческой личности – «индивидуальный коллективизм».

Строй «индивидуального коллективизма», по прогнозу автора, станет основой качественно нового социально-политического единства землеустройства многонационального российского государства. Он вберёт в себя всё положительное, что есть в индивидуалистическом строе буржуазного общества (личная свобода и предприимчивость индивида, многообразие источников жизнеобеспечения, экономическая независимость сограждан от государства) и в коллективистском строе социалистического общества (защита государством граждан от нищеты, планомерность социальных программ, равноправие членов общества, солидарность людей).

Таким образом, произойдет то положительное снятие частной собственности (в России последние десятилетия она находилась в состоянии огосударствления бюрократической собственности), которое предвидел ещё в своих "Экономическо-философских рукописях" 1844 года молодой Маркс, описывая три известные теоретических формы коммунизма. Прогнозная модель индивидуального коллективизма, как сущностная характеристика будущности постсоветской России может быть положена в концептуальную основу исследования её государственного землеустройства. При этом, с одной стороны, степень социально-политического единства многонационального государства прямо влияет на ход и эффективность проводимой в стране земельной реформы. С другой стороны, на реформировании землеустройства многонационального государства современной России сказывается многовековой опыт усадебно-общинной организации крестьянского труда и быта. «В реальности советское хозяйство строилось в основном не по типу рынка, а по типу семьи – не на основе купли-продажи ресурсов, а на основе их сложения... Сложение ресурсов в «семье», расши-

ренного до масштабов страны, требовало государственного планирования и особого органа управления – Госплана» [7].

Выводы.

Земельная реформа играет решающую роль в государственном землеустройстве российской агросистемы многонационального государства. Главный вопрос любой земельной реформы сводится к формам собственности на землю и способам землеустройства и землепользования. Прежние российские реформы отдавали приоритет, как правило, коллективной (общинной, артельной, кооперативной) собственности на землю. Индивидуальное (семейное) хозяйство с участком земли в личной трудовой собственности формировалось внутри сельской общины (после 1929 г. – внутри колхоза как личное подсобное хозяйство) и лишь дополняло коллективно-долевую или паевую формы крестьянского владения землёй. Хутора, отруба и выселки, порождённые Столыпинской реформой, не выдержали испытания временем и социальными революциями. Пакет документов по реформированию землеустройства и всей сельской жизни в постсоветской России предоставляет возможность формирования не только крестьянско-фермерского уклада, но и дальнейшему развитию коллективно-долевой собственности на землю в рамках акционерных обществ и других форм сельскохозяйственных ассоциаций.

В современных условиях непрерывно образуются новые организационно-управленческие связи крестьянско-фермерского и других более крупных сельскохозяйственных укладов (локальные агрофирмы, региональные агрокомпании, межрегиональные агрохолдинги и их национально-территориальные кластеры). По организационной логике и управленческому опыту более чем столетнего развития кооперативного движения в сельской России продолжают укрепляться территориальные сети различных видов сельскохозяйственных кооперативов – снабженческих, заготовительно-сбытовых, промысловых, посреднических, перерабатывающих, прочих обслуживающих всех субъектов федеральной агросистемы предприятий и организаций, воплощающие в себе новое индивидуально-коллективистское единство землеустройства российского государства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (с гимном России). – Москва: Проспект, 2012. – С. 4-5.
2. Самсонов В.Б. Ноосферная природа стратегического управления агропродовольственной системой России // Ноосферизм — новый путь развития: коллективная научная монография. В 2-х кн. / Под науч. ред. Г.М. Иманова и А.А. Горбунова. – СПб.: Астерион, 2017.- Книга II. – С. 815-824.
3. Живая геосистема: вещное и вечное: Коллективная научная монография. Книга 2. Агропродовольственная мера мира. Под науч. ред. В.Б. Самсонова. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2013.
4. Землеустройство в России. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 10.07. 2019).
5. Самсонов В.Б. Модернизация системы управления ресурсами АПК и сельских территорий // Национальная продовольственная безопасность России: стратегические приоритеты и условия обеспечения / под общ. ред. Т.В. Блиновой. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2018. – С.78.
6. Черняев А.А., Сердобинцев Д.В. Организационно-экономические «Организационно-экономические аспекты формирования и функционирования агропромышленных кластеров в Поволжье. – URL: <http://www.eshpp.ru/j2013-6.html> (дата обращения: 15.05.2018)
7. Кара-Мурза С.Г. СССР – цивилизация будущего. Инновации Сталина / Сергей Кара-Мурза, Геннадий Осипов. – М.: Яуза : Эксмо, 2010. – С. 152.

КОНЦЕНТРАЦИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ В РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ КРУПНЫХ КОМПАНИЯХ

Пашков В.П., к.э.н., ИАГП РАН

В работе рассматривается процесс концентрации площадей сельскохозяйственных земель в ведущих российских и зарубежных аграрных компаниях. Показано, что тенденция к росту крупных землевладений в России является экономически оправданной, но может иметь отрицательные социальные последствия.

Рекомендуется отказаться от идеи ограничения максимальных размеров используемых земель сельскохозяйственного назначения во всех категориях хозяйств и перейти к идее сокращения размеров земельных площадей, получаемых в частную собственность.

Ключевые слова: концентрация земель, агрохолдинги, ограничение размеров площадей.

CONCENTRATION OF AGRICULTURAL LANDS IN RUSSIAN AND FOREIGN MAJOR COMPANIES

Pashkov V.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The paper discusses the process of concentration of agricultural land areas in leading Russian and foreign agricultural companies. It is shown that the trend towards the growth of large land holdings in Russia is economically justified, but it can have negative social consequences.

It is recommended to abandon the idea of limiting the maximum size of agricultural land used in all categories of farms and to reduce the size of land areas of private ownership.

Keywords: land concentration, agroholdings, limited area sizes.

Введение.

В России, как и во всем мире, набирает силу процесс концентрации земли во всех формах и типах сельских хозяйств. Наибольшие темпы роста он набирает в хозяйствах с частной формой земельной собственности. В средствах массовой информации крупные агрокомпании называют агрохолдингами, а площади используемых ими земель - земельными банками.

Чаще всего под понятием «холдинг» понимают крупную хозяйственную организацию со структурой, состоящей из головной (материнской) и ряда мелких (дочерних) компаний. Контроль головной организации за своими дочерними компаниями может осуществляться посредством участия в уставном капитале, через определение хозяйственной деятельности и др.

На текущий момент в российском законодательстве официально не закреплены понятия «агрохолдинг» и «земельный банк», отсутствуют критерии и признаки отнесения сельскохозяйственных предприятий к данной категории. В связи этим возникает потребность в сравнительном анализе общих тенденций, выявлении причин и следствий концентрации площадей сельскохозяйственных земель во владении крупных российских и зарубежных аграрных компаниях.

Цель исследования состоит в анализе и сравнении уровней концентрации земель, используемых в сельском хозяйстве в крупных российских и зарубежных компаниях.

Методология исследования состоит в использовании выводов классической экономической теории к исследованию форм земельной собственности и ее экономической реализации. К ним относятся: направленность исторических тенденций; разделение социальной и экономической эффективности форм земельной собственности; разделение ограничений максимальных размеров земельных площадей, получаемых в пользование и в собственность и др.

Результаты исследования.

В рамках работы проведено исследование крупнейших российских и зарубежных аграрных компаний по признаку площади используемой ими земли [1. С.1]. Источниками информации послужили данные, размещенные на официальных сайтах агрохолдингов, а также данные проекта Land Matrix и др.

Австралия.

1. «S. Kidman & Co Ltd» с земельным банком в 8 млн га, расположенным в трех южных штатах и на Северной территории Австралии. Компания является крупнейшим производителем говядины со стадом крупного рогатого скота свыше 171 тыс. голов.

2. «Australian Agricultural Company» (AACo) - с земельным банком в 7 млн га (расположение: Квинсленд, Северные территории). Стадо крупного рогатого скота компании насчитывает свыше 500 тыс. голов, но помимо предприятий по производству и переработке говядины компания является собственником ряда медицинских учреждений, энергетические и нефтегазовые предприятия, финансовых учреждения, ресторанов, курортов и жилой недвижимости.

3. «The North Australian Pastoral» (NAPCO) с земельным банком в 6,1 млн га (расположение: Квинсленд, Северные территории). Стадо крупного рогатого скота компании насчитывает свыше 200 тыс. голов, однако, компания не является полностью частной. Контрольный пакет акций NAPCO принадлежит государственной корпорации штата Квинсленд QIC Limited.

4. «Consolidated Pastoral Company» (CPC) с земельным банком в 5,5 млн га (расположение: Западная Австралия, Северные территории, Квинсленд). Стадо крупного рогатого скота насчитывает порядка 380 тыс. голов, при этом CPC принадлежит 80% акций предприятия «Juang Jaya Abdi Alam» (JJAA) с двумя фермами в Индонезии (дополнительно 35,5 тыс. голов крупного рогатого скота). Компании является почти полностью иностранной, 90% ее акций принадлежит британской частной компании «Terra Firma».

Китай.

«Beidahuang Group» с земельным банком в 5,4 млн га (расположение: Китай, Южная Америка, Австралия). Компания является крупнейшим агрохолдингом Китая и одним из ведущих производителей аграрной продукции в мире. В компанию входят 104 сельскохозяйственные фермы, специализированная рисовая компания, молочная компания, масложировые комбинаты и др.

Казахстан.

«КазЭкспортАстык» с земельным банком более 1 млн га земли (расположение: Акмолинская, Североказахстанская области (Казахстан), Омская область (Россия)). Компания является крупнейшим производителем зерновых, масличных и бобовых культур в Казахстане и одним из ведущих агропроизводителей в странах СНГ. Компания имеет собственные мощности хранения для 1,2 млн. т зерновых и масличных культур. Более девяноста процентов пакета акций компании принадлежит частному лицу.

Аргентина.

«Cresud» с земельным банком в 852 тыс. га (расположение: Аргентина, Бразилия, Парагвай, Боливия). Компания специализируется на производстве зерновых, сахарного тростника, мясной и молочной продукции и представляет собой совместное предприятие с китайской группой «Heilongjiang Beidahuang Nongken». Бразильское подразделение агрохолдинга имеет дочернюю компанию «BrasilAgro».

США.

«NCH Capital» с земельным банком в 820 тыс. га (расположение: Россия, Украина, Молдова, Болгария, Казахстан, Румыния). Через агрохолдинг «Агропросперис» компания владеет на Украине земельным банком в размере 400 тыс. га и в России - около 250 тыс. га. Владение земельными ресурсами закреплено посредством двух офшоров, зарегистрированных на Кипре: NAP Holdings Limited и ATS Agribusiness Investments Limited.

Российская Федерация.

1. Группа компаний «Продимекс» и «Агрокультура» с земельным банком более 800 тыс. га (расположение: Воронежская, Белгородская, Курская, Тамбовская и Пензенская области, Краснодарский и Ставропольский край, Республика Башкортостан). Компания является одним из крупнейших производителей сахара в России, но специализируется и на выращивании зерновых, зернобобовых и масличных культур. На текущий момент компания находится во владении двух физических лиц (81,25 % и 9,37 % пакета акций).

2. «Мираторг» с земельным банком только посевных площадей в 700 тыс. га. Компания является одним из крупнейших производителей и поставщиков мяса и мясных полуфабрикатов в России. Владельцами агрохолдинга также являются физические лица.

Украина.

1. «UkrLandFarming» с земельным банком в 570 тыс. га (расположение: Украина).

2. «Kernel» с земельным банком в 50 тыс. га земли (расположение: Украина).

Самые крупные аграрные компании в России и на Украине почти десятикратно уступают аналогичным зарубежным компаниям по площади используемой ими земли. Например, компания «Kidman & Co Ltd» с земельным банком в 8 млн га почти в 15 раз превосходит украинскую «UkrLandFarming» и в 10 раз группу компаний «Продимекс» и «Агрокультура».

Земли, используемые в сельском хозяйстве во всех странах мира, различаются по плодородию. Высокоплодородные участки, как правило, охраняются государством и принадлежат национальному капиталу, поэтому доля иностранного капитала на этом сегменте невелика. В таблице 1 представлен объем площадей земель сельскохозяйственного назначения по 10 странам мира, контролируемый иностранным капиталом. В соответствии с представленными данными становится очевидно, что лучшие по плодородию российские земли, принадлежащие иностранному капиталу, составляют площадь всего в 2,35 млн га из 383,2 млн га земель сельскохозяйственного назначения. На Украине такие земли составляют 2,4 млн га из 42,4 млн га имеющихся всех земель.

Таблица 1 - Площади сельскохозяйственных земель, контролируемых иностранным капиталом [2. С.2]

Страна	Площадь земли, в млн га
Индонезия	3,0
Украина	2,4
Россия	2,35
Папуа-Новая Гвинея	2,2
Бразилия	2,0
Аргентина	1,1
Эфиопия	1,0
Гана	0,8
Южный Судан	0,75
Марокко	0,75

Земельный фонд Российской Федерации находится в различных общественно-экономических формах собственности (табл. 2).

Таблица 2 - Общественно - экономическая структура земельного фонда России по формам собственности (на 1 января 2018 года, тыс. га)

	Общая площадь	В собственности граждан	В собственности юридических лиц	В государственной и муниципальной собственности	из них		
					в собственности Российской Федерации	в собственности субъекта Российской Федерации	в муниципальной собственности
Россия	1712519,1	112930,9	20156,9	1579431,3	988724,9	20906,7	13933,4
Саратовская область	10124	5446,2	1036,9	3640,9	1038,2	10,2	213,5

Источник: сведения по форме 22 за 2017 год по Российской Федерации о наличии земель сельскохозяйственного назначения по формам собственности в разрезе субъектов Российской Федерации. Приложение 4.

Общая площадь земель фонда на 1 января 2018 года составила 1712519,1 тыс га., из них площадь земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности, составила 1579431,3 тыс. га (92,2% от площади земельного фонда страны), в том числе: в собственности Российской Федерации 988724,9 тыс. га, в собственности всех 85 субъектов Российской Федерации - 20906,7 тыс. га, в муниципальной собственности - 13933,4 тыс. га. Остальные 555866,3 тыс. га, числящиеся в государственной и муниципальной собственности, оста-

ются не разграниченными на собственность Российской Федерации, субъектов РФ и на муниципальную собственность.

Земли России, находящиеся в частной собственности в различных ее формах, представлены в таблице 3. Их общая площадь по всем категориям земель составила 133087,8 тыс га, в том числе: в общей (долевой и совместной) – 85617,0 тыс га, в частной собственности граждан - 112930,9 тыс га, в собственности юридических лиц - 20156,9 тыс га.

Таблица 3 - Общественно - экономическая структура земель сельскохозяйственного назначения по формам частной собственности (на 1 января 2018 года, тыс. га)

Общая площадь по категориям земель	Общая площадь земли находящейся в частной собственности	Земли в частной собственности граждан	Земли в частной собственности юридических лиц
По всем 7 категориям земель	133087,08	12930,9	20156,9
По категории земель сельскохозяйственного назначения	127767,8	108514,0	19253,8

Источник: рассчитано по данным Сведения по форме 22 за 2017 год по Российской Федерации о наличии земель сельскохозяйственного назначения по формам собственности в разрезе субъектов Российской Федерации.

Общая площадь земель сельскохозяйственного назначения России, находящихся во всех формах частной собственности, составила 127767,8 тыс га, в том числе: в общей (долевой и совместной) – 85558,6 тыс га, в частной собственности граждан -108514,0 тыс га, в частной собственности юридических лиц - 19253,8 тыс га.

Из всех 7 категорий земельных участков России, находящихся в частной собственности (133087,8 тыс. га), на долю земель сельскохозяйственного назначения приходится 96,0% (127767,8 тыс. га), из них: 65,8% (84123,5 тыс. га) составили земельные участки, находящиеся в праве общей собственности. Собственностью граждан является 108514,0 тыс. га земель сельскохозяйственного назначения, из них 84123,5 тыс. га (77,5%) составляли земельные доли, в том числе не востребоваанные - 15918,9 тыс. га. Более 90% земель, принадлежащих юридическим лицам, являются собственностью сельскохозяйственных организаций, а остальные 8,6% (1653,2 тыс. га) – собственностью крестьянских (фермерских) хозяйств.

Крестьянские (фермерские) хозяйства использовали земли на следующих площадях:

- находящихся у них в частной собственности – 29,1%;
- арендованных земель государственной и муниципальной собственности - 37,6%;
- находящихся в пожизненном наследуемом владении – 3,0%;
- в безвозмездном пользовании - 2,1%;
- земельные участки иных организаций и граждан - 28,2%.

Таким образом, структура собственности на земли, используемые крестьянскими (фермерскими) хозяйствами, следующая: частная собственность - 39,9%, государственная и муниципальная собственность - 60,1%.

Индивидуальные предприниматели, занимающихся сельскохозяйственным производством без образования крестьянского (фермерского) хозяйства, использовали земли: на праве собственности - 34,8% , на праве аренды из земель государственной и муниципальной собственности – 41,0%, в пожизненном наследуемом владении – 0,5%, в безвозмездном пользовании - 0,4%, аренды от иных юридических и физических лиц – 23,3% (из них 89,3% составили земли из общей долевой собственности граждан.

Крупнейшие владельцы сельскохозяйственных земель в России на май 2018 года.

В России ежегодно возрастают площади земель сельскохозяйственного назначения, находящиеся в общем земельном банке крупнейших компаний, при этом официального статистического учета площади землевладений пока не ведется. Регулярными исследованиями изменений в этой сфере занимаются специализированные информационные компании BEFL и Агроинвестор, при этом публикуемые ими отчет существенно различаются в показателях.

Согласно полученным данным, из общего числа всех компаний, владеющих землями сельскохозяйственного назначения, 55 контролируют (владеют на праве собственности, аренды или ином праве) более 100 тыс. га угодий. Динамика изменения их общего земельного банка является следующей.

Площади земель сельскохозяйственного назначения, находящиеся в собственности юридических лиц, составили в 2018 году 18,2 млн га (рост на 4,2 млн га с 2012 года). Площадь земель, находящихся под контролем юридических лиц, составила 12,6 млн га (рост на 5,4 млн га с 2012 года). Всего по расчетам компании BEFL на май 2018 года во владении (в собственности и под контролем) таких юридических лиц находится 30,8 млн га земель [4. С. 3].

В таблице 4 представлены оценочные (составленные из различных источников) размеры площадей земель 20 крупнейших земельных компаний России.

Таблица 4 - 20 компаний крупных владельцев земель сельскохозяйственного назначения в России

Название компаний крупных владельцев земли	Площадь земель общего земельного банка, тыс. га
Продимекс+Агрокультура	790
Мираторг	676
Русагро	675
Агрокомплекс	644
Волго-Дон Агроинвест	452
Авангард-Агро	400
Степь+РЗ Агро	380
Василина	380
РосАгро	377
Иволга-холдинг	362
ХК Ак Барс	354
БИО-ТОН	350
ЭкоНива-АПК	334
Агросила-групп	324
ГК Доминант	320
ГК АСБ	300
Черкизово	287
АгроТерра	280
Красный Восток	268
Концерн Покровский	210

Данные по крупным землевладениям в России также весьма разрозненны. Так, А. Медведева в своей статье «Лидеры российской пашни – кто они? Рейтинг агрохолдингов по площади земель в обработке» [6. С.1], ссылаясь на данные журнала «Агроинвестор», представила 25 крупнейших землевладельцев России (табл.5).

Площадь среднего земельного банка у представленных в таблице 5 компаний превышает 110 тыс га., и с учетом ежегодных изменений площади земель сельскохозяйственного назначения во владении 55 крупнейших российских компаний к 2025 г. может оказаться свыше 25 млн га земли, а к 2030 г. - свыше 30 млн га [7. С. 65-72].

Заключение.

Рост крупных землевладений в России превратился в устойчивую историческую тенденцию, но вопрос: положительная ли это тенденция или отрицательная – остается открытым.

В большинстве своем крупные аграрные компании России являются последовательно вертикально интегрированными структурами. Они представляют собой цепочки звеньев с производством «от поля» до «прилавка», когда как ведущие зарубежные компании включают в себя несколько параллельных цепочек, как правило, не связанных между собой. Более того, поскольку в развитых странах площади землевладений ограничены, то производство территориально распределено.

В связи с этим, с нашей точки зрения, на текущий момент социально-экономического развития на территории РФ целесообразно отказаться от ограничения размеров используемых площадей земли во всех категориях хозяйств и перейти к идее сокращения максимальных размеров площадей земли, получаемой в собственность. Необходимо активизировать деятельность по изменению структуры форм земельной собственности и ее экономической

реализации, сфокусировать внимание на развитии арендных отношений и рынков земли. Данное направление увеличит экономическую эффективность и социальную справедливость при распределении земель сельскохозяйственного назначения.

Таблица 5 - Лидеры Российской пашни – 2018. Рейтинг агрохолдингов по площади земель в обработке (на сентябрь 2018 года)

Компания	Пашня, тыс. га
Мираторг	700
Агрокомплекс им. Ткачева	560
Русагро	547
Продимекс	514
Доминант	400
АСБ	390
Волго-Дон Агроинвест	371
Био Тон	333
Авангард Агро	309
Красный Восток Агро	255
Василина	250
ЭкоНива	240
Иволга-Холдинг	240
Агросила	234
Степь W	220
Черкизово	205
Ак Барс	200
Агро Терра	200
Покровский	190
Ресурс	175
Сюкден	157
КДВ-Групп	150
АгроГард	147
Юг Руси	145
Солнечные продукты	107
Всего	7239

Источник: Anna Medvedeva. Лидеры российской пашни – кто они? .- URL: <https://www.agroxxi.ru/stati/lidery-rossiiskoi-pashni-kto-oni.html>.

Список литературы:

1. Кому принадлежат крупнейшие агрохолдинги мира. – URL: <http://agropravda.com/news/agrobiznes-life/11002-komu-prinadlezhat-krupnejshie-agroholdingi-mira>
2. Украинские компании вошли в топ-20 крупнейших агрохолдингов мира. – URL: <https://biz.liga.net/all/prodovolstvie/novosti/ukrainskie-kompanii-voshli-v-top-20-krupneyshikh-agrokholdingov-mira>
3. Сведения по форме 22 за 2017 год по Российской Федерации о наличии земель сельскохозяйственного назначения по формам собственности в разрезе субъектов Российской Федерации. – URL: <https://rosreestr.ru/site/>
4. BEFL опубликовал рейтинг крупнейших владельцев сельскохозяйственной земли в России на май 2018 года. – URL: <http://www.befl.ru/news/detail.php?ID=1031>.
5. BEFL опубликовал рейтинг крупнейших владельцев сельскохозяйственной земли в России на май 2019 года. – URL: <http://www.befl.ru/news/detail.php?ID=1137>
6. Медведева А. Лидеры российской пашни – кто они? – URL: <https://www.agroxxi.ru/stati/lidery-rossiiskoi-pashni-kto-oni.html>
7. Пашков В.П. Тенденции и прогноз изменения общественно-экономической структуры земель сельскохозяйственного назначения // Национальная продовольственная безопасность России: стратегические приоритеты и условия обеспечения. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник». - 2018. – 413с. – Стр. 51-72.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА ФУРЬЕ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Шабанов В.Л., д.соцол.н., Кутенков Р.П., д.э.н., Блинова Т.В., д.э.н., ИАГП РАН

С использованием метода Фурье проведен анализ динамического ряда числа рождений по РФ за 1946-2017 гг. и получен прогноз рождаемости на среднесрочную перспективу. Показано, что демографические последствия Второй мировой войны продолжают оказывать системное и латентное влияние на динамику числа рождений в России, формируя равные по длине 30-летние периодические циклы.

Прогноз показал высокую вероятность негативного тренда рождаемости в текущем цикле, завершение которого ожидается к 2031 г., и некоторое увеличение – до 31-32 лет – длины цикла, объясняемое тенденциями увеличения возраста вступления в брак и рождения первого ребенка.

Проанализированы два фактора, определяющие динамику числа рождений в городе и селе РФ – суммарный коэффициент рождаемости (СКР) и миграцию населения, результирующий вектор которой направлен из села в город. С использованием поля корреляции показателей СКР и числа рождений выявлены принципиальные различия в формах зависимости между городом и селом, обусловленные межтерриториальной миграцией населения. Установлены негативные последствия влияния миграции на динамику числа рождений в сельской местности.

Ключевые слова: среднесрочные циклы, ряды Фурье, прогнозирование, рождаемость, миграция, сельское и городское население.

USING THE FOURIER METHOD FOR FORECASTING DEMOGRAPHIC PROCESSES

Shabanov V.L., doctor of sociological sciences,
Kutenkov R.P., doctor of economic sciences,
Blinova T.V., doctor of economic sciences, IAgP RAS

Using the Fourier method, we analyzed the dynamic series of the number of births in the Russian Federation for 1946-2017. A mid-term fertility forecast was obtained. It is shown that the demographic consequences of the Second World War continue to exert a systemic and latent effect on the dynamics of the number of births in Russia, forming 30-year periodic cycles of equal length.

The forecast showed a high probability of a negative trend of fertility in the current cycle, which end is expected by 2031, and a slight increase (up to 31-32 years) in the length of the cycle, due to trends in increasing the age of marriage and birth of the first child.

Two factors that determine the dynamics of the number of births in the city and village of the Russian Federation are analyzed: the total fertility rate (TFR) and population migration, the resulting vector of which is directed from village to city. Using the correlation field of the TFR indicators and the number of births, fundamental differences in the forms of dependence between city and village, caused by inter-territorial migration of the population, are revealed. The negative effects of migration on the number of births in rural areas have been established.

Keywords: medium-term cycles, Fourier series, forecasting, fertility, migration, rural and urban population.

Введение.

Особенность большинства демографических процессов заключается в том, что они инерционны и, одновременно с этим, на длительных промежутках времени демонстрируют медленную динамику с четко выделяющимся основным трендом [1; 2]. Это позволяет прогнозировать их динамические (временные) ряды на среднесрочную перспективу. Выявлять и анализировать возможные колебания в динамике демографических процессов гораздо слож-

нее в силу видимого отсутствия постоянно действующих системных причин, продуцирующих их (в отличие от многих экономических процессов, подверженных явным сезонным колебаниям). В этой связи для анализа и прогноза сильно осциллирующих динамических рядов числа рождений по России в целом (по ее городской и сельской местности) предлагается метод, основанный на применении тригонометрической функции Фурье.

Целью работы является выявление закономерностей в динамике показателя числа рождений и получение среднесрочного прогноза демографических процессов, основанного на использовании метода Фурье.

Методы исследования.

Суть метода Фурье состоит в том, что ряд $y=f(t)$ с выраженными колебаниями аппроксимируется функцией вида

$$\hat{y}=a_0+\sum_{k=1}^n[a_k \cos(kt)+b_k \sin(kt)], \quad (1)$$

где t измеряется в радианах и меняется от 0 до 2π с заданным шагом, равным $2\pi/m$, где m – количество элементов ряда (в нашем случае – количество лет). Подбором числа гармоник n регулируется их форма и размер; окончательный выбор n может обосновываться исходя из качества аппроксимации и иных соображений.

Обычно метод Фурье используется при анализе внутригодовых сезонных колебаний. Однако все его принципы применимы для любого осциллирующего ряда, включая рассматриваемый в настоящей статье ряд числа рождений в России в 1946-2017 гг. В рамках метода длина данного ряда определяется величиной, равной 2π , а шаг – отношением длины к общему числу значений ряда.

Перед применением метода Фурье рассматриваемый ряд был сглажен с помощью скользящей средней и выровнен путем вычитания из значений сглаженного ряда соответствующих им значений линейного тренда. Сглаживание позволило нивелировать действие случайных факторов. В сглаженном варианте ряда более четко наблюдаются основной тренд и колебания, вызванные фундаментальными факторами. Проведенное выравнивание позволило получить ряд остатков с трендом, определяемым прямой $y_{\text{тренд}}=0$, то есть ряд «чистых колебаний», которые и были проанализированы методом Фурье.

Аппроксимация осуществлялась методом множественной линейной регрессии, где в качестве зависимой переменной выступали значения $\hat{y}$ выровненного сглаженного ряда с «обнуленным» трендом, а в качестве независимых – расчетные показатели $\cos(kt)$ и $\sin(kt)$, где t меняется с шагом $2\pi/68$. Регрессионная модель считалась удовлетворительной и принималась при ее общей значимости, значимости по коэффициентам перед независимыми переменными (a_k и b_k) и достаточно высоком значении R^2 .

Результаты исследования.

В демографических процессах можно выделить не только основной тренд, но и циклы [3]. В качестве объекта моделирования рассматривался показатель числа рождений в России за 1946-2017 гг. (рис. 1). Визуальный анализ показателя числа рождений в России за 1946-2017 гг. свидетельствует о линейном характере нисходящего тренда (качество аппроксимации $R^2=0,59$). Попытка использовать другие аналитические функции, представленные на рисунке 1 нисходящей кривой, не ведет к заметному повышению R^2 , хотя теоретически для аппроксимации динамического ряда показателя числа рождений, построенного за достаточно длительный период, более адекватными представляются кривые, которые с ростом аргумента (времени t , измеряемого в годах) убывают медленнее (например, степенная кривая с отрицательным показателем степени или логарифмическая с отрицательным коэффициентом перед логарифмом – $R^2=0,55$ и $0,59$ соответственно). Однако в современной России еще не наступила завершающая стадия демографического перехода, при которой снизившаяся рождаемость стабилизируется на достигнутом минимальном уровне с тенденцией к медленному росту.

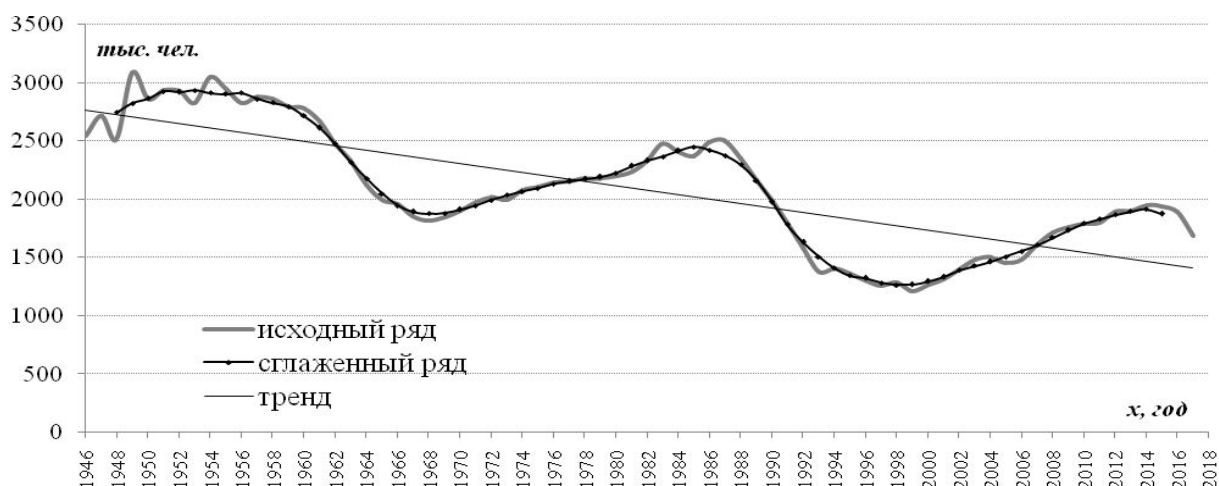

Рисунок 1 – Число рождений в России, 1946-2017 гг. – исходный ряд, сглаженный по 5 гг. и линейный тренд, тыс. чел.

Расчеты авторов на основе данных [4, С. 37; 5, С. 84-85; 6].

Погодовая динамика любых показателей определяется влиянием системных, периодических и случайных факторов. Первые продуцируют основной тренд, вторые – гармонические колебания, третьи – непредсказуемые выбросы, шум. Третья группа факторов, как правило, формируется изменениями в уровне и качестве жизни, социально-экономическими кризисами, а также государственными решениями, нацеленными на улучшение демографической ситуации. Так, снижение уровня жизни, рост безработицы и социально-экономической неопределенности способствуют снижению рождаемости – решения о рождении детей откладываются «до лучших времен». Напротив, усиление социальной защиты работающих матерей, меры поддержки семей с детьми стимулируют рост рождаемости. Однако действие таких факторов кратковременно, их влияние характеризуется единовременным скачком, после чего наступает привыкание к новым условиям, и ряд динамики выравнивается на новом уровне или возвращается к исходным значениям.

Действие большинства случайных факторов на динамику демографических показателей ограничивается 1-5 годами, поэтому для нивелирования их влияния на исходный динамический ряд можно использовать метод скользящей средней с интервалом скользящего 1-5 и проводить анализ со сглаженным рядом.

На рисунке 1 представлены кривые ряда динамики числа рождений в России в 1946-2017 гг. – исходная и сглаженная по 5 точкам. Сглаживание проведено по стандартной процедуре: определялось среднее значение показателя по 5 годам подряд, результат сопоставлялся середине интервала. Например, значение сглаженного ряда для 1948 года определялось как среднее для 1946-1950 гг. Естественно, что длина сглаженного ряда укорачивается на размер интервала без 1, то есть на 4 года. В нашем случае сглаженный ряд содержит 68 значений и колеблется в пределах 1948-2015 гг.

Очевидно, что для сглаженного ряда практически отсутствуют размытости и четко выделяются нисходящий тренд и колебания. Построение линейного тренда для исходного ряда дает уравнение $y_{\text{тренд}} = -19,1n_x + 2786$, где n_x – номер года ($R^2 = 0,59$). Линейный тренд для сглаженного ряда определяется прямой вида $y_{\text{тренд}} = -20,5n_x + 2785$ с чуть более высоким $R^2 = 0,63$.

Близость исходного и сглаженного по 5 точкам ряда свидетельствует о довольно слабом воздействии внешних факторов на динамику отслеживаемого показателя. Возможно также, что действие внешних факторов будет сонаправлено динамике рождаемости, усиливая ее. Например, таким фактором можно считать мероприятия, проводимые во исполнение ФЗ от 29 декабря 2006 г. № 256 и связанные, в частности, с выплатой материнского капитала [7]. Закон был принят на фоне восходящей волны рождаемости, подстегивая ее рост, который практически нивелировался к 2011–2012 гг.

Периодический характер и длины периодов колебаний формально выявляются с помощью автокоррелограммы – последовательности коэффициентов корреляции между «полным» рядом и его «укороченными» вариантами, полученными путем сдвига (лага) «полного» ряда на i шагов (рис. 2).

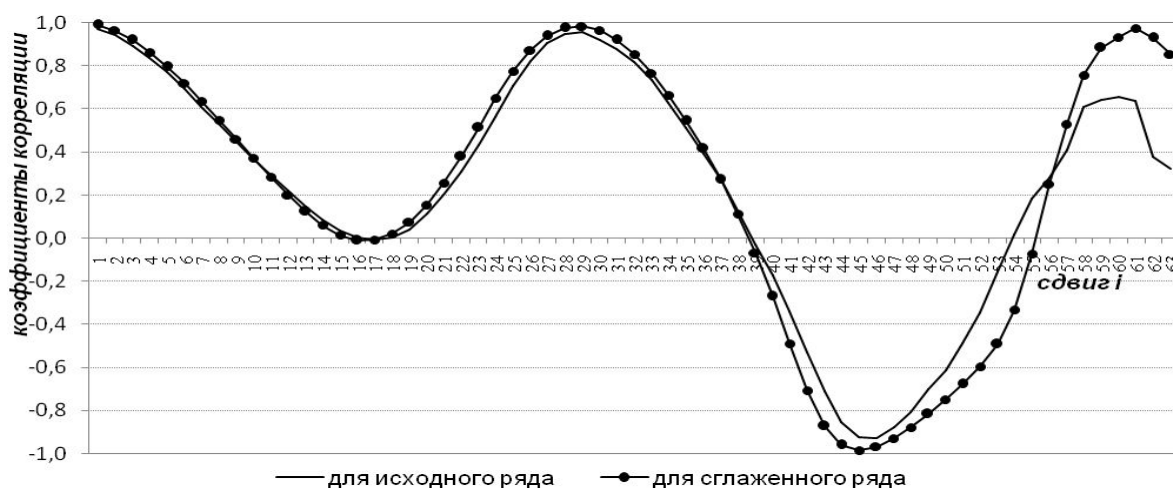

Рисунок 2 – Автокоррелограммы для исходного и сглаженного ряда
Расчеты авторов на основе данных [4, С. 37; 5, С. 84-85; 6].

На рисунке 2 видно, что автокоррелограммы сглаженного и исходного рядов почти повторяют друг друга при лагах, меньших 40 лет, и начинают заметно различаться при больших лагах. Это означает, что с течением времени первоначальное воздействие, «запускающее» периодические колебания (например, соотношение численности женщин в различных возрастных группах), трансформируется, а влияние случайных факторов, «ломающих» периодичность, усиливается.

Период колебаний для обоих рядов фиксируется довольно точно: самая высокая корреляция между «полными» рядами и их сдвинутыми вариантами наблюдается при лагах 28-30 лет и 60-62 года, из чего следует, что колебания воспроизводятся приблизительно каждые 30 лет.

Сглаженный ряд, представленный на рисунке 1, был аппроксимирован тригонометрической функцией Фурье (1). Анализ показал, что общая значимость, значимость коэффициентов (с уровнем $<0,05$) и достаточно высокое значение $R^2=0,90$ достигается в модели с 3-компонентной функцией Фурье:

$$\hat{y}=109,3\cos(t)+343,3\cos(2t)+97,4\sin(2t)-141,6\cos(3t)+97,5\sin(3t) \quad (2)$$

Дальнейшее увеличение точности функции Фурье, достигаемое увеличением числа ее компонент n , не дает сколько-нибудь значительного роста качества аппроксимации – до $R^2=0,92$ при $n=4$, $R^2=0,95$ при $n=5$. Таким образом, оптимальное число компонент тригонометрической функции Фурье, аппроксимирующей рассматриваемый ряд, совпадает с реальным числом волн в нем, что подчеркивает внутреннюю логику демографического процесса. Таким образом, периодические колебания показателя ежегодного числа рождений в России можно рассматривать, как часть его общего тренда, а факторы, определяющие их – как часть общесистемных факторов, формирующих тренд. Скорее всего речь идет о том, что сложившаяся в результате Второй мировой войны половозрастная структура населения России с ее изгибами так и не была преодолена с течением времени [8; 9]. Она до сих пор – несмотря на ослабление первоначального воздействия – продуцирует волну, определяемую колебанием числа рождений и имеющую длину примерно 30 лет, сопоставимую с длиной поколения.

Аппроксимация ряда функцией Фурье (1) на полном интервале изменения аргумента t от 0 до 2π позволяет понять логику процесса, определяемого рядом, но не дает возможности осуществить прогноз, так как значения функции (1) на следующих после 2π значениях t будут повторять ее значения в интервале $(0; 2\pi)$. Однако метод Фурье может быть использован

для прогнозирования направлений и темпов изменения осциллирующего ряда, если проводить его аппроксимацию функцией (1) на интервале $t=0, \varphi$, где верхняя граница $\varphi < 2\pi$. Тогда значения функции (1) для t , меняющегося от φ до 2π , будут прогнозными.

Поскольку длина одного полного цикла ряда числа рождений РФ в 1946-2017 гг. равна приблизительно 30 лет, а общая длина сглаженного по 5 точкам ряда – 68 лет, что составляет около 2,3 циклов, то осуществим прогноз на остаток 3-го цикла. Для этого сопоставим интервал $(0; 2\pi)$ с периодом, равным 90 годам: для сглаженного ряда это будет с 1950 по 2039 гг., где период после 2017 г. будет прогнозным (для прогноза значения сглаженного ряда сопоставлены последним годам базовых «скользящих» периодов, а не их середине).

На рисунке 3 представлены следующие ряды: исходный (сглаженный по 5 гг.) и построенный на основе трехкомпонентной модели Фурье с прогнозом на 2018-2039 гг.

На рисунке четко видно продолжение колебаний ряда и окончание третьего цикла в 2031 г. (или в 2027-2031 гг., если не учитывать «сглаживание»). Так как начало цикла пришлось на 2000 г. (1996-2000 гг.), то его длина (согласно прогнозу) составит 31 год, что больше длины предыдущего цикла. Скорее всего, в среднесрочной перспективе нас ожидает некоторое увеличение длины цикла за счет того, что тенденция увеличения возраста вступления в брак и рождения первого ребенка продолжится.

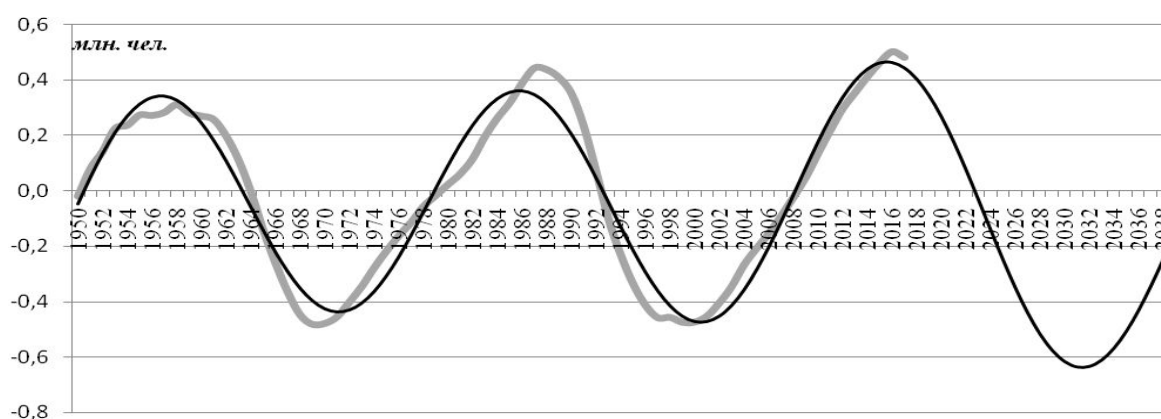

Рисунок 3 – Аппроксимация и прогноз сглаженного ряда числа рождений в России, 1946-2039 гг.

Второй особенностью, на которую указывает прогноз, является увеличение размаха колебаний числа рождений. Согласно прогнозу, нисходящая волна прогнозируемого 3-го цикла продолжится до 2031 года и достигнет наименьших значений за весь послевоенный период. Это означает, что пессимистический прогноз рождаемости, осуществляемый Росстатом на основе метода передвижки возрастов [4], окажется наиболее вероятным.

Ряды числа рождений по городу и селу теряют внутреннюю логику, присущую ряду общего числа рождений по РФ (рис. 4). Это свидетельствует о появлении латентного фактора, обусловившего новую динамику рождаемости. Естественно предположить, что таким фактором, не оказывающим влияния на общий временной ряд числа рождений, но участвующим в формировании временных рядов отдельно по городу и по селу, является сельско-городская миграция.

Преобладающий почти всегда миграционный поток из села в город определил четко выраженный нисходящий тренд числа рождений в селе. При этом необходимо учесть, что суммарный коэффициент рождаемости (СКР) в селе вплоть до 1993 г. превышал 2,1, а тренд числа рождений в городе удерживался практически на нулевом уровне.

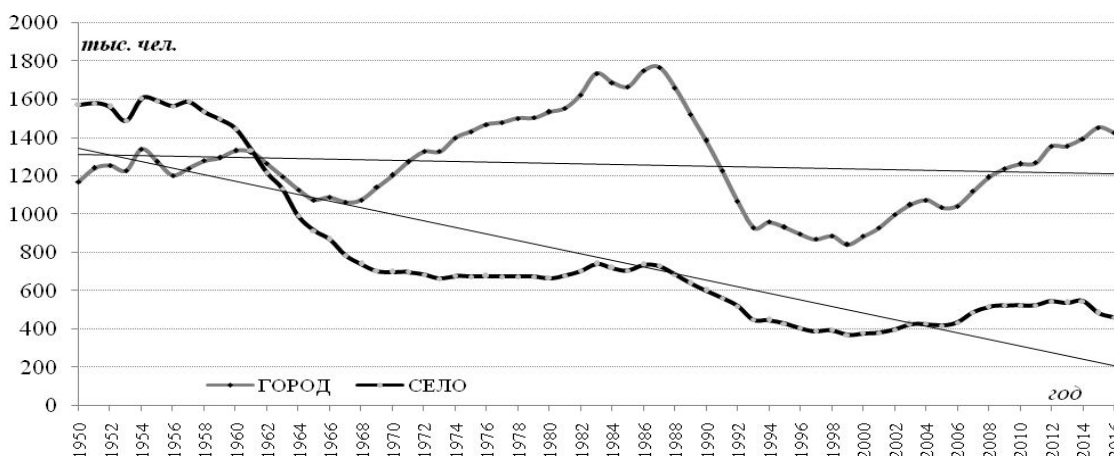

Рисунок 4 – Динамика числа рождений в сельской и городской местности России (тыс. чел.), линейные тренды, 1950-2017 гг.

Естественно, что число рождений зависит от СКР. Расчеты показывают, что в селе эта зависимость выше, чем в городе: корреляция составляет 0,85 и 0,75. Это означает, что СКР является доминирующим фактором числа рождений только в селе (для города, наряду с СКР, заметно влияние других факторов). Действительно, поле корреляции показателей СКР и числа рождений демонстрирует особенности этой зависимости по селу и по городу (рис. 5).

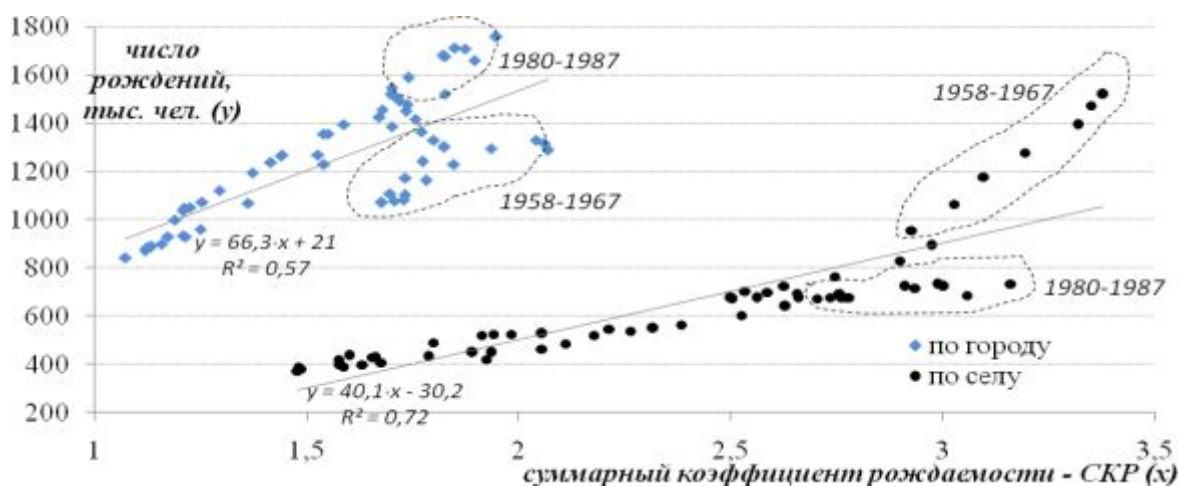

Рисунок 5 – Графики зависимости числа рождений от суммарного коэффициента рождаемости, по городу и по селу

Источники: [4, с. 45; 5, с. 146-148]

Массив точек по городу распадается на два, что и обуславливает довольно низкое качество его линейной аппроксимации. «Нижнее» облако определяется данными за первые 10 лет наблюдений – с 1958 по 1968 гг. (выделено на графике). Этот период первоначально высоких, но начавших снижаться значений СКР, характеризуется также снижением общего числа рождений – нисходящей волной цикла, объясняемой объективными причинами, главная в числе которых – демографические последствия войны.

Следующий период относительно высоких и притом растущих значений СКР в городе пришелся на 1980-1987 гг. (верхняя часть «верхнего» облака, см. на графике) – период восходящей волны очередного цикла. Результатом такого непротиворечивого сочетания явился значительный рост числа рождений в городе.

Таким образом, относительно высокие значения СКР в городе, совпавшие с объективно неблагоприятным в демографическом отношении периодом 1958-1968 гг., обеспечили срав-

нительно небольшое приращение числа рождений. И такие же высокие значения СКР по городу в благоприятный период (1980-1987 гг.) привели к значительному росту числа рождений.

Динамика числа рождений в селе не столь логична. СКР в селе рос и снижался в те же годы, что и в городе: периоды наибольших его значений также охватывали приблизительно 1958-1968 и 1980-1987 гг. Однако в первый (более ранний) период высокий СКР в селе (в отличие от города) обеспечивал большее число рождений, чем во второй, более поздний, период, характеризуемый восходящей волной общего демографического цикла. Этот второй период – в виде аппендикса на графике – представляет собой множество точек, отклонившихся от основного облака. При сохранении прежних тенденций рост СКР в 1980-1987 гг. привел бы к развороту графика «назад-вверх», а не к его выбросу вправо, который означает, что рост СКР в эти годы в селе не обеспечил ожидаемого адекватного роста числа рождений.

Действительно, переходя к конкретным статистическим данным, получаем, что за первый период высоких значений (с 1958 по 1968 гг.) СКР в городе и селе снизился практически одинаково – на 19%, при этом снижение числа рождений в городе составило лишь 17%, а в селе – 50%. За второй период относительно высоких и растущих значений (с 1980 по 1987 гг.) СКР в городе вырос на 15%, в селе – на 26%; одновременно с этим рост числа рождений в городе составил 14%, в селе – только 9%.

Описанная динамика естественным образом объясняется сельско-городской миграцией (рис. 6).

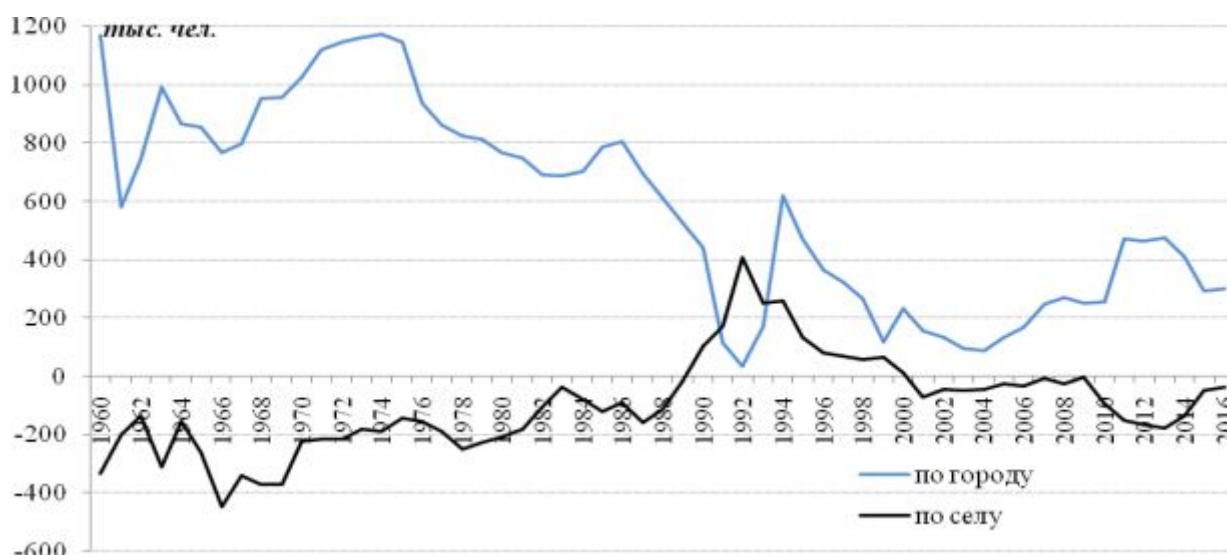

Рисунок 6 – Миграционный прирост, тыс. чел., по городу и по селу РФ, 1960-2016 гг.

Расчеты авторов на основе данных: [4, с. 206-209; 5, с. 176-181]

Представленные на рисунке 6 графики построены на статистических данных по общей миграции, включающей как сельско-городские миграционные потоки, так и итоги международной миграции. Это объясняет отсутствие сельско-городского миграционного баланса на рисунке 6. Например, в последние годы около 14% от числа прибывших в города РФ и около 10% в села РФ составляют международные мигранты. В числе выбывших за рубеж – соответственно 8-10 и 4-5%. Пик притока международных мигрантов пришелся на 1994 г., когда он составил 31% в городе и 27% в селе (от общего числа всех прибывших), пик оттока – на 1992 г., соответственно 15 и 19% (от общего числа всех убывших) [4, с. 206-209]. Активность международной миграции в 1990-е гг. была выше, и она всегда – и по городу, и по селу (за исключением 1991 г. по городу) – была положительной для РФ. Тем не менее, приток мигрантов из-за рубежа в сельскую местность РФ лишь в период 1990-2000 гг. обеспечил положительный миграционный прирост, в остальные годы, несмотря на приток мигрантов из-за

рубежа (или из других республик СССР, если речь идет о советском периоде) село теряло население.

Учет международных мигрантов искажает картину сельско-городской миграции. Тем не менее, их удельный вес в общей миграции не слишком высок (за исключением отдельных пиковых лет), а корреляция между показателями миграционного прироста (убыли) по городу и по селу составляет $-0,69$. То есть миграционные потоки между городом и селом РФ связаны довольно сильной обратной зависимостью, показывающей, что село является значимым источником пополнения городского населения. При этом корреляция между миграционным приростом и числом родившихся в городе положительная, а в селе – отрицательная (соответственно $0,45$ и $-0,58$), что подтверждает сельско-городскую направленность результирующего миграционного потока. Если учитывать абсолютную величину, то корреляция по селу выше, что указывает на большее в сравнении с городом негативное влияние миграции на сельскую рождаемость.

Заключение.

Кривая числа рождений населения России в 1946-2017 гг. демонстрирует четкий нисходящий тренд с циклическими колебаниями приблизительно равных по длине 30-летних периодов. Источником таких колебаний являются демографические последствия Второй мировой войны, и, хотя ее влияние на современные демографические процессы постепенно ослабевает под воздействием других факторов, однако, оно продолжает оставаться значительным.

Периодичность колебаний в сочетании с выраженным трендом позволили выполнить моделирование динамики и построить среднесрочный прогноз числа рождений населения России методом Фурье. По результатам моделирования была установлена высокая вероятность негативного тренда рождаемости в текущем цикле, завершение которого ожидается к 2031 г., и некоторое увеличение (до 31-32 лет) длины цикла, объясняемое тенденциями увеличения возраста вступления в брак и рождения первого ребенка.

Установлено, что наряду с показателем суммарного коэффициента рождаемости значимым фактором, определяющим динамику числа рождений в городе и селе, является показатель миграции, результирующий вектор которой направлен из села в город, при этом влияние сельско-городской миграции на число рождений носит негативный характер.

Список литературы:

1. Блинова Т.В., Кутенков Р.П., Шабанов В.Л. Моделирование и оценка сельско-городских различий в динамике рождаемости населения России // Вестник СГСЭУ. - 2019. - №3.
2. Блинова Т.В. Влияние послевоенных циклов рождаемости на современное демографическое развитие села // Аграрный научный журнал. - 2018. - № 6. – С. 60-64.
3. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Рождаемость населения России и демографические волны // Народонаселение. - 2017. - №4. – С. 56-66.
4. Демографический ежегодник России: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017.
5. Население России за 100 лет. - 1998.
6. Статистика естественного движения населения. М.:Росстат. - 2018.
7. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ. – URL: <http://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-29122006-n-256-fz> (дата обращения 29.06.2019)
8. Вишневский А.Г. Демографические последствия Великой отечественной войны // Демографическое обозрение. - 2016. - Т. 3. - № 2. – С. 6-42.
9. Рыбаковский Л.Л. Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне. Изд. 2-е, испр. и доп. М: Экон-Информ. - 2010.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОГНОЗУ ЧИСЛЕННОСТИ ТРУДОСПОСОБНОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Блинова Т.В., д.э.н., Былина С.Г., к.э.н., ИАГП РАН

Рассмотрены методические подходы к прогнозированию численности и половозрастной структуры трудоспособного сельского населения РФ. Разработаны сценарии демографического развития российского села, учитывающие как основы демографической теории о взаимосвязях демографических процессов с экономическими, социальными, социокультурными, политическими изменениями; так и анализ тенденций рождаемости, смертности и миграции прошлых лет. Представлены результаты сценарного прогнозирования численности трудоспособного сельского населения РФ с учетом миграционных процессов и увеличением сроков выхода на пенсию согласно ФЗ № 350 от 3.10.2018 года.

Ключевые слова: прогнозирование, сценарный подход, демографическое развитие, миграционные процессы, сельское население, трудоспособный возраст, пенсионная реформа.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE FORECAST OF THE NUMBER OF EMPLOYABLE RURAL POPULATION OF RUSSIA

Blinova T.V., doctor of economic sciences,
Bylina S.G., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article discusses the methodological approaches to forecasting the number and sex-age structure of employable population of the Russian Federation. Scenarios of the demographic development of the Russian village have been developed, taking into account the basis of the demographic theory about the interrelations of demographic processes with economic, social, sociocultural, and political changes, as well as the analysis of trends in fertility, mortality and migration of previous years. The results of the scenario forecasting of the number of employable rural population of the Russian Federation taking into account migration processes and an increase in the terms of retirement according to the Federal Law No. 350 of October 3, 2018 are presented.

Keywords: forecasting, scenario approach, demographic development, migration processes, rural population, employable age, pension reform.

Введение.

Эффективное развитие агропродовольственного комплекса как важнейшей подсистемы экономики опирается на разработку долговременных прогнозов и принятие программ, позволяющих разумно инвестировать его основные сферы [1]. Методы сценарного прогнозирования используются как при разработке целевых программ и концепций развития отраслей сельского хозяйства, так и сельских территорий в целом. Они позволяют обеспечить более высокую вероятность выработки эффективного решения в рамках принятой стратегии развития агропродовольственного комплекса и его отраслей, а также сведение ожидаемых потерь к минимуму, когда они неизбежны. Сценарный подход означает разработку нескольких направлений, в которых определяются возможные варианты «поведения» социально-экономической системы с учетом текущего состояния и предполагаемых перспектив развития. Основными методами прогнозирования являются как математические, использующие ту или иную математическую функцию (экстраполяционный и аналитический методы), так и метод компонент или метод передвижки возрастов, который применяется при прогнозных расчетах численности и структуры населения. Наиболее часто для целей демографического прогнозирования применяются линейная, экспоненциальная и логистическая функции. Так, Притчет использовал кубическую параболу для экстраполяции численности населения США с использованием данных переписи [2], Мальтус предполагал рост населения Земли в геометрической прогрессии [3], т.е. по экспоненциальной функции. В западных исследованиях

часто используется кривая «насыщения» Ферхлюста – Пирла – Рида – логистическая функция, аналитически выведенная Ферхлюстом, позже независимо полученная Пирлом и Ридом и использованная ими для прогнозирования численности населения США [4]. Гиперболический рост численности населения Земли предложен советским астрономом Шкловским [5], затем Маккендриком, Хорнером и другими исследователями [6]. Данный подход использован Капицей для прогнозных расчетов численности населения планеты [7]. Однако демографические прогнозы, построенные с помощью математического подхода, предполагают неизменность социальных и экономических факторов, определяющих динамику населения на прогнозный период, и не учитывают влияние экономических и социальных перемен в обществе на динамику воспроизводства населения. В практике прогнозирования населения европейских стран всё большее распространение в последнее время приобретает метод прогнозирования, разработанный в самом конце XX века специалистами Международного института системных исследований Щербовым, Лутсом и Сандерсеном, названный методом вероятностного или стохастического прогноза. Данный метод на основе учета ожидаемых пределов колебания каждого из компонентов роста населения позволяет оценить «пучок» траекторий прогноза, каждая из которых может осуществляться с той или иной степенью вероятности [8].

В настоящий момент самым распространенным для прогноза численности и половозрастного состава населения является метод передвижки возрастов, позволяющий получить более точную информацию не только о численности населения и его половозрастной структуре, но и о демографических параметрах: рождаемости, смертности, миграции.

Известно достаточное количество прогнозов численности населения Российской Федерации по различным сценариям демографического и социально-экономического развития. В основном данные прогнозы преследуют чисто аналитические цели. Используются стандартные методики и программы демографического прогноза, основанные в большинстве своем на методе передвижки возрастов, которые позволяют оценивать влияние компонентов изменения населения на его будущую численность и структуру. Результаты демографических прогнозов целиком определяются системой прогнозных гипотез, касающихся рождаемости, смертности и миграции, а также методами расчета.

Изучение зарубежного и отечественного опыта построения прогнозов численности и структуры населения на среднесрочную перспективу позволяет сделать вывод о том, что разработка прогнозных сценариев для расчета численности населения должна опираться, во-первых, на основы демографической теории о взаимосвязях демографических процессов с экономическими, социальными, социокультурными, политическими изменениями; во-вторых, на анализ тенденций рождаемости, смертности и миграции прошлых лет и их учет при определении динамики в прогнозируемый период; в-третьих, на выявление группы факторов, оказывающих существенное влияние на процесс демографического развития.

Цель исследований.

Целью настоящего исследования является разработка сценариев демографического развития российского села с учетом влияния мер государственной политики на изменение численности сельского населения трудоспособного возраста в среднесрочной перспективе, поскольку все известные прогнозы не отражают особенности демографического поведения сельского населения РФ.

Методика исследований.

Математической основой прогнозных расчетов численности сельского населения РФ является метод передвижки возрастов, в основе которого лежит уравнение демографического баланса.

В общем виде метод передвижки возрастов [9], описывается формулой:

$$\bar{x}(t+1) = A(t) \cdot \bar{x}(t) + \bar{y}(t+1),$$

где $\bar{x}_{2M \times 1}(t+1)$ – вектор размерности $2M$ численности половозрастных групп населения на прогнозируемый момент времени $t+1$; M – количество возрастных групп; $\bar{x}_{2M \times 1}(t)$ – вектор численности половозрастных групп населения на исходный момент времени t ; $\bar{y}_{2M \times 1}(t+1)$ –

вектор сальдо миграции в интервале $(t, t + 1)$; $A_{2M \times 2M}(t)$ – матрица естественного движения населения.

Базовыми показателями для прогнозных расчетов методом передвижки возрастов являются данные о половозрастном составе населения на начало года, числе родившихся у матерей разного возраста, числе умерших по полу и возрасту, а также показатель миграционного прироста населения. В настоящей работе использована авторская программа, реализующая метод передвижки возрастов, разработанная к.э.н. В.Г. Коростелевым [10], в среде Mathcad 11.0. В результате расчетов получен половозрастной состав сельского населения РФ с интервалом в 5 лет, из которого выделена группа трудоспособных возрастов.

Однако точность прогноза в основном определяется качеством гипотез относительно будущих тенденций демографических показателей: рождаемости, смертности и миграции, а не сложностью используемого математического аппарата. На наш взгляд, должны учитываться две основные группы процессов: позитивные процессы, связанные с мерами государственной экономической и социальной политики; неблагоприятные процессы, связанные с воздействием кризисных явлений в экономике на развитие сельских территорий. В настоящей работе использовалась методология анализа, основанная на синтезе закономерностей общецивилизационных тенденций демографических процессов и специфических особенностей социально-демографического развития России последних лет.

За точку отсчета принята половозрастная структура сельского населения РФ на 1 января 2016 г., данные по рождаемости и смертности за 2015 г. Фактологическую основу исследования составляют данные, представленные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики РФ [11, 12].

В современных демографических исследованиях [13] особое внимание обращают на определяющую роль половозрастной структуры населения, сложившейся к началу прогнозного периода, в развитии его демографической динамики. Возрастная структура сельского населения РФ на 1 января 2018 г. согласно данным Росстата [11] представлена в таблице.

Таблица – Половозрастная структура сельского населения РФ на 1 января 2018 г.,
тыс. чел.

Возраст, лет	Мужчины	Женщины
0–4	1248	1180
5–9	1293	1230
10–14	1130	1076
15–19	969	909
20–24	1037	936
25–29	1314	1067
30–34	1507	1316
35–39	1316	1237
40–44	1236	1237
45–49	1191	1212
50–54	1272	1330
55–59	1483	1612
60–64	1198	1455
65–69	840	1166
70 и более	1078	2478

Очевидно, что численность сельского населения, входящего в трудоспособный возраст (15–19 лет) и в молодых трудоспособных возрастах (20–24 года) существенно ниже, чем в предпенсионных возрастах (50–54 года женщин и 55–59 лет мужчин). Согласно ФЗ № 350 [14] к 2025 г. численность трудоспособного сельского населения должна вырасти за счет более старших возрастов, тем не менее, динамика численности данной группы сельского населения останется убывающей, по крайней мере, в ближайшие 15 лет за счет сложившейся половозрастной структуры сельского населения.

Анализ перспектив изменения основных демографических параметров является основным этапом разработки вариантов демографического развития. В связи с принятием ряда активных мер государственной социальной и демографической политики показатели рождаемости сельского населения существенно выросли с 2005 г. (рис. 1).

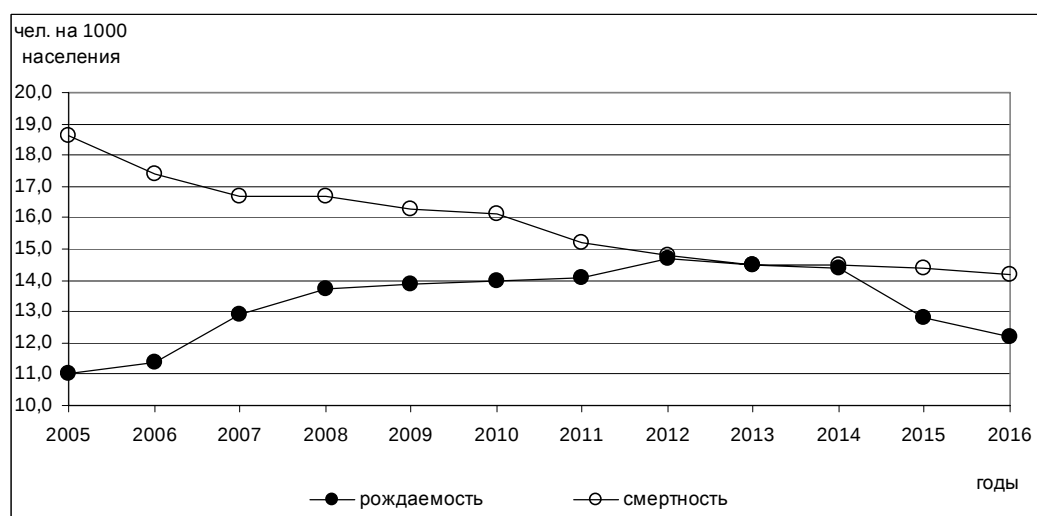

Рисунок 1 – Динамика общих коэффициентов рождаемости и смертности сельского населения РФ

С 2005 по 2012 г. рост общего коэффициента рождаемости сельского населения РФ составил 33,6% (с 11 до 14,7 чел. на 1000 населения). Однако с 2013 г. наблюдается снижение данного показателя, вызванного, главным образом, уменьшением численности женщин активного репродуктивного возраста. Общая тенденция к снижению рождаемости сельского населения, начиная с середины 90-х гг. прошлого века, привела к тому, что девочек, вступивших в период деторождения (15–19 лет) в 2015 г., на 560 тыс. меньше, чем женщин, вышедших из репродуктивного возраста. Очевидно, что лишь через 15 лет можно ожидать равнозначной по численности замены поколений сельских женщин, вступивших и вышедших из репродуктивного возраста.

Анализ динамики коэффициентов рождаемости сельского населения РФ по возрасту матери с 2005 по 2015 гг. показывает увеличение данного показателя практически во всех возрастных группах женщин, кроме 15–19-летних. Следует отметить наибольший рост коэффициентов рождаемости в группах женщин возраста 40–44 лет и 35–39 лет. С одной стороны, данный факт объясняется стимулированием рождения второго и последующих детей мерами государственной политики, с другой стороны, это – изменение возрастной модели рождаемости, отмечаемое многими демографами [15, 16], когда всё большая доля рождений смещается к более старшим возрастам женщин (отложенные рождения первого ребенка).

Однако резкое снижение коэффициентов рождаемости во всех возрастных группах сельских женщин репродуктивного возраста, за исключением 40–49-летних, начавшееся с 2015 г., может оказаться долговременной тенденцией, обусловленной, с одной стороны, снижением числа женщин детородного возраста, с другой, – изменившимися социально-экономическими условиями, связанными с кризисными явлениями в экономике. Таким образом, увеличение показателей рождаемости сельского населения в среднесрочной перспективе маловероятно. При положительных изменениях экономических условий с большей долей вероятности будет увеличиваться число рождений в более старших возрастах сельских женщин репродуктивного возраста.

На изменение показателей смертности сельского населения (рис. 1) существенно повлияли меры демографической и социальной политики государства, о чем свидетельствует снижающийся тренд общих коэффициентов смертности с 2005 по 2016 г. Особенно серьезно снизились показатели смертности трудоспособной части сельского населения. Высокая

смертность сельских мужчин в трудоспособном возрасте с 2005 по 2015 г. снизилась почти вдвое (на 47%), женщин – на 35,7%. К 2016 г. общий коэффициент смертности сельского населения РФ уменьшился до 14,4 чел. на 1000 населения против 18,6 чел. в 2005 г. Однако последние годы характеризуются практической неизменностью показателей смертности сельского населения, что может быть связано, в том числе и с увеличением ожидаемой продолжительности жизни, которая за рассматриваемый период времени выросла с 63,45 лет в 2005 г. до 70,5 лет в 2016 г. Последний факт неизменно влияет на динамику общего коэффициента смертности, поскольку основной вклад в значение данного показателя вносят старшие возраста (от 70 лет и старше). Таким образом, результаты анализа динамики показателей смертности сельского населения РФ позволяют предположить невысокую вероятность их дальнейшего резкого снижения.

Миграционный прирост сельского населения отрицателен за весь рассматриваемый период времени, однако его динамика весьма неоднозначна. Отток жителей из сельской местности, наблюдавшийся в 2005–2006 гг., относительно стабилизировался на уровне 13–16 чел. на 10000 населения в 2007–2009 гг. В 2010 г. произошел резкий отток жителей из сельской местности, вызванный большей частью аномальными погодными условиями, повлекшими за собой серьезные экономические потери сельскохозяйственной отрасли, а также массивные пожары, в которых, в основном, пострадали жители сел и деревень. В 2015 г. коэффициент миграционного прироста оказался на уровне 2007–2009 гг. Миграционный отток из села в город обусловлен ограниченностью сферы приложения труда в сельской местности, низкой оплатой труда, соответственно, низким уровнем жизни, а также невозможностью дать детям достойный уровень образования, огромным социальным разрывом между городом и селом. Для стабилизации численности сельского населения большое значение имеют как продуманная миграционная политика, так и повышение привлекательности сельских территорий. Вместе с тем использование механизма замещающей миграции будет иметь не только позитивные, но и негативные социально-культурные последствия, которые надо учитывать [17]. В последние годы поток миграции из села существенно сократился, поэтому при построении сценарных прогнозов можно предположить некоторую стагнацию коэффициента миграционной убыли на уровне 2015 г.

Таким образом, исходя из проведенного анализа тенденций демографического развития сельского населения РФ и зависимости демографического поведения от социально-экономических условий, были сформированы предполагаемые сценарии для среднесрочного демографического прогноза. Все варианты рассмотрены с учетом миграционных процессов. Коэффициент миграционного прироста на весь прогнозный период фиксируется на уровне 2015 г., т.е. 13 чел. на 10 000 населения.

Сценарий пессимистический с учетом миграции. Данный вариант предполагает неизменность повозрастных коэффициентов рождаемости и смертности на протяжении всего прогнозного периода и соответствие их уровню 2015 г.

Сценарий экстраполяционный с учетом миграции. Строятся экстраполяционные зависимости общих коэффициентов рождаемости и смертности до 2025 г., исходя из сложившейся динамики данных демографических параметров. Повозрастные коэффициенты рождаемости, а также коэффициенты смертности (чел. на 1000 населения) для детей до года, мужчин и женщин до 2025 г. просчитываются в соответствии с экстраполяционными значениями, которые фиксируются на достигнутом уровне до конца прогнозного периода.

Сценарий оптимистический с учетом миграции. Основой данного сценария являются целевые ориентиры демографических параметров, отмеченных в Концепции демографического развития РФ до 2025 г. Повозрастные коэффициенты рождаемости, рассчитанные в соответствии с показателями, отмеченными в Концепции, фиксируются на уровне 2020 г., а повозрастные коэффициенты смертности рассчитываются для каждого года поэтапно, исходя из фиксации основных коэффициентов на уровне 2020 г.

Результаты исследований.

Все изменения демографических параметров в соответствии с методикой прогнозирования вводятся с 2020 г. Следовательно, влияние моделируемых изменений смертности и рождаемости на численность населения в трудоспособных возрастах будет регистрироваться соответственно с 2035 г. К 2025 г. в соответствии с принятым ФЗ № 350 [14] изменятся сроки выхода на пенсию для женщин с 60 лет, для мужчин – с 65 лет, что соответственно отразится на увеличении численности трудоспособного сельского населения. Результаты прогнозирования представлены на рисунке 2.

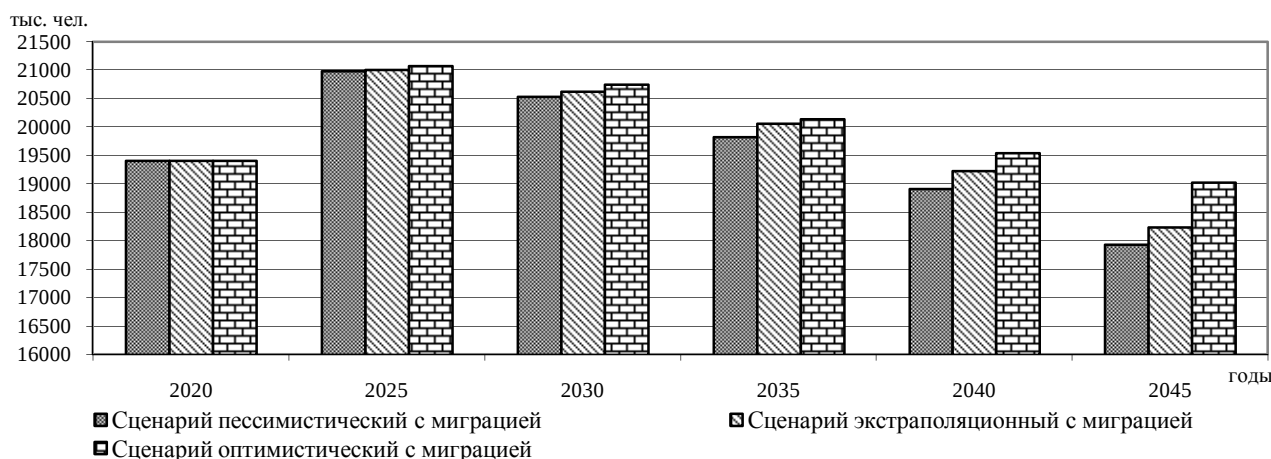

Рисунок 2 – Прогнозная динамика численности трудоспособного сельского населения РФ с учетом миграционных процессов

Наименьшая численность трудоспособного сельского населения РФ к 2045 г. прогнозируется по пессимистическому варианту с учетом миграции и результатов пенсионной реформы – до 17,9 млн чел., при этом потери относительно данных 2015 г. составят почти 2,9 млн чел. По оптимистическому сценарию с учетом миграции потери сельского населения трудоспособного возраста к 2045 г. составят 1,8 млн чел., что меньше, чем по всем рассмотренным вариантам. Расчеты по сценарию, учитывающему тенденции развития демографических параметров российского села показывают, что к 2045 г. численность трудоспособного сельского населения может достичь с учетом пенсионной реформы и миграционных процессов – 18,2 млн чел., что на 2,6 млн чел. меньше, чем в 2015 г.

Предполагаемая динамика численности трудоспособной части сельского населения неизменно приведет к изменению ее удельного веса в общей прогнозной численности всего сельского населения РФ, который вырастет относительно уровня 2015 г. по пессимистическому и экстраполяционному вариантам демографического развития с 55% в 2015 г. до 56,9% и 56% к 2045 г. соответственно. Расчеты по оптимистическому варианту с учетом миграции приведут к снижению доли трудоспособного сельского населения до 54,2% к 2045 г., что приведет к росту общей демографической нагрузки. Рост удельного веса трудоспособной части населения является результатом повышения пенсионного возраста согласно ФЗ № 350.

По той же причине с 2030 г. резко снижается уровень общей демографической нагрузки на трудоспособное население с 819 чел. на 1000 трудоспособных в 2015 г. до 705–758 чел. к 2030 г. Однако с 2035 г. данный показатель начинает неуклонно расти по всем рассмотренным вариантам демографического развития. К 2045 г. наименьшее значение данного показателя рассчитано для пессимистического варианта с учетом миграции – 756 чел. на 1000 чел. трудоспособного, наибольшее – по оптимистическому варианту с учетом миграционных процессов, где учитывается высокий отток 15–19-летних и в возрасте 25–29 лет из села с одной стороны, а также существенное снижение смертности и увеличение продолжительности жизни, т.е. рост числа пенсионеров, с другой стороны, общая демографическая нагрузка прогнозируется до 846 чел. на 1000 трудоспособных.

Тенденция снижения рождаемости и роста демографической нагрузки на трудоспособное население в связи со снижением показателей смертности является достаточно длительным трендом и в странах Европы. Так, среднегодовое значение общего коэффициента рождаемости за период с 1950 по 2015 г. составило (в ‰): Германия – 11,8; Австрия – 12,8; Люксембург – 13,0; Бельгия и Швейцария – 13,4; Великобритания – 13,9; Франция – 14,8; Нидерланды – 15,1; а общего коэффициента смертности за тот же период времени (в ‰): в Германии – 11,5; Австрии – 11,4; Бельгии – 11,3; Великобритании – 11,2; Люксембурге – 10,7; Франции – 10,3; Ирландии – 9,6; Швейцарии – 9,1; Нидерландах – 8,2 [18]. Показатели рождаемости сельского населения РФ по данным за 2012–2014 гг. (14,4–14,7‰) были ближе к показателям Великобритании, в 2015 г. опустились и приблизились к уровню рождаемости в Австрии (12,8‰). В то же время значения показателей смертности сельского населения РФ (14,4‰) существенно выше, чем во многих европейских странах. Коэффициенты смертности сельского населения, сопоставимые с аналогичными значениями стран Европы, наблюдались в России в 70-х гг XX века, следовательно, существует потенциал снижения смертности жителей российского села.

Заключение.

Проведенные исследования по среднесрочному прогнозированию численности трудоспособного сельского населения РФ позволяет сделать следующие выводы.

Методика построения возможных сценариев демографического развития, основанная как на глубоком анализе тенденций основных демографических параметров населения, так и на изучении влияния социально-экономических факторов развития, позволяет моделировать различные варианты сочетания демографических характеристик населения. Поэтому данная методика может быть использована для экспертных оценок отдаленных последствий принимаемых мер государственной аграрной и демографической политики.

Из рассмотренных сценариев демографического развития сельского населения Российской Федерации с учетом миграционных процессов ни один не позволил получить картину роста численности трудоспособного сельского населения в среднесрочной перспективе после окончательного перехода на новые возрастные категории выхода на пенсию согласно ФЗ № 350 [14]. Существенную роль при этом играет сложившаяся половозрастная структура сельского населения к началу прогнозного периода. Тем не менее, управленческие меры по изменению демографической динамики населения, предпринимаемые на государственном уровне, начиная с 2006 г., и направленные на стимулирование рождаемости и снижения предотвратимой смертности, а также последствия пенсионной реформы могут, как показывают прогнозные расчеты, в среднесрочной перспективе теоретически дать кратковременный рост численности трудоспособного сельского населения РФ.

Чувствительность уровня смертности к факторам социально-экономического развития превращает его в потенциальный объект регулирования и управленческого воздействия. Радикальное улучшение системы медицинского обслуживания населения, профилактика и диагностика эндогенных заболеваний, формирование стереотипов здорового образа жизни, обеспечение безопасных условий труда, повышение уровня и качества жизни позволят снизить смертность сельского населения в трудоспособном возрасте.

Как показывают результаты исследования, большое значение для стабилизации и в перспективе роста численности трудоспособного сельского населения РФ имеет продуманная миграционная политика, обеспечивающая привлекательные социально-экономические условия для возвратной миграции и привлечения высококвалифицированных специалистов, включая иностранцев.

На решение данных задач направлены государственные инициативы, включая Федеральный закон от 28 декабря 2017 г. № 418-ФЗ, Постановление Правительства от 30 декабря 2017 г. № 1711, Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г., выполнение которых должно способствовать усилению позитивных демографических тенденций в стране.

Результаты среднесрочного сценарного прогнозирования численности трудоспособного сельского населения Российской Федерации могут служить основанием для разработки стратегических направлений комплексного развития сельских территорий и агропродовольственного комплекса России.

Список литературы:

1. Бутырин В. Управление аграрным производством в зарубежных странах // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2004. – № 4. – С. 15–17.
2. Spiegelman M. Introduction to Demography, Cambridge, MA, 1968. – P. 406.
3. Malthusian Theory of Population // Population and Natural Resources module: Conceptual Framework. AAG Center for Global Geography Education. – URL: http://cgge.aag.org/PopulationandNaturalResources1e/CF_PopNatRes_Jan10/CF_PopNatRes_Jan108.html
4. Методика прогнозирования производства и потребления основных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Поволжье / А.А. Черняев [и др.]; ГНУ ПНИИ ЭО АПК. – Саратов: Саратовский источник, 2008. – 78 с.
5. Шкловский И.С. Вселенная, жизнь, разум / под ред. Н.С. Кардашева и В.И. Мороза. – 6-е изд., доп. – М.: Наука, Физматлит, 1987. – 320 с. (Проблемы науки и технического прогресса).
6. Ron W. Nielsen Hyperbolic Growth of the World Population in the Past 12,000 Years // Cornell University Library. Jan 2016. – URL: <https://arxiv.org/abs/1510.00992>
7. Капица С.П. Очерк теории роста человечества: демографическая революция и информационное общество. – 2-е изд. – М.: Ленанд, 2014. – 123 с.
8. Щербов С.Я. Сколько же нас может быть? // Вопросы статистики. – 2002. – № 3. – С. 17–23.
9. Тихомиров Н.П. Демография: методы анализа и прогнозирования: учебник. – М.: Экзамен, 2005. – 253 с.
10. Bylina S., Korostev V. Forecasting the Number of Rural Population of Able-Bodied Ages: Methodology and Program // The Village in Transition: Papers' abstracts of the XIV International scientific conference "Vlasina Encounters 2008" / Ed. by Djura Stevanovic. – Beograd: Mladost biro, 2008. – P. 99.
11. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <http://www.gks.ru>
12. Демографический ежегодник России. 2017: стат.сб. / Росстат. – М., 2017. – URL: <http://www.gks.ru>
13. Архангельский В.Н. Современная половозрастная структура населения России как фактор перспективной динамики его численности // Новые ориентиры демографической политики Российской Федерации в условиях экономического кризиса: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. 8 декабря 2016 г. / отв. ред.-сост. С.В. Рязанцев и Е.Е. Письменная. – М.: Изд-во Экон-Информ, 2016. – С. 97–102.
14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: Федеральный закон № 350-ФЗ от 3 октября 2018 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43614>
15. Вишневский А.Г. Глобальные детерминанты низкой рождаемости // Синергетика. Будущее мира и России / под ред. Г.Г. Малинецкого. – М.: изд-во ЛКИ, 2008. – С. 71–91.
16. Клупт М.А. Демографическая повестка XXI века: теории и реалии // Социологические исследования. – 2010. – № 8. – С. 60–71.
17. Блинова Т.В. Демографические угрозы и ограничения развития сельских территорий России // Вестник СГСЭУ. – 2018. – № 2. – С.14–19.
18. Манаков А.Г., Суворков П.Э. Прогноз динамики численности населения и демографической нагрузки в странах Западной Европы до 2095 года // Псковский регионологический журнал. – 2016. – № 4. – С. 29–45.

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Русановский В. А., д.э.н., ССЭТ (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова
Вяльшина А.А., к.социол.н., Блинова Т.В., д.э.н., ИАГП РАН

В статье представлены результаты исследования социального самочувствия и экономического положения различных социально-демографических групп занятого сельского населения. Исследования показали, что к первоочередным социально - экономическим проблемам, вызывающим наибольшую тревожность различных слоев сельского населения, относятся опасения потерять работу, риски ухудшение материального положения, тревоги за будущее семьи и детей. Сделан вывод, что измерения социального самочувствия необходимо включать в интегральную характеристику развития сельских территорий.

Ключевые слова: сельское население, социальное самочувствие, риски потери работы, ухудшение материального положения

SOCIAL SENSITIVITY AND ECONOMIC SITUATION OF RURAL POPULATION: SOCIAL AND DEMOGRAPHIC ANALYSIS

Rusanovskiy V.A., doctor of economic sciences,
Saratov Socio-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics,
Vyalshina A.A., candidate of sociological sciences,
Blinova T.V., doctor of sociological sciences, IAGP RAS

The article presents the results of a study of the social well-being and economic situation of various socio-demographic groups of the employed rural population. Studies have shown that the priority social and economic problems that cause the greatest anxiety of various segments of the rural population include fears of job losing, the risks of financial situation worsening, anxiety for the future of the family and children. It was concluded that measurements of social well-being should be included in the integral characteristic of rural development.

Keywords: rural population, social well-being, risks of job loss, deterioration of financial position

Введение.

Социальное самочувствие представляет собой интегральную характеристику реализации жизненной стратегии личности, оно рассматривается как соотношение между уровнем притязаний и степенью удовлетворения потребностей субъекта. Исследования социального самочувствия сосредоточены на анализе жизненных притязаний, измеряемых через ценностные ориентации, ожидания, цели и задачи, которые ставят перед собой люди, а также через оценки ими своих возможностей в достижении или сохранении желаемого статуса и социальной роли.

В современной литературе социальное самочувствие рассматривается как «внутреннее состояние социального субъекта, сопровождающееся той или иной степенью удовлетворенности собственными условиями жизнедеятельности» [1. С.37]. Различают узкое и широкое толкование понятия «социальное самочувствие». Исследователи считают, что если широкое толкование сближает его с таким понятием как «социальное настроение», включающим субъективные оценки людьми не только своего положения, но и ситуации в обществе, то узкая трактовка ближе к тому, что в англоязычной литературе называют «субъективное благополучие» [2, 3, 4].

В оценке самочувствия акцентируется внимание на субъективной стороне восприятия реальности индивидами и социальными общностями. Оно формируется под влиянием ряда объективных и субъективных обстоятельств жизни респондентов. Эти обстоятельства образуют многоуровневую систему факторов (глобального, социетального, регионального и ин-

дивидуального масштабов), оказывающих в совокупности интегральное воздействие на самочувствие населения. Авторы разграничивают объективные и субъективные факторы, влияющие на социальное самочувствие, если первые включают экономические и социальные характеристики уровня и качества жизни, то вторые - счастье, благополучие, уверенность, стабильность.

Важными факторами социального самочувствия являются объективные условия жизнедеятельности (состояние экономики, социально-экономическая ситуация в населенном пункте проживания, уровень развития социальной инфраструктуры, социальная ситуация и теснота взаимодействий в локальном сообществе) и субъективная ситуация (семейная ситуация, наличие и количество детей, статус занятости, уровень и источники доходов, индивидуальная система жизненных ценностей, мотивация и уровень притязаний). Ученые считают, что ведущим фактором, влияющим на социальное самочувствие населения является социально-производственная среда или, другими словами, сфера труда [5. С.47]. Исследованию различных сторон социального самочувствия в социологической литературе уделяется все больше внимания [6,7,8]. Важно понимать, что экономические показатели развития сельских территорий не способны представить системную и комплексную характеристику жизни сельского населения. Одни и те же экономические показатели могут отражать разный характер социального самочувствия основных социально-демографических групп населения. В связи с этим измерение социального самочувствия необходимо включать в интегральную характеристику развития сельских территорий.

Цель исследования - оценить социальное самочувствие и экономическое положение основных социально-демографических групп сельского населения, выполнить сравнительный анализ и выявить различия в зависимости от таких социально значимых факторов как возраст, уровень образования и наличие работы. Исследование социального самочувствия основано на выборе социально-демографических групп, которые позиционируются в возрастной стратификации как пенсионеры, лица среднего возраста и молодежь.

Методика исследований.

Объектом исследования выступают сельские жители в возрасте 16 лет и старше. В соответствии с целью исследования рассматривались социальные группы сельского населения, дифференцированные по возрастному признаку (16-29 лет – молодежь, 30-45 лет - взрослые, 46-60 лет – лица старшей возрастной группы, более 61 года - пенсионеры). Информационная база исследования сформирована на данных 25 волны Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» [9]. Объем выборки составил 2 745 человек в возрасте от 16 лет и старше, постоянно проживающих в сельской местности на момент опроса, в том числе 1 533 (45,5%) мужчин и 1 837 (54,5%) женщин. Среди респондентов 518 человек (15,4%) в возрасте 16-29 лет, 724 человека (21,5%) в возрасте 30-45 лет, 762 человека (22,6%) 46-60 лет и 741 человек (22,0%) в возрасте 61 год и старше. Среди молодежи 16-29 лет на момент опроса имели оплачиваемую занятость 36,9%, в составе лиц 30-45 лет работали 69,8%, среди сельских жителей 46-60 лет - 55,5%. Среди респондентов старше 61 года 10,3% имели оплачиваемую занятость. Анализ многомерных распределений ответов респондентов проводился с использованием пакета статистической обработки данных STATISTICA Advanced for Windows 10.0.

В соответствии с целями исследования были выделены основные социальные группы по участию в том или ином виде деятельности. Среди молодежи 16-29 лет основными группами стали учащиеся (в школах, ПТУ, колледжах, ВУЗах), работающие лица и лица, не имеющие работу, но активно ее ищущие – безработные. Среди лиц 30-45 лет представлены группы работающих и безработных; среди тех, кому 46-60 лет – работающие, безработные и пенсионеры. Среди лиц старше 61 года мы рассматриваем лиц, находящихся на пенсии, которых большинство и рассматриваем их вместе с работающими пенсионерами. Предполагается, что подобная типологизация, обусловленная общностью демографических и социально-экономических предпосылок формирования уровня, качества, стиля и образа жизни лиц, по-

зволит выявить различия в особенностях социального самочувствия ключевых социальных групп сельских жителей.

Результаты исследования.

Современная социальная структура работающего сельского населения характеризуется наличием разных социально-демографических и социально-экономических групп. В статье исследованы экономическое положение и социальное самочувствие четырех возрастных групп работающих: молодежи 16-29 лет, лиц 30-45 и 46-60 лет, а также пенсионеров старше 61 года. Результаты исследования показывают, что при прочих равных условиях основные различия в экономическом положении и социальном самочувствии сельских жителей разных возрастных групп во многом обусловлены уровнем образования, сферой занятости, оплатой труда. Наличие профессионального образования является одним из факторов социального благополучия в сельской местности. Если среди работающей молодежи наиболее высокая доля лиц без профессионального образования (23,4%), то по мере увеличения возраста она постепенно снижается, достигая минимума для лиц пенсионного возраста (10,5%). Работающие пенсионеры имеют в среднем наиболее высокий уровень образования – около 62,0% из них с высшим и средним профессиональным образованием. Следует обратить внимание, что продолжают работать, а не уходят на пенсию, как правило, лица с высшим и средним профессиональным образованием. Среди опрошенных 30-45 лет и 46-60 лет высока доля лиц, имеющих начальное профессиональное образование (35,3% и 42,6% соответственно).

Важно отметить, что опрошенные сельские безработные (вне зависимости от возраста) имели более низкий уровень образования. Это означает, что вне сферы оплачиваемой занятости, как правило, остаются лица с низким уровнем образования, не имеющие профессии. Шансы на трудоустройство реализуют в первую очередь сельчане, имеющие профессиональное образование.

Значимым фактором дифференциации социального самочувствия сельского населения выступает наличие работы и уровень оплаты труда. Согласно полученным данным самая высокая средняя зарплата за последний год наблюдалась у 30-45 летних (18 976 руб) и лиц в возрасте 46-60 лет (16 291 руб), у пенсионеров она ниже (15 000 руб) (табл.). Очевидно, что для пенсионеров, имеющих основной доход в виде трудовой пенсии, зарплата является хорошим подспорьем, поэтому они в большинстве своем довольны и материальным положением, и жизнью в целом.

Таблица - Средняя зарплата работающих сельских жителей за последние 12 месяцев в зависимости от возрастной группы

Возрастная группа	Средняя зарплата за последние 12 месяцев	Представьте, что вам сейчас предложили работу. За какую зарплату вы согласились бы к ней приступить?
16-29 лет	18 748 руб	40 575 руб
30-45 лет	18 976 руб	36 625 руб
46-60 лет	16 291 руб	33 113 руб
Старше 61 года	15 000 руб	-

Для 30-45-летних имеющаяся зарплата невелика, учитывая, что у них есть, как правило, несовершеннолетние дети. Тем не менее, работа для всех возрастных групп является важным источником жизнеобеспечения. Анализ ответа на вопрос о том, за какую зарплату они согласились бы выйти на вновь предложенную работу, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в желаемых размерах зарплат, которые в 2 - 2,2 раза выше имеющихся, спроецирован определенный «уровень запросов» сельчан, который реальная оплата труда не обеспечивает. Наиболее высокий уровень оплаты труда обозначили молодые люди 16-29 лет, лица 46-60 лет «согласны» на двукратное повышение оплаты труда. Во-вторых, размеры зарплатных ожиданий указывают на то, что у основных социальных групп сельских жителей сложились определенные стратегии жизнеустройства, состоящие из различных комбинаций основных способов обеспечения благополучия (оплачиваемая занятость, пенсии, пособия,

случайные заработки, ЛПХ, помощь родителей или других родственников). Они адаптировались к сложившимся условиям, выработали оптимальные, по их мнению, стратегии, удовлетворены ими и многие не желают что-либо менять в своей жизни. Важно также отметить, что зарплата является основным и главным источником дохода для работающих сельских жителей. Только 9,0% лиц 30-45 лет и 7,8% работников 46-60 лет указали на то, что держат скотину для продажи; выращивают овощи на реализацию 5,9% и 5,6% соответственно.

Одним из факторов, влияющих на изменение социального самочувствия населения, является динамика доходов. На улучшение материального положения за последний год чаще других указывают работающая молодежь 16-29 лет (20,2%), а также пенсионеры, имеющие оплачиваемую занятость (17,1%). Первые по причине роста профессиональных компетенций, которые находят отражение в повышении размера оплаты труда, а вторые – благодаря наличию двух главных источников дохода – пенсии и зарплаты. Наибольшее ухудшение материального положения ощущают лица предпенсионного возраста 46-60 лет (26,2%), с одной стороны, по причине снижения возможностей для активной трудовой деятельности из-за ухудшения состояния здоровья, с другой – из-за высокой уязвимости этой категории работающих лиц, когда работодатель может найти «законные причины» для прекращения трудовых отношений, а найти новую работу в этом возрасте очень сложно.

Удовлетворенность работой выступает фактором, улучшающим социальное самочувствие населения, занятого в экономике. Исследование восприятия разными возрастными группами сельского населения своего отношения к работе показало, что в большей степени довольны работой сельские пенсионеры. Так, 18,7% работающих сельчан старше 61 года полностью удовлетворены своей работой и еще 62,7% скорее удовлетворены, чем нет. Это самые высокие показатели удовлетворенности работой среди всех возрастных групп. Также высокую степень удовлетворенности своей работой демонстрируют лица в возрасте 30-45 лет (12,2% полностью удовлетворены и еще 51,9% скорее удовлетворены, чем нет). Молодежь и лица предпенсионного возраста несколько меньше довольны своей работой, но различия незначительные.

Среди работающих сельских жителей с увеличением возраста уменьшается доля лиц, желающих найти другую работу. Если среди молодежи 16-29 лет их доля составляет 22,3%, среди 30-45-летних – 17,9%, то среди тех, кому 46-60 лет – только 12,6%. Подавляющее большинство работающих пенсионеров (98,7%) не хотят искать или менять имеющуюся работу. Мы согласны с авторами, считающими, что степень удовлетворенности положением дел связана, прежде всего, с восприятием тех вызовов, с которыми приходится сталкиваться жителям. [10] Вызовы, связанные с потерей работы беспокоят значительную часть населения, однако степень тревожности зависит от возраста, социального статуса, уровня оплаты труда. Только каждый пятый представитель молодежи (20,4%) очень беспокоится о возможной потере работы, около 10,5% полностью уверены, что в случае увольнения смогут найти работу не хуже нынешней, еще 24,2% скорее уверены в этом, чем нет. Следует учитывать, что молодые люди легко находят работу в сфере неформальной занятости [11] или нерегулярных подработок [12]. В составе опрошенных лиц 30-45 лет очень беспокоятся о возможной потере работы 35,3%, еще 38,2% немного беспокоятся. Из них более половины не уверены, что смогут найти достойную работу заново (24,3% не очень уверены и 26,9% совсем не уверены). Крайнюю степень беспокойства о возможной потере работы проявляют сельские предпенсионеры: 39,7% очень беспокоятся о потере работы, еще 30,1% немного беспокоятся. При этом более, чем две трети из них (66,1%) не уверены, что смогут найти подходящую работу в случае увольнения.

В число актуальных и острых проблем сельской жизни входят перспективы изменения материального положения семей. Как подчеркивают социологи, «важным фактором, характеризующим социальное самочувствие населения, является характер прогнозов, связанных с перспективами развития личного благосостояния и страны в целом» [10]. Результаты выполненных исследований показывают, что с надеждами на улучшение своего материального положения связаны ожидания меньшей части работающих. К тому же уровень экономиче-

ского оптимизма сельских жителей, измеряемого положительными ожиданиями улучшения материального положения семьи в ближайший год, сокращается по мере увеличения возраста. Если среди молодежи 16-29 лет доля считающих, что через год они будут жить материально немного лучше, составляет 31,5%, среди лиц 30-45 лет – 23,3%, то среди тех, кому 46-60 лет – 13,3%, среди пенсионеров – 11,7%. Более половины лиц 46-60 лет тех, кто старше 61 года, считают, что изменений их материальной ситуации ждать неоткуда, она останется прежней (52,5% и 56,5% соответственно).

Работающие взрослые 30-45 лет, имеющие, как правило, семьи и детей, проявляют очень высокую степень беспокойства будущими материальными возможностями (42,9% очень беспокоятся о них). Согласно полученным данным у работающих лиц 30-45 лет в среднем 2,02 ребенка, в том числе моложе 18 лет – 1,51. Лица старшего возраста (46-60 лет) также переживают о том, смогут ли обеспечивать свою семью самым необходимым, в значительной степени из-за уязвимости на рынке труда (41,7% очень беспокоятся). Более высокие карьерные и зарплатные ожидания работающей молодежи 16-29 лет обуславливают невысокие уровни беспокойства о том, что они не смогут обеспечивать себя и свою семью самым необходимым (24,3%).

Социальное расслоение населения происходит как в городской, так и в сельской местности. Большой научный интерес представляет анализ и сопоставление субъективных оценок и самооценок индивидов, то, с какими социальными группами и слоями населения они идентифицируют себя. Исследования показали, что свою принадлежность к бедным ощущают чуть менее половины работающих сельских респондентов. На это указали 39,2% молодежи 16-29 лет, 43,8% лиц 30-45 лет и 45,1% тех, кому 46-60 лет. Остальная часть – около половины – ощущают принадлежность к среднему социальному слою (55,8%, 53,7% и 51,9% соответственно). Среди работающих пенсионеров, доля считающих себя людьми среднего достатка максимальная – 60,8%. Работающая сельская молодежь 16-29 лет демонстрирует высокие уровни удовлетворенности как материальным положением, так и жизнью в целом по сравнению с другими возрастными группами работающих сельчан. Примерно 19,9% из них удовлетворены материальным положением. Однако, максимальный уровень удовлетворенности своим финансовым положением показывают работающие пенсионеры – 37,8%. Среди работающих взрослых 30-45 лет удовлетворены материальным положением только 10,9%, среди лиц предпенсионного возраста – 13,5%. Работающая сельская молодежь больше остальных возрастных групп удовлетворена своей жизнью (56,9%), с возрастом уровни удовлетворенности жизнью снижаются (51,7% среди лиц 30-45 лет, 44,9% – среди тех, кому 46-60 лет и 52,7% среди пенсионеров старше 61 года).

Таким образом, анализ ответов сельчан, представляющих разные социальные слои, позволил оценить экономические процессы с позиций населения и определить проблемы и «критические точки» субъективного благополучия сельского населения.

Заключение.

Современная сложная социальная структура работающего сельского населения характеризуется наличием разных социально-демографических и социально-экономических групп населения. Молодежь 16-29 лет одна из самых неоднородных социальных групп. Если учащиеся и студенты, получающие образование, финансово зависимы от родителей, то работающие молодые люди самостоятельны, прагматичны и независимы. Они имеют более высокий уровень образования по сравнению с неработающей молодежью, часто тревожатся о возможной потере работы, о будущем материальном положении, многие имеют семьи и ведут свое хозяйство. Работающие сельские пенсионеры являются относительно благополучной социальной группой села. В составе работающих пенсионеров сконцентрированы лица с высоким уровнем образования, профессионального мастерства и компетентности. Они реже беспокоятся о материальном положении и потере работы, что позволяет им испытывать удовлетворение от своей жизни.

Результаты исследования показывают, что при прочих равных условиях основные различия в экономическом положении и социальном самочувствии сельских жителей разных

возрастных групп во многом обусловлены уровнем образования, связанными с ним сферами жизнедеятельности и оплатой труда. Вне сферы оплачиваемой занятости, как правило, остаются лица с низким уровнем образования, не имеющие профессии. Шансы на трудоустройство реализуют в первую очередь сельчане, имеющие профессиональное образование. Результаты проведенного исследования показали, что к социально - экономическим проблемам, вызывающим наибольшую тревожность различных слоев сельского населения, которые можно назвать первоочередными, относятся опасения потерять работу, риски ухудшение материального положения, тревоги за будущее семьи и детей. Таким образом, для системной и комплексной характеристики жизни сельского населения необходимо измерения социального самочувствия включать в интегральную характеристику развития сельских территорий.

Список литературы:

1. Ефлова М.Ю., Ишкинеева Ф.Ф., Фурсова В.В. Социальное самочувствие и ценностные ориентации студенческой молодежи в контексте социальных изменений // Вестник Института социологии. - 2014. - №3 (10). - С. 34-44, 37
2. Кученкова А.В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестник РГГУ. Серия Философия, Социология, Искусствоведение. - 2016. - № 2. - С. 118-127.
3. Diener, E., Ryan, K. Subjective well-being: a general overview. South African Journal of Psychology, 2009. 39, 391–406.
4. McGillivray M. 2007. Human Well-being: Issues, Concepts and Measures // McGillivray M., ed. Human Well-Being: Concept and Measurement. Basingstoke, UK: Palgrave MacMillan. P. 88 – 112.
5. Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. - 2010. - № 3. - С. 45-50.
6. Балацкий Е.В. Методы диагностики социального самочувствия населения // Мониторинг общественного мнения. - 2005. - № 3. - С. 47–53.
7. Бессокирная Г.П. Социальное самочувствие рабочих // Социологические исследования. - 2008. - № 3. - С. 34–37.
8. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян / отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Изд-во «Весь Мир», 2018. - 384 с.
9. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом - Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. – URL: <http://www.hse.ru/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>
10. Кожина Т.П., Шабунова А.А., Шухатович В.Р. Экономическое положение и социальное самочувствие населения регионов Северо-Западного федерального округа РФ и Республики Беларусь // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. - 2010. - №1 (9). - С. 108-117.
11. Блинова Т. В., Вялышина А. А. Структура неформальной занятости молодежи на российском рынке труда // Социологические исследования. - 2018. - № 4. - С. 61-72.
12. Блинова Т.В., Вялышина А. А. Молодежь вне сферы образования и занятости: оценка сельско – городских различий // Социологические исследования. -2016. - № 9. - С.40-49.

МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УЯЗВИМОСТИ СЕЛЬСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ С ДЕТЬМИ

Вялышина А.А., к.социол.н., ИАГП РАН

В статье представлены результаты анализа факторов формирования экономической уязвимости сельских домохозяйств с детьми. Особое внимание уделено обоснованию механизмов преодоления экономической уязвимости. Показано влияние социально-демографических характеристик семей (состав и структура семьи, состав источников доходов, иждивенческая нагрузка) и социально-экономических характеристик родителей (уровень образования и статус занятости главы семьи). На материалах Выборочного наблюдения доходов домохозяйств и участия в социальных программах (Росстат, 2017) показана дифференциация среднедушевых располагаемых ресурсов в различных типах семей с детьми. Особое внимание уделено особенностям социально-экономического положения малоимущих семей с детьми. Сделан вывод о том, что существующие инструменты социальной поддержки семей с детьми не в полной мере учитывают потребности и интересы реципиентов. Предложены возможные направления совершенствования механизмов социальной помощи уязвимым семьям.

Ключевые слова: сельские семьи, семьи с детьми, уязвимость домохозяйства, механизмы социальной поддержки.

MECHANISMS OF OVERCOMING THE ECONOMIC VULNERABILITY OF RURAL HOUSEHOLD WITH CHILDREN

Vyalshina A.A., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

The article presents the results of the analysis of factors of the economic vulnerability of rural households with children. Special attention is paid to the justification of mechanisms to overcome economic vulnerability. The influence of socio-demographic characteristics of families (the composition and structure of the family, the composition of income sources, dependent load) and the socio-economic characteristics of parents (level of education and employment status of the head of the family) are shown. The materials of a sample observation of household income and participation in social programs (Rosstat, 2017) show the differentiation of average per capita disposable resources in different types of families with children. Particular attention is paid to the peculiarities of the socio-economic situation of low-income families with children. It is concluded that the existing tools of social support for families with children do not fully take into account the needs and interests of recipients. Possible directions for improving the mechanisms of social assistance to vulnerable families are proposed.

Keywords: rural families, families with children, household vulnerability, social support mechanisms.

Введение.

Активная демографическая политика, реализующаяся через нацпроекты с 2006 года, незначительно изменила реальное социально-экономическое положение сельских семей с детьми. Рождение ребенка все еще снижает уровень жизни (иногда до черты бедности), для многих семей пока малодоступен рынок жилья, большинство женщин продолжают испытывать трудности при совмещении семейных и трудовых обязанностей, а ресурсов обычной сельской семьи не хватает для полноценного формирования и развития человеческого капитала сельских детей. Таким образом, современная система социальной поддержки семей с детьми слабо справляется с повышением их уровня и качества жизни, возможности занятости на сельском рынке труда ограничены как для мужчин, так и для женщин, а альтернативные источники доходов слабо доступны многим сельским жителям из-за более низкого уровня накопленного человеческого капитала. В подобных условиях расширенное воспроизводство сельского населения крайне затруднительно, поскольку семьи с детьми являются одной из самых социально уязвимых групп населения.

В научной литературе существует три основных подхода, объясняющих влияние дохода (а точнее его нехватки) на развитие детей. Согласно психологическому подходу, экономически уязвимые домохозяйства испытывают больше стресса в своей ежедневной жизни по сравнению с более обеспеченными семьями из-за постоянного поиска оптимальных стратегий жизнеобеспечения своей семьи. Кроме того, бедность и дефицит ресурсов истощают важные когнитивные ресурсы, снижает способность взрослых контролировать собственное поведение и мешает им ставить перед собой долгосрочные цели, деформируя внутрисемейные и детско-родительские отношения.

Экономический подход объясняет неблагоприятное влияние низких доходов на результаты развития детей отсутствием достаточного объема инвестиций в подрастающее поколение. Согласно теории человеческого капитала Г. Беккера [1, 2], время и деньги являются основными ресурсами родительских инвестиций в детей, подразумевая, что проживание в дружественном окружении и качественные обучающие практики многократно ускоряют развитие ребенка.

Социологический подход опирается на модель «культуры бедности» (О. Льюис), согласно которой нормы и поведение бедных семей и сообществ оказывают колоссальное влияние на формирование личности детей [3]. Бедные домохозяйства экономически маргинализированы и не имеют возможностей для восходящей социальной мобильности, что обуславливает их неадекватное поведение и соответствующую систему жизненных ценностей. В результате: культура бедности характеризуется слабым социальным контролем, неспособностью противостоять лишениям, наличием чувства беспомощности и неполноценности.

Под уязвимостью понимается прогнозируемое будущее ухудшение благополучия из-за высокой вероятности снижения уровня благосостояния. Формирование уязвимости домохозяйства зависит от наличия у семьи финансовых ресурсов, частоты возникновения рисков (проблемных) ситуаций, длительности и степени тяжести последствий от реализовавшихся рисков, а также от механизмов, используемых семьей для минимизации факторов риска (накопления на «черный день», помощь родственников, наличие имущества, которое в случае тяжелой жизненной ситуации можно продать и т.д.) [4].

Обзор различных подходов к исследованию уязвимости домохозяйства (монетарный / немонетарный подходы; подход, связанный с наличием активов; подход, связанный с источниками средств к существованию) позволяет сделать вывод, что основные теоретические концепции оперируют схожим набором индикаторов (низкий уровень доходов в сочетании с какими-либо социально-демографическими факторами – проблемы со здоровьем, нехватка человеческого капитала, безработица, большое число иждивенцев). Практическая значимость исследования факторов уязвимости домохозяйств заключается в разработке и реализации более точных, адресных инструментов противодействия рискам снижения благополучия семей с детьми.

Цель исследования.

Основной целью исследования является проведение анализа факторов формирования экономической уязвимости сельских домохозяйств с детьми, обоснование механизмов ее преодоления в среднесрочной перспективе.

Методология и информационная база исследования.

Информационную базу исследования составили результаты Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, проведенного Росстатом в 2017 г. [5]. Состав выборки - 48821 сельское домохозяйство, среди которых 13239 семей имеют детей до 18 лет (27,1%), остальные (35582 семей) – не имеют (72,9%). В составе семей с детьми 6776 домохозяйств с одним ребенком (51,2%), 4579 – с двумя детьми (34,6%), 1884 – с тремя и более детьми (14,2%). Отдельно выделяются монородительские семьи (2974 семей).

Объектом исследования являются сельские домохозяйства, имеющие совместно проживающих детей до 18 лет. Предмет исследования – анализ социально-экономического положения сельских домохозяйств с детьми в разрезе факторов формирования экономической уязвимости. В ходе исследования были выделены следующие задачи:

- анализ демографических (состав семьи, число имеющих детей), социальных (уровень образования главы семьи, наличие совместно проживающих родственников) и экономических (статус занятости, уровень среднедушевых располагаемых ресурсов семьи) факторов формирования уязвимости домохозяйств с детьми;

- оценка финансовых возможностей семей с детьми с точки зрения формирования предпосылок возникновения экономической уязвимости (трудности балансирования ежедневных платежей; наличие ипотеки; наличие задолженностей по уплате ипотечного кредита, оплаты счетов за услуги ЖКХ);

- исследование особенностей материального положения и участия в социальных программах сельских малоимущих домохозяйств с детьми.

Результаты исследования.

Домохозяйства, имеющие детей до 18 лет, чаще сосредоточены в более крупных населенных пунктах (59,8% семей с несовершеннолетними детьми проживают в населенных пунктах с числом жителей более 1000 человек). Если в населенных пунктах с числом жителей до 200 человек доля семей с детьми до 18 лет составляет 15,2%, то с числом жителей более 5000 человек – уже 23,5%. Аналогичным образом увеличивается концентрация домохозяйств с детьми в составе малоимущих. В селах с числом жителей до 200 человек доля семей с несовершеннолетними детьми в составе малоимущих составляет 52,5%. При увеличении числа жителей до 1001-5000 человек доля также растет и составляет 64,9%, а в составе сел с численностью более 5000 человек достигает уже 71,7%. Таким образом, по мере увеличения размера села растет как доля семей с несовершеннолетними детьми в составе жителей, так и их доля в составе бедных домохозяйств.

При проведении опроса в качестве главы домохозяйства выступало лицо, которое вносит основной вклад в формирование бюджета семьи. Как правило, в полных семьях эту роль исполняют мужчины. От уровня образования главы семьи зависит не только его профессионально-квалификационный уровень, место и условия работы, но и уровень дохода всей семьи. Анализ влияния уровня образования на материальное положение семьи позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, с ростом количества детей снижается доля семей, глава которых имеет высшее образование. Этот вывод согласуется с детерминацией моделей репродуктивного поведения семей с уровнем образования супругов [6]. Многочисленные исследования доказывают, что чем ниже уровень образования родителей, тем выше вероятность того, что они будут иметь большее количество детей. Однако в составе малоимущих домохозяйств доля глав многодетных семей, получивших высшее образование, несколько выше по сравнению с уровнем образования у одно- и двухдетных семей (см. табл.). Во-вторых, в составе небедных домохозяйств независимо от числа детей доля родителей с высшим образованием гораздо выше, в то время как в составе малоимущих семей выше доля родителей, не имеющих профессионального образования (только среднее общее или основное общее). В-третьих, низкий уровень образования является важным фактором бедности домохозяйств, причем с ростом числа имеющих детей данная тенденция нарастает. Если в составе семей с 1 ребенком не имеют профессии 38,4% глав домохозяйств, то среди многодетных – уже 44,7%. В составе небедных домохозяйств доля родителей без профессии составляет 18,9% и 31,9% соответственно.

Таблица – Влияние уровня образования главы домохозяйства на материальное положение семей с детьми

Уровень образования главы домохозяйства	с 1 ребенком		2 детьми		с 3 и более детьми	
	обычные	малоимущие	обычные	малоимущие	обычные	малоимущие
высшее	31,7	12,4	32	13,9	25,7	14,7
среднее профессиональное	38,1	36,5	36,3	35,3	32,2	29,6
начальное профессиональное	11,3	12,5	11,4	13,4	10,3	11,1
среднее общее	13,5	24,7	15,1	24,6	21,5	28,3
основное общее и ниже	5,4	13,7	5,1	12,8	10,3	16,4

Наличие оплачиваемой занятости является главным фактором преодоления экономической уязвимости семей с детьми. От характера (постоянная, временная, сезонная), типа (формальная, неформальная) и сферы (государственная, частная, предпринимательская деятельность) занятости зависят:

- уровень доходов работника и материальное благополучие его семьи;
- стабильность трудовой деятельности (социальные гарантии, официальное трудоустройство и возможность планирования будущих расходов).

В семьях, имеющих детей до 18 лет, глава домохозяйства имеет оплачиваемую занятость среди 90,0% респондентов из небедных семей. Выше остальных доля работающих в двухдетных семьях (92,5%), минимальная – в многодетных домохозяйствах (80,5%). В составе малоимущих домохозяйств доля занятых глав семей составляет от 78,2% (среди двухдетных домохозяйств) до 66,9% (в составе многодетных семей). В неполных домохозяйствах работают главы 87,8% небедных семей и 66,3% из малоимущих.

Во многих семьях работает не только глава домохозяйства, но и другие совместно проживающие с ней члены семьи. Невысокое число работающих членов семьи является фактором экономической уязвимости домохозяйства из-за высокой иждивенческой нагрузки. В небедных семьях среднее число работающих членов семьи заметно выше по сравнению с малоимущими. Так, в небедных однодетных семьях работают 1,7 человека (в малоимущих только 1,21), в двухдетных – 1,74 (1,31), в многодетных – 1,45 (1,14 в малоимущих). В монородительских семьях ситуация еще хуже: там работают в среднем 0,88 человека в семьях без других родственников и 1,38 – с родственниками (как правило, это родители главы семьи, составляющие многопоколенную семью). В малоимущих монородительских семьях работают в среднем 0,68 человек в однопоколенных семьях и 0,32 – в многопоколенных. Кроме того, в монородительских семьях крайне высок показатель среднего числа неработающих членов семьи: в малоимущих однопоколенных семьях их 0,95 человека, в многопоколенных – 1,26. Стоит обратить внимание, что в малоимущих домохозяйствах среднее число работающих взрослых ниже, чем число неработающих. Данный факт свидетельствует о крайней уязвимости монородительских семей с детьми, обусловленной низким трудовым потенциалом и высокой иждивенческой нагрузкой, что детерминирует предпосылки низкого уровня жизни и трудности с самостоятельным преодолением экономической уязвимости.

Уровень среднедушевых располагаемых ресурсов вычисляется посредством деления ежемесячного совокупного располагаемого дохода на среднее число членов семьи. Полученные расчеты свидетельствуют, что наивысшие среднедушевые располагаемые ресурсы в составе небедных домохозяйств имеют семьи, не воспитывающие несовершеннолетних детей (20806 руб.), и молодые супружеские пары без детей (22937 руб.). Минимальные размеры среднедушевых располагаемых ресурсов имеют монородительские (15863 руб.) и многодетные семьи (15038 руб.). Важно отметить, что дифференциация среднедушевых располагаемых ресурсов среди небедных домохозяйств составляет 1,52 раза. В составе малоимущих домохозяйств бездетные семьи также имеют самые «высокие» среднедушевые располагаемые ресурсы (9391 руб. среди семей со взрослыми детьми и 8931 руб. в составе молодых бездетных). Среднедушевые располагаемые ресурсы многодетных малоимущих семей составляют 6786 руб., что в 1,38 раза меньше, чем доходы бездетных семей. Данный факт свидетельствует о том, что рождение детей является серьезным ограничением будущего материального благополучия домохозяйства, приводит к снижению финансовых возможностей и изменению модели потребительского поведения.

Абсолютное большинство домохозяйств формируют свои бюджеты за счет заработной платы по найму. Она входит в состав источников доходов у 93,4% двухдетных, 91,8% однодетных и 82,2% многодетных семей. На втором месте по распространенности – пособия на детей. Их получают 28,9% однодетных, 45,3% двухдетных и 77,1% многодетных семей. Важно отметить, что среди монородительских домохозяйств пособия на детей получают реже (36,9% однопоколенных семей и 40,7% многопоколенных). Пенсии всех видов имеют важное значение для одно- и многодетных домохозяйств (37,7% и 35,9% соответственно).

Среди однопоколенных монородительских семей получают пенсии 22,6%, в то время как в составе многопоколенных – 73,0%. Конечно, проживание в многопоколенной семье родителя-одиночки с детьми экономически более выгодно, хотя, как показывают расчеты, среднедушевые располагаемые ресурсы в них ниже из-за высокой иждивенческой нагрузки. Денежные субсидии, различные компенсации и льготы имеют значение для многодетных семей (35,4%), в то время как семьи с меньшим числом детей пользуются ими значительно реже. Монородительские семьи также редко указывают денежные компенсации в качестве источников доходов (20,4%). Налоговые вычеты чаще используют одноподетные семьи (36,6%) (многодетные - 28,4%).

Важное значение для сельских домохозяйств имеют доходы от продажи продукции, произведенной в собственном личном подсобном хозяйстве. Они составляют доходы 10,5% многодетных семей, 9,0% - одноподетных и 8,3% - двухдетных. В неполных семьях доходом от продажи продукции собственного ЛПХ располагают около 4,5% однопоколенных семей и 7,4% - многопоколенных. При этом около 25,7% неполных семей получают алименты (17,8% в многопоколенных), еще около 33,6% - денежную помощь от других родственников (21,1% в неполных семьях с другими родственниками). Доходы от предпринимательской деятельности (сдача имущества в аренду, пособие по безработице) имеют 4,0 – 6,0% домохозяйств с детьми. Таким образом, главными источниками финансового благополучия для семей с детьми являются доходы от оплачиваемой занятости (зарплата) и социальные выплаты (пособия на детей, пенсии, денежные субсидии и компенсации). Снижение числа работающих взрослых в семье, с одной стороны, уменьшает долю зарплаты в доходах семьи, а с другой - увеличивает долю социальных трансфертов и доходы от продажи продукции собственного ЛПХ. Также в многодетных семьях важным источником доходов становятся денежная помощь родственников, а в неполных – еще и алименты.

Финансовые возможности семей с детьми.

Основными факторами низких финансовых возможностей в семьях с детьми являются: соотношение числа работающих взрослых и неработающих членов семьи (иждивенческая нагрузка), уровень образования и профессионально-квалификационная группа работающих, уровень среднедушевых располагаемых ресурсов семьи, стандарты качества жизни (то есть представления о том, что и в каком количестве необходимо разным членам семьи), а также сложившиеся модели потребления. Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют, что самые низкие финансовые возможности по сравнению с остальными группами домохозяйств имеют многодетные и неполные семьи. Правильно питаться могут позволить себе 81,2% одноподетных и 75,2% многодетных семей. Среди неполных домохозяйств без совместно проживающих родственников их доля еще ниже (69,4%). Покупать новую одежду по мере износа старой могут 84,2% одно- и 74,7% многодетных домохозяйств. Приобретать каждому члену семьи по две пары обуви в состоянии 39,6% семей с 1 ребенком и 28,0 % с тремя и более несовершеннолетними иждивенцами. Среди неполных монородительских семей могут это себе позволить 29,9% в составе однопоколенных и 27,5% - среди многопоколенных домохозяйств. Заменить старую мебель могут только 15,6% семей с детьми до 18 лет. Чаще остальных это могут себе позволить одноподетные семьи (17,3%), намного реже – многодетные (9,5%) и неполные (7,3%). Провести семьей неделю отпуска вне дома могут 34,6% одноподетных семей, 23,6% многодетных и 20,8% многопоколенных неполных семей.

Одной из характеристик экономической уязвимости домохозяйства является его способность оплачивать все необходимые регулярные платежи. Бездетным домохозяйствам (с проживающими отдельно взрослыми детьми, а также молодым супружеским парам) это делать намного легче по сравнению с семьями с детьми. Осуществляют регулярные платежи с большими затруднениями 18,6% семей с взрослыми детьми и 12,1% молодых бездетных пар, в то время как среди одноподетных их доля составляет 23,9%, среди многодетных – 40,7%, среди неполных однопоколенных – 41,6%. Относительно легко планируют бюджет только 13,65 одноподетных семей, 10,1% двухдетных и 4,9% многодетных. Среди неполных семей легко оп-

лачивают регулярные платежи 5,9% членов однопоколенных и 6,9% многопоколенных домохозяйств.

Трудности с оплатой услуг ЖКХ и наличие регулярных задолженностей по их оплате также характеризует экономическую уязвимость домохозяйства. Реже остальных имели долги по оплате услуг ЖКХ семьи, не имеющие совместно проживающих детей до 18 лет (20,2%). Среди многодетных семей имели долги 50,5%, среди двухдетных 37,2%, среди одноподетных – 30,6%. Около 43,5% неполных однопоколенных семей указали на трудности с оплатой услуг ЖКХ, в составе многопоколенных домохозяйств таких 38,9%. Причем среди многодетных и неполных семей у каждого четвертого домохозяйства ситуации с трудностями по оплате услуг ЖКХ возникают регулярно. Еще сложнее семье при наличии ипотечного кредита. Собственное жилье имеют около 85,0% семей, имеющих 1-2 детей, и 87,4% многодетных. Среди семей с 1-2 детьми выше остальных доля домохозяйств, имеющих ипотечный кредит (8,7% среди одно- и 9,4% среди двухдетных семей). В составе многодетных семей имеют ипотеку 6,9%, среди неполных однопоколенных – 9,8%, среди этих категорий домохозяйств отмечены наибольшие трудности с оплатой регулярных платежей по ипотечному кредиту. Так, у 39,2% многодетных семей, имеющих ипотеку, были задолженности по оплате платежей; в составе неполных семей 29,4% имели долги по выплате ипотеки.

Таким образом, экономическая уязвимость домохозяйства является важной характеристикой социально-экономического положения семьи. Она является не только следствием концентрации факторов риска в домохозяйстве (низкий уровень образования, отсутствие оплачиваемой занятости, высокая иждивенческая нагрузка), но и ограничением для самостоятельного преодоления домохозяйством сложной жизненной ситуации. Сопутствующие финансовые обстоятельства (наличие ипотечного кредита, трудности балансирования семейного бюджета, высокая доля социальных трансфертов в бюджете семьи) усиливают риск попадания семьи в категорию малоимущих или крайне бедных. Разработка механизмов и инструментов повышения денежных доходов и уровня жизни сельских семей с детьми на основе анализа и оценки экономической уязвимости домохозяйства позволит, с одной стороны, осуществлять превентивные мероприятия, а с другой – создаст благоприятные условия по формированию и использованию человеческого капитала села.

Малоимущие домохозяйства с детьми

Низкое благосостояние сельских семей имеет серьезные последствия для детей, проживающих в них. Дети из семей с низкими доходами растут в депривированном физическом окружении и имеют низкий уровень ресурсов, менее способствующих качественному процессу обучения и развития. Кроме того, бедность влияет на качество родительства. Родители из малообеспеченных семей могут быть более подвержены депрессии и стрессам и, как следствие, могут быть более суровыми с детьми и меньше реагировать на их проблемы и потребности. Сельские семьи с детьми характеризуются более высокими показателями бедности по сравнению с другими категориями домохозяйств. Согласно полученным данным, в составе сельских домохозяйств около 23,2% относятся к категории малоимущих. При этом среди домохозяйств, не имеющих совместно проживающих детей до 18 лет, доля малоимущих составляет 13,0%; среди молодых супружеских пар, не имеющих детей, 19,7%. При этом в составе одноподетных семей доля малоимущих составляет 42,8%, среди двухдетных – 55,6%, в составе многодетных – уже 71,7%. Среди неполных однопоколенных семей каждая вторая относится к малообеспеченным, среди многопоколенных – каждая третья.

Состав источников доходов малоимущих домохозяйств с детьми характеризуется высокой долей социальных трансфертов при более низкой доле трудовых доходов по сравнению с небедными семьями. Доходы от оплачиваемой занятости имеют около 80,0% одно- и двухдетных семей и 70,7% многодетных. Среди неполных семей доходами от трудовой деятельности располагают 64,8% однопоколенных и 69,9% многопоколенных домохозяйств. Пособия на детей получают 54,6% одноподетных и 85,1% многодетных малоимущих домохозяйств. В монородительских семьях правом на получение детских пособий пользуются около 65,0%. Пенсии всех видов составляют долю доходов в 25,2%-30,5% семьях с детьми, прожи-

вающих вместе с родственниками в многопоколенных семьях. Денежные субсидии, компенсации и льготы получают от 18,7% среди одиноких до 29,4% многодетных домохозяйств; налоговые вычеты – около четверти семей с детьми. Доходы от продажи продукции собственного подсобного хозяйства получают от 13,5% многодетных до 11,4% одиноких семей, среди неполных семей доля имеющих эти доходы ниже (около 5,5%).

Результаты проведенного исследования показали очень низкое участие сельских малоимущих домохозяйств в социальных программах для повышения их уровня жизни. Ежемесячное пособие для малоимущих семей получали только 15,7% малоимущих домохозяйств с несовершеннолетними детьми; единовременную помощь для малоимущих – лишь 2,0%. Среди одиноких семей ежемесячное пособие для малоимущих получают 12,2%, среди двухдетных 16,3%, среди многодетных – 24,4%. Более значительной для малоимущих семей является помощь родственников, друзей и знакомых. Ее получают около 22,0-24,0% семей с детьми. Среди неполных семей с детьми на помощь родственников указывает каждая третья однопоколенная семья и каждая четвертая многопоколенная. Помощь на условиях социального контракта оказывали лишь 2,0% домохозяйств, от религиозных общин, благотворительных фондов и прочих частных организаций – не более 1,5%. Важно отметить, что абсолютное большинство малоимущих сельских семей с детьми не получают помощи ни из одного источника, на что указали порядка 75,0% семей с детьми. Данный факт свидетельствует о низкой эффективности системы социальной поддержки малоимущего населения, характеризующейся низкой доступностью помощи, трудностями с оформлением подтверждающих документов и отсутствием денежных средств на эти цели у регионов.

К основным механизмам системы государственной социальной поддержки семей с детьми относятся: экономические (выплата пособий, оказание социальной помощи и предоставление льгот семьям, имеющим детей, и др., субсидии, компенсации); правовые (разработка и реализация нормативных актов в области социальной защиты семей, предусматривающее законодательное обеспечение правовой защиты граждан, правовое воспитание населения и др.); инфраструктурные (доступность качественных услуг здравоохранения, образования, бытового и социального обслуживания семей с детьми); психолого-педагогические (оказание психолого-педагогической помощи, проведение коррекционной и реабилитационной психолого-педагогической работы с нуждающимися семьями). Однако в ситуации, когда 86,9% сельского населения России проживает в населенных пунктах с численностью жителей до 500 человек, большинство сельских жителей ограничены в доступе к основным социальным и экономическим государственным услугам. Попасть на прием к врачу в центральной районной больнице, подать документы для начисления пособия на детей, выплат или компенсаций, представить документы в Пенсионный фонд РФ для получения выплат из средств материнского капитала – для селян значительно труднее, чем для жителей городов. Кроме того, в большинстве разрабатываемых и принимаемых законодательных нормативных актах не предусмотрено выделение сельских жителей как особого (специфического) субъекта правовых отношений, что ограничивает учет их потребностей и интересов в реализуемых инициативах (исключение составляют сельские семьи Дальневосточного федерального округа, имеющие ипотечный кредит) [7].

Главной проблемой современного состояния системы национальной социальной поддержки является существенный разрыв между декларируемой государственной поддержкой семей и реальными размерами помощи. Законодательная и нормативная база действующей системы социальных выплат, услуг и мер социальной поддержки представляет собой огромный массив законодательных актов с многочисленными поправками, не всегда четко описывающих порядок предоставления социальных выплат и других форм социальной поддержки. Это обуславливает декларативный характер законодательных актов и снижает доверие семей к государству.

Прямая денежная помощь семьям с детьми (государственные пособия, компенсационные и другие виды выплат федерального уровня) устанавливается в фиксированном виде. Зачастую ее размеры не привязаны к реальной потребности семьи или к конкретному случаю нуждаемости, а определяются общей системой социальной поддержки государства и преду-

смотренными объемами финансирования указанных мероприятий. В последнее время появились законопроекты, предусматривающие, с одной стороны, смещение акцентов на нуждаемость семьи (например, инициатива о повышении критерия нуждаемости до двухкратного прожиточного минимума для женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до 1,5 лет), а с другой – предоставляющие семье право выбора наиболее подходящих мер помощи (выплаты из средств материнского капитала, гибкие отпуска по уходу за ребенком до 1,5 лет).

Таким образом, для исправления сложившейся ситуации необходима реализация адресного подхода при выплате государственных денежных пособий и социальных услуг, суть которого заключается в предоставлении помощи не категориям семей, а отдельным семьям, выделяемым из общего массива при помощи анализа объективных данных об их социальном и экономическом положении. Кроме того, целесообразно сформировать региональную и федеральную базу данных о семьях и детях, нуждающихся в различных видах государственной социальной поддержки. Данный механизм позволит систематизировать все нуждающиеся семьи по ключевым проблемам их жизнедеятельности, обеспечить принцип адресности и повысить эффективность реализуемых мероприятий.

Социальная поддержка малообеспеченных сельских семей должна осуществляться комплексно и дифференцированно в зависимости от преобладающего фактора формирования экономической уязвимости. Это означает, что необходимо осуществлять меры, стимулирующие активность семьи по выходу из кризисного состояния (помощь по созданию собственного дела, расширению ЛПХ на основе механизма социального контракта, программ поддержки создания семейных предприятий). Целесообразно было бы рассмотреть возможность пилотных региональных инициатив о квотировании рабочих мест для малообеспеченных семей с детьми (одиноких родителей с детьми, многодетных семей, студенческих семей с детьми и т.д.). В случае наличия непреодолимых факторов уязвимости (наличие заболевания или инвалидности, ограничивающих дееспособность взрослых членов семьи; отсутствие одного из родителей) важно компенсировать семье не только недостающие доходы, но и услуги по воспитанию и развитию детей из этих семей.

Выводы.

Таким образом, наличие в домохозяйстве детей (особенно нескольких) является главным фактором низкого материального благосостояния сельской семьи. Увеличение количества детей пропорционально усиливает иждивенческую нагрузку на работающих членов семьи, снижая совокупные располагаемые ресурсы, при этом наличие в домохозяйстве членов старшего возраста не столь ощутимо для расходов домохозяйства на конечное потребление. Домохозяйства с тремя и более детьми, вносящие реальный вклад в улучшение демографической ситуации в стране, чаще всего живут около или за чертой бедности и ограничены в возможностях улучшения своего материального благосостояния.

Модель трехдетной семьи, признанная Президентом РФ приоритетной, должна быть привлекательной и выгодной для родителей, поэтому от своевременного выявления факторов уязвимости экономического положения семей с детьми и эффективной нейтрализации их неблагоприятного воздействия зависят возможности будущего экономического и социального развития страны.

Список литературы:

1. Becker, G. Treatise on the Family. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991;
2. Foster, M. How Economists Think about Family Resources and Child Development, Child Development 73 (2002): 1904–14;
3. Lewis, O. “The Culture of Poverty,” in On Understanding Poverty: Perspectives From the Social Sciences, ed. Daniel P. Moynihan, (New York: Basic Books, 1969), 187–200.
4. Вальшина А.А. Анализ подходов к оценке уязвимости домохозяйств // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. - Саратов: Изд-во ИАГП РАН. - 2018. - С. 38-43

5. Выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах – 2014. Проведено на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2010г. № 946 «Об организации в Российской Федерации системы федеральных статистических наблюдений по социально-демографическим проблемам и мониторинга экономических потерь от смертности, заболеваемости и инвалидизации населения». – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vndn-2017/index.html

6. Блинова Т.В., Вялышина А.А. Репродуктивное поведение сельских женщин и ценность детей в семье: Монография / Т.В. Блинова, А.А. Вялышина. - Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2016. - 232 с.

7. Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2017 г. № 1711 “Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и акционерному обществу "Агентство ипотечного жилищного кредитования" на возмещение недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам Российской Федерации, имеющим детей”. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71750282/>

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА СЕЛЬСКОГО И ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРЕДПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Кривицкая Н.А., к.социол.н.,

Министерство занятости, труда и миграции Саратовской области

Анализируются актуальные проблемы занятости и трудоустройства лиц предпенсионного возраста, проживающих как в сельской, так и городской местности Саратовской области. Затронуты вопросы их конкурентоспособности на современном рынке труда и возможности профессиональной переподготовки. Рассматриваются меры, реализуемые службами занятости населения Саратовской области, направленные на содействие предупреждению роста безработицы среди граждан предпенсионного возраста.

Ключевые слова: занятость, трудоустройство, лица предпенсионного возраста, сельская и городская местность, Саратовская область.

PROBLEMS OF EMPLOYMENT OF RURAL AND URBAN POPULATION OF THE PRE-RETIREMENT AGE IN THE SARATOV REGION

Krivitskaya N.A., candidate of sociological sciences

Ministry of Employment, Labor and Migration of the Saratov Region

Current problems of employment of people of pre-retirement age living in both rural and urban areas of the Saratov region are analyzed. The issues of their competitiveness in the modern labor market and the possibility of professional retraining are examined. We consider the measures implemented by the population employment services of the Saratov region, aimed at helping to prevent the growth of unemployment among citizens of pre-retirement age.

Keywords: employment, persons of pre-retirement age, rural and urban areas, Saratov region.

Введение.

Развитие экономики России будет происходить при сокращении численности населения, включая лиц трудоспособного возраста. Как подчеркивается в литературе, в ближайшее время России предстоит решить задачу ускорения темпов роста экономики при сокращающемся населении [1]. Сельские территории также ожидает период неблагоприятных демографических изменений, связанных со спадом рождаемости, сокращением численности населения трудоспособного возраста. Ограничением развития сельских территорий является также демографическое старение села [2]. В Саратовской области, как и в большинстве других регионов России, в результате изменений в возрастной структуре населения происходит увеличение доли старших возрастных групп. Учитывая тенденции старения населения и роста продолжительности жизни, в России была проведена пенсионная реформа, началось поэтапное повышение возраста выхода на пенсию, которое рассчитано на десять лет – 2019–2028 гг. Принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий», согласно которому пенсионный возраст мужчин повышается до 65 лет, женщин – 60 лет [3]. В связи с повышением пенсионного возраста особую актуальность приобретают вопросы сохранения занятости граждан предпенсионного возраста. Наиболее сложной является ситуация с занятостью сельского населения [4, с. 322]. Следует отметить, что если вопросам трудоустройства пенсионеров посвящено немало научных работ [5, 6], то проблемы занятости лиц предпенсионного возраста получили достаточного освещения.

Целью исследования является анализ проблем занятости и мер содействия трудоустройству лиц предпенсионного возраста, проживающих как в сельской, так и городской местности Саратовской области. Рассматриваются условия повышения их конкурентоспособности на современном рынке труда и возможности профессиональной переподготовки. Анали-

зируются меры, реализуемые службами занятости населения Саратовской области, направленные на предупреждение роста безработицы среди граждан предпенсионного возраста.

Методика исследований.

Информационную базу исследования составили данные Центров занятости населения Саратовской области. По состоянию на 1 июля 2019 г. в службу занятости обратилось 5,3 тыс. граждан указанной категории (см. таблицу), из них было трудоустроено 63,8%, что ниже аналогичного показателя прошлого года на 17,8% (в 2018 году в Центр занятости обратилось – 2,9 тыс. чел., доля трудоустроенных составила 81,6%).

Таблица – Численность граждан предпенсионного возраста Саратовской области, обратившихся в службы занятости в 2019 г.

Административно-территориальная единица	Численность граждан предпенсионного возраста, обратившихся в ГКУ СО ЦЗН, чел.	Число трудоустроившихся, %	Обучение в рамках регионального проекта «Старшее поколение»	
			ищущих работу, чел.	работников, чел.
Г. Саратов	2557	73,3	123	137
Балаковский р-он	281	64,1	32	27
Балашовский р-он	148	79,1	8	13
Энгельский р-он	248	61,7	2	66
Аткарский р-он	91	36,3	1	15
Вольский р-он	153	66	5	40
Красноармейский р-он	98	75,5	0	0
Марковский р-он	116	42,2	0	37
Петровский р-он	106	30,2	6	2
Пугачевский р-он	86	75,6	3	5
Ртищевский р-он	107	27,1	2	10
Хвалынский р-он	131	32,1	40	4
Александрово-Гайский р-он	38	36,8	0	5
Аркадакский р-он	55	29,1	5	11
Базарно-Карабулакский р-он	95	61,1	3	10
Балтайский р-он	24	104,2	0	3
Дергачевский р-он	38	36,8	1	20
Духовницкий р-он	37	70,3	1	5
Воскресенский р-он	20	55	0	0
Екатериновский р-он	25	40	1	3
Ершовский р-он	70	14,3	0	6
Ивантеевский р-он	10	40	0	5
Калининский р-он	73	45,2	8	13
Краснокутский р-он	60	66,7	4	5
Краснопартизанский	30	76,7	4	16
Лысогорский р-он	37	59,5	0	7
Новобурасский р-он	31	35,5	0	4
Новоузенский р-он	53	58,5	7	31
Озинский р-он	16	12,5	0	9
Перелюбский р-он	35	42,9	0	7
Питерский р-он	76	89,5	1	16
Ровенский р-он	43	90,7	0	9
Романовский р-он	24	75	0	5
Самойловский р-он	15	60	0	8
Саратовский р-он	87	54	5	7
Советский р-он	64	34,4	2	7
Гатищевский р-он	46	47,8	3	10
Турковский р-он	28	75	0	6
Федоровский р-он	72	54,2	0	10
пос. Светлый	4	100	0	2
г. Шиханы	8	50	0	0
Всего	5336	63,8	267	596

Результаты исследования.

По данным отделения Пенсионного фонда России по Саратовской области в 2019 г. в области насчитывалось 46 381 работающих граждан предпенсионного возраста. Ежегодно в органы службы занятости населения обращается чуть более 4–5 тыс. граждан указанной категории. Известно, что граждане, не достигшие пенсионного возраста, имеют право, в случае регистрации в качестве безработного, на все виды услуг, предоставляемые органами службы занятости населения [7]. С целью предупреждения роста безработицы среди граждан предпенсионного возраста в 2019 г. служба занятости населения Саратовской области совместно с партнерами разработала и реализует «дорожную карту» по содействию их трудоустройству. В рамках реализации «дорожной карты» министерством организован еженедельный мониторинг предполагаемых высвобождений работников предпенсионного и пенсионного возрастов, результаты которого направляются в Государственную инспекцию труда Саратовской области. С начала 2019 г. высвобождено 116 граждан предпенсионного возраста. К высвобождению планируется 2,9 тыс. чел., из которых граждане предпенсионного возраста составляют 397 человек. Как отмечается в литературе, формирование эффективной структуры занятости является важным фактором стабилизации ситуации на региональном рынке труда [8]. Исходя из этого движение рабочей силы между отраслями и секторами экономики неизбежно, однако важно, чтобы функционировали механизмы непрерывного профессионального образования, профориентации, информационно-консультационные центры.

В Центрах занятости населения Саратовской области работают 42 консультационных пункта, в которые за 6 месяцев обратились 2,6 тыс. чел., действуют телефоны горячих линий. В целях повышения уровня информированности о государственных услугах, предоставляемых службой занятости, для граждан предпенсионного возраста проведено 68 специализированных ярмарок вакансий и учебных рабочих мест, в которых приняли участие более 1,4 тыс. чел.; 431 выездная консультация на предприятия, организации и учреждения муниципальных районов с участием 3,4 тыс. граждан; 691 мероприятие с участием 7,1 тыс. граждан предпенсионного возраста и 675 работодателей («Клубы работодателей», «Дни кадровика», «Дни службы занятости на предприятии», семинары-тренинги, «социальные гостиные», «гарантированные собеседования», круглые столы, групповые консультации).

С 1 января текущего года установлены новые условия выплаты пособия по безработице гражданам предпенсионного возраста, согласно которым пособия указанной категории граждан выплачиваются до 12 месяцев, а максимальный его размер составляет 11 280 руб. в месяц. Кроме того, при наличии у граждан длительного страхового (трудового) стажа (не менее 25 и 20 лет для мужчин и женщин соответственно) или необходимого стажа работы на соответствующих видах работ продолжительность выплаты пособия увеличивается на две недели за каждый год работы, превышающий страховой стаж указанной продолжительности, но не более 24 месяцев.

Ежемесячно министерством проводится мониторинг мер по содействию занятости граждан предпенсионного возраста. По данным мониторинга трудоустроено на квотируемые и резервированные рабочие места – 175 чел. (за аналогичный период 2018 г. – 164 чел.); временные рабочие места с оказанием материальной поддержки гражданам в период участия – 154 чел. (за аналогичный период 2018 г. – 97 чел.); общественные оплачиваемые работы с оказанием материальной поддержки гражданам – 320 чел. (за аналогичный период 2018 г. – 185 чел.).

Реализуется мероприятие по содействию самозанятости граждан данной категории (планируется оказывать финансовую помощь на развитие самозанятости до 4-кратного размера максимального пособия по безработице (11280 руб. для граждан предпенсионного возраста) и компенсацию затрат на открытие собственного дела). Трое граждан получили финансовую помощь.

Практически завершено согласование нормативно-правовой базы по реализации мероприятия по содействию трудоустройству молодежи на стажировку с участием наставников из числа граждан предпенсионного возраста (планируется ежемесячное возмещение затрат

работодателей на оплату труда молодого работника в размере 1 МРОТ с учетом выплат во внебюджетные фонды и оплату труда наставника в размере 0,5 МРОТ с учетом выплат во внебюджетные фонды).

В рамках Месячника по содействию занятости граждан предпенсионного возраста запланировано проведение более 200 мероприятий с участием 2,2 тыс. граждан предпенсионного возраста.

С учетом повышения пенсионного возраста особое значение приобретает работа с гражданами предпенсионного возраста, направленная на обеспечение их конкурентоспособности на рынке труда. Для этих целей федеральным проектом «Старшее поколение» национального проекта «Демография» предусмотрено обучение граждан старшего возраста востребованным в экономике навыкам и компетенциям. Реализация указанных мероприятий создаст экономические и социальные условия, обеспечивающие недопущение дискриминации граждан предпенсионного возраста, и будет способствовать продолжению ими трудовой деятельности как на прежних рабочих местах, так и на новых рабочих местах в соответствии с их желаниями, профессиональными навыками и физическими возможностями.

Оказание целевой поддержки занятости граждан предпенсионного возраста путем организации их обучения позволит повысить качество рабочей силы, а также защитит их права и интересы, повысит благосостояние и социальное благополучие, создаст условия для активного участия в жизни общества. Реализация указанных мероприятий окажет дополнительное влияние на решение задачи федерального проекта «Старшее поколение» по увеличению периода активного долголетия и продолжения здорового образа жизни.

В соответствии с федеральным проектом «Старшее поколение» в 2019 г. в Саратовской области планируется организовать обучение не менее 898 лиц предпенсионного возраста. Объем средств на реализацию мероприятий в 2019 г. составит 61,47 млн руб. Вопрос об организации обучения лиц предпенсионного возраста в рамках федерального проекта «Старшее поколение» рассматривался во время проведения круглого стола с образовательными организациями на тему: «Взаимодействие службы занятости населения с образовательными организациями города: тенденции, результаты, перспективы». Обсуждение проходило также на заседании круглого стола «Стратегия профессионального обучения и дополнительного профессионального образования лиц предпенсионного возраста на 2019 год в Саратовском регионе» с участием представителей министерства занятости, труда и миграции, работодателей, образовательных организаций Саратовской области. Важную роль в поддержании профессиональной мобильности старших возрастных групп занятого населения играют высшие учебные заведения области и Региональный центр опережающей профессиональной подготовки для граждан предпенсионного возраста по востребованным профессиям. Проблемы организации обучения лиц предпенсионного возраста обсуждались на совещании ректоров вузов Саратовской области, заседании общественного совета министерства социального развития области, семинаре – совещании администрации Балтайского муниципального района при участии министерства занятости, труда и миграции области, министерства социального развития области, министерства образования области, министерства культуры области. Связанные с этим вопросы ставились на совещании «О профессиональной переподготовке специалистов бюджетной сферы Саратовской области в рамках программы обучения граждан предпенсионного возраста национального проекта «Демография»; на рабочем совещании с министерствами и ведомствами социальной сферы «О повышении конкурентоспособности граждан на рынке труда». Обучение организовано по 43 образовательным программам, в том числе водитель (категорий С, Е), машинист насосных установок, оператор котельной, охранник, повар, тракторист, педагог-организатор, воспитатель, учитель-логопед, медицинский регистратор, менеджер в социальной сфере, слесарь аварийно-восстановительных работ, специалист по охране труда, социальный работник, сиделка, электрогазосварщик, моторист цементирующего агрегата, бухгалтерский учет, библиотечное дело. Среди программ также представлены Web-дизайн, современные аспекты ортопедиче-

ской помощи населению, организация социального обслуживания и оказание социальных услуг, современная организация и технология складского хозяйства и др.

Особого внимания заслуживает проблема занятости населения в сельской местности, где найти работу значительно сложнее, список вакансий ограничен [9]. Кроме того, в сельской местности выше занятость населения в неформальном секторе экономики. Органы местного самоуправления совместно с ГКУ СО ЦЗН в рамках деятельности муниципальных комиссий (рабочих групп) по снижению неформальной занятости на постоянной основе проводят работу с работодателями, у которых осуществляют деятельность граждане предпенсионного возраста и ежеквартально предоставляют в министерство протоколы заседаний рабочих групп. За 6 месяцев 2019 г. на заседаниях муниципальных комиссий было заслушано 293 работодателя, у которых работает 2167 граждан предпенсионного возраста. Высвобождение граждан не планируется, 178 граждан будут направлены на профессиональное обучение. С начала года членами муниципальных комиссий было проведено 202 выхода на предприятия для бесед с гражданами предпенсионного возраста. Информация о реализации «дорожной карты» ежеквартально направляется в Общественную палату Саратовской области и Федерацию профсоюзных организаций области.

Заключение.

Поэтапное повышение пенсионного возраста ставит перед центрами занятости новые задачи, связанные с содействием трудоустройству и занятости лиц предпенсионного возраста. Нередки случаи дискриминации людей предпенсионного возраста в сфере занятости, усиливаются риски роста безработицы среди представителей этой социальной группы. Оказание целевой поддержки занятости граждан предпенсионного возраста путем организации их обучения позволит повысить качество рабочей силы, а также защитит их права и интересы, повысит благосостояние и социальное благополучие, создаст условия для активного участия в жизни общества.

Список литературы:

1. Алексеева Т.Н. Анализ занятости лиц пенсионного возраста в Республике Бурятия // Труд и социальные отношения. – 2015. – № 1. – С. 61–69.
2. Блинова Т.В. Демографические угрозы и ограничения развития сельских территорий России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2018. – № 2. – С.14–19.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: Федеральный закон от 03.10.2018 N 350-ФЗ // Российская газета. – 2018. – № 223.
4. Экономическая энциклопедия регионов России. Саратовская область. – М.: Экономика, 2011. – 511 с.
5. Риев К.Г. Влияние изменений в пенсионном законодательстве на развитие рынка труда в Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т. 15. – № 9. – С. 1632–1640. – URL: <https://doi.org/10.24891/re.15.9.1632>
6. Адамов Э.В., Чернышова О.Н., Черкашнев Р.Ю. Пенсионная реформа 2018 года: причины и последствия // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2019. – Т. 9. – № 1 (30). – С. 159–167.
7. Бадараев Д.Д. К проблеме трудоустройства лиц пенсионного и предпенсионного возраста // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 5. – С. 239–243.
8. Блинова Т.В., Русановский В.А. Теоретические подходы к исследованию межрегиональных различий российского рынка труда // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2009. – № 5. – С. 17–21.
9. Плешакова И.Н. О некоторых вопросах содействия занятости и трудоустройства в Российской Федерации и Республике Казахстан: состояние и перспективы правового регулирования // Юридический вестник ДГУ. – 2017. – Т. 24. – № 4. – С. 124–129.

СОЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКАМ РАЗРАБОТКИ И РЕАЛИЗАЦИИ

Великий П.П., д.филол.н., ИАГП РАН

В статье рассмотрены теоретико-методологические основы изучения социальных механизмов реализации стратегических приоритетов формирования и использования социальных ресурсов аграрного сектора. Фокус рассмотрения проблемы направлен на методологические перспективы использования положений ряда теорий прогнозирования, проектирования и программирования. Выявлены подходы преодоления нестыковок между нормативной и реальной моделями социального механизма, действующего в сельских сообществах. Обоснована технология исследовательской и научно-организационной работы по получению знаний об объекте.

Ключевые слова: социальный механизм, социальные ресурсы, теории управления, предвидение, прогнозирование, проектирование, социальные технологии, модели, территория, крупхозы, сельские сообщества.

SOCIAL MECHANISM: FROM THEORY TO THE PRACTICE OF DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION

Velikiy P.P., doctor of philosophical sciences, IAgP RAS

The article discusses the theoretical and methodological foundations of the study of social mechanisms for the implementation of strategic priorities for the formation and use of social resources of the agricultural sector. The focus of the problem consideration is directed to the methodological perspectives of using the provisions of a number of theories of forecasting, design and programming. The approaches to overcoming discrepancies between the normative and real models of the social mechanism operating in rural communities are identified. The technology of research and scientific-organizational work to obtain knowledge about the object has been substantiated.

Keywords: social mechanism, social resources, management theories, foresight, forecasting, design, social technologies, models, territory, collective farms, rural communities.

Введение.

Понятие «механизм» (экономический и политический) является одним из базисов теории управления, но его социальные функции в современной литературе пока раскрыты не в должной мере. Вместе с тем, именно социологическая операционализация позволяет оценить перспективы разработки моделей и механизмов, ориентированных на повторное их использование в реальной жизни села и отраслевых ведомств, ответственных за развитие сельских территорий.

Цель исследования заключается в обосновании методологии перехода от общих представлений о составе блоков социального механизма к конкретному знанию о технологиях его воплощения в практику.

Методы исследования.

В процессе исследования применялись логический метод (как способ выделения из совокупности источников по теме исследования непротиворечивого знания) и исторический метод (для определения генезиса понятий, системного анализа и уточнения понятийного аппарата исследования в свете накопленных фактов общественной жизни).

Результаты исследований.

Наиболее полным арсеналом понятий, которые послужили источником для анализа темы, обладает социологическая теория управления, включающая обоснование механизма осуществления изменений, пригодного для всех без исключения областей человеческой деятельности. Во всех рассматриваемых нами случаях акценты сосредоточены на процессе при-

ведения субъективной деятельности индивидуальных и коллективных акторов в соответствии с объективными потребностями общественного развития [1].

В чем заключена сущность социального механизма, и каковы его особенности в процессе формирования и реализации социальных ресурсов в аграрной отрасли и территории? Мы поддерживаем точку зрения, что под механизмом понимается совокупность действий организаций и людей, которые приводят к определенным результатам. Причем эти результаты наступают регулярно, а сам механизм может тиражироваться. Для запуска социального механизма требуется не только глубокое и достоверное знание о самом объекте, к которому будет применено его воздействие, но и ответить на ряд вопросов: какова внешняя среда, с которой взаимодействует объект; каковы ограничения и вызовы, идущие от природной среды, экономических отношений, техники и технологии, устоявшегося этоса в среде обитателей территорий и кадров регионального уровня; как оцениваются в общественном сознании проблемы жизнеустройства на современном этапе.

Хотя эти вопросы носят научно-прикладной характер, основы подходов к их решению находятся в ряде смежных теорий, причем многое можно понять лишь в условиях их конвергенции. Это видно на примере признания в экономической науке роли психологических факторов: в 2001 и 2002 гг. профессорам психологии Д. Канеману и экономики В.Л. Смиту присуждены Нобелевские премии за исследование методов формирования суждений и принятия решений в условиях неопределенности.

Когда объектом исследования становится некая общность людей (их деятельность на определенной территории), то при разработке социального механизма необходимо последовательное обращение к идеям предвидения, прогнозирования, проектирования, социальным технологиям реализации программ и проектов. Каждый из этих фундаментальных направлений науки ориентирован на будущее, поэтому они являются основой развития данной темы. Однако требуется отбор выводов, характеризующих степень определенности или неопределенности будущего, сохранения или преодоления малоуправляемых процессов, нарастания или уменьшения экстраординарных событий. Особенно трудно отделить «истину» в социальном предвидении, поскольку в данном случае далеко не всегда учитывается вся совокупность будущих изменений в рамках мировой системы (а не одного локального сообщества), к тому же трудно адекватно учесть влияние факторов, которые подчиняются неизвестным пока законам [2]. Вместе с тем, знание о будущем, если оно является логическим выводом из закономерностей развития природы и общества, выполняет роль алгоритма по оптимизации масштабов изменений, закладываемых в социальный механизм.

Наиболее тесная связь социального механизма с понятиями социального прогнозирования. Особенно это присуще нормативному прогнозу, который включает определение путей и сроков достижения исследуемого состояния объекта [3].

Методологический аспект перехода от общих к более специфичным вопросам разработки и реализации социальных механизмов хорошо виден на примере социального программирования и проектирования. В пореформенный период они широко используются в руководящих (директивных) документах с выделением дополнительных финансовых ресурсов, направленных на решение назревших проблем общества. Особенность проектирования и программирования заключается в отслеживании механизма реализации цели, поскольку нечеткость, несбалансированность средств и методов ведут к серьезным социальным издержкам.

Еще большую детализацию всех этапов реализации программ и проектов содержит институт социальных технологий, которые выступают как проект, технологически оформленный программный документ и как деятельность, связанная с реализацией намеченной цели [4, с. 45]. Методика работы над созданием социальных технологий предусматривает разработку системы последовательных взаимосвязанных процедур и операций, ни одну из которых нельзя пропустить. Подобный подход обеспечивает возможность многократного использования технологии для решения сходных задач.

Социальный механизм реализации социальных ресурсов аграрной отрасли и территорий в текущий момент характеризуется постоянной потерей важных элементов. В процессе репродукционного круга чередования predetermined событий за временной период (год, десять и более лет) многие элементы возвращаются в исходный пункт не только без накопления количественных и качественных показателей о состоянии объекта, но и с их утратой. Это, в первую очередь, относится к демографической и социально-демографической структуре, в которой и сосредоточены социальные ресурсы обеспечения успехов АПК [5, с. 527-530]. Поэтому при разработке технологии «ремонта» социального механизма особенно важно исходить из самых высоких смыслов формирования обнадеживающих перспектив.

Одной из таких тем является неравенство в обществе. Рассматривая разные стороны жизнеустройства сельского населения, исследователи постоянно сталкиваются с явлениями неравномерности рассредоточения и доступности ресурсов, возможности пользоваться ими в зависимости от объективных и субъективных предпосылок. В тоже время одни индивидуальные и коллективные акторы в условиях схожих ограничений получают больший объем материальных и духовных благ, чему способствуют уровень развития человеческого потенциала и институционализация, закрепляющая правила, нормы и технологии достижения результатов.

С учетом сложной комбинаторики факторов в обществе и глобальном мире складывается социальное неравенство. Одни группы относительно устойчиво воспроизводятся с более высоким социальным положением и статусом [6], другие, как правило, включающие большинство слоев, находятся на более низких этажах социального структурирования. Этот процесс идет постоянно, и в настоящее время возникают: а) новые протогруппы с признаками классических средних слоев [7]; б) происходит формирование сквозной группы, теряющей свои опривыченные высокие позиции. Она включает рабочих, крестьян, инженеров, ученых и ряд бизнесменов [8].

Сельское жизненное пространство остается устойчивым анклавом сосредоточения проблем, связанных с недоступностью хорошо оплачиваемого труда, бытовых удобств, социальных лифтов, мобильности. Без их решения социальный механизм формирования социальных ресурсов трудно совершенствовать, его только можно ремонтировать косметически. Поэтому одной из первых актуальных процедур его разработки (по модели социальной технологии) является описание всех возможных вариантов прогноза, в том числе пессимистического. Важна также демонстрация практик, в которых игнорируются очевидные истины. Известен факт, когда собственники корпоративного крупхоза вывели из штата единственного агронома, чтобы сэкономить на зарплате. По сравнению с соседним крупхозом, в котором действовала агрохимическая служба, урожай оказался намного ниже. Ущерб из-за недополучения дохода в десятки раз превзошел сэкономленные расходы на содержание агронома.

Использование социальных технологий для совершенствования социального механизма является средством перевода языка намерений на конкретный язык практики. Тем не менее, в основу ее должны быть положены теоретические положения о пределах управляемости и степени жесткости вводимых показателей. Особенно аккуратно нужно относиться к социокультурным явлениям. Можно, к примеру, запланировать (по согласованию с субъектом финансирования) строительство школы, учреждения культуры, но абсурдной будет позиция, обязывающая обучать в них определенное количество детей-школьников или участников художественного творчества. Человек далеко не всегда отвечает адекватно ожиданиям управляющей инстанции, тем не менее, интеграция целей собственников частных хозяйственных укладов, наемных работников и рядовых членов акционерных обществ должна подчиняться общей логике — безконфликтной реализации целей тех и других в человекосоразмерном (гуманистическом) измерении. В пореформенное время эта модель формально сохраняется (схема).

В схеме дана неполная операционализация, как по выбору актуальной тематики, так и по детализации понятий (для социологического анализа они должны быть доведены до показателей и индикаторов). Однако взятый круг ключевых понятий позволяет сравнить норму (того, что соответствует высоким критериям теории управления) и реальность, сложившуюся в условиях современной деревни. Как заметил один эксперт, ознакомившийся с описанным выше подходом: «В нем доминирует принцип «на тебе!», между тем, в реальности действует другой - «вот тебе!»». В первом случае человеку-работнику (а также временно не занятому) менеджмент предлагает некий набор благ или обещает их получение в перспективе, в противном случае он подвергается критике, ему угрожают увольнением и сокращением заработной платы. Ситуация ненормальная, но она не поддается решению с помощью вертикального контроля, т.е. идущего от высшей инстанции отраслевой структуры к низшей. Сдвиги могут наступить, если социальный механизм поддержания и развития сельских реалий будет содержать договоренности государственного (общественного сектора), частных производителей и трудовых коллективов [9, с. 88-90]. Принятые нормы отношений могут служить в качестве поддерживающих (ограничивающих) ориентиров для участников соглашения.

Ключевые понятия	Способы влияния	Возможные эффекты от реализации способов влияния
Потребности человека (материальные, духовные)	Совершенствование оплаты труда, материальное и моральное стимулирование. Производственная демократия: участие в распределении прибыли, влияние на кадровую политику.	Ответственное отношение к работе, рост производительности, забота о благе организации.
Повседневность сельского сообщества (в том числе членов, не входящих в персонал хозяйственных организаций)	Взаимодействие крупхоза и сообщества в решении общих вопросов жизнеустройства	Накопление резерва воспроизводства кадров для сельскохозяйственного и социального воспроизводства всех укладов
Традиционный и инновационный потенциалы	Укрепление существующих и создание новых организаций типа СПК, артелей, товариществ	Расширение пространства занятости на базе сочетания частных и коммунальных потенциалов коллективных форм производства
Профессиональная компетентность	Создание новой системы повышения профессионального и специализированного образования	Адекватный ответ демографических групп на вызовы НТП
Профессиональная мобильность	Перемещение работников соответственно росту их профессиональных качеств	Реализация стремления людей к повышению статуса и престижа
Удовлетворенность жизнью	Комплексное решение вопросов жизнеустройства всех возрастных групп сельских жителей	Укоренение семей в сельской местности, расширение благ и ценностей использования которых дает удовлетворенность жизнью и счастье

Схема - Операционализация смысловых узлов жизнедеятельности сельских сообществ и трудовых коллективов за счет совершенствования социальных ресурсов

Заключение.

Чтобы обновить социальный механизм для успешного решения близких и отдаленных целей развития сельских территорий и аграрного сектора исследовательская и научно-прикладная работа должна пройти следующие этапы:

- формирование теоретических и научно-прикладных знаний об объекте;
- построение базовой (исходной) модели объекта (какой она должна быть с позиций всех наук, в которых человек оценивается как социобиологическое и духовное существо);

- построение модели реального состояния объекта. Оценка причин несообразностей его структуры, деятельности, социальных качеств. Описание актуальных располагаемых ресурсов социального механизма;
- разработка параметров поисковой модели, учитывающей вызовы и ограничения в функционировании социального механизма. Обоснование векторов развития основных видов социальных ресурсов;
- верификация конечных результатов научной разработки учеными и специалистами междисциплинарного состава.

Список литературы:

1. Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. Саратов, 2012.
2. Виноградов В.Т., Гончарук С.И. Законы общества и научное предвидение. - М., 1972.
3. Бестужев-Лада И.В. Наместникова Г.А. Социальное прогнозирование. - М., 2001.
4. Тощенко Ж.Т., Социальные технологии. Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник под ред Ж.Т. Тощенко. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. - С. 45.
5. Нечаева И.В. Социальные приоритеты развития малых форм аграрного предпринимательства // Островские чтения. - 2016. - № 1. - С. 527-530.
6. Великий П.П., Нечаева И.В. Номинальные и реальные социальные позиции и роли аграриев // Региональные агросистемы: экономика и социология. -2017. - № 1. - С. 21.
7. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Изд. дом «Высшая школа экономики», 2012.
8. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. - М.: Наука, 2018.
9. Нечаева И.В. Проблемы формирования социальной инициативы в сельском социуме // Проблемы и перспективы развития сельского хозяйства и сельских территорий: сб. статей Международной научно-практической конференции. - ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный аграрный университет. - 2015. - С. 88-90.

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ
ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА ПОВЫШЕНИЯ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЗДРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА СЕЛА**

Рубцова В.Н., д.э.н., ИАГП РАН

Реализация стратегии обеспечения продовольственной безопасности России в новых экономических условиях актуализирует необходимость разработки и использования организационно-экономического механизма, в рамках которого может быть существенно повышена конкурентоспособность здравоохранительного пространства села. Недостаточно высокая эффективность реализации государственных программ охраны здоровья населения в сельской местности свидетельствует о необходимости разработки и применения инновационного подхода к решению проблем, связанных с повышением конкурентоспособности здравоохранительного пространства. В статье научно обоснована необходимость разработки и применения механизма, в рамках которого помимо совершенствования сельского здравоохранения должна осуществляться минимизация факторов, негативно влияющих на здоровье сельского населения в трудовой, бытовой, природоохранной сфере.

Ключевые слова: сельская местность, здравоохранительное пространство конкурентоспособность, организационно-экономический механизм, сущность, принципы, основные функции

**THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASES OF THE DEVELOPMENT
OF ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC MECHANISM OF INCREASING
THE COMPETITIVENESS OF THE HEALTH PROTECTION IN THE VILLAGE**

Rubtsova V.N., doctor of economic sciences, IAgP RAS

The implementation of the strategy of ensuring food security of Russia in the new economic conditions actualizes the need to develop and use an organizational and economic mechanism within which the competitiveness of the rural health area can be significantly improved. The insufficient efficiency of the implementation of state programs for the protection of public health in rural areas indicates the need to develop and apply an innovative approach to solving problems related to improving the competitiveness of the healthcare space. The article scientifically substantiates the need to develop and apply a mechanism for minimization of factors negatively affecting the health of the rural population in the labor, household, environmental protection sphere.

Keywords: rural areas, healthcare space, competitiveness, organizational and economic mechanism, essence, principles, basic functions

Введение.

Здоровье сельского населения является одним из существенных факторов интенсивного инновационного развития агропродовольственного сектора, устойчивого функционирования социально-экономического пространства сельских территорий, обеспечения продовольственной безопасности страны. Высокие показатели временной нетрудоспособности, инвалидности, заболеваемости сельского населения, большая часть которого занята в аграрной экономике, наносят ей значительный экономический ущерб, препятствуя не только ее развитию, но и создавая риски и угрозы процессу полноценного обеспечения продовольственной безопасности страны в целом. Проблемы, связанные с охраной здоровья сельского населения, актуализируются в рамках нового курса государственной аграрной политики, основным трендом которой является формирование крупных высокомеханизированных хозяйственных форм, экономические потери которых вследствие временной нетрудоспособности, хронической заболеваемости, инвалидности их персонала, обладающего достаточно высокой квалификацией, неизмеримо возрастут. В связи с этим проблема целенаправленного формирования и поддержки высоких показателей конкурентоспособности трудовой, бытовой, природо-

охранной социально-инфраструктурной подсистем социально-экономического пространства или здравоохранительной сферы сельской местности и неоднородных сельских территорий нуждается в серьезной научной проработке.

Анализ законодательных, организационных и экономических аспектов государственной региональной политики охраны здоровья населения приводит к выводу о том, что в национальном масштабе они разработаны достаточно полно. Однако ее реализация уже на уровне государственной региональной политики недостаточно эффективна. Об этом свидетельствует неравномерность показателей заболеваемости населения в городских и сельских условиях, разрывы в показателях отдельных классов заболеваний, установленные на уровне сельской местности федеральных округов [1, 2]. Значительной неравномерностью отличаются показатели ресурсной обеспеченности сельского здравоохранения в федеральных округах РФ [3]. Одной из существенных причин низкой эффективности функционирования системы охраны здоровья в сельской местности является односторонность государственной региональной политики, главным образом направленной на совершенствование системы здравоохранения. На наш взгляд, результаты государственной региональной здравоохранительной политики в селе были бы эффективнее, если бы в ее рамках предусматривался учет и минимизация факторов трудовой, бытовой и других подсистем здравоохранительного пространства села, действие которых разрушает здоровье населения. Национальные и региональные стратегии, программы охраны здоровья населения не отражают рисков и угроз, содержащихся в природной, трудовой, бытовой, социально-инфраструктурной сферах социального здравоохранительного пространства села и разрушительно действующих на здоровье населения. В государственной здравоохранительной политике не сформировались механизмы, позволяющие выявлять и минимизировать причины, вызывающие заболевания.

Все изложенное приводит к мысли, о необходимости разработки и применения механизма, формирующего здравоохранительное пространство сельской местности посредством минимизации рисков и угроз для здоровья сельского населения, содержащихся в окружающей среде, трудовом, бытовом, социально-инфраструктурном секторах социального пространства сельской местности. При этом необходимо вовлекать в подобные процессы сельское население, формируя механизмы, содержащие устойчивые обратные связи с субъектами управления, ответственными за повышение конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности.

Целью предпринятого исследования является разработка теоретико- методологических основ формирования долгосрочного организационно-экономического механизма повышения конкурентоспособности сельского здравоохранительного пространства.

Цель исследования включает ряд задач, в том числе:

- краткую характеристику конкурентоспособности социального пространства села и здравоохранительного пространства, как одной из его составляющих. Обоснование формирования нового подхода к повышению конкурентоспособности здравоохранительного пространства села;
- определение организационно-экономического механизма повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности и сельских территорий;
- характеристику теоретико-методологических основ формирования организационно-экономического механизма повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства: сущность, основные функции, принципы формирования;
- краткий анализ типологии научных подходов к разработке механизмов повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности, как приоритетного направления государственной региональной политики.

Методология исследования.

Несмотря на отсутствие согласованности научного сообщества в оценке приоритетности влияния отдельных природоохранных, трудовых, бытовых и социально- инфраструктурных факторов на здоровье человека, все разработанные международными организациями и отечественными учеными типологии имеют достаточно сложную структуру. При этом научная дисциплина, изучающая воздействие подобных разнонаправленных факторов, пока не

сложилась. На наш взгляд, данная ситуация является одной из первопричин низкой эффективности здравоохранительной государственной региональной политики, так как отсутствие единого научного подхода к проблеме конкурентоспособности здравоохранительного пространства села препятствует формированию целенаправленной региональной здравоохранительной политики, адаптированной к разнообразным приоритетам сохранения и восстановления здоровья населения, неоднородных сельских территорий.

В связи с этим при изучении проблем формирования организационно-экономического механизма повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства села, рассчитанного на долгосрочный период времени, а также механизмов, призванных обеспечивать решение частных задач, связанных с сохранением и восстановлением здоровья сельского населения на ограниченном территориально здравоохранительном пространстве, представляется логичным применение междисциплинарного системного подхода. Этот подход позволяет в каждом конкретном случае выделять, наряду с остальными негативными факторами, доминирующий фактор (или группу факторов), представляющих опасность для здоровья человека. Их выявление влечет за собой необходимость приоритетного воздействия в направлении их минимизации. Последующая целенаправленная деятельность субъекта управления должна состоять в разработке механизмов для формирования и реализации стратегий, сокращающих негативное воздействие выявленных факторов на здоровье населения, в какой бы из подсистем социального пространства сельской местности они ни действовали.

В практической деятельности, связанной с управлением повышением конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности, при определении приоритетных направлений, разработке механизмов или инструментов, воздействующих на состояние здоровья сельского населения в рамках здравоохранительной политики на всех территориальных уровнях, рекомендуется применение стратегического подхода, позволяющего выявлять обострившиеся проблемы, связанные с сохранением и восстановлением здоровьем; определять приоритетные направления активной здравоохранительной политики, сравнивая количественные показатели состояния здоровья населения любого территориального уровня с нормативными показателями. Стратегический междисциплинарный подход позволяет определять в количественном выражении стратегическую цель, стратегические задачи, посредством решения которых достигается стратегическая цель, подбирать методы, использование которых необходимо для решения поставленных задач.

Авторская гипотеза состоит в предположении о том, что на национальном уровне механизмы, в рамках которых функционирует национальная система охраны здоровья, являются достаточными для функционирования здравоохранительного пространства сельской местности. Однако уже на уровне сельской местности и ее более низких территориальных уровнях функционирование эти механизмов становится все менее эффективным. Поэтому для эффективного функционирования организационно-экономических механизмов, в рамках которых должны осуществляться организационные и экономические процессы, содействующие повышению конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности, нужна их разработка на всех территориальных уровнях сельской местности. Это позволит выявить приоритеты и разработать механизмы, соответствующие вызовам населения сельских территорий в сфере сохранения и восстановления здоровья. Организационные и экономические отношения в данном случае могут развиваться на более широком организационно-экономическом поле, включающем, помимо оказания медицинских услуг, правила, в рамках которых осуществляется деятельность по снижению рисков и угроз здоровью сельского населения содержащихся в других подсистемах социального пространства сельской местности.

Для повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства, функционирование механизмов должно:

- формировать правила организационно-экономической деятельности, позволяющей выявлять и минимизировать недостатки в функционировании сельского здравоохранения посредством адаптации его ресурсного обеспечения к реальной структуре заболеваний в сельских территориях; выявлять и сокращать факторы, содержащиеся в условиях трудовой, бы-

товой, природоохранной сферах социально-экономического пространства сельской местности неоднородных сельских территорий;

- активизировать сельское население, вовлекая его представителей в разработку и реализацию здравоохранительной политики на уровне сельских муниципальных округов, районов и поселений средством выявления обострившихся проблем и последующего формирования устойчивой обратной связи с субъектами управления на всех территориальных уровнях.

Результаты исследования.

Характеристика основных свойств социального и здравоохранительного пространства села как его подсистемы, свидетельствует о том, что его безопасность, конкурентоспособность, устойчивость значительно ниже, чем в городе. Низкий уровень безопасности и конкурентоспособности сельской местности и сельских территорий подтверждается показателями миграции населения из сельских территорий в город. Несмотря на то, что информация, содержащаяся в официальной статистике, свидетельствует о некотором сокращении общего показателя миграции из села в последние годы, кардинально это не меняет ситуацию. Ежегодно агропродовольственная сфера России теряет около миллиона представителей массовых сельскохозяйственных профессий. При этом значительную их часть составляют квалифицированные работники среднего возраста и молодежь [4].

Подтверждает вывод о низких свойствах социального пространства села отрицательная динамика изменения численности предприятий и организаций в сельской местности [5]. Устойчивая тенденция к сокращению наблюдается при анализе изменения численности сельских поселений России [5]. Сокращение численности объектов выявлено в изменении количественного состава образовательных лечебно-профилактических учреждений в сельских территориях [1, 2]. Статистически подтверждается тенденция сокращения численности объектов культуры в сельской местности.

Низкая эффективность государственной региональной здравоохранительной политики, отраженная в разрывах показателей классов заболеваний в сельской местности и неравномерной ресурсной обеспеченности систем сельского здравоохранения, которая прослеживается уже на уровне сельской местности федеральных округов РФ, доказывает, что для решения проблемы повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства села нужен новый научный и практический подход. Его сущность состоит в выявлении рисков и угроз здоровью сельского населения, содержащихся в сфере труда, быта, социально-инфраструктурной сфере, и минимизировать их, постоянно адаптируя сельское здравоохранение к угрожающей динамике классов заболеваний в селе, выявляя причины их появления, постоянно отслеживая приоритеты здравоохранительной политики.

Под здравоохранительным пространством сельской местности и сельских территорий понимается часть социального пространства села, в которой функционирует комплекс внешних факторов, содержащихся в природоохранной, трудовой, бытовой подсистеме социального пространства сельской местности, оказывающих противоречивое, в том числе – негативное влияние на состояние здоровья сельского населения.

Организационно-экономический механизм повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности рассматривается как порядок или набор правил, зафиксированных юридически посредством строго определенных процедур, согласно которым должно осуществляться целенаправленное воздействие на функционирование организационных и экономических отношений, возникших в процессе повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности. Механизм повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности имеет сложную структуру. В зависимости от задач целенаправленного воздействия на процессы повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности могут быть разработаны правила, в рамках которых развиваются отношения в организационной и экономической сферах повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства. Организационный механизм охватывает правила, определяющие действия менеджмента по выявлению приоритетов в сфере повышения эффективности здравоохранения.

тельного пространства, разработку и реализацию стратегий по достижению приоритетных целей и задач в этой сфере. В организационные отношения должны быть включены и взаимоотношений, в рамках которых осуществляются прямые и обратные связи в сфере повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства села на всех территориальных уровнях. В составе экономического механизма должны функционировать экономические взаимоотношения, развивающиеся в направлении повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности и неоднородных сельских территорий. Рабочее определение организационно-экономического механизма повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности и сельских территорий позволяет описать его как ряд правил, обеспечивающих эффективное функционирование организационных и экономических отношений, служащих для минимизации рисков и угроз здоровью сельского населения, находящихся в иерархической зависимости. Организационно-экономический механизм включает правила функционирования организационных и экономических отношений, содействующих повышению конкурентоспособности системы сельского здравоохранения.

Звенья организационно-экономического механизма - национальные, региональные, муниципальные механизмы должны строиться в иерархической зависимости друг от друга. В их функционировании представляется необходимым применение инструментов, обеспечивающих устойчивую обратную связь от первичных до высших звеньев

Цель разработки и сущность применения организационно-экономического механизма повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности и сельских территорий состоит:

- в минимизации содержащихся в трудовой, бытовой, социально-инфраструктурной сфере социального пространства негативных факторов, отрицательно влияющих на состояние здоровья сельского населения регионов, муниципальных округов, поселений;
- в вовлечении сельского населения в реализацию здравоохранительной политики на всех территориальных уровнях;
- в формировании механизмов обратной связи, позволяющих выявлять четкие приоритеты (стратегические цели, стратегические задачи) государственной региональной здравоохранительной политики на всех территориальных уровнях.

Основные принципы функционирования организационно-экономического механизма повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства села следующие:

- *интеграция* - проявляется во взаимосвязи всех территориальных звеньев организационно-экономического механизма, осуществлении оперативного формирования и применения инструментов, обеспечивающих решение актуальных проблем охраны здоровья сельского населения в подсистемах социального пространства сельской местности, регионов, сельских муниципальных округов;
- *структурная пластичность*, позволяющая видоизменять кадровую составляющую организаций, осуществляющих практическую деятельность по повышению конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности в зависимости от достигаемых целей и задач, связанных с охраной здоровья, в нужном направлении; использовать различные модели экономических механизмов и инструментов в зависимости от территориального, экономического и социального статуса сельских территорий;
- *открытость* - организационно-экономический механизм повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства села взаимодействует с населением, различными элементами социального пространства сельской местности, регионов, сельских муниципальных округов, выявляя приоритетные направления воздействия для повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства села, сельской местности регионов, сельских муниципальных округов и поселений;
- *эффективность* - измеряется профессиональным умением выявлять приоритетные направления, на которых должны быть сосредоточены материальные ресурсы, формировать стратегические цели и задачи и соответствующие программы по их решению и достижению стратегических целей. Отражается в повышении статистических показателей здоровья сель-

ского населения, а также в оценочных показателях, полученных посредством проведения мониторингов;

- *прозрачность функционирования* организационно-экономических механизмов, состоящая в возможности измерить показатели здоровья сельского населения там, где были проведены процедуры по повышению конкурентоспособности сельского здравоохранительного пространства и дать им оценку в том случае, если имеется четкая методологическая база нормативных и пороговых показателей;

- *контроль на всех территориальных уровнях*, произведенный посредством включения сведений о формировании и результатах деятельности организационно-экономических механизмов повышения конкурентоспособности сельского здравоохранительного пространства в показатели итогов деятельности глав муниципальных округов, глав администрации сельских районов, губернаторов.

Авторское рабочее определение инструментов, применяемых в процессе повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства, позволяет дать определение организационных и экономических мер, зафиксированных в официальной документации.

К инструментам могут быть отнесены программы государственного и регионального обеспечения бесплатных медицинских услуг; национальные проекты в сфере здравоохранения, концепции, национальные и региональные стратегии.

К экономическим инструментам относятся: государственное, страховое, частное финансирование национальной системы охраны здоровья, законодательные акты, обеспечивающие охрану труда, природоохранные законодательные и подзаконные акты.

Механизм имеет сложную структуру. Он содержит: законодательную, экономическую, финансовую, кадровую, административную составляющие, в рамках которых осуществляются функции управления, к числу которых относятся: планирование, регулирование, контроль над исполнением.

Результаты ежегодных мониторингов Росстата, изучающих мнения городского и сельского населения об условиях жизни, доказывают, что состояние условий труда, быта, доходов, доступности и качества услуг социальной инфраструктуры в селе значительно ниже, чем у городского населения. Так, например, 30,2 % опрошенных в городских населенных пунктах оценивают свою работу как безопасную, в то время как в селе этот показатель составляет 22,6 % [5].

Структура основных факторов, противоречиво влияющих на конкурентоспособность здравоохранительного пространства сельской местности, представлена на рисунке.

В отечественной экономической науке разрабатываются различные подходы к моделированию организационно-экономических механизмов повышения конкурентоспособности социально-экономического пространства сельской местности и АПК. Один из них состоит в последовательном выявлении приоритетов, индикаторов, разработке механизмов, с помощью которых могут быть достигнуты выявленные приоритеты [6].

Применение этой модели для повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности и сельских территорий будет эффективным в том случае, когда нужно решить четко определенные в количественном выражении стратегические задачи повышения конкурентоспособности социально-экономического пространства сельской местности и сельских территорий. Приведенная выше модель федеральных и региональных механизмов реализации приоритетов кратковременна, ее функционирование рассчитано на сравнительно краткие сроки. Правила, в рамках которых должны развиваться организационные и экономические отношения по достижению количественно выявленных приоритетов в виде показателей здоровья сельского населения могут быть закреплены в подзаконной базе. Этот подход можно использовать в рамках ограниченного социального пространства на уровне сельских поселений, муниципальных образований. В здравоохранительном пространстве эту модель можно применять, например, в процессе формирования программ федеральной и региональной здравоохранительной политики, достигая стратегической цели (приоритета), состоящего в выравнивании ресурсной обеспеченности территориальных систем сельского здравоохранения. Здесь показатели ресурсной обеспеченности мо-

гут быть количественно измерены; их сравнение с нормативными (средними по сельской местности) позволяют в рамках теории измерений обосновать приоритеты здравоохранительной политики на всех территориальных уровнях, разработать и реализовать научно обоснованные стратегии и механизмы их реализации.

Сильные стороны	Слабые стороны
1. Достаточная законодательная база, на основе которой осуществляется деятельность по контролю над сбережением и восстановлением здоровья населения. 2. Разветвленная и устойчивая сеть организаций, осуществляющих контроль над сбережением здоровья и его восстановлением. 3. Устойчивая административная и кадровая система надзорных и лечебно-профилактических учреждений. 4. Относительная стабильность на национальном уровне профессионального кадрового состава и администрации.	1. Слабый контроль над параметрами окружающей среды, условиями труда и быта, восстановлением здоровья в сельских поселениях, муниципальных округах, удаленных от надзорных и медицинских организаций. 2. Отсутствие комплексных механизмов своевременного выявления обострившихся в сфере труда, быта, восстановления здоровья населения сельских территорий проблем и оперативного решения приоритетных задач. 3. Консервация негативных факторов в сферах здравоохранительного пространства сельских территорий и вследствие этого – возрастающая нагрузка на ЛПУ.
Возможности	Угрозы
1. Формирование на национальном уровне инструментов в виде системы нормативных и пороговых показателей здоровья для сельского населения и включение их в государственную документацию для обязательного исполнения на всех территориальных уровнях; разработка механизмов и инструментов включения государственной поддержки в случае недостижения пороговых и нормативных показателей. 2. Корректировка национальных стратегий, программ с учетом особенностей системы сельского расселения и социально-экономического неравенства сельских территорий. 3. Разработка и формирование на низших территориальных уровнях сельской местности механизмов и инструментов здравоохранительной политики вовлекающих население в процесс накопления информации для последующей минимизации негативных факторов, негативно влияющих на здоровье населения.	1. Снижение показателей средней продолжительности жизни, определяемой при рождении у населения сельских территорий; высокие показатели заболеваемости, инвалидности, временной нетрудоспособности; экономические и социальные потери, вызванные расстройствами здоровья сельского населения в трудоспособном возрасте. 2. Отсутствие устойчивой мотивации работодателей и администрации сельских административных округов, районов, поселений на повышение конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельских территорий.

Рисунок - Ключевые факторы, влияющие на конкурентоспособность сельского здравоохранительного пространства

Выводы.

Результаты предпринятого исследования позволили сделать следующие выводы: для повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности необходимо применять системный и стратегический подходы, позволяющие выявлять приоритетные направления здравоохранительной политики с целью минимизации негативных факторов, содержащихся в трудовой, бытовой, социоинфраструктурной подсистемах социального пространства сельской местности, вовлечению сельского населения в процессы, связанные с повышением конкурентоспособности сельского здравоохранительного пространства. Для этого необходимо разработать теоретико-методологические и практические основы применения организационно-экономических механизмов, в рамках которых может быть повышена конкурентоспособность социального здравоохранительного пространства сельской местности и сельских территорий. Результаты исследования, предпринятого в статье, позволили подтвердить вывод о низких по сравнению с городом показателях конкурентоспособности сельского здравоохранительного пространства на базе статистических и социологических количественных показателей.

В статье было дано авторское рабочее определение организационно-экономического механизма повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской

местности и сельских территорий. Разработаны теоретико-методологические основы формирования организационно-экономического механизма повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства; определена сущность, основные функции, принципы функционирования организационно-экономических механизмов повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности.

Разработка долгосрочной организационно-экономической модели повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства сельской местности и сельских территорий, количественно отраженных в снижении показателей заболеваемости, инвалидности, временной нетрудоспособности, требует отдельного изучения и будет раскрыто в содержании последующих статей.

Список литературы:

1. Сельское здравоохранение в России в 2017 году (статистические материалы). Министерство здравоохранения Российской Федерации. Департамент мониторинга, анализа и стратегического развития здравоохранения ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Минздрава России. - URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/zdrav17.pdf
2. Сельское здравоохранение в России в 2016 году (статистические материалы). Министерство здравоохранения Российской Федерации. Департамент мониторинга, анализа и стратегического развития здравоохранения ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Минздрава России. - URL: <https://www.rosminzdrav.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionnye-materialy/statisticheskiy-sbornik-2016-god>
3. Рубцова В.Н. Ресурсная обеспеченность и обоснование стратегических приоритетных направлений разработки и реализации здравоохранительной политики в сельской местности // Вестник СГСЭУ. - № 2. - 2019. - С. 102-108.
4. Демографический Ежегодник России 2018.: Стат.сб./ Росстат. - М. 2018
5. Российский статистический Ежегодник 2018.: Стат.сб. / Росстат. - М. 2018
6. Комплексное наблюдение условий жизни населения РФ. Росстат РФ. 2016. - URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html
7. Андрущенко С.А. Национальные и региональные механизмы реализации приоритетов развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса России // Международный сельскохозяйственный журнал. - 2019. - №2. - С.34-38

СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РАЗРАБОТКИ МЕХАНИЗМОВ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ РАБОТНИКОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Бочарова Е.В., к.социол.н., ИАГП РАН

Определены основные социальные ориентиры формирования и совершенствования профессиональных компетенций работников сельскохозяйственной отрасли, что необходимо для выработки кадровой стратегии агропромышленного сектора с целью обеспечения ведущих позиций национального АПК на внешних и внутренних рынках. В наиболее полной мере об эффективности сельскохозяйственной деятельности свидетельствуют базовые характеристики персонала, которые оказывают влияние как на реализацию внутренних резервов работающего, так и на развитие организации в целом. В ходе исследования определены основные направления стратегии развития профессиональных компетенций и механизмы реализации, включающие широкий комплекс деятельности на уровне территорий и предприятий.

Ключевые слова: компетенция, сельское хозяйство, работники, механизмы.

SOCIAL TERMS OF DEVELOPMENT OF DEVELOPMENT MECHANISMS OF PROFESSIONAL COMPETENCES OF AGRICULTURAL WORKERS

Bocharova E.V., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

The article identifies the main social ways of the development and improvement of the professional competences of agricultural workers, which is necessary to develop a personnel strategy for the agro-industrial sector in order to ensure the leading positions of the national agricultural sector in foreign and domestic markets. Basic characteristics of personnel describe the effectiveness of agricultural activity in the most comprehensive way. They influence both the implementation of the worker's internal reserves and the development of the organization as a whole. The study identified the main directions of the development strategy of professional competencies and implementation mechanisms, including a wide range of activities at the level of territories and enterprises.

Keywords: competence, agriculture, workers, mechanisms

Введение.

Сельское хозяйство является не только стратегически важной отраслью экономики, но также имеет исключительное социальное значение для всего населения нашей страны. В аграрном секторе среднегодовая численность занятых в 2017 г. составляла более 5 млн чел., или 7,1% от общей численности работников [1]. Одно рабочее место в отрасли обеспечивает занятость 5–6 человек в других сферах экономики. Агропромышленный комплекс обладает значительным потенциалом для дальнейшего развития и поэтому нуждается в специалистах, обладающих компетенциями, соответствующими всему производственному циклу (производство, переработка, хранение, транспортировка, реализация продукции). Действующие внутренние и внешние вызовы требуют от работника способности действовать на опережение, постоянно углубляя, обновляя и совершенствуя свои умения, навыки. Специалист аграрного профиля должен обладать не только специальными, но и общими знаниями, молниеносно чувствовать и реагировать на вызовы современной агроэкономики.

Цель исследований.

Основной задачей данной работы являлось обоснование основных ориентиров стратегии сбалансированного развития профессиональных компетенций работников сельского хозяйства с использованием социальных механизмов, обеспечивающих предотвращение наступления или углубления существующих вызовов и ограничений.

Методика исследований.

Работа базируется на экономико-статистических и аналитических материалах Федеральной службы государственной статистики РФ, данных 26 волны «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проведенного в 2017 г. (N = 214, ограничена респондентами, работающими в АПК), а также на материалах конкретных социологических исследований, проведенных в ИАГП РАН.

Результаты исследований.

Аграрная проблематика постоянно находится в поле зрения законодателей. Документов, касающихся развития сельского хозяйства, в стране принято уже немало. Однако в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [2] среди перечисленных приоритетных национальных проектов сельское хозяйство не указано. В последние годы отечественные аграрии не только в значительной степени обеспечивают потребителей продовольствия внутри страны, но и активно осваивают внешние рынки. Необходимо укреплять кадровый потенциал российского агропродовольственного комплекса, повышать производительность труда, развивать профессиональные компетенции специалистов.

Базисом программ по развитию кадрового обеспечения сельскохозяйственной отрасли выступает Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы [3]. Только за последний год было проведено четыре корректировки Госпрограммы. Очень часто изменения носят концептуальный характер, когда меняются поставленные цели и основные задачи, индикаторы, возникают и исчезают различные подпрограммы и федеральные целевые программы, урезается финансирование.

Неоднозначность положений большинства нормативно-законодательных актов поставила многих сельхозтоваропроизводителей в условия проблемного осуществления планирования деятельности на кратко- и среднесрочную перспективы, которые в значительной степени определяются Стратегией развития аграрного образования в Российской Федерации до 2030 года [4] и Федеральной научно-технической программой развития сельского хозяйства на 2017–2025 годы [5]. В текущем году на развитие сельского хозяйства государство направит более 303 млрд руб., что почти на 50 млрд больше, чем в 2018 г. Треть от заявленной суммы уже поступила в регионы, эти средства будут в короткие сроки направлены непосредственно аграриям. Сельхозтоваропроизводителям, которые в своей деятельности ориентируются на экспортные поставки, планируется выделить 406 млрд руб. [6]. В настоящее время существует большое количество проектов и инициатив, реализующихся в рамках стратегического планирования, поэтому и возникают вопросы их анализа, а также возможности и необходимости реализации. В этой связи необходимо решить вопрос о регулярном мониторинге, включающем оценку статистических исследований и социологические опросы.

В Концепции развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 года [7] необходимо учитывать своеобразие в обучении взрослых, имеющих определенный опыт работы в своей сфере деятельности. Не вызывает сомнения тот факт, что при повышении квалификации общие теоретические знания менее важны по сравнению со специальными, которые человек сможет применить при реализации конкретных трудовых операций. Содержание учебных программ должно соответствовать пожеланиям и потребностям работников, учитывая их интересы, уровень квалификации, мотивации, ориентироваться на развитие профессиональных компетенций специалистов. Таким образом, при построении системы непрерывного образования взрослых необходимо учитывать пол, возраст, профессионально-практический опыт, мотивации, имеющийся уровень теоретической и практической подготовки для того, чтобы в максимально короткие сроки совершенствовать имеющиеся компетенции.

На основе данных РМЭЗ России, проведенного в 2017 г. [8], можно дать характеристику работников по возрасту, уровню образования и квалификации (рис. 1).

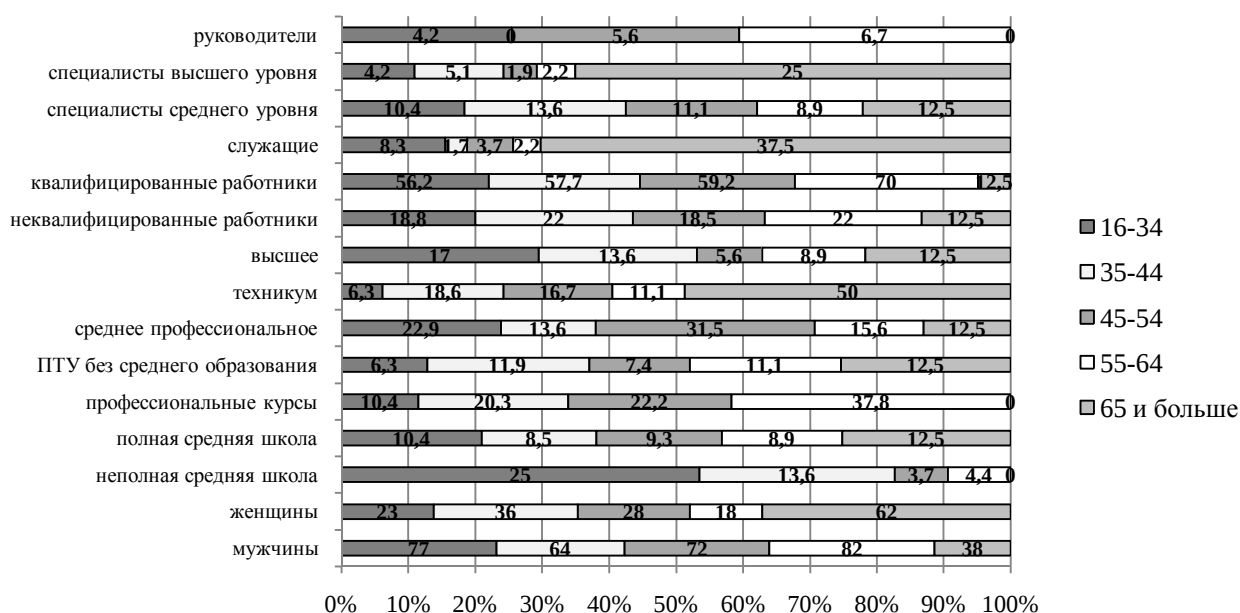

Рисунок 1 – Структура занятого в сельском хозяйстве населения по возрасту
(в разрезе социально-демографических групп)

В сельском хозяйстве мужчин занято значительно больше во всех возрастных категориях за исключением самой старшей (65 и более лет). Доминирование женщин старшей возрастной группы объясняется более высокой продолжительностью жизни. В структуре занятости среди них преобладают офисные работники, а также специалисты высшего уровня квалификации.

Каждый десятый сотрудник, занятый в аграрной сфере, имеет неполное среднее образование. Среднее общее образование получили 9,3% опрошенных. Около 9% респондентов окончили профессионально-технические училища без получения полного среднего образования. Среднее профессиональное образование по программе подготовки квалифицированных рабочих (ПТУ) имеют 20% опрошенных. Среднее профессиональное образование (техникум) получили 15% работников. Около 13% респондентов имеют диплом вуза. Каждый пятый работник сельского хозяйства указал профессиональные курсы (шоферов, трактористов и т.д.) как самый высокий уровень образования, по которому был получен диплом, аттестат, свидетельство. Сельское хозяйство является отраслью, которая удовлетворяет потребности в кадрах со средним и начальным профессиональным образованием. Эти факты подтверждаются цифрами, полученными в ходе опроса, проведенного в 2017 г. в двух субъектных ПЭО. Более 38% опрошенных из 170 респондентов посчитали, что для работы в сельском хозяйстве достаточно иметь лишь общее неполное и среднее образование, а навыки, необходимые для выполнения почти всех видов труда, можно получить на рабочем месте [9].

В связи с этим на уровне сельскохозяйственной организации важно информировать руководство и сотрудников о новых образовательных программах по повышению уровня профессиональных компетенций. Механизмами реализации являются: проведение социологического опроса среди представителей бизнес-структур и работников по вопросу потребности в данных образовательных продуктах; льготное обеспечение новыми программами и курсами начинающих сельхозтоваропроизводителей; расширение сети сервисов дополнительного образования; обеспечение удобного места и времени повышения уровня квалификации для работников.

По данным проведенного силами сотрудников ИАГП РАН социологического исследования «Сельская семья» (2018 г., N = 323) в селах Саратовской области и Республики Татарстан менять свою нынешнюю работу не собираются 57% респондентов. Задумываются о

возможности смены рабочего места 12,7% опрошенных. По достижению пенсионного возраста завершат трудовую деятельность около 14% тружеников.

По данным РМЭЗ России более половины (68%) респондентов беспокоит проблема потери работы. Тех, у кого таких опасений нет около 19%. Оставшиеся 13% работников иногда испытывают чувство тревоги по поводу возможной безработицы. О своей неуверенности найти достойную работу в случае закрытия организации заявили 64% работников. Сомневаются, что смогут удачно трудоустроиться 28%. Полностью уверены в перспективе дальнейшей занятости лишь 4% опрошенных. Одна из главных причин такой ситуации – низкий уровень профессиональных компетенций сотрудников, сложившийся режим трудовой нагрузки работника. Только на перерабатывающих предприятиях АПК наемные работники загружены равномерно, а 9% занятых на выращивании зерновых (основная отрасль современного сельскохозяйственного производства) работают в течение года в среднем 6,9 месяцев [10]. Соответственно 5 месяцев они получают самую минимальную зарплату. В такой ситуации трудно ожидать проявления инициатив работников по участию в организованных формах повышения квалификации.

Для развития профессиональных компетенций сотрудников первоочередное значение имеет обеспечение достойных условий труда, а также улучшение материального и нематериального стимулирования персонала. Для успешного функционирования предприятий необходимо создать благоприятные условия работы для сотрудников [11]. Механизмы могут быть следующие: стимулирование производительности труда путем дополнительных выплат, увеличение перечня предоставляемых льгот, компенсаций и социальных гарантий, предоставляемых с учетом квалификации работника, уровня профессиональных компетенций, а также стажа работы; формирование показателей и индикаторов, позволяющих измерить степень развития профессиональных компетенций работников.

С целью повышения производительности труда необходимо провести модернизацию материально-технической оснащенности, а именно плановый ремонт и реконструкция имеющихся строений, строительство новых зданий; постоянно обновлять используемое оборудование, технику и инструменты; активно участвовать в программах государственного субсидирования.

Доля квалифицированных работников сельского хозяйства составляет около 60%. В настоящее время 16% неквалифицированных рабочих занимаются посадкой, сбором сельскохозяйственных культур, а также уходом за животными. Специалисты среднего уровня квалификации составляют 11,2% опрошенных. Специалисты высшего уровня квалификации (агроном, агрохимик, ветеринарный врач, зоотехник, инженер и ряд других специалистов) составляют 4,2% респондентов, что в 4 раза меньше, чем в годы накануне аграрной реформы. Это свидетельствует об отсутствии высоких квалификационных требований к уровню «человеческого капитала».

Учеными компетенция понимается как совокупность знаний, умений, навыков, личностных качеств и способностей сотрудников, обеспечивающая готовность выполнять профессиональные обязанности [12]. Знания специалиста должны отличаться глубиной, осмысленностью, готовностью к незамедлительному их применению при изменении трудовой ситуации. Обладание умениями и навыками дает возможность сконцентрироваться на наиболее важном в своей работе, выполнить ее качественно и эффективно. Работников, которые наиболее компетентны в своей работе, называют «профессионалами высокого класса».

В процессе исследования РМЭЗ работникам сельского хозяйства было предложено определить свое место на «лестнице профессионального мастерства», состоящей из девяти уровней, где первый – начинающий работник, а девятый – высококомпетентный специалист (рис. 2).

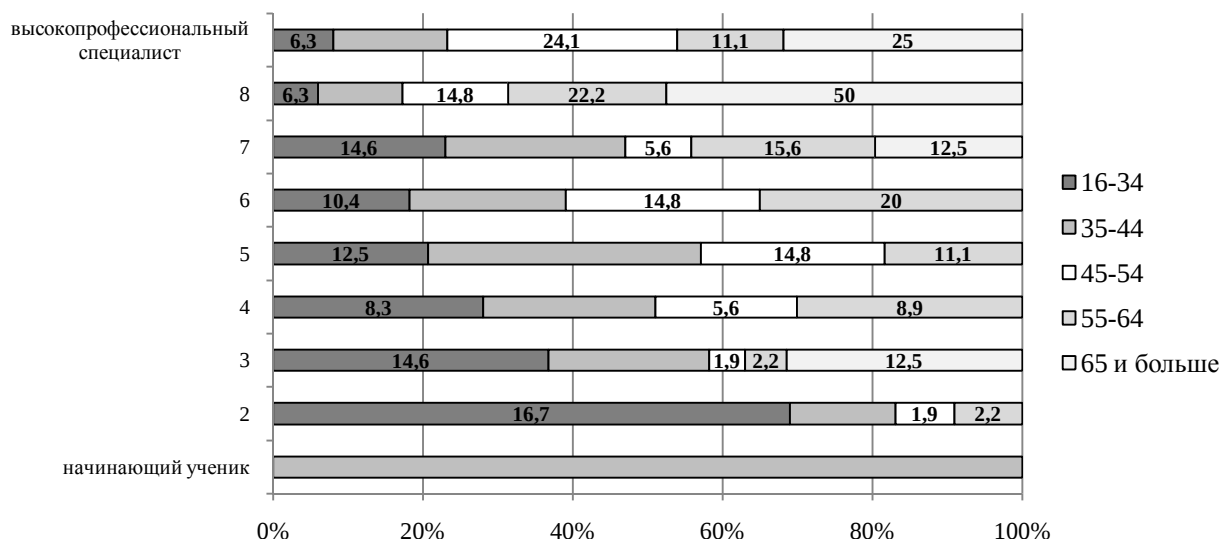

Рисунок 2 – Уровни профессионального мастерства

Закономерно, что способность работника к высокопроизводительному труду, уровень его профессионального мастерства зависят во многом от общих и профессиональных компетенций. В молодые годы большинство граждан имеют желание и стремление достичь поставленных целей, а также потребность добиться успеха. Более половины (52%) работников до 34 лет определили для себя 2–5 уровень профессионального мастерства, в то время как большая часть (87,5%) возрастных специалистов старше 65 лет заняли 7–9 уровень. В зрелом возрасте человек, как правило, овладевает разнообразными трудовыми операциями и навыками, что приводит к профессиональному самоопределению и глубокому осмыслению сущности выбранной профессии. Работники среднего возраста (35–64 года) равномерно распределились на 5–9 уровнях в зависимости от самооценки своих профессиональных компетенций.

Переход к более высокому статусу находится в прямой зависимости от размера и мощности предприятий. Каждый пятый опрошенный работает в организации с численностью 60 и более человек. Около трети заняты на предприятиях с численностью от 10 до 50 сотрудников; 10% респондентов – с численностью до 10 человек. Затруднились определить размер предприятия по количеству сотрудников 40% ответивших, это связано с тем, что сельское хозяйство является отраслью, где заняты временные, сезонные или принятыми для выполнения разовых работ специалисты.

Для повышения профессионального мастерства и развития профессиональных компетенций на уровне конкретного региона необходимо развивать систему единого заказа агропромышленных предприятий по вопросам подготовки, переподготовки и повышению квалификации работников к организациям профессионального образования, в которую должны войти: создание возможностей для целевой подготовки высококомпетентных работников с разным уровнем образования; внедрение системы проверки профессиональных качеств руководителей, специалистов, работников массовых профессий сельскохозяйственных предприятий; проведение чемпионатов профессионального мастерства, всероссийских олимпиад и конкурсов по перспективным и востребованным профессиям и специальностям; обеспечение должного контроля со стороны органов власти всех вышеперечисленных мероприятий.

Одним из важнейших стратегических направлений является формирование резерва высококомпетентных кадров, способных при организационных изменениях заменить выходящих сотрудников. Для этого необходимы изучение потребности предприятия в резерве сотрудников; оценка качества и результативности работы кандидатов; проведение сравнения качественных характеристик в соответствии с требованиями по конкретной должности; проведение дополнительных тренингов и мастер-классов для резервистов; осуществление их до-

полнительной подготовки и переподготовки; обеспечение их стажировки на своем или другом предприятии; наставничество и кураторство со стороны вышестоящего руководства.

Удовлетворенность содержанием и условиями работы являются одной из важнейшей составляющей эмоционального и психофизического здоровья человека. Высокая оценка различных сторон трудовой деятельности рассматривается как один из факторов роста профессиональных компетенций персонала сельскохозяйственных организаций. Исследование удовлетворенности работника своим трудом проводилось по таким критериям, как удовлетворенность работой в целом, условия труда, уровень заработной платы, возможность профессионального продвижения, качество руководства, оценка рабочего коллектива (см. таблицу).

Таблица – Степень удовлетворенности трудом работников сельского хозяйства, %

Показатель	Полностью удовлетворен	Скорее удовлетворен	И да, и нет	Скорее не удовлетворен	Полностью не удовлетворен
Удовлетворенность работой в целом	10,3	49,5	30	9,3	0,9
Условия труда	9,8	47,2	29	10,7	3,3
Заработок	5,1	25,7	29	26,6	9,3
Возможности для профессионального роста	5,6	43,9	22,9	14,5	4,2
Доверие к руководителям	18,1	49,7	16,9	9	3,2
Доверие к коллективу	25,9	56,1	12,2	4,2	0

Степень удовлетворенности трудовой деятельностью варьирует в зависимости от рассматриваемого аспекта, при этом работа является основным источником удовлетворенности. Как показало исследование, большая часть опрошенных (59,8%) в большей или меньшей степени довольны своей работой. Одна треть работников испытывают смешанное чувство по отношению к ней. Однако важно учитывать тот факт, что социологический опрос, особенно проведенный в сельской местности, где «все про всех всё знают» фиксирует лишь отношение человека к той или иной проблеме, но не всегда раскрывает ее полностью.

Условия труда, как совокупность факторов производственной среды и трудового процесса, влияющую на работоспособность человека, опрошенные оценили скорее удовлетворительно (47,2%), чем отрицательно (10,7%). Около трети респондентов довольны условиями труда частично.

Система денежных выплат выступает как сложный показатель удовлетворенности трудом. На вопрос: «Насколько вы удовлетворены или не удовлетворены оплатой вашего труда?» более четверти опрошенных (25,7%) ответили, что скорее довольны размером заработка. Полностью удовлетворены оплатой труда 5,1% респондентов; тех, кого устраивают отчасти, а отчасти нет – 29% опрошенных. Недовольны размером заработка 35,9% респондентов, причем 26,6% из них он «скорее не удовлетворяет», а 9,3% – полностью не устраивает.

При анализе оценки возможностей для профессионального роста были получены следующие результаты: около половины работников сельского хозяйства положительно оценивают имеющиеся возможности для профессионального развития; не довольны перспективой карьерного роста около 17% работников отрасли; каждый пятый сотрудник затруднился определиться с выбором. Следует учитывать и следующий фактор – если сельскохозяйственное предприятие небольшое и работники уверены, что таким оно останется и в будущем (а то и прекратит свое существование), то не имеет смысла давать отрицательные оценки. При этом есть вероятность вызвать неудовольствие владельца организации.

Для дальнейшего профессионального роста работника большое значение имеет расширение информационно-консультационных услуг путем внедрения рекомендаций и инновационных разработок в агропроизводство; пропаганды новых знаний среди работников; мониторинга на постоянной основе удовлетворенности работников агросферы качеством консультационных услуг; развития новых информационных сервисов сельскохозяйственного консультирования.

Доверие к руководителям представляет один из важных факторов удовлетворенности трудом. Около половины работников определили, что скорее довольны своим начальством. Полностью доверяют и удовлетворены работой администрации 18,1% респондентов. Тех, кто «отчасти доволен управленческим персоналом, отчасти нет» 16,9% участников исследования. Испытывают недоверие к руководству лишь 12,2% респондентов.

Непосредственное влияние на удовлетворенность трудом оказывает коллектив, который служит для многих источником комфорта, поддержки и помощи. Более 80% опрошенных респондентов считают, что отношение к коллективу у них положительное. Лишь 4,2% определили свое отношение к коллегам как скорее неудовлетворительное, чем удовлетворительное.

На государственном уровне можно также выделить приоритетные направления и механизмы совершенствования профессиональных компетенций работников сельского хозяйства.

В первую очередь, необходимо модернизировать существующие программы подготовки и переподготовки специалистов аграрного профиля с целью их ориентации на компетентностный подход. Основными механизмами реализации являются следующие: создание эффективного и постоянно действующего центра по разработке и внедрению профессиональных образовательных программ аграрного профиля, переориентация образовательных программ на подготовку специалистов, обладающих необходимыми компетенциями, создание новых образовательных программ подготовки высококомпетентных кадров, привлечение представителей работников и работодателей к разработке соответствующих программных документов. В дальнейшем – формирование и внедрение общего нормативно-правового документа, закрепляющего основы обеспечения отрасли высококомпетентными кадрами.

Поэтапная интеграция образования, науки и практики – ключ к подготовке высококомпетентных специалистов, занятых в агросфере. В этой связи необходима планомерная работа по включению учебных заведений сельскохозяйственного профиля, учреждений науки, опытных хозяйств в единую сеть подготовки и переподготовки аграрных кадров с целью разработки и создания новых форматов научно-практического синтеза.

Заключение.

В современной России важным источником функционирования и развития сельскохозяйственных организаций являются работники, обладающие знаниями и компетенциями, необходимыми для стабильного и эффективного функционирования в условиях внешних и внутренних вызовов и угроз. Именно высококомпетентные сотрудники играют первостепенную роль в достижении высокого уровня конкурентоспособности предприятия и отрасли в целом, воздействуя на конечные характеристики производимого продукта. Поэтому разработка стратегических приоритетов сбалансированного развития профессиональных компетенций с использованием социальных механизмов должна стать одной из важнейших задач на уровне предприятий, регионов и страны в целом.

Иницилируемые государством программы и нововведения должны строиться с учетом риска ментальных препятствий и возможной коррекции социокультурных факторов, профилирующих основные направления жизнедеятельности субъекта [13, 14].

Список литературы:

1. Среднегодовая численность занятых по видам экономической деятельности в 2017 г. // Российский статистический ежегодник. 2018: стат.сб./Росстат. – М., 2019. – С. 113.
2. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425>
3. О переводе Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы на проектное управление. – URL: <http://government.ru/docs/30726>
4. Стратегия развития аграрного образования в Российской Федерации до 2030 года. –: https://molochnoe.ru/resources/files/sveden/.../raznoe/proect_strat_fgr_obr_2030.pdf

5. Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства на 2017-2025 годы: Постановление Правительства РФ от 25 августа 2017 г. № 996. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71655402/#ixzz5D0nKaG5I>
6. На развитие сельского хозяйства направят 303 млрд. рублей. 14.03.2019. – URL: <https://rg.ru/2019/03/14/medvedev-na-razvitie-selskogo-hoziajstva-napraviat-bolee-303-mlrd-rublej.html>
7. Концепция развития непрерывного образования взрослых в Российской Федерации на период до 2025 года. – URL: http://www.dpo-edu.ru/?page_id=13095
8. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.crc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>). Выборка квотная, ограничена респондентами, работающими в агропродовольственном комплексе).
9. Великий П.П., Мореханова М.Ю. Идентичность современного аграрного социума с крестьянской традиционностью как социальный ресурс функционирования аграрного сектора // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 1. – URL: <http://www.iagpran.ru/journal.php?tid=734>
10. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / под ред. Ж.Т. Тощенко. – М., 2016. – С. 311.
11. Бочарова Е.В. Удовлетворенность трудом работников старшего возраста // Проблемы и перспективы инновационного развития мирового сельского хозяйства: сборник статей VI Междунар. науч.-практ. конф. / ФГБОУ ВО СГАУ. – Саратов, 2016. – С. 33–34.
12. Бочарова Е.В. Система компетенций работников агропромышленного комплекса // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9 – №5/1. – С. 133–140.
13. Нечаева И.В. Перспективы развития малого аграрного предпринимательства // Научное обозрение. – 2016. – № 4. – С. 100–104.
14. Нечаева И.В. Теория многофункциональности села в социокультурной проекции // Никоновские чтения. – 2007. – № 12. – С. 31–33.

МАЛЫЕ ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО МЕХАНИЗМА АГРАРНОГО СЕКТОРА

Нечаева И.В., к.социол.н., ИАГП РАН

В статье анализируются теоретические аспекты функционирования малой формы хозяйствования как составного структурного элемента в системе социального механизма. Фокус анализа направлен на специфичность встроенности малых форм хозяйствования в вышеозначенную структуру, которые, с одной стороны, имеют известную самостоятельность субъекта экономической деятельности, с другой - являются управляемыми объектами, находящимися в зоне влияния управленческих воздействий внешней экономической и социально-институциональной сред. Сделана попытка определения факторов-ограничителей, затрудняющих функционирование малых форм хозяйствования, и положительных корреляций, связанных с деятельностью институтов их внешнего окружения. Рассматриваются аналитическая сфера преломления векторов взаимодействия элементов социального механизма, ответственных за внедрение новых технологий и инновационных направлений развития.

Полученные результаты необходимы для учета специфики функционирования малых форм хозяйствования в общем движении социального механизма, получения нового знания о разработке факторов влияния на динамику движения малых форм аграрного производства.

Ключевые слова: малые формы хозяйствования, социальный механизм, структурный элемент, образовательный потенциал, развитие инноваций, ограничения функционирования.

SMALL BUSINESS AS A STRUCTURAL ELEMENT OF THE FUNCTIONING OF SOCIAL MECHANISM IN AGRARIAN SECTOR

Nechaeva I.V., candidate of sociological sciences, IAgP RAS

The article analyzes the theoretical aspects of the functioning of small business as an integral structural element in the system of social mechanism. The focus of the analysis is aimed at the specificity of incorporation of small business in the above-mentioned structure, which have a certain independence of the subject of economic activity and are managed objects that are in the zone of influence of managerial influences of external economic and socio-institutional environments. An attempt has been made to determine the limiting factors that impede the functioning of small business and the positive correlations associated with the activities of the institutions of their external environment. The analytical sphere of the refraction of the interaction vectors of the social mechanism elements responsible for the introduction of new technologies and innovative development directions affecting the position of a small form of business is considered.

The obtained results are necessary to take into account the specifics of the functioning of small business in the social mechanism, to obtain new knowledge about the development of factors influencing the dynamics of the movement of small agricultural business.

Keywords: small business, social mechanism, structural element, educational potential, development of innovations, functioning restrictions.

Введение.

Социологический подход к феномену социального механизма позволяет нам понять, что в обществе существует и необходимо нечто, что могло бы приводить элементы социальных систем в движение, формировать устойчивые взаимосвязи между ними. В конечном итоге данное невидимое глазу движение служит для удовлетворения потребностей индивидов, упорядочивая социальные отношений [1, с. 249]. Вне всякого сомнения, любое динамичное изменение в обществе происходит в соответствии с осознанной (либо неосознанной) целью, для достижения которой требуется решение определенных задач, как правило в по-

рядке их иерархической значимости. В данной связи включенность малых форм хозяйствования в общий социальный механизм аграрного хозяйствования и их нахождение в зоне преломления векторов воздействий его структурных элементов должно способствовать росту социальной привлекательности данной формы для инициативных аграриев, стремящихся найти свою экономическую нишу в селе; усилению их экономического и социального значения.

Понятие «малая форма хозяйствования» еще не получила должного освещения в научной литературе. Под ней предлагается понимать мелкие формы экономического хозяйствования, объединяющие фермеров, самостоятельно хозяйствующих субъектов (ЛПХ, имеющих официальный и неофициальный статус), индивидуальных предпринимателей, занятых сельскохозяйственной деятельностью и имеющих относительно небольшие объемы производства.

Малые формы хозяйствования, как структурный элемент в общем социальном механизме аграрного производства, являются относительно самостоятельными субъектами экономического пространства, обладающие определенной экономической свободой. Но, несмотря на присущие им аспекты самостоятельности, малые формы хозяйствования находятся в зоне влияния (деятельности) ряда управленческих структур, что меняет их статус - они выступают уже не в качестве самостоятельного субъекта деятельности, а являются управляемыми объектами социальной системы.

Конкретный социальный механизм управления малыми формами хозяйствования, как правило, опирается на устоявшиеся схемы деятельности субъектов, входящих в него, и на те функции, которые они выполняют в общественной системе. Управляемый субъект осуществляет свою деятельность на основе опосредованного влияния на него государственной аграрной политики, где организация и стимулирование осуществляются в виде целевых программ (с итоговыми целевыми показателями) развития необходимых государству видов социально-экономической деятельности. Однако основной социальный посыл, приводящий социальный механизм в движение, заключен в стимулировании (стимуле) как побудительном мотиве деятельности индивидов. На сегодняшний момент, учитывая существенное сокращение ареалов традиционной трудовой занятости, основные мотивационные особенности восприятия аграрной предпринимательской занятости напрямую связаны с потребностями индивидов в физической и социальной безопасности, а привязанность к родным местам, семьям нацеливают их на поиск возможной и привычной сельскохозяйственной занятости в месте своего проживания.

В ходе исследования выявлено, что в настоящее время около 70% состава инициативных групп считают, что аграрный бизнес, пусть и в небольших экономических объемах, может обеспечить семье приемлемый уровень и качество жизни. Среди данной группы также ценятся те возможности, которые представляет предпринимательство в качестве средства самореализации личности. В настоящее время новым и заметным явлением, характеризующим мотивационный комплекс сельских жителей, является то обстоятельство, что для 17-20% сельчан в качестве основных линий поведения стали приоритетны индивидуальность и самостоятельность. Для данной трудовой активности наиболее характерно стремление расширять личное подсобное хозяйство, одна часть продукции которого потребляется в семье, а другая - реализуется на рынке. При этом группа респондентов, заявившая о намерениях расширения ЛПХ, на 60% состоит из респондентов, нацеленных на предпринимательские практики [2].

Цель исследования.

Цель исследования заключается в анализе элементов и факторов, которые влияют на носителей автономного потенциала и входят в общую систему социального механизма.

Методика исследований.

В качестве основного метода исследования использовался структурно-функциональный анализ.

Результаты исследований.

В сфере преломления векторов взаимодействия элементов социального механизма присутствует ряд ограничений в виде факторов, затрудняющих его функционирование, которые связаны как со спецификой его основного элемента (субъекта механизма) — малой формой хозяйствования, так и с деятельностью институтов ее внешнего окружения.

Общим социально-институциональным моментом, связанным с внешними факторами влияния, является турбулентность и быстрая изменчивость внешней среды деятельности малых форм хозяйствования, которые являются своеобразными вызовами устойчивости их социального положения. Подчас их влияние столь высоко, что может определять хозяйственные и социальные перспективы существования хозяйств. По результатам опроса руководителей малого аграрного сектора наибольший прессинг их хозяйства испытывают от падения покупательной способности населения, недофинансирования программ развития сельскохозяйственного направления, сокращения дотаций (субсидий), введения федеральных норм, затрудняющих деятельность малых форм хозяйствования, усиления зависимости от местных властных органов (увеличение действий контролирующих органов, колебания размера земельного налога, противоречия в нормативно-правовой базе деятельности). Однако ореол внешнего окружения продуцирует и благотворное влияние на положение малых форм в общем механизме взаимосвязей. При анализе материалов анкетирования прослеживается корреляция позитивных взаимосвязей с типично рыночными факторами влияния, в зону излучения которых встраиваются малые формы хозяйствования. По мнению экспертов, в социальном механизме внешнего окружения наибольшим значением обладают: поиск потребителей производимой сельхозпродукции, поставщиков сельхозтехники, ГСМ, кормов, удобрений, сортового и племенного материала и т.д. (31%); повышение профессиональных компетенций, приобретение новых специализаций (26%). Особо отмечается фактор встраивания в систему получения государственных гарантий (12%) [3, с. 72-74].

В настоящее время перспективы роста экономического потенциала малых форм хозяйствования напрямую связаны с элементами механизма, способными продуцировать инновационное направление их развития, в связи с этим особенно важным, с нашей точки зрения, становится анализ образовательного уровня глав хозяйств, их стремления к повышению квалификации, получению дополнительной специализации, полипрофессионализма. Анализ предусматривает использование профессионально-экономического подхода [4, с. 8], в ходе которого рассматриваются образовательно-профессиональные качества субъектов в их социальном обрамлении. Основные характеристики данного феномена включают: образовательный и квалификационный уровни, наличие специализированных знаний, наличие социальных компетенций.

По данным итогов всероссийской сельскохозяйственной переписи (2016 г.) 81% фермеров и индивидуальных предпринимателей села имеют профессиональное образование; среди представителей ЛПХ — 66,5%. По более подробным данным, детализирующим образовательный уровень представителей КФХ, 34% имеют высшее образование, из них 15,8% сельскохозяйственное; а из 35,7% имеющих среднее профессиональное образование, сельскохозяйственный профиль есть у 12%. Незначительный процент представителей КФХ (5,2%) имеют профессионально-техническое образование. Сравнение с 2006 г. позволяет отметить ряд позитивных тенденций, связанных с ростом имеющих высшее и среднее профессиональное образование у представителей рассматриваемых групп, а также усиление сельскохозяйственной специализации, хотя в абсолютных значениях она невысока. Снизился с 30,2% до 23,7% процент представителей группы КФХ, имеющих среднее общее образование, однако тот факт, что почти четверть группы ведут хозяйство с базовым средним образованием говорит о необходимости нестандартных форм обучения.

Важным проблемным моментом, осложняющим деятельность представителей фермерских хозяйств, является несоответствие приобретенной специальности характеру основных обязанностей. Как уже упоминалось выше, сельскохозяйственная специализация среди фермеров с высшим и средне-профессиональным образованием имеет весьма скромное распро-

странение. Среди группы инициативных аграриев лишь 26% имеют профессию (фермерская занятость), полностью соответствующую полученной специализации; еще у 20% специализация близка к фермерской деятельности; у около 50% группы профессиональные знания имеют отдаленное отношение к их сегодняшней занятости. Как неизбежное следствие, среди последних явно просматривается тенденция к смене профессиональных стремлений, перекалфикации и получению дополнительного образования, необходимого для аграрно-предпринимательской деятельности. Наиболее активна в данном аспекте группа сельских работодателей, которую составляют фермеры, индивидуальные предприниматели и главы микропредприятий – 34,5% ее состава дополнительно прошли специальное обучение и переподготовку. В группе самозанятых сельчан (ЛПХ) данный показатель значительно скромнее – 8,3%.

Приобретение необходимых знаний, повышение имеющихся компетенций, переобучение и перекалфикация в фермерской группе связано с существенными расходами, которые не всегда могут себе позволить ее представители. Стремление к приобретению багажа необходимых знаний в анализируемой группе незначительно – социальную активность демонстрирует 5% ее представителей и 1% представителей ЛПХ (участвуют в каких-либо видах приобретения дополнительного образования). Источником оплаты во всех случаях выступают собственные средства респондентов. Несмотря на то, что большинство анализируемой группы существенно инертно по использованию возможностей дополнительного образования, 3,8% работодателей и 15% самостоятельных работников ответили, что ищут для себя такую возможность, но испытывают затруднения, связанные с нехваткой средств и времени [5].

Существенным моментом, ослабляющим зазор между наличным уровнем, специализацией имеющегося образования и потребностью в получении нового (обновлении имеющегося), является распространение такой формы восполнения знаний как самообразование. Отдаленность сел от образовательных источников, слабая доступность получения перекалфикации перевело самообразование в разряд наиболее востребованных резервов пополнения багажа знаний. Благодаря использованию разнообразных источников, ведущим среди которых является Интернет, около 40% сельчан, имеющих высшее образование, 24% – имеющих среднее профессиональное (средне-специальное) и 16% – имеющих начальное профессиональное образование, встроены в самообразовательный процесс. Здесь прослеживается тенденция: у представителей с понижающейся планкой базового образования процент занятых самообразовательными моментами держится на уровне 20%, почти как у группы, имеющей средне-специальное образование [6].

Специфика аграрного предпринимательства вбирает в себя феномен социальных компетенций, который чрезвычайно актуален именно для этой сферы. Включенность в сети сельских взаимодействий с одновременной комбинацией социальных и профессиональных качеств способствует при равных профессиональных характеристиках более успешной фермерской деятельности. Ряд исследователей ставят феномен социальных компетенций выше профессиональных качеств в общей пирамиде профессионализма современного предпринимателя [7].

Таким образом, приоритеты в приобретении инициативными аграриями необходимых квалификаций, компетенций и получении дополнительных знаний должны быть связаны с компенсацией материальных затрат, если деятельность данных форм хозяйствования (либо планируемая деятельность) ведется именно в сфере аграрного производства [8]; созданием удобных для агропредпринимателей форм и способов получения необходимой информации и квалификации.

Процесс внедрения и распространения использования инновационных технологий и достижений НТП находится на начальном этапе распространения среди небольших фермерских хозяйств. Это связано с четким осознанием того, что возможности экстенсивных развития сегодня практически исчерпаны.

Анализ научных публикаций, посвященных развитию фермерства в России, позволил установить: государственным чиновникам, распределяющим средства на внедрение новых

технологий, удобнее работать с относительно крупными сельскохозяйственными предприятиями. Средства преимущественно направляются на мегафермы, крупные аграрные комплексы, а интересы мелких КФХ по инвестиционной поддержке преднамеренно игнорируются. Кроме того, достаточно остро стоит вопрос доступности цен на использование современных информационно-телекоммуникационных технологий в сельскохозяйственных отраслях. Цена одного роботизированного молочного комплекса составляет около 13 млн. руб., что для мелкого фермера практически недоступно.

Таблица 1 - Уровень образования в РФ (%)*

Значение	Работодатели (фермеры, ИП сельхозпрофиля, рук. микропредприятий)	Работающие на основе самостоятельной занятости (ЛПХ)
Лица в возрасте 15 лет и более, занятые в экономике, проживающие в сельской местности, всего в т.ч. по уровню достигнутого образования:	100	100
послевузовское, профессиональное	5,1	2,2
высшее профессиональное	22,9	9,7
среднее профессиональное	31,7	24,1
начальное профессиональное	18,7	29,4
среднее общее	12,9	24,0
основное общее	8,7	8,4
Наличие специальности и ее соответствие выполняемой работе		
Лица в возрасте 15-65 лет, проживающие в сельской местности, занятые в экономике и имеющие профессию (специальность), подтвержденную дипломом, всего	100	100
выполняли основную работу полностью соответствующую полученной специальности	26,1	26,3
Близкую к полученной специальности	18,1	17,5
Не соответствующую полученной специальности	49,6	55,2
Лица в возрасте 15-65 лет, проживающие в сельской местности, занятые в экономике и имевшие основную работу не соответствующую полученной специальности, всего	100	100
получили специальную профессиональную подготовку (переподготовку, обучение)	34,5	8,3
не получили специальную профессиональную подготовку (переподготовку, обучение)	65,5	91,7
Участие в дополнительном образовании		
Лица в возрасте 15 лет и более, занятые в экономике, проживающие в сельской местности, всего в том числе:	100	100
посещают какие-либо курсы или участвуют в других видах дополнительного образования (обучения)	4,8	0,8
не посещают какие-либо курсы или участвуют в других видах дополнительного образования (обучения)	95,2	99,2
не испытывают такой необходимости	91,3	79,8
не видят для себя такой возможности (нехватка средств, отсутствие времени), но ищут ее	3,8	15,8
Затруднились ответить	0	3,5

* Комплексное обследование условий жизни населения — 2016. [Электронный ресурс]
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/kouz16/index.html / Дата обращения 29.05.2019.

Нет сомнений в том, что для того, чтобы мелкие фермы не оказались на обочине технического прогресса, необходимо менять данные стереотипные установки, опираясь на следующие два обстоятельства: накапливая положительный опыт реального применения технических новшеств и инновационных технологий в относительно малых фермерских хозяйствах; делая ставку на активную заинтересованность представителей малых форм в развитии своего производства.

Малые формы хозяйствования неоднородны и отличаются друг от друга размерами земельных участков, трудовым потенциалом, но в основном это предприятия, имеющие семейный характер и незначительное количество наемных работников. Производственный процесс в таком хозяйстве — это преимущественно работа фермерской семьи. Из 300,1 тыс.чел., занятых в фермерском секторе, главы КФХ совместно с членами семей составляют 161,3 тыс. чел. (54%). Около 84% фермерских хозяйств имеют от 1 до 4 наемных работников, как правило, сезонных (табл. 2). Таким образом, доля хозяйств, где нет найма рабочей силы со стороны (либо она эпизодическая), составляет 32% [8, с. 128-130]. Продуктивный семейный характер труда обладает объединительным потенциалом и важность данного значения проявляется не только в общей консолидации семьи, но и в выстраивании будущего жизненного вектора для следующего поколения. Семейный феномен хозяйствования формирует самые благоприятные условия для развития тенденций межпоколенческого воспроизводства фермерской деятельности.

Таблица 2 - Группировка КФХ и ИП по численности работников*

Численность работников, чел.	Число КФХ и ИП	
	Всего	В процентах от общего числа
1- 4 чел.	96469	83,5
5-15 чел.	16746	14,5
16-60 чел.	2190	1,9
61-100 чел.	147	0,1
Свыше 100 чел.	45	0,0

* Рассчитано по итогам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016. С. 128-130.

Основной доступный путь распространения новых технологий среди малых ферм - это делиться опытом применения новых технологий на специализированных семинарах, форумах, мастер-классах. Лидерами в данном направлении являются фермеры Татарстана, Кемеровской области, Краснодарского края, ведущие консультационную деятельность среди коллег, стремящихся приобрести опыт инновационных ресурсосберегающих технологий. В ходе научно-практической конференции «Экономическая эффективность и социальная значимость КФХ» было подчеркнуто, что новые технологии могут применяться не только в крупных, но и в небольших крестьянско-фермерских хозяйствах. В качестве примера был приведен опыт производственной деятельности фермы «Дик», имеющей в своем составе 7 человек, 3 из которых - члены семьи фермера. Технологические процессы в данном хозяйстве практически не отличались от агрогигантов («Мираторг»). Вместе с тем, для российских реалий всегда требуется некая адаптация привнесенных технологий, при этом лишь малый бизнес может дать синергетическое сочетание ответственности, народного здравого смысла, энтузиазма [9, с. 33-34]. Опора на оперативность, рачительное и заботливое отношение к животным сводят к минимуму производственные потери, чего нельзя достичь в агрогигантах. Кроме того, в малом бизнесе присутствует высочайшая мотивация и заинтересованность в результатах своих усилий. Об этом свидетельствует мировой опыт кооперационных связей между агрогигантами и малыми сельскохозяйственными образованиями. В Канаде, США, Голландии между ними осуществляется успешное экономическое кооперирование — первые фазы выращивания молодняка осуществляются в мелких хозяйствах, другие циклы (откорм и др.) — прерогатива крупных агрохолдингов. Следует отметить, что зарубежные фирмы начинают активно занимать свободную нишу по продвижению инноваций в различных сферах сельскохозяйственной отрасли на российском рынке. Их маркетинговая политика выражается в ознакомительных и обучающих семинарах, готовых пакетах услуг с расписанной поэтапной технологией производственных циклов. По мнению экспертного фермерского сообщества, отечественные производители новых технологий существенно отстают от зарубежных по пакетам готовых предложений.

Малые формы хозяйствования в наибольшей степени зависят от проводимой аграрной политики. Слова «малый», «мелкий», «микро» - изначально устанавливают аналогию с синонимом «слабый». А малые размеры их хозяйственной деятельности делают уязвимым их социально-экономическое положение, как в сельском локальном сообществе, так и общей структуре механизма, что повышает их зависимость от системы государственных гарантий: целевых программ развития фермерского сектора, получения поручительств по кредитам, субсидирования процентных ставок, наличия льготного налогообложения и др.

Таблица 3 - Внешние институциональные условия социального механизма малых форм хозяйствования[10]

Показатели	Факторы влияния на малые формы хозяйствования
Укорененность в сельском социуме	Прочные интегративные связи с локальным сообществом, преимущественное использование местного трудового потенциала, поддержка социальной сферы
Государственная политика поддержки	Существенная степень зависимости
Административные условия	Лояльность органов власти и приемлемость административных ограничений в силу распространения идеологии поддержки и малых размеров хозяйственных субъектов
Налоговая политика	Нестабильные условия налогообложения ограничивают перспективы функционирования
Доступность кредитования	Низкий уровень доступности

В силу малых размеров земельных участков, экономических ресурсов, численности работающих представители малых форм хозяйствования придают большое значение поиску источников поддержки и кооперации в локальной и внешнеинституциональной среде окружения, которая представлена «игроками» разной экономической мощности. Например, при налаживании кооперативных контактов с более мощной сельскохозяйственной структурой малые фермы могли бы получить гарантированную загруженность, облегченный доступ к кредитам, экономическую стабильность. С другой стороны, агрохолдингу выгодно использовать возможности быстрой структурной перестройки малых форм, передавая им трудоемкие фазы производства, требующие особого социального внимания.

Однако в российских реалиях налаживание экономических взаимосвязей сопряжено с рядом рисков для мелких хозяйственных образований. В современном социальном механизме, в который встроены малые формы хозяйствования, экономическое взаимодействие между крупными и малыми формами аграрного предпринимательства практически отсутствует. Причины данного положения сфокусированы как на объективных, так и на субъективных моментах. В основном крупные формы агробизнеса слишком заняты проблемами своего становления, предпочитая обрастать собственными дополнительными подразделениями, которым и передается часть функций, которые могли бы выполнять малые частные фермы. Под объективные критерии попадают: экономическая слабость малых форм хозяйствования, а также неотрегулированность правовых отношений, необходимых при экономической интеграции предприятий разного масштаба. Субъективные моменты чаще представлены человеческим фактором [11, С. 212-216].

Заключение.

В настоящее время, учитывая актуальность проблемы импортозамещения, востребованным становится вектор сельскохозяйственной деятельности, направленный на местные (локальные) рынки, который является зоной деятельности малых форм хозяйствования. Основным условием повышения его эффективности является активная позиция региональных (местных) властей по координации деятельности малых и крупных агропредприятий, построенная на мониторинге проблемных зон деятельности аграрных предприятий; выявлении спроса на определенные виды сельскохозяйственной продукции, технических культур, первичную переработку. Существующая необходимость насытить местные рынки разнообразным продовольствием может служить практическими интегративными скрепами в совместной экономической деятельности малых форм хозяйствования и крупных агропредприятий.

В целом же следует отметить, что малые формы хозяйствования имеют ограниченные возможности самостоятельного развития [12]. Оптимизировать деятельность малых форм хозяйствования в социальном механизме внешнего окружения возможно только опираясь на факторы, которые относятся к сфере полномочий, как властных структур, так и деятельности управленцев местного (локального) уровней. Их иерархия, относящаяся к социальному блоку (по мнению экспертов), выделяет: активизацию мер государственной поддержки сектора малых форм хозяйствования, содержащих действенные стимулы для поддержки и организации новых фермерских хозяйств; распространение эффективных систем совершенствования профессиональных компетенций фермеров и членов их семей; укрепление интегративных связей с местной администрацией и локальным поселением.

Список литературы:

1. Максимова О.Ю., Масликов В.А. Структурно-функциональный анализ категории «социальный механизм» в современной практике управления. Социальные структуры, институты и процессы // Вестник вологодского университета. - 2016.- № 3. - С. 249.
2. Результаты социологического исследования лаборатории социального развития агропромышленного комплекса и сельских территорий (ИАГП РАН). Саратовская область. Квотная выборка. 2011-12 гг. (N – 332).
3. Козенкова Т., Винслав Ю. Руководители организаций нефинансового сектора о ситуации в бизнесе и его ориентирах // Российский экономический журнал. – 2014. - № 1. - С. 72-74.
4. Кутейницына Т.Г. Конкурентоспособность специалиста: критическое прочтение отечественных публикаций // Современные исследования социальных проблем. - 2011. - Т. 8. - № 4. - С. 8.
5. Комплексное обследование условий жизни населения — 2016. - URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/kouz16/index.html /
6. Комплексное обследование условий жизни населения — 2018. - URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html /
7. Бочарова Е.В. Система компетенций работников агропромышленного комплекса // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - Т. 9/ - №5/1. - С. 133- 140.
8. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи, 2016. - С. 128-130. - URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/sx/vsxp2016/VSHP-2016.pdf.
9. Бочарова Е.В. Удовлетворенность трудом работников старшего возраста // Проблемы и перспективы инновационного развития мирового сельского хозяйства Сборник статей VI Международной научно-практической конференции: ФГБОУ ВО СГАУ. - 2016. - С. 33-34.
10. Нечаева И.В. Теоретические аспекты формирования интегративных стратегий малых форм хозяйствования: сб. «Интеграционные проблемы в АПК Поволжья». Материалы международной научно-практической конференции. - Саратов: ФГБНУ«ПНИИЭО АПК». - 2017. - С. 132-135.
11. Дорошенко А. В. Эффективность взаимодействия крупного и малого бизнеса в современной российской экономике // Молодой ученый. - 2013. - №3. - С. 212-216.
12. Великий П.П. Социологический подход к изучению конкурентоспособности работников АПК // Региональные агросистемы: экономика и социология. - 2017. - № 3.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ильинская Е.В., к.э.н., ИАГП РАН

Анализируются проблемные направления развития сельского местного самоуправления, новейшие вызовы и цели сельской муниципальной сферы. Рассмотрены возможности взаимодействия сельского населения и органов местного самоуправления: взаимодействие при обращении граждан в органы местного самоуправления для решения личных проблем и вопросов, партнерство различных групп с целью развития территории (муниципально-частное, социальное и межмуниципальное партнерство). Проведен сравнительный анализ городской и сельской специфики обращений в органы государственного управления и/или местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, сельское и городское население, потенциал местного самоуправления, сельские территории, муниципально-частное партнерство, социальное пространство сельских территорий.

INTERACTION OF RURAL POPULATION AND LOCAL GOVERNMENT BODIES: PROBLEMS AND PROSPECTS

Ilynskaya E.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The problem areas of rural local government development, as well as the latest challenges and goals of the rural municipal sphere are analyzed. The possibilities of interaction between the rural population and local governments are considered: interaction when citizens address to local governments to solve personal problems and issues, partnership of various groups to develop the territory (municipal-private, social and inter-municipal partnership). A comparative analysis of urban and rural specificity of appeals to the government and / or local government was carried out.

Keywords: local government, rural and urban population, potential of local government, rural territories, municipal-private partnership, social space of rural territories.

Введение.

Основным социально-экономическим вызовом на уровне сельских муниципальных образований является то, что от органов местного самоуправления требуется не только простое исполнение функций по обслуживанию населения, но и реальная инициатива по развитию территории. Речь идет о ситуации, когда в приоритете «малые» инициативы в районе, поселке, городе. В данной связи возникла необходимость проработки механизмов возвращения и поддержки различных социально-экономических инициатив. Помимо бюджетных и налоговых изменений (в целях пополнения муниципальных бюджетов) существует острая необходимость урегулирования проблемы полномочий местного самоуправления, создания системы стимулов для развития локальных территорий и точек роста, а также развития межмуниципальных связей.

Целью исследований является анализ, систематизация и выделение основных проблемных сфер взаимодействия сельского населения и органов местного самоуправления на селе.

Методика исследований.

В исследовании применялись следующие методические подходы к выявлению проблемных сфер взаимодействия населения и местного самоуправления:

- анализ и систематизация статистических данных по бюджетам сельских поселений России;
- отбор и систематизация данных, характеризующих проблематику обращений населения в органы местного самоуправления;

- сравнительный анализ обращений сельских и городских жителей в органы государственной власти и/или местного самоуправления с целью выявления наличия специфики и проблемных сфер.

Результаты исследований.

Территория сельского муниципального образования представляет собой особое социальное пространство, развитие которого возможно при участии основных субъектов этого пространства. Речь идет о власти, бизнесе и населении (общественности). Социальное пространство муниципального образования состоит из ряда социальных полей, которое является специфической системой объективных связей между различными позициями, находящимися в альянсе или в конфликте, в конкуренции или в кооперации, определяемыми социально. Структура каждого поля определяется соотношением сил между агентами и институтами в конкретное время на конкретной территории. Социальные поля создают возможности для перехода от иерархической социальной структуры к более гибкой сетевой, что делает социальное пространство муниципального комплекса единым и способствует формированию системы партнерства [1].

Исходя из ресурсного подхода, при котором эффективность решения социальных проблем напрямую зависит от использования всех ресурсов территории, можно акцентировать внимание на проблеме дефицита муниципальных бюджетов. Муниципальный бюджет сельских поселений является одним из таких основных (базовых) ресурсов. По результатам мониторинга в 2016 г. доходы бюджетов сельских поселений в России составили 159 897 млн руб. А на одно сельское поселение средние доходы составили 8,9 млн руб. При этом расходы бюджетов сельских поселений составляли 167 509 млн руб., а на одно сельское поселение – 9,2 млн руб. В итоге – дефицит бюджетов сельских территорий в России составил 7612 млн руб. и 74,8% сельских муниципалитетов имели недостаточную финансовую самостоятельность.

По результатам анализа структуры доходов местных бюджетов на первых местах находятся безвозмездные поступления (2309,1 млрд руб. – 63,4% от всех поступлений) и налог на доходы физических лиц (НДФЛ) – 18,1%. В расходной части бюджета преобладающую долю занимают расходы на образование – 48,2% и расходы на ЖКХ – 12,6%. Остальные статьи местных бюджетов в расходной части занимают незначительную долю [2].

По состоянию на 2017 г. только сельские поселения пяти субъектов Российской Федерации имели бюджетный профицит или сбалансированный по доходам и расходам местный бюджет: Владимирская область, Республика Северная Осетия-Алания, Сахалинская область, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ.

Доходы и расходы сельских поселений во многом предопределены природными условиями, наличием полезных ископаемых на территории поселения и крупных промышленных предприятий и предприятий агропромышленного комплекса. Местный бюджет является ключевым звеном всей финансовой системы сельских муниципальных образований. Поэтому приоритетной задачей является максимальное наполнение местного бюджета и наиболее эффективное использование имеющихся финансовых ресурсов, а также увеличение доходной части местного бюджета и реализация всех функций местного самоуправления при условии организации полной финансовой самостоятельности [3, 4, 5].

Проблемным направлением во взаимодействии сельского населения и органов местного самоуправления является процесс непосредственных обращений населения в органы государственного управления и/или местного самоуправления (табл.). Здесь важно всё – и необходимость обращения, и получение результата, и удовлетворенность качеством предоставления услуги. Федеральной службой государственной статистики ряд лет проводится «Комплексное наблюдение условий жизни населения» [6]. По результатам опроса в ходе этого исследования за 2018г. городских и сельских домохозяйств выявлен ряд проблемных сфер.

Таблица – Обращения в органы государственного и/или местного самоуправления домохозяйств в городских и сельских населенных пунктах, %

Показатель	В городских населенных пунктах	В сельских населенных пунктах
Все домохозяйства, из них:	100	100
- имели необходимость обращения в 2018 г. в органы государственного управления и/или местного самоуправления	34,7	32,5
Из числа домохозяйств, имевших необходимость обращения в 2018 г. в органы государственного управления и/или местного самоуправления:		
- обращались	96,7	95,1
- не обращались	3,3	4,9
- не знали, куда обратиться	1,1	1,8
- не обращались по другим причинам	2,2	3,0
Из числа домохозяйств, обращавшихся в 2018 г. в органы государственного управления и/или местного самоуправления (за исключением обратившихся через сеть Интернет), указали, что по последнему случаю обращения:		
- получен результат	69,3	83,9
- не получен результат	3,9	5,2
в том числе:		
- отказано в приеме документов	0,4	0,6
- обращение еще в процессе рассмотрения (оформления), подготовки необходимых документов	2,3	3,2
- результат по итогам рассмотрения обращения не получен	1,2	1,4
- не определено	0,1	0,4
Из числа домохозяйств, обращавшихся в 2018 году в органы государственного управления и/или местного самоуправления (за исключением обратившихся через сеть «Интернет»):		
-удовлетворены качеством предоставления услуги	65,8	80,8
-не удовлетворены качеством предоставления услуги	7,2	8,2
-не определено	0,3	0,5
Домохозяйства, которые не смогли обратиться в 2018 г. в органы государственного управления и/или местного самоуправления (за исключением обратившихся через сеть «Интернет») или остались не удовлетворены качеством предоставления услуги, из них по причинам:		
- плохая территориальная доступность	3,3	11,1
- длительность ожидания результата (решения)	30,9	23,7
- плохая организация работы учреждения	41,0	30,9
- трудности при подготовке обращения	16,5	11,3
- необходимость предоставления большого количества документов	20,1	25,2
- по другим причинам	25,2	32,1

Источник: таблица составлена автором по данным: Комплексное наблюдение условий жизни населения в 2018 году. – URL: http://http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html

Анализ представленных в таблице отобранных данных позволяет говорить о некоторой специфике взаимодействия сельского и городского населения с органами местного самоуправления. И в городских и в сельских населенных пунктах приблизительно одинаковый процент обращений домохозяйств в органы местного самоуправления и /или государственного управления: 34,7 и 32,5% соответственно. Из тех, кто имел необходимость обращения в указанные органы, практически все (96,7% в городе и 95,1% в сельских поселениях) обратились туда по своим вопросам и проблемам, а количество тех, кто не смог обратиться в эти инстанции, минимально.

Среди самых распространенных вопросов, с которыми обращались в последний раз, на первое место можно поставить следующие: пенсия, пособия и льготы (26,6% в городах и 37,3% в сельских поселениях). Разница в количестве обратившихся небольшая, около 10%, но всё же присутствует. На втором месте по обращениям находятся вопросы здравоохранения, медицинского обслуживания, получения и доступности лекарственных препаратов (18,7% в городских населенных пунктах и 13,2% в сельских). Третье место – вопросы строительства, содержания жилья, земельные проблемы (13,9 и 12,3% соответственно).

С исследовательской точки зрения интересна специфика различий между городом и селом по способу обращения в органы государственного и муниципального управления. Через сеть Интернет в городских населенных пунктах обращались 26,7% домохозяйств, а в сельских – 10,5%. В многофункциональном центре предоставления государственных и муниципальных услуг приблизительно одинаковое количество обратившихся: 17,6 и 15,3% в городах и селах соответственно. При личном посещении сельские жители обращаются с вопросами и проблемами больше (72,0%), чем городские (54,6%). Разница почти в 20% говорит о том, что городские жители имеют больше возможностей и желания пользоваться современными информационными средствами связи и получения информации.

Результативность обращений среди городских жителей результат составила 69,3% случаев; среди сельских – 83,9% случаев, т.е. в сельских населенных пунктах результативность несколько выше, чем в городских. Также сельские жители больше, чем городские удовлетворены качеством предоставления услуги: 80,8% в сельских населенных пунктах и 65,8% в городских.

Среди причин, по которым жители не смогли обратиться в органы государственного и муниципального управления или не удовлетворены качеством предоставления услуг, указаны плохая организация работы учреждения, длительность ожидания результата (решения), необходимость предоставления большого количества документов и плохая территориальная доступность у сельских жителей.

Заключение.

Анализ основных социально-экономических вызовов и тенденций развития в сфере развития взаимодействия сельского населения и органов местного самоуправления позволил сделать следующие выводы:

- на деятельность сельских муниципальных образований по-прежнему негативно влияют дефицит бюджетных доходов и низкая бюджетная эффективность;
- к органам местного самоуправления, населению и представителям бизнеса всё больше приходит осознание необходимости партнерского диалога и партнерского решения проблем, без которых дальнейшее сосуществование личного и общественного не будет результативным. В данной связи, механизм партнерства всё больше начинает обретать практические формы, нацеленные на результат, с помощью нахождения точек роста и распространения положительного опыта муниципальных практик;
- анализ результатов «Комплексного наблюдения условий жизни населения» по проблеме обращений в органы государственного управления показал, в целом, положительную динамику и правильный вектор развития взаимоотношений органов местного самоуправления и сельского населения. Выявлено несколько отличий сельской и городской практик взаимодействия: меньше число обращений через сеть Интернет, территориальная отдаленность муниципальных органов в ряде случаев, трудности с предоставлением большого количества документов. Однако перечисленные проблемы, по мнению автора, могут быть решены в ближайшее время при партнерском участии представителей различных сфер.

Список литературы:

1. Кокшарова А.А. Социальное партнерство органов местного самоуправления, общественных организаций и бизнеса // Вектор науки ТГУ. – № 1(4). – 2009. – С. 63– 68.
2. О состоянии сельских территорий в РФ в 2016г. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. – Вып. 4. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2019/0805/biblio05.php> /

3. Колпакова Г.М., Евдокимова Ю.В. Специфика формирования доходов и расходов местных бюджетов // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 9. – С. 153–155.
4. Пинчукова О.Н., Шенаева Т.А. Роль и значение местных бюджетов в бюджетной системе Российской Федерации // Инновационная наука. – 2018. – № 3. – С. 40–42.
5. Ильинская Е.В. Муниципально-частное партнерство как механизм социальной ответственности и поддержки отраслей на уровне сельских территорий // Экономика, управление и финансы: современные подходы и конкурентное развитие: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. / Саратовский ГАУ.– Саратов, 2018. – С. 124–128.
6. Комплексное наблюдение условий жизни населения в 2018 году. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html
7. Ильинская Е.В. Социально-экономические проблемы развития местного самоуправления на сельских территориях // Экономика и менеджмент систем управления.– 2018. – № 4.1(30). – С. 118–125.